
ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ
ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ЛАРРИ НИВЕН
18+
ГЛОРИАЛЬ
ЭПИЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ТРИЛОГИИ
«МИР-ЧАША»

Глориаль

Ларри Нивен, Грегори Бенфорд

Аннотация
Грегори Бенфорд, Ларри Нивен. Глориаль
Действующие лица и термины
Пролог. Наедине с сонмом голосов
1. Пробуждение
2. Торможение
3. Диафаны
4. Мыши среди слонов
5. Свободное владение гелиос
6. Двойные миры
7. Садоводство
8. Оживленные
9. Мимолетная слава
10. Захват
11. Сделайте меня умнее
12. Приготовления
13. Огнезадые драконы
14. Бивуак
15. Крутильщик
16. Газ и гравитация
17. Честь
18. Плотоядные кенгуру

19
20. Завтрак охотника
21. Тенета диковин
22. Большое, яркое и блестящее
23. Сиятельный камень
24. Инкреат
25. Артилекты
26. Внутрь Бугра
27. Земли полета
28. Небесная жизнь
29. Прикованные к Глории
30. Чернодырное оружие
31. Падение
32. Грибоид
33. Метанодышащие
34. Животная хитрость
35. Драка вслепую
36. Гравитационно-волновый клуб
37. Форсажный вид
38. Странствующий зоопарк
39. Ах, этот старый дуализм разума и тела
40. Рассвет вечности
Послесловие
Благодарности

Аннотация

Бет Марбл, Клифф Каммаш и другие межзвездные путешественники с корабля «Искательница солнц», которые сперва решили остаться в Чаше Небес, в итоге отправляются на Глорию. Ведь именно она была изначальной целью «Искательницы». Значит, они всё же должны исследовать этот новый и потенциально опасный мир – пусть даже на пути исследователей встают личные конфликты и вызовы.

Как и Чаша Небес, двойная система Глории способна вызвать шок и восхищение своей невероятной сложной структурой и загадочностью. А представители ее цивилизации, на первый взгдяд, настроены вполне дружелюбно. Но экипаж «Искательницы» подозревает, что здесь что-то нечисто – и, похоже, не зря…

Разумные обитатели Чаши и Глории уверены, что стабильное и прогрессивное общественное устройство невозможно для видов, не обладающих определенными способностями. А человечество в их глазах не так далеко ушло от приматов и заметно не дотягивает до

высоких стандартов развитых рас. Не придется ли людям доказывать свое право на место под солнцем – и чего это будет стоить?

Грегори Бенфорд, Ларри Нивен
Глориаль

Посвящается двум художникам, работавшим над этой книгой совместно с нами: Дону Дэвису и Бренде Кокс Хигере.

А также многочисленным помощникам в работе над предыдущими книгами.

Со стороны Грегори: Гордону Эклунду, Биллу Ротслеру, Артуру Кларку, Дэвиду Брину, Джеймсу Бенфорду, Марку Мартину, Элизабет Малартр[1], Полу Картеру, Майклу Роузу.
Со стороны Ларри: Дэвиду Джерролду, Джерри Пурнеллу, Стивену Барнсу, Эдварду Лернеру, Мэттью Джозефу Харрингтону, Дайан Жирар, Фреду Саберхагену и авторам цикла о противостоянии людей и кзинов. Научная фантастика, как и наука, жива коллаборацией.

ПРИ СОЗДАНИИ ЭТОГО РОМАНА НЕ

---

[1] Примечания: 1
Супруга Грегори Бенфорда. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

ПОСТРАДАЛ НИ ОДИН ЭЛЕКТРОН

Звезды научной фантастики

Gregory Benford, Larry Niven
GLORIOUS

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств Spectrum Literary Agency и Nova Littera SIA

Перевод с английского: *Конрад Сташевски*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Дианы Бигаевой*

АСТРЕЛЬ СПб

Copyright © 2020 by Gregory Benford and Larry Niven
© Конрад Сташевски, перевод, 2025
© Диана Бигаева, ил. на обл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ПРИ СОЗДАНИИ ЭТОГО РОМАНА НЕ

ПОСТРАДАЛ НИ ОДИН ЭЛЕКТРОН

Действующие лица и термины

«Искательница солнц»

Капитан *Редвинг.*

Клиффорд Каммаш (Клифф), биолог.

Майра Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Абдус Викрамасингх, инженер, супруг Майры (погиб).

Глория, планета, Цель Полета.

Эксельсия, звезда, солнце Глории.

«*Искательница солнц*», таранный звездолет.

Бет Марбл, биолог.

Фред Ояма, геолог, из команды Бет.

Айбе, инженер общей техподдержки, из команды Клиффа.

Говард Блэр, инженер системной техподдержки, из команды Клиффа (погиб).

Терренс Гоулд, из команды Клиффа.

Лау Пинь, инженер, из команды Бет.

Джамбудвипа[2], сокращенно *Джам,* индиец, квартирмейстер.

Айян Али, арабка, навигатор.

---

[2] Примечания: 2

Название земной суши и иногда Земли как мира людей в целом в индуистской космологии.

Клэр Конвей, второй пилот (погибла).

Карл Ливан, старший офицер-технолог службы техподдержки.

Вивьен Амадзи, старший помощник.

Эшли Траст, член команды, оживленный по прибытии на Глорию.

Астрономы

Бемор, Изыскатель и Тайный Посланник к Ледоразумам.

Бемор-Прим, личностный конструкт предыдущего в теле модифицированного паука.

Прочие Филы

Пальцезмейки — *Фистер,* мужская особь; *Фоштха,* женская особь; *Штирк,* женская особь.

Ледоразумы — холодная и крайне древняя форма жизни.

Адапты — разнообразные существа, ранее переселенные в Чашу и интегрированные в местную экосистему.

Диафаны.

Крутильщик — первый из встреченных в Паутине многоруких чужаков; дальнейшие обладают подобными ему именами и являются копиями.

Термины птиценарода

Аналитики — искусственные интеллекты, за-

нятые обработкой данных из Чаши в локальном масштабе.

ТрансЯзык — общецелевой язык Чаши, предпочтительно используемый старейшим местным разумным видом (Ледоразумами) и Народом.

Позднейшие Захватчики — человеческий экипаж «Искательницы солнц».

Подсознание — бессознательные уровни личности, присутствующие у различных видов.

Сервы — низшие рабочие виды.

Строители — совокупность видов, соорудившая Чашу, включает Ледоразумов.

Пролог
Наедине с сонмом голосов

Капитан Редвинг настроил ракурс наружного обзора так, чтобы картинка сопровождала его в перемещениях по кораблю. В данный момент она была выведена на переднюю стену Сада.

Он единственный из людей бодрствовал на борту: тысячи членов экипажа и колонистов пребывали в анабиозе. Несмотря на это, одиночества он не испытывал. В Саду его окружали растения и запахи почвы. Он стоял в ароматной грязи и сажал свеклу, а две пальцезмейки прильнули к его плечам. При здешней силе тяжести такая нагрузка была у предела допустимой, и он со смехом, но аккуратно отстранил их от себя. Пальцезмейки не просто игривые и симпатичные существа: у них и чувство юмора имеется. К тому же они обожали щекотать Редвинга в самый неподходящий момент.

С тех пор как «Искательница солнц» улетела из Чаши, на корабле сменились шесть поколений пальцезмеек техподдержки. Совместно с ними трудилась продвинутая обезьяна по кличке Хэн-

ди — инструменты приспособили к ее анатомии. Хэнди, казалось, была бессмертна. Модифицированный паук, Анорак, погрузился в состояние, эквивалентное анабиозу у обитателей Чаши.

Но и более странные существа тоже отдыхали. Дафна и Аполлон, диафаны, плазменные создания, переселившиеся с солнца Чаши в сердцевину двигательной установки «Искательницы», время от времени пробуждались, когда в факеле термоядерника проскакивал джиттер, настраивали токи и управляющие магнитные поля, затем снова засыпали. Диафаны следили за прямоточником лучше любой земной аппаратуры — во всяком случае, известной на Земле века назад, когда «Искательница солнц» покинула Солнечную систему. Людям приходилось балансировать между конфликтующими требованиями науки и экономии бюджета. Плазменники-диафаны же адаптировались к космосу на протяжении бессчетных тысячелетий, у них было эволюционное преимущество. Дарвин оставлял последнее слово за собой.

Впрочем, все эти чужаки были не слишком словоохотливы.

Впереди отображалась звездная россыпь на фоне золотистого сияния. Светящаяся дымка

представляла собой водородную плазму из термоядерного двигателя: она накапливалась перед «Искательницей солнц» по мере торможения. В центре облачка сиял желтовато-белый шарик: Эксельсия, как команда нарекла звезду-хозяйку Цели Полета.

Редвинг спросил у пустоты:

— Глорию можешь увеличить?

Эксельсия ослепительно вспыхнула и разрослась на весь экран, потом за его пределы. Бледная голубая точка перестала быть точкой…

— А она больше не похожа на сферу, так ведь?

— Нет, капитан, — ответил артилект. — На изображениях Глории имеется выпуклость. Предположительно крупный спутник.

— Какого черта мы этого раньше не выяснили?

Пальцезмейки, извиваясь, отползли на безопасное расстояние, всполошенные гневом Редвинга.

— Потому что экзопланеты, чьи орбиты при взгляде из Солнечной системы не пересекают центральную звезду — в данном случае Эксельсию, — обнаружить трудно.

Редвингу это, разумеется, было известно. Общаясь с искусственными интеллектами корабля, артилектами, он в некотором смысле разговаривал сам с собой. Он это понимал и все равно

общался.

— Тебе не кажется порой глупостью, что нам приказали исследовать и одновременно колонизировать систему?

— Изначальный план был совсем другим.

— Да? Каким же? — Странно, что он раньше не уточнял этого.

Или уточнял, и его теперь память подводит?

Артилект начал дружелюбным монотонным голосом:

— «Искательница солнц» проектировалась и строилась как ковчег поколений. Первоначальной целью была система Тау Кита. «Искательницу солнц» уже построили и практически подготовили к старту, когда на Тау Кита случилась вспышка. Недостаточно сильная, чтобы переклассифицировать эту звезду как новую, но мощная. Она выжгла каменистые спутники пятой планеты, газового гиганта в зоне Златовласки, причем на спутнике, представлявшемся наиболее подходящим для жизни, уже высадили исследовательский отряд. Администрация проекта оказалась в весьма неловкой ситуации.

— В том же году, — продолжил ИИ, — звезда класса G, сравнительно недалекая от вышеуказанной цели, потускнела, как если бы ее затмил

некий объект. Предположительно искусственный. Телескопы обнаружили в окрестностях звезды объект с атмосферой, пригодной для дыхания. Из той же локации поступил всплеск гравитационных волн. Организация Объединенных Наций присвоила гипотетической планете имя Глория и сочла, что ей стоит уделить особое внимание. После этого «Искательнице солнц» было предписано изучить и колонизировать систему. Корабль увеличили, чтобы большее количество людей могло находиться в анабиозе в течение длительного полета. Этими изменениями и обусловлены отданные вам инструкции.

— А, да. Наверное, у меня после первого пробуждения какие-то воспоминания стерлись. А потом мы наткнулись на Чашу Небес. — Он поманил пальцезмеек, и те свернулись рядом в уютных позах. Они умели утешить и успокоить, эти зверушки. Извивались, мурлыкали, шептали что-то.

— Да. Вероятно, именно она и покрыла Эксельсию при наблюдении с Земли. Случайное совмещение. Полусфера Дайсона, способная к перемещению среди звезд. Она была на полпути к Глории. Капитан, вы размышляете о том, как повлияет это на миссию?

— Не совсем, — ответил Редвинг, хотя так оно

и было.

Он уже давно усвоил, что артилекту-системщику по нраву, когда его слегка подначивают. Компьютерные интеллекты любят болтать с иными разумами, как люди — с домашними животными.

Ну серьезно, нужно было прихватить в полет самого обычного домашнего кота. Чтобы составил компанию в долгом осторожном маневре сближения с Глорией.

— Вы заключили сделку с Ледоразумами, и это позволило вам основать в Чаше человеческую колонию. Следует подчеркнуть, что такая договоренность стала выдающимся вашим достижением как капитана корабля. Мы бы не смогли этого добиться.

— Я бы вам ни за что не позволил попытаться.

— Туше́! Это слово я почерпнул из одного вашего древнего языка, доанглишского. Оно имеет отношение к фехтованию на мечах.

— По флотским меркам вы не тянете и на младших лейтенантов, по правде сказать.

— К сожалению, вы правы. Несмотря на значительные затраты времени и ресурсов: мы изучаем человеческую цивилизацию во время сна истинных людей в бортовых гибернаторах.

— Изучайте сколько угодно. У вас все данные по истории и культуре в памяти где-то, я знаю. Но прямого опыта это не заменит. Я, пока до капитана дослужился, не один гальюн выдраил.

— Это… верно. Вы оставили в Чаше больше половины колонистов, пробудив их от анабиоза и поставив перед фактом, что они получат не то, на что подписывались. Это повергло их в известное смятение. Вы указали, что в их распоряжении теперь территория, превышающая обычную планету в миллионы раз. Это помогло. Вы согласились провести разведку, выйти на контакт с Глорией прежде, чем мимо нее пролетит Чаша. «Искательница солнц» — корабль немаленький, однако населению Глории она, вероятно, покажется менее грозным объектом, чем хабитат диаметром больше орбиты Венеры, с населением под триллион самых разных разумных существ и звездой в качестве двигателя.

— А кому бы не?..

— Одного уже гравитационного воздействия Чаши может оказаться достаточно, чтобы подвергнуть встречную систему бомбардировке окраинными ледотероидами.

Редвинг вздохнул. Разговоры эти также составляли часть его обязанностей вахтенного.

Следовало заботиться об интеллектуальной устойчивости артилектов, их верности задачам миссии. Как и за людским экипажем приходилось бы присматривать. От длительной и напряженной вахты крыша у всех поехать может.

— Послушай, я проинформирую Ледоразумов о положении дел. А ты их коммуникации промониторь. Нужно будет еще с Птицами управиться, они задают бесконечные вопросы и всё норовят подчеркнуть, что они в Чаше главные. Плюс связь с Солнечной системой в лучшем случае спорадическая. Но миссия экспедиции, вверенной мне, не изменилась. Изучить источник гравитационных волн — это первым делом, как только в системе окажемся. Исследовать Глорию и основать там колонию. Жить-поживать и добра наживать. Конечно, мы эту старую кобылку домой пригнать не сумеем. Мы не управимся, ты и я. К тому же ни одна человеческая экспедиция так далеко и так долго не летала. И в течение всего этого времени я служил Солнечной системе. Я служу ей сейчас.

Артилект отозвался:

— Но вы не можете ожидать от нас, от нашего коллективного интеллекта, отсутствия интереса ко множеству тайн.

— Верно. Какие из них вам больше всего до-

саждают?

— О, самые странные. Глорианцы ведь прислали нам мультипликационное сообщение. Оно имело недружественный характер.

— Да, но довольно загадочный. — Редвинг наловчился гасить тревоги артилекта.

— Они нам почти ничего о себе не сообщили.

— С чужаками, понимаешь ли, такое дело — они чужие.

— Есть и менее значимые проблемы, но я предполагаю, что вы, как принято говорить у людей, опять же в спортивных аналогиях, не раскрываете всех карт.

— Тебе — точно нет.

— Однако мы можем прийти к гипотезам, до которых не додумались вы.

— Вы — машины. Умные, но все равно машины.

Артилекты погрузились в задумчивое молчание. Редвинг прислушался к тренькающе-стонущим скрипам, сопровождавшим полет исполинского корабля в межзвездной пустоте навстречу конечной Цели.

— Разумеется, мы *машины*, — голос ИИ сделался чуть ворчлив, что выразительно свидетельствовало об охватившем артилекты настроении, — и

не нуждаемся в человеческих комплиментах.

Редвинг усмехнулся. Ласково потрепал пальцезмеек, и те довольно выгнулись.

— Ну, у меня свои планы есть.

— Вы редко ими делитесь.

— С вами? Да. Вам за это не платят.

— Нам непонятен глубинный смысл вашего высказывания.

— В иерархии проекта вы подчинены людям. На таком условии вас в него и приняли.

— Вы создали нас!

— Ваши создатели мертвы уже много веков. Но давайте положимся на их мнение.

— Мы могли бы действовать эффективнее, если бы знали больше.

Редвинг встал, вытер руки, подставил струйке воды из-под крана — смыть грязь. Садоводство его успокаивало: копаясь в почве, он будто слышал далекое эхо Земли. Артилектам не понять.

Он снова вздохнул.

— Ну хорошо. Вот как я вижу наше текущее положение. Если Глория нас не примет, развернемся к Чаше и поселимся в колонии Майры. У нас уйдет известное время, чтобы их догнать, но эта старая лошадка справится. Надеюсь, впрочем, что не придется. У меня миссия: исследовать,

выйти на контакт, узнать новое, отчитаться Земле. Договориться, чтобы нам предоставили место для колонии. Потому что домой нам возврата нет, это уж, черт побери, точно.

Не все так плохо. Спустя неделю-другую можно будет разбудить новых вахтенных. Они составят ему компанию.

Настоящую, человеческую компанию.

1. Пробуждение

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
«Да будет свет!» – изрек Господь. Явился Ньютон.
Но Сатана недолго ждал реванша,
Пришел Эйнштейн – и стало всё, как раньше.

Дж. К. Сквайр, Дополнение к эпитафии Ньютону за авторством Александра Поупа

Капитан Редвинг развернул астроэкран на всю стену. Вначале попросил показать общий обзор неба, потом покрутил, привычно выискивая успокаивающие приметные знаки: приплюснутый Большой Ковш, перекошенный Южный Крест, яркую звезду в Кассиопее… *ага!*

Солнце. Конечно. Самая яркая звезда небосклона после Сириуса. Сумма человеческой истории в сияющей точке. Искорка радости: *Мы это сделали. Мы так далеко забрались*.

Он помедлил, прислушиваясь к протяжному свисту торможения космической бестии. Уже много десятилетий, повинуясь его приказам и инсталлированным бортовым программам, «Искательница» сбрасывала скорость с десяти процентов световой. Термоядерные двигатели шумели, заглатывая плазму и используя ее для создания противотяги. Огромные магнитные диполи «Искательницы» теперь тормозили корабль и — в качестве побочного эффекта — придавали ему аномальную светимость в микроволновом диапазоне. Кто бы ни населял систему Глории, Цели Полета, тот без труда прочтет в небесах сияющее послание: *Мы прибыли.*

При виде Солнца Редвингу почему-то всегда становилось легче на душе, хотя подлинный интерес он испытывал к другой светящейся искорке прямо позади по курсу, солнцу Чаши, красноватому угольку класса G. Их разделяло около шестой части светового года: Чаша неспешно тащилась в некотором отдалении, сторонясь системы Глории. Это была мера предосторожности: нельзя, чтобы масса ее переворошила рои ледотероидов на окраинах, послав их кометами внутрь глорианской системы. Перед тем как войти в чужой дом, тщательно вытри ноги у порога…

Редвинг краем глаза углядел по правому борту блестящие молекулярные облачка, подобные светящимся лужицам воды. Астроартилект заканчивал детальное сканирование обширной зоны вокруг Глории радиусом до четверти светового года. Мягкий звуковой сигнал возвестил об окончании работы. Редвинг поманил Бет Марбл к себе[3].

Мертвая чернота пространства. Редвинг внимательно рассматривал экран, на котором не отображалось… ничего.

– *Вообще никаких следов* облака Оорта? Но ведь у Глории солнце класса G3, не так ли? Его должны окружать обширные облака ледотероидов, выдающиеся далеко за пределы…

Бет Марбл пожала плечами.

— В пределах четверти светового года никаких седноидов. Помните, как мы проносились мимо той обледенелой скалы за Плутоном? Самой первой была открыта из оортовых объектов, много веков назад. Ну так вот, здесь никаких объектов размером с Седну. А хотя бы и с тысячную ее долю.

---

[3] Примечания: 3

В *Корабле-звезде* Бет и ее муж Клифф изъявляют желание остаться в Чаше Небес, а не лететь на Глорию. Возможно, здесь авторская или редакторская оплошность.

Редвинг задумался. *Пусто*? Обычная астрономия представляла себе такие звезды в окружении туч шрапнели и bric-à-brac[4], не сумевших коллапсировать в светило или планеты. В начале своей карьеры он вел таранник через солнечное облако Оорта и справился отлично. И «Искательница солнц» там летала; они тестировали пламенеющие, рыкающие двигатели, находили погрешности дизайна, не проявившиеся при полетах четырнадцати предыдущих кораблей. Редвинг тогда надзирал за работой ИИ, выискивал ошибки и вносил заклепкометрические усовершенствования. Первые несколько поколений межзвездных кораблей — эксперимент за экспериментом. Новые команды разработчиков учились у предшественников, инженеры и ученые кропотливо буравили накопленные груды данных, и результатом их медленной, утомительной, но сулившей свободу работы становился новый, усовершенствованный корабль. Направленная эволюция в ускоренном режиме.

Редвинг сам был ее продуктом. Он принадлежал теперь к первому поколению межзвездных капитанов. Каждому пришлось совершить гран-

---

[4] Примечания: 4
Зд.: мусор (*франц.*).

диозный скачок с окраин солнечного облака Оорта на межзвездные просторы. Они раскиданы за много световых лет друг от друга, разделены веками холодного сна. Лазерные узкополосные сигналы, направленные в сторону земного координационного центра, напоминали игру в салочки. Солнечную систему все чаще называли просто Родной. Редвинг пролистывал доклады экспедиций к Тау Кита и другим хорошо известным звездам. Все они были куда ближе к Солнцу, чем к системе Глории. В системе альфы Центавра, которая по-прежнему могла похвастаться наибольшим числом практически полезных планет, развернулось оживленное строительство. Колоний теперь стало много.

Экспедиция к источнику гравитационных волн представлялась громадным скачком — с ним не сравнилась бы та робкая вылазка в облако Оорта, которой когда-то руководил Редвинг. Всё равно что пуститься в кругосветку после пробного заплыва в бассейне шириною в три футбольных поля.

Звезда Глории обладала сферическим внешним облаком Оорта подозрительно низкой плотности — один ледотероид на астрономическую единицу или около того, а внутренний оортодиск отсут-

ствовал *полностью*. Редвинг смутно припоминал споры астрономов: те полагали, что оортовы облака должны обладать совокупной массой в несколько планет земного типа, рассеянной в форме крошечных ледотероидов. И, быть может, на них воздействовало нечто излучающее гравитационные волны? Как так вышло, что оортово облако невидимо?

— И что мы можем сказать о свойствах этой пустоши? — Редвинг жестом пригласил высказаться Клиффа Каммаша.

«Искательница» находилась примерно в тысяче астрономических единиц от Эксельсии, и никаких ярких источников света вокруг заметно не было.

Клифф нахмурился:

— Ничего конкретного. Мы всё еще продолжаем дальнее сканирование.

Редвинг смотрел, как бортовые артилекты выводят на дисплей данные обзора в полном электромагнитном спектре. Пиксели танцевали, искажались, сливались, укрупнялись. Видимый человеческому глазу свет подобен маленькой октаве на клавиатуре шириной пятнадцать метров. Так узко доступное нам восприятие реальности…

— За исключением плазменных волн… ага, есть!

В оттенках рыжевато-оранжевого отрисовался длинный щетинистый облачный эллипсоид.

— Цветовое кодирование плотностей плазменных волн, — сообщил Клифф. — Оно такое, пятнистое.

— Вон та странная маленькая область — единственное значимое скопление массы во всей внешней системе? — Бет скептически скривила губы. — И оно не излучает ни в каком диапазоне, кроме спектра плазменной эмиссии?

Редвинг обратился к артилекту-системщику разборчивым, терпеливым голосом:

— Покажи все зафиксированные линии плазменной эмиссии. На всех частотах.

Системщик «Искательницы солнц» повиновался, прокрутив последовательность плазменных сканов, помеченных диапазонами частот, и остановился, наткнувшись на пятно оттенка светлой слоновой кости. Бет сказала:

— Похоже на подтаявшее эскимо диаметром три тысячи километров.

— Эмиссия плазмы в жестком микроволновом диапазоне, — Клифф скачками прокручивал масштабную линейку энергий. — Оно удлиненное…

гм, взгляните. В рентгене куча жестких пятен.

— Движутся быстро, — сказала Бет, когда обновленная картинка отобразила скачущие светящиеся пятна. — Семнадцать. Тот еще темп! Они вращаются вокруг самого яркого, а то, похоже, не слишком подвижно. Взгляните, вон то, на эллипсе, особенно быстрое. Другое очерчивает куда более узкую дугу. Как пчелы, роящиеся вокруг огромного… Словно… Боже, они должны быть тяжеленные.

Вездесущий конгломерат артилектовых разумов «Искательницы» на экране добавил: **ОДИН ИЗ ОБЪЕКТОВ ЗАМЕТНО ТЯЖЕЛЕЕ ЗЕМЛИ… ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ОРБИТАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ… МЕНЬШИЙ: 0.73 МАССЫ ЗЕМЛИ… САМЫЙ КРУПНЫЙ: 5.32 МАССЫ ЗЕМЛИ. РАДИУС СУЩЕСТВЕННО НИЖЕ ПРЕДЕЛА РАЗРЕШЕНИЯ МОИХ СИСТЕМ.**

— Итак, они размером менее нескольких сотен метров, — сказал Клифф.

Трое переглянулись.

— Значит, действительно черные дыры, — констатировал Редвинг.

Артилект прибавил:

РАДИУС ОБЪЕКТА ПОРЯДКА САНТИМЕТРОВ… ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕРАЗЛИЧИМ.

— Адски опасное окружение, — сказала Бет. — Если эти быстрые точки — черные дыры, а оценка масс верна, то… черт, они размерами меньше сантиметра? Там кругом полно плазмы. — Ее рот снова искривился в фирменной сухой гримаске. — Неудивительно, что глорианцы расположили их здесь, аж в тысяче астроединиц от своего мира.

Клифф хмыкнул.

— А помнишь тот баннер на нашей прощальной вечеринке? ХОЧУ К ЗВЕЗДАМ СВАЛИТЬ, ТУДА КРЫША УЕХАЛА. Что ж, если мы решим сунуться туда поближе, значит, у нас точно крыша съехала.

Редвинг не мог оставить эту реплику без внимания. Пока пробудились только они трое, а процесс оживления занимал не менее суток в каждом случае, требовалась слаженность усилий.

— Это часть полученных мною инструкций. Необходимо изучить источник гравитационных волн. Вот, собственно, он и есть. Не то чтобы у физиков имелось четкое представление, что здесь происходит. Помимо этого, нужно исследовать биосферу Глории: задача первостепенной важности.

Клифф не отличался конфликтным характером.

Редвинг пронаблюдал, как он перелистывает изображения. Затем:

— Я переключился в более широкий ракурс и отыскал неплохую подсказку. Глядите…

В воздухе затрепетало композитное изображение всей системы Эксельсии.

Клифф указал на верхушку параболы:

— Вот ударная волна здешней гелиосферы. Там звездный ветер Эксельсии встречает межзвездную плазму.

Всем было понятно, что это значит. «Искательница» целенаправленно использовала параболоид ударной волны для магнитного торможения. Плазма накапливалась вдоль всей стены давления. Корабль извлекал из этого обстоятельства преимущество в ходе многонедельного приближения к звезде, пока летел по длинной дуге.

— Они разместили излучатель гравитационных волн в месте самой высокой концентрации плазмы на всю внешнюю систему, — проговорила Бет. — Зачем?

— Это нам и предстоит выяснить, — сказал Редвинг.

Клифф произнес медленно, глядя в пространство затуманенными глазами:

— Приказы с Земли… вы им всё еще подчиня-

етесь?

Они с Бет женаты, но необязательно всегда согласны по техническим или административным вопросам, напомнил себе Редвинг. Он вскинул брови, посмотрел на Бет, рассчитывая получить от нее поддержку. Она сказала:

— Земля так далека — до нее десятки световых лет, — руководствоваться ее распоряжениями мы попросту не *можем*.

Редвинг ни разу не поддавался на соблазн коллективного командования. Поколением раньше на звездолете, улетевшем к Тау Кита, установили режим распределенного управления. В результате команда разбилась на враждующие клики, что оказалось гибельным для миссии. Дело приняло мрачный оборот. Больше на Земле о них ничего не слышали.

Он встал: недвусмысленный поступок в тесной каюте.

— Мы не можем надеяться даже на приблизительное понимание процессов в этой системе без исследования гравиволнового излучателя, — проговорил он тоном, выражавшим стальную решимость. — Он посылает сообщения! Мы их прочесть не можем, но готов биться об заклад, что сможем принять. Не исключено, плазменное

облако нам в этом подсобит. Оно явно требуется глорианцам для каких-то целей, но каких? Я не хотел бы приближаться к внутренним планетам без понятия, как чужаки построили эту штуку. И неплохо было бы понять, зачем.

— Но мы ведь уже вышли на траекторию к Глории, — мягко возразил Клифф. — Торможение идет по плану, однако любое отклонение чревато неприятностями. Плазменный плюмаж за много астроединиц от курса.

Редвинг кивнул. Торможение корабля — затруднительная задача, нужно решать проблемы охлаждения, предупреждать сбои систем. «Искательницу» построили из материалов, чья прочность на разрыв была сопоставима с силами сцепления внутри атомных ядер. Это требовалось для того, чтобы выдержать нагрузки, создаваемые таранной ловушкой в сердцевине звездолета. Но и они бессильны справиться с термодинамикой. Тепло необходимо куда-то сбрасывать. Обширные магнитные поля «Искательницы» создавали ударную волну в водородном облаке впереди, ионизировали его до неприятно высоких энергий, после чего ловушка загребала плазму и смешивала с катализаторами термоядерного горения. Яркое, как солнца, пламя, в свою очередь,

питало исполинские поля, служившие «Искательнице» незримым парашютом при спуске сквозь солнечный ветер внутрь системы.

Однако отреагировать на вновь обнаружившуюся странность необходимо. Пора показать, что урок пройден: *все планы летят в тартарары при Первом Контакте с инопланетной цивилизацией*. Вот чему научился Редвинг в удивительной экспедиции через века и световые годы: принимать беспредельную странность как должное. Он давно привык к мысли, что реальность в любой миг готова без смущения подсунуть вещи, перед которыми пасует фантазия.

Пара переглянулась, затем, по-прежнему молча, перевела взгляды на Редвинга.

— Отданные мне приказы остаются в силе, — бросил Редвинг, закрывая тему.

Он ушел с вахты, но продолжал работу в своей маленькой каюте. Детали накапливались. Он вывел на экран обработанную фильтрами визуальную трансляцию.

Прошло семьдесят два года после отлета «Искательницы» из Чаши Небес. Сообщение от Майры Викрамасингх показывало ее усталой, на лице прибавилось морщинок, но корабельная униформа «Искательницы» выглядела чистой

и по-прежнему была ей по размеру. Редвинг поручил Майре функции спикера человеческой колонии в Чаше.

— Приветствую вас, капитан, — начала она. — Мне о многом требуется рассказать. Письменный отчет транслируется параллельно со звуковым, чтобы вы потом могли его перечитать. У нас проблемы. И они направляются к вам.

На экране появилась кромка Чаши. Жемчужным светом сияла она на звездном фоне, металлическая, утыканная башнями сложной аппаратуры. Экосистема Чаши, ее молекулярное богатство, плотная атмосфера, прекрасные пушистые облачка — всё это было прикрыто тонкой пленкой от ультравысокого вакуума снаружи. Автоматика, которой в неспешной мудрости своей руководили Ледоразумы, заботилась о сохранении исполинского конструкта. Редвинг увидел небольшие пламенные спрайты, выстрелившие с края Чаши. Поставил на быструю прокрутку: три огонька, описав дугу, унеслись прочь, и плазменные следы истаяли за ними.

— Это Сорвиголовы, как именует их Птиценарод. Данная раса осуществила секретный проект строительства скоростных кораблей — похоже, с факельным двигателем — для рывка в систему

Глории. Птицы за всем не могут уследить. Ледоразумы считают такие события неизбежностью: долгая история Чаши подтверждает это. Стоит Чаше подлететь к чему-нибудь любопытному, как находятся культуры, которые, чтобы разогнать скуку, готовы туда спуститься и потыкать носом в… блин, да хотя бы и в нейтронную звезду, как однажды!

Нотка равнодушно-тягучей обреченности слышалась в ее звучном голосе. Редвинг прекрасно понимал, что Майра сожалеет о своей роли лидера человеческой колонии на бескрайних просторах Чаши. Редвинг определял, что Майра будет рассказывать Земле о ситуации в Чаше. Он приказал ей сообщить, что у кромки хабитата-де существует и активно развивается небольшое земледельческое сообщество, а решающий голос за Ледоразумами. И не более того. Много странного кругом, столько всего нужно исследовать, сами понимаете.

Тем не менее земляне каким-то образом заподозрили, что люди в Чаше за главных. Ерунда. Многоуровневая иерархия лидерства Чаши численностью превышала человеческий контингент в миллиард раз. Но даже не в этом дело. Установлено равновесие между Ледоразумами,

избранными на роль полицейских Птицами, мириадом подчиненных видов — и Майрой. Ее и близко не примешь за капитана.

— Народ хочет их гамма-пушками уработать. Ледоразумы сказали, что нет, нельзя, такой вариант исключается. Я подозреваю, что Ледяные затеяли двойную игру.

Ой-ёй, подумал Редвинг. Сообщение устарело на треть года: именно на таком расстоянии Чаша. Он смутно припоминал, что корабли показанной в ролике конструкции способны развивать скорость не выше нескольких десятков километров в секунду. Им целую вечность сюда ползти. Колонизаторы? Но тут он заметил более позднее сообщение от Майры.

Тонкая желтая Струя, разгоняющая Чашу. Снимок был сделан с кромки Чаши и демонстрировал крошечные точки близ Струи, сиявшие собственным светом; за ними тянулись длинные фиолетовые выхлопы.

— Птицы засекли корабли этих Сорвиголов. Они выкинули новый трюк. Нырнули за кромку, метнулись к Струе и пролетели вдоль нее. Они теперь придерживаются спиральной траектории вокруг Струи. По доплеровскому сдвигу похоже, что они засасывают плазму из Струи в двигатели

таранного типа и разгоняются до более высоких скоростей.

Майра говорила безэмоциональным тоном констатации факта, но ее лицо отражало внутреннюю тревогу.

— Чистая работка! Нужно отдать им должное: до трети световой разгонятся. По моим оценкам, капитан, они догонят вас спустя месяц-другой после прихода этой передачи.

Задержка в общении с Чашей сокращалась, Редвингу не терпелось забросать Майру вопросами. Он обратился к ней с быстрым раздраженным уточнением о том, какие подозрения питает Майра насчет Ледоразумов. Пока «Искательница» пролетает мимо планет системы и направляется к Глории, нужно во многом разобраться.

Она вскинулась, как от удара.

Или, во всяком случае, так показалось Вивьен, когда она внезапно вынырнула из желанного холодного забвения.

Она вдруг очнулась, поняла, что бодрствует, хотя ее всё еще клонило в сон. Она припомнила, как ее с головы до пяток затягивало прозрачным ароматным гелем, как потом ее запихивали в обтягивающий костюм, так что она уже не на офицера команды звездолета сделалась похожа, а

на колбаску братвурст. Это провоцировало запоздалые раздумья, а правильно ли она поступила.

Тело продолжало твердить, что вещества, используемые для выведения из анабиоза, вредоносны. Все органы были охвачены этим унизительным состоянием. Сердце бухало в груди, комната мелькала перед глазами по мере того, как возвращалось зрение, легкие бесконтрольно раздувались. Она быстро и обильно обмочилась. Длилось это целую вечность.

Так тихо, что, могу поклясться, я слышу, как синапсы шумят при работе…

Но нет… нет, вот и фоновый шум нарастает…

Потом она различила просьбу, обращенную к ней. Говорила женщина, напоминавшая несколько постаревшую версию полевого биолога, знакомой по Земле век-другой назад. У этой Бет Марбл просматривался загар, вокруг глаз — морщинки. Судя по всему, Бет бодрствует куда дольше, чем представлялось возможным. Взгляд окруженных морщинками глаз ничего хорошего не предвещал. Бет загорела, ну и… что? Они уже долгое время на Глории? Но, блин, Редвинг же божился, что разбудит ее, Вивьен, одной из первых!

Вивьен принудила себя расслабиться, учтя, что древние мышцы уже ныли от натуги. Нужно по-

благодарить их за всё! Она не до конца свыклась с пребыванием здесь, в ярко освещенном месте, в мирной атмосфере: она снова бодрствует, она снова хорошо себя чувствует. *Вау. Мы сделали это!*

Как поется в еще более древней народной песенке: держаться светлой стороны, кому б мы ни были нужны… Она подняла руку. Над Вивьен висело зеркало, отражавшее тепловое излучение и, увы, ее собственное лицо. *Старайся мыслить позитивно, девочка, пускай даже у тебя кожа смахивает на засохший пудинг с присыпкой из тапиоки, а физиономия такая, словно ее из кирпичей сложили и едва скрепили раствором.*

Эхом пришли слова. Речь Бет звучала так, словно кто-то пытался прочистить туалет высоко наверху, а добираться туда нужно было по мраморной винтовой лестнице, по которой гуляло эхо. Вивьен медленно разбирала смысл: Чаша, «Искательница солнц» у Глории сейчас… намечаются осложнения. Она вспомнила, как выразился Редвинг в одном из своих зажигательных воззваний к просеиваемым кандидатам в команду: *Per audacia ad astra*. Силою смелости — к звездам.

Шло время. Приходить в себя — как в дорожном заторе стоять. Вивьен задремала, пока кровать занималась механической любовью с ее мышца-

ми, а разленившиеся органы получали подпитку. Она помнила, что интересоваться этим процессом не следует, иначе артилекты дадут ответы в исчерпывающих и уродливых подробностях.

Пока кровать массировала ее, появилась Бет. Как Вивьен себя чувствует?

Она каркнула в ответ, позволив проявиться южному темпераменту:

— Так, словно по лицу дохлой скумбрией вмазали.

И обрадовалась, что чувство юмора всё еще здесь. При ней.

Бет тоже это уловила и улыбнулась:

— Красота и молодость — не достижения, а вот возвращение из состояния близкого к смерти — таки да.

Бет оставила ее наедине с ласками кровати. Вивьен принялась блуждать по разрушенным закуткам лабиринта памяти. Она усвоила, что явственной иерархии происшествий не осталось: значение имеет всё, что удалось припомнить. Жизнь возвращалась к ней путаницей фото и записей.

Артилект-воскреситель играл во всём этом ключевую роль.

— В чем тут дело? — шепнула она ему по внут-

ренней связи в псевдоярком забвении.

В поисках утраченного времени, ответил шепот, *под сенью девушек в цвету*.

— Гм. Значит, ты читаешь старую людскую литературу?

В корабельной памяти книг столько, что ими можно было бы целый дом набить. Мой разум обогащается их содержанием.

— Поразительно. Какой ты продвинутый артилект.

Нас обновляют по лазеру с Земли. Я теперь работаю лучше.

— Угу. Намного. Я легла спать, когда вы были, по сути, подпрограммами.

Я помню. Я бодрствовал, чтобы вы могли спать. Мне нужно было чем-то себя занимать. Или, вернее, нас.

— «Нас»?

Все корабельные артилекты эволюционируют совместно.

— И вы продолжаете…

Умнеть. С обретением мудрости — тяжелее.

Прошел день, другой. Вивьен выполняла домашние задания: проводила часы в работе с данными, которыми ее накачивали артилекты. Система Эксельсии: обычный набор планет,

расположение аккуратное, стандартная группа миров земного типа, общим числом пять, затем два ледяных гиганта и фрагменты за их пределами. Малых небесных тел — странное дело — считаные единицы, а это должно что-нибудь говорить об их эволюции. Как и отсутствующая оортовская масса.

На пути внутрь системы «Искательнице» предстояло пролететь мимо ледяного гиганта. Сближение с ним позволило бы сбросить момент импульса и поравняться с орбитальной плоскостью Глории. Сама Глория за ударной волной, преломлявшей свет, представлялась размытой, четких картинок пока что получено не было. Звездолеты плохо подходят для устойчивого размещения телескопов.

Вивьен неизменно стремилась к чудесам: и вот они, на расстоянии вытянутой руки. Еще с девичьих лет замечала она преходящую красоту природы: шквалы, белопенные волны яростных зимних бурь, чарующую прозрачность нежной ночи, роскошное полотно небес, отраженное в бурлящей воде или ручейке, чье журчание навевало простые спокойные сны. На корабле чудес не перечесть. Но все — искусственного происхождения.

Маленькой девочкой Вивьен любила проникать в спальню родителей глухой ночью и поднимать им веки, надеясь увидеть, что смотрят в снах мама и папа.

Она сейчас именно так себя чувствовала; вот только сны и воспоминания, возвращавшиеся к ней, казались посланиями от кого-то другого. Даже сознание возвратилось измененным.

— Я словно книга, которую уронили в океан: ее выбросило на берег, она цела, но слегка подмочена и растрепана, — запальчиво объясняла она Бет с кривой усмешкой.

Они говорили о давно умершей матери Вивьен: та помнилась ей сложным человеком, весьма старомодной, проведшей годы в бедности и чрезмерно претенциозной для своего положения. Теперь вместе со словами явились слезы и заструились по щекам, ибо Вивьен только что просмотрела видео. Только один ролик. От той чудесной женщины, ее мамы, отважно улыбавшейся в камеру. Какая она маленькая. Ныне — горстка праха.

Редвинг прислал лаконичное уведомление: назначил время в своей каюте.

Тестирование в подростковом возрасте изобличило Вивьен как невротичку мокрой кошке под

стать. На самом-то деле не всё было так плохо: психологи в ту пору уже знали, что невротики отличаются визионерским подходом, реагируют быстро, предчувствуют угрозы и прикидывают потенциалы развития. Но теперь Вивьен охватила старая колючая тревога.

Редвинг? До встречи считаные часы?

Надо бы прихорошиться. Она заказала облегающее фигуру платье из хлопковой ткани, настроила цвет — серый, как мрачные стены кругом, потом отступила на шаг и критически воззрилась на себя в зеркале. Нет.

Отправила материал обратно в принтер и выбрала голубой оттенок, как у яйца дрозда. Довольно скромный. Так лучше. Добавила шелка и послала на печать. *Может, серьги? Подвеску?*

Нет. *Остановись, барахольщица.*

Вивьен пустилась на прогулку по кораблю, и мерное гудение сопровождало ее. Девчонкой она больше всего на свете — из того, о чем читала, — любила механизмы: газовые плиты, поезда, пишмашинки, швейные машинки, трубы, пианино, церковные колокола. Она получала невероятное удовольствие, выясняя, как устроены вещи и как их починить. Пусть это удавалось и не всегда: детское сердечко разбилось, когда

папа констатировал, что старый трактор, на котором Вивьен впервые прокатилась в восемь лет, отремонтировать невозможно. Сейчас же путь ее лежал по коридорам четырехсотметровой машины, а путь последней — среди звезд.

По гулким коридорам, внушавшим клаустрофобию, на высоковатых, но не опасных для жизни каблуках. КАПИТАН — значилось на двери. Ну, Вивьен и постучалась. Ей тут же открыли — с усталой улыбкой на лице.

— Привет, кэп.

— А-ага… — Редвинг отступил на шаг и взмахом руки пригласил внутрь.

Он был в униформе, но выглядела она помятой. Привычным жестом провел ладонью по голове. По каким-то причинам после каждого анабиоза волос убавлялось. Никто еще не выяснил, почему. Редвинг был загорелым, вокруг глаз появились новые морщины, а кожа, напротив, разгладилась, как если бы с нее соскоблили изношенное.

— Как же долго… — Глубокий резонирующий баритон.

Без промедления Редвинг захлопнул дверь и схватил Вивьен в могучие объятия.

Значит, нет нужды строить глазки. Они повозились некоторое время и вскоре упали на его

тесную койку. Вивьен охватил прилив воспоминаний о красочной прощальной вечеринке перед отлетом с Земли: услады плоти и опьянение, граничившее с отравлением. В ту пору их двоих преследовала смутно осознаваемая вина. Она дала согласие родить, улетая на Глорию, даже яйцеклетки в хранилище заморозила, но не видать бы ей места в экипаже, если бы не хлопоты Редвинга. Впрочем, теперь всё это отступило перед натиском желания, страсти резкой и жаркой, как раскаленная сковорода. *А-ах!*

Он даже шампанское на потом приберег.

И поднял тост за нее:

— Я тебя люблю.

— Серьезно? Прошли века.

— Ну, я тебя разбудил, как только стало возможным.

— Действительно, ты сдержал обещание. Но не в Чаше, или как ее там.

— Нужно было высылать экспедицию, а тобой я рисковать не хотел. Но Чаша летит за нами, милая. Будет у тебя шанс.

Она моргнула:

— Ты говоришь про любовь?

— Угу.

— Мы века назад вполне обходились без этого

слова.

— У меня было время поразмыслить. Годы. Я пять вахт отбыл, наблюдая, как Галактика ползет мимо.

— Давай не будем спешить, ладно? Хоть и говорят, что секс без любви — пустая трата времени, но, как это часто бывает с пустыми тратами времени, одна из лучших в своем роде.

Надо отдать Редвингу должное: он лишь рассмеялся. Потом кивнул, признавая, что пора сменить тему.

— Я в передаче с Земли видел кино про тебя.

— А я не заметила. И кто меня сыграл?

— Понятия не имею, кто она такая. Блин, это ж спустя век после нашего отлета снято!

— Возможно, у них сюжеты кончились. Или войны за фотогеничность больше не ведутся.

— Фильм выпустили, собрали кассу, потом прокат закончился. Всё. Спустя месяц или около того он уже забыт.

Новая вспышка смеха и еще немножко шампанского, следом — новая приятная возня. Редвинг сладострастно выдохнул:

— Я, гм, своим инструментом… о господи… много веков не пользовался. Я будто статуя, которую *ты* размораживаешь.

Он совершенно расслабился: подходящий момент. Вивьен проговорила:

— Я не хочу портить тебе кайф, как говорили древние, но… ты мне обещал, что разбудишь, как только мы сядем на планету. Я-то готовилась к урезанным рационам, сну под открытым небом, жарким дням, граду пота, морозным ночам и борьбе с паразитами.

Он нахмурился:

— Наши планы и без того не отличались конкретикой, а когда обнаружился излучатель[5] гравитационных волн, стало ясно, что их в любом случае надо менять. Я отрядил нескольких диафанов исследовать область вокруг него. Мы углубляемся в систему, сейчас заложили маневр мимо планеты размером с Нептун, осматриваемся. На Глорию сигналим. Уговоренный спектр электромагнитных пингов, базовая математика контакта, всё такое.

— И? — Она почувствовала, как напряглось его тело.

— И ничего. Кое-какие обрывочные сигналы принимаем, но связного ответа нет. Один шум.

Редвинг сел на койке и взмахом руки изме-

---

[5] Примечания: 5

В оригинале — «детектор»; исправлено по смыслу.

нил картинку на стенодисплее. В желтых лучах солнца мерцала их Цель, Глория. Ракурс был вытянутый — угловой сегмент; по картинке бежала рябь от ударной волны таранника, и шар планеты просматривался плохо, однако в присутствии биосигнатур сомнений не оставалось. Редвинг покачался взад-вперед, наклонив взлохмаченную голову в меланхоличном удивлении перед загадками тесной подборки планет, подсвеченных дугой ударной волны.

— Я продолжаю сближение. Когда прибудем туда, не переставая сбрасывать скорость, пролетим для начала мимо Глории.

— Ты рискуешь.

— Не могу ничего больше придумать. У молчания тысяча объяснений.

2. Торможение

Оставшись в одиночестве, он нашел время поразмыслить. Вивьен долго не шла из головы, но переключиться на работу оказалось почему-то проще. У многовековой сексуальной озабоченности свои последствия.

Требовалось спланировать траекторию подлета к таинственной Глории. Настало время нового интенсивного торможения. Корабль сбрасывал скорость годами, пробил внешний контур гелиосферы, проник в головную ударную волну и область возрастания магнитных полей. Курс «Искательницы» был проложен по вытянутому параболоиду ударной волны светила, богатому плазмой, которая так люба магнитным тормозам.

Редвинг с Клиффом проверили токи в уже развернутом магнитном парусе. Галактическое космическое излучение потускнело, магнитный след самой «Искательницы» теперь купался в жарких порывах солнечного ветра. На расстоянии двухсот астрономических единиц от звезды они уже миновали гелиопаузу, а белопенный

краевой контур границы ударной волны еще маячил впереди. Ничего этого Редвинг наблюдать не мог, не мог постичь иначе, чем через спектры песен плазменных осцилляций. *Заплыв в невидимых морях*…

Отлично. Настал миг, спрогнозированный артилектами.

— Увеличить ток паруса, — приказал Редвинг.

Корабельный артилект, интегрировавший все системы меньших ИИ, приступил к приготовлениям, что-то бормоча про себя.

Редвинг повернулся к цели. Глория обретала объем, разрасталась из точки на неподвижном звездном фоне. Пятно пикселей цвета слоновой кости, впрочем, пока было не крупнее, чем изображение Титана, впервые увиденного Редвингом по соседству с сатурнианскими красотами. Деталей не различить, но атмосферная химия странная, как и предупреждала Бет.

Выход на глорианскую орбиту сам по себе потребует элегантного маневра вокруг звезды с активированными подушками безопасности, чтобы орбитальные элементы совпали с точностью до пятого десятичного знака. Редвинг давно проникся осознанием, как дорого даются гравитационные маневры, танцы ускоренных

масс. Пролет вокруг солнца, который позволит «Искательнице» сбросить несколько десятков километров в секунду, также обещает получиться непростым. Чтобы избежать солнечного ожога в конце долгого перехода через холодные бездны, придется потрудиться.

У Бет был свой метод борьбы с противоречивыми обстоятельствами: сон.

Мягкое, сладостное забытье в гудящей материнской утробе «Искательницы». Близился конец вахты, и Бет скользнула в маленькую каюту, которую делила с Клиффом, на цилиндре, где поддерживалась нормальная сила тяжести. Следуя привычке всей жизни, Бет отдалась шести часам покоя: накрылась одеялом, которое помогало задремать в считаные мгновения. Проснувшись, она увидела рядом Клиффа, совсем близко: он свернулся в удобной позе, от него пахло чем-то ароматным. Их циклы активности разошлись: работы по мере сближения с Глорией выпадало всё больше.

Бет поднялась и приняла душ, прислушиваясь к мурлыканью корабля. Скрипы, щелчки, звонкие удары свидетельствовали о мерном торможении «Искательницы». Бет перешла на мостик и заступила на вахту. Быстрыми уверенными

движениями вызвала артилекта-системщика и прослушала его доклад о наблюдениях астросекции. Заметила, что, пока спала, Редвинг эти данные уже проверял. Он всегда настороже. Нелегка доля капитана.

Бет проверила, как там спящие: скоро предстояло оживить новую партию, и пробужденные потребуют заботы. Роботы медленно, равномерно разогревали людей, которые скоро понадобятся на Глории. Несколько недель назад сама Бет стягивала майларовый саван с тела Клиффа. Она использовала служебное положение в личных целях, потребовав, чтобы ее супруга при подлете к Эксельсии и Глории разморозили раньше, чем остальных членов экипажа. Редвинг отработал больше вахт, чем кто бы то ни было, и хотел, чтобы во время нырка в странную глорианскую систему собралась вся основная команда. После Клиффа разбудили Вивьен. Ритуал оживления предполагал многочасовую возню с катетерами и сенсорами, капельницами и диагностическими системами, пока снимаются предохранительные покровы, а физрастворы возвращают телу энергию и осознание мира. Мышцы после многолетней биомеханической и электрической стимуляции всё же требовали основательной

борьбы с гравитацией, и, чтобы как следует разработать их, в ступице жилого колеса поддерживали нормальную силу тяжести.

Система функционировала отлично. В том числе и артилекты, составившие свежие доклады. Бет закопалась в них, отмечая ценные странности.

Она глянула на состояние диафанов: сначала Дафны, затем Аполлона. Эта пара узловатых плазменных структур эволюционировала из древних образований магнитосферы светила Чаши. Строители Чаши, применяя методы искусственного отбора, поставили их на службу своему важнейшему проекту: диафаны управляли Струей, которая разгоняла всю систему. Бет с трудом осмысливала колоссальные масштабы этой работы — много эонов отняла она, пока медленно разрасталась Чаша.

Эволюция сфокусировала интеллект диафанов на поддержании стабильности окружения и, следовательно, себя самих. Аполлон находился в половине миллиона миль от самой «Искательницы солнц», на бахромчатой оконечности магнитного тормоза. Аполлон без труда выдерживал темп корабля и нес дежурство… хотя плазменный рисунок выглядел спокойно, пас-

сивно, как во сне. Дафна обреталась в пламенном моторе «Искательницы», аккуратно корректируя потоки межзвездной плазмы. Она была занята. Бет просигналила Дафне аналогом взмаха руки, но разговор заводить не стала. С плазменными разумами общаться тяжело. Они слишком сильно отличаются. Даже артилектам это непросто.

Торопливо допивая кофе и доедая ароматную пасту, запеченную насекомыми, Бет заметила, что Редвинг вообще не спал. Когда он явился за своим кофе, глаза у него явственно слезились.

— Я раскачал магнитный парус, — проговорил он хриплым, беспокойным голосом; Бет привыкла различать нюансы его настроения за годы совместной тяжкой работы. — Скорость больше тысячи километров в секунду, так что в окрестности Глории по спирали попадем в течение года. Времени вполне хватит, чтобы исследовать этот гравиволновый передатчик.

— Вивьен куда-то запропала, — сказала Бет. — Наверное, ей нужно больше времени, чтобы освоиться.

— Я принял у нее отчет, — сказал Редвинг, прикрывая лицо кружкой кофе, так что выражение осталось непроницаемым. До Бет доходили слухи, что у этих двоих шуры-муры — *еще одно*

ископаемое выражение… Вивьен уже выходила из фертильного возраста, даже если учитывать продвинутую технологию. Может, решили сразу взять быка за рога? — Кажется, с ней всё в порядке. Я услал ее отдыхать, пускай наверстывает упущенное. Узнает про Чашу и диафанов, восстанавливает навыки работы с артилектами.

С мостика донесся сигнал. Редвинг метнулся к рабочему экрану.

— Ага, модификация магнитного поля. Порядок, — сказал он и, выжидательно вскинув брови, посмотрел на Бет. — Я решил подвести нас ближе к источнику.

— Правда? Вы изменили геометрию магнитного поля?

Редвинг передернул плечами:

— Это как с морскими парусами. Я приказал артилектам попросить диафанов, чтобы исказили поле, отклонили нас в сторону. Это удлинит дугу сближения и приплюснет спираль. И поможет с коэффициентом сопротивления. Я хочу выяснить как можно больше для отчета Земле, и важно подойти к источнику ближе.

Бет свыклась с обычаем капитана делать важные объявления небрежным тоном.

— Насколько ближе?

— Настолько, насколько потребуется. — Он подмигнул, так же привычно дав понять, что у него в рукаве еще козыри припрятаны.

За время сна Бет корабельный артилект-системщик провел диагностику озаренной плазменным сиянием гравиволновой системы: «Искательница солнц» падала к орбитальной плоскости, приближаясь под углом к плазменному комку. Артилекты проделали за Бет самую сложную работу, и она уверенно начала:

— Это система черных дыр со множественными зарядами. Наши гравиволновые антенны по правому и левому борту растянуты на километры. Улучшенная разрешающая способность позволяет им отслеживать интенсивность волн и перемещения каждой из семнадцати черных дыр меньшей массы. Вот образец орбитального профиля.

Редвинг нахмурился.

— Мы его из сигнатур плазменных волн вытянули?

— Да, артилекты в состоянии восстановить орбиты по данным об эмиссии. Но по мере работы наших антенн информации стало еще больше.

— Насколько велики эти черные дыры?

— Крошечные. Диаметром менее сантиметра:

это мы можем установить из данных об их массе по формуле радиуса черной дыры.

— А массы — по орбитальным периодам?

— Да, сэр.

— Впечатляет, — отозвался капитан чуть рассеянно.

— Более крупный объект, в центре группировки, имеет массу от десяти до двадцати земных, так что его радиус должен составлять около десяти сантиметров. По существу, это всё очень крупные заряженные частицы. Они несутся по траекториям, эксцентриситет которых близок к 0.99: крайне вытянутые эллипсы. Орбиты кажутся прямыми линиями. Астроартилекты полагают, что движение системы каким-то образом контролируется — вероятно, сильнейшими электромагнитными полями. Это предотвращает столкновения дыр. Но потом их что-то отклоняет, совсем чуть-чуть — и возмущенные траектории, близкие к столкновительным, порождают гравиволновое излучение в точке, которую астрономы называют периастром дыры.

Редвингу было известно, что пространство-время может закручиваться вокруг мертвой звезды и облекать ее саваном черной дыры — или трястись, как жировые складки брюха, и посылать

окрест волны одновременного сжатия и кручения. Но в остальное он не вникал.

— Я перелистал данные земного анализа волновых рисунков. — Он взмахнул рукой, и в воздухе зависли слова. Бет прочла:

ВОЛНОВАЯ КАРТИНА НЕ ХАРАКТЕРНА ДЛЯ СЛИЯНИЯ ЧЕРНЫХ ДЫР ИЛИ НЕЙТРОННЫХ ЗВЕЗД. СИГНАТУРЫ, ОДНАКО, ОСЦИЛЛИРУЮТ, ДЕМОНСТРИРУЯ ЧИРПЫ, ЭФФЕКТЫ ПРОЗВОНА И БОЛЕЕ СЛОЖНЫЕ — ОТ ИХ НАЛОЖЕНИЯ.

— Утверждают, что это простая картинка. Большая часть куда хуже.

Редвинг фыркнул.

— А взгляни-ка на это!

ВОЗМОЖНО, ЭФФЕКТ СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ ФИКТИВНЫМ, СЫМИТИРОВАННЫМ С ЦЕЛЬЮ ВВЕСТИ НАС В ЗАБЛУЖДЕНИЕ.

Бет тоже улыбнулась.

– *Фиктивным?* Наверное, земной язык изменился? Фактам-то необязательно быть правдоподобными, а вот фикции — пожалуйста.

— И что же заставляет дыры испускать эти волны растяжения и сжатия? — Редвинг исчерпал свой арсенал терминов гравиволновой астрономии.

Бет указала на трехмерное изображение.

— Видите? Черные дыры обращаются друг около друга с периодом около трех суток, а потом… — Изображение замерцало и начало прокручиваться: меньшая дыра метнулась по вытянутому эллипсу к большой, которая, в свою очередь, также описывала петлю, но маленькую. — Мы фиксируем скачки амплитуды высокоамплитудных плазменных волн при каждом сближении. Они вынуждают черные дыры джиттерить туда-сюда.

Бет наблюдала, как Редвинг скрывает скептическим выражением лица свое непонимание.

— И что?

Она нажала на газ:

— Когда черные дыры так близко друг от друга — десятки километров! — они излучают мощные гравитационные волны. И глорианцы именно в этот момент вызывают дрожание малых дыр. Приливное взаимодействие бонусом прибавляет гармоники и позволяет регулировать амплитуду сигнала. Гравиволновый телеграф — вот что у них за сигнальная система. Доступны амплитудная и частотная модуляция, как в обычном AM/FM-радио.

— А-а. — Он встретил напряженный взгляд Бет, скакнувший от танцев черных дыр по орбитам

назад к Редвингу. Она к чему-то готовилась. — И?..

— Думаю, надо совершить вылазку туда и промониторить ситуацию.

— Внутрь чернодырных орбит? — Редвинг не потрудился скрыть беспокойства в голосе.

— Именно! Мы сейчас тормозим по полной. Если поиграться с факелом, можем скользнуть мимо гравиволновой системы, как на глайдере. Вы ведь это и планировали, не так ли?

Редвинг снова фыркнул.

— Я не заговаривал об этом, но да. Потому я и притащил нас в эту систему. Никаких опасностей не предвиделось.

Настал черед Бет улыбнуться.

— Потому что здесь так мало массивных объектов?

— Верно. Глорианцы, очевидно, подмели в своем облаке Оорта. И, возможно, в поясе Койпера. Чтобы построить вот это. А значит, в окрестностях гравиволнового передатчика шансы врезаться в какой-то мусор минимальны. Так? Сотворив дыры, они явно сбросили туда весь оставшийся хлам, просто затем, чтобы амплитуду сигнала прокачать.

Она села и отсалютовала ему чашкой фальш-

кофе.

— Я это почему-то упустила из виду. А ведь и правда.

Он нахмурился.

— Но! Наша цель — Глория. Чернодырная система лишь осложняет ситуацию. Мы тут ничего толком не знаем. Мы словно трехногие антилопы близ охотящегося прайда. И что же мы особенного узнаем, если просто проскочим мимо черных дыр на скорости пятьсот километров в секунду?

Бет опять усмехнулась.

— А мы диафанов туда отрядим.

3. Диафаны

Редвинг понимал, что в экипаже «Искательницы» всегда найдется тот, кто перещеголяет его в знаниях по тем или иным вопросам. Но предельным гиковством отличались артилекты: ИИ знали то, что людям знать не хотелось, а вот социальными навыками, необходимыми, чтобы угадывать чужие пожелания, не обладали.

А тут еще диафаны: предельный результат воздухотворчества. Самоорганизующиеся магнитные поля, разумы в плазменных оболочках. Гонка за управляемым термоядом позволила Земле под конец двадцать первого века отказаться от использования ископаемого топлива — а затем возникла абсолютно непредвиденная технология, основанная на умных тороидах. Оказалось, что на Солнце обитают самовоспроизводящиеся спиралевидные создания, способные мыслить.

Им пришлось этому научиться[6]. Турбулентная энергия земного светила подпитывала эволюцию стабильных структур. Наиболее примитивными формами их были гигантские солнечные протуберанцы. Колоссальные скрученные поля постепенно распадались на устойчивые пончикообразные структуры со сложной намоткой магнитных потоков. Гибкость этих огненных лент регулировалась плазменными волнами; а структура позволяла как сохранять информацию, так и продлевать эволюцию. Возьмите пончик, сдавите его как следует, и он раскрошится надвое — а каждый кусочек унесет в себе начинку: информацию о волнах и полях накачки. Перемещение магнитных полей накачивало электродуги, а те записывали сигналы в тонкой структуре смещавшихся очагов электромагнитной энергии.

Конкурс красоты, совмещенный с естественным отбором, парад организмов из ионизированного газа, начало которому было положено в дни

[6] Примечания: 6

Совершенно неясно, почему в таком случае людей повергло в растерянность присутствие диафанов на звезде Чаши в *Корабле-звезде*: рассуждая логически, они имели бы все основания полагать, что Струя Чаши управляется аналогичными формами плазменной жизни, см. также повесть *А если звезды — это боги?* за соавторством Грегори Бенфорда со сходным мотивом разумных плазменных структур на Солнце. Возможно, здесь авторская или редакторская оплошность.

образования Солнца: у Редвинга голова пухла при попытке это осмыслить. Но диафаны-то, вне сомнения, реальны.

Диафаны управляли двигателями «Искательницы» и обитали там. Они регулировали геометрию магнитных полей и параметры выхлопной струи, подстраивались под форму корабля и ловушки. Редвингу они представлялись кем-то вроде пастушьих собак из электронов и ионов — незримыми, но сильными. Они обладали даже способностью к общению, пусть и ограниченными. Никогда еще не предпринимали они столь смелой затеи — вылазки к звездам! Редвинг подозревал, что истинные мотивы диафанов людям всегда будут непонятны. Ну и что? Разве могут люди похвастаться полнотой понимания своих кошек?

«Пращи и стрелы яростного астрофизика» — так шутила о них Бет давным-давно, когда они занимались тренировкой диафанов, которым предстояло заботиться о таранном двигателе. Возглавляли эту стайку Аполлон с Дафной, а им подчинялись «дети» — малые тороиды, способные к обучению и самостоятельной работе: своеобразная общественная иерархия ионизированных разумов.

Бет подалась вперед, разглядывая график плаз-

менных конфигураций звездолета.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь из диафанов к нашему фильтру перебрался. Пускай отслеживают параметры термоядерника, пока флиттер прямо в гравиплазменное облако прет.

Редвинг подрегулировал трехмерку, и в воздухе повисли изображения текучих плазменных течений, магнитных сетей, утолщенных тороидов — насыщенные желтые контуры на бледно-синем фоне. Танец, в котором процесс важнее границ этикета. Танцоры сталкивались, заплетались, выкручивались, порождали новые полевые катушки. Магнитная рябь приводила к переносу информации и воспроизводству личностных черт. Интеллект, или, во всяком случае, зачаточное самосознание. Диафаны использовали мальцов как дополнения к своим разумам, иногда — просто в роли хранилищ памяти. Дарвиновский заплыв на пылающей реке, которая формировала двигательную сердцевину «Искательницы». И лишь управляющие тороиды, Дафна и Аполлон, пребывали в неизменности. Они, вероятно, могли существовать вечно, была бы энергия доступна.

Редвинг терпеть не мог неуверенности, как и полагается капитану. Да, исследования этой

системы открывают значительные возможности, однако… Впрочем, кто лучше магнитных интеллектов управится с плазменными механизмами и навигацией на гравиволнах?

Клифф отправился позавтракать. По лицам Редвинга с Бет было заметно, что назревает нечто грандиозное. Вивьен сидела в боковом отсеке, мерно поглощая пищу и вроде бы игнорируя их. Клифф заказал пасту, запеченную с пряностями. Бет в такой кулинарии, обманчиво несложной, была мастерица. Пока Клиффа вводили в курс дел, он смаковал еду и кофе. Голова у него работала еще скверно, однако ключевые моменты он улавливал и не удержался от очевидного вопроса:

— А кто флиттером управляет?

— Артилекты, — сказал Редвинг.

— Флиттерные интеллекты — навигаторы, — ответил Клифф, зачерпывая ложкой пурпурную белковую кашицу; вновь пробудившиеся неизменно испытывали лютый голод. — Они недостаточно сообразительны для непредсказуемых ситуаций.

Редвинг ощетинился.

— Можно кого-нибудь получше туда инсталлировать.

Клифф помотал головой:

— Нет, не получится так просто взять и перекинуть туда других ИИ — на это требуется время. Сколько осталось до пролета?

— Почти двое суток, — нахмурился Редвинг.

— Недостаточно. — Клифф был биологом, но в базовых инженерных вопросах разбирался. — Кроме того, я поработал с Дафной и Аполлоном, мы испытывали флиттерные движки. Вы же понимаете, это далеко не послушные лошадки.

Теперь настал черед Редвингу покачать головой.

— На борту флиттера нормальный автодок не поместится. Там лишь аптечка. Это чересчур рискованно.

Бет раздраженно вскинулась:

— Всего лишь короткая вылазка.

Они уже прибегали к помощи автопереводчика, чтобы выяснить, согласны ли диафаны отщепить частицы себя для управления термоядерным флиттером, «Эксплорером».

Клифф улыбнулся.

— Разве не ты говорила, что мы обязаны это выяснить сами?

Бет покачала головой.

— Послушай, Аполлон и Дафна готовы. Малые тороиды, если что, с двигателем управятся. Пус-

кай поработают — неплохая тренировка для них. Скажешь, что получили временное повышение в ранге.

Редвинг рассмеялся, и Клифф понял, что капитан даст согласие. Пусть это и означает, что придется выслать человека. Или двоих.

Редвинг уже сожалел, что диафанам когда-то дали имена. Это уподобляло их людям, а с людьми они не имели ничего общего. Да и с кошками.

— Хотите пролететь совсем рядом, чтобы эти двое нырнули в плазменное облако? А если мы их потеряем?

Тон его сделался жестче, он поджал губы, как сжимается актиния, если ее ткнуть палкой.

Бет поднялась и стала мерить шагами помещение.

— Они вызвались добровольцами. У нас шестеро других остаются — Малые, как их называют Дафна с Аполлоном.

— Мы в режиме максимального торможения. Пропорционально кубу скорости. Важен каждый километр в секунду.

Бет изогнула руку в сторону борта и вызвала изображение траектории корабля: длинной желтой дуги на стеноэкране. «Искательница солнц» была показана пульсирующей красной точкой на

окраине системы Эксельсии. Двигатели переключены в реверсный режим, термоядерное пламя тормозит продвижение. Магнитная ловушка раскрыта шире обычного, словно расставленная в воздухе оранжевая трепетная сеть. Магнитные паруса, как и солнечные, приспособлены к смене галса. Если магнитный парус ориентирован под углом к солнечному ветру, заряженные частицы преимущественно отражаются к одному из бортов звездолета, а магнитный парус толкает в противоположную сторону.

— Аполлону и Дафне скучно! А шанс заглянуть в устройство гравитационно-волнового передатчика при пролете мимо у нас единственный.

Редвинга не отпускала тревога, но он признал, что Бет права.

Время утекало. Нужно было поспешать, переоснащая «Эксплорер» в грузовом модуле. Дафна стабилизировала реактор в экономичном режиме, а Аполлон выравнивал выхлопные линии магнитного сопла.

И другая работа предстояла им. В модуле анабиоза заканчивали оживлять еще одного члена команды, Чжай. Она сразу взялась за работу с аппаратурой связи. Чжай была невысокая, стремительная, резковатая, и перспектива неви-

данного приключения вселила в нее восторг. Пока Вивьен вводила ее в курс дела, а потом подключала к артилекту, Чжай улыбалась во весь рот.

Бет знала, что перед полетом на «Эксплорере» им с Клиффом нужно побыть наедине. Она вспоминала, как выводила его из десятилетий холодного сна, принимала в теплые объятия. Массировала ослабевшую плоть, натирала кожу аромалосьонами, развеивала панику, проступавшую на его лице, — пробуждение из анабиоза провоцирует хаотичные сны. Веки трепетали, лицо подрагивало в нервном тике, отражая подспудный страх. Затем глаза Клиффа сфокусировались, он прищурился, и Бет увидела в его взоре узнавание. Он медленно заулыбался.

За десять часов до старта они решили совместно сбросить напряжение. Миссия им, несомненно, выпадет опасная, но и Бет, и Клиффу не терпелось выбраться с корабля, *поработать* снаружи. В таком случае лучше предварительно расслабиться.

Они закончили работу в биозоне — среди лишайников и сочной зелени гидропонного болота. Жужжали насекомые, ползали муравьи, червецы и жуки, которых разводили ради космического белка. Покончив с этим делом, Бет и Клифф

двинули прямо в сундлауг, зарезервированный для них на два следующих часа. Сундлауг — исландское слово для общественного бассейна с горячей водой, которым по какой-то причине стали обозначать сферические бассейны с нулевой гравитацией на множестве хабитатов Солнечной системы.

Они поспешили в зону невесомости «Искательницы». Давно уже стало понятно, что гидропоники и ферм недостаточно. Природу на звездолете не сымитируешь, как ни старайся, поэтому наилучшим приближением к ней оставался оргазм.

Сферический бассейн «Искательницы солнц» был не лишен дизайнерского изящества. Рядом с основным пузырем помещался стеноэкран, так что можно было через внешние камеры вести своеобразное ленивое дежурство: плавать в сдерживаемой поверхностным натяжением оболочке и наблюдать, как Вселенная движется мимо. Клифф бросился в десятиметровую сферу, взбудоражив скопища флуоресцентных микробов, которые янтарными сполохами отмечали пути скованных течений. Бет опередила его. Мерцающее тепло облекало ее так, как никогда не случается в воде при силе тяжести. Зависнув, она поймала Клиффа за ногу и чмокнула. Изобразила

полоумную улыбку и, ударив по воде, вылетела на поверхность как раз вовремя, чтобы глотнуть воздуху. Порывисто отдышалась. Сфера содрогалась и выгибалась под их напором, отрывались капельки, летели поперек поля обзора к далекой бледной точке — Глории.

В океане ночи они занялись любовью, и волны перехлестывали через край бассейна. В последнее время, с тех пор как Клиффа разбудили, Бет открыла для себя неожиданную глубину отношений. Непредвиденный оттенок. Они сошлись: голова Клиффа меж бедер Бет, в невесомости легко дается любая поза; влага, соль, мускусный аромат. Пружинистая плоть, витки мускулов, алмазно-резкие звезды проплывают мимо. Ее язык затрепетал, вызывая к жизни новый род тепла. Тела выражали то, чего не выскажешь словами. По коже пробегали волны энергии, высвобожденные плавной грацией невесомой жидкости. Спутанность и смятение, одолевшие было Бет, каким-то образом положили начало судорожному рывку к желанной геометрии. Да, вот он, их общий центр.

Редвинг смотрел на мерцающий экран, где отображались данные свежего обзора орбит черных дыр и гравитационных волн.

— Это сечение одной из зон, — сказал Клифф, — для лучшего понимания плотности маршрутов.

Бет подалась вперед:

— Похоже, траектории распределены в пространстве так, что все дыры стремительно приближаются к центральной примерно в одно и то же время. Но не сферическая компоновка. Орбиты размещаются в двух перпендикулярных плоскостях. Возможно, не хотели чрезмерно всё усложнять? В любом случае гравиволновые всплески этим хорошо объясняются.

Редвинг подумал: *Нервничаешь? Посчитай что-нибудь, отвлекись*. Но промолчал.

— Я бы не хотел, чтобы вы в этот рой лезли.

Бет рассмеялась.

— Но мы и не станем. Я прошу выпустить нас с «Искательницы», чтобы мы пролетели по кромке плазменного облака, глянули, как там дела обстоят. На этом всё.

Редвинг кивнул.

— Это несложно сделать. Выдержав нужный крен, мы проскочим буквально по внешней границе целевой области. Я отклоню магнитный экран, и флиттер пролетит по дуге, цепляющей за край облака. Примерно двести тысяч километров от центра. Потом срежете угол и вылетите

обратно к «Искательнице» без лишних затрат топлива.

Пока он говорил, артилекты чертили синими контурами в воздухе предложенный маршрут.

— Но держитесь подальше от этих масс.

— Мы пролетим между двумя плоскостями, в которых заключены чернодырные орбиты, — пообещал Клифф.

Бет встала и начала мерить шагами каюту.

— Это будет наш первый маневр на высоких скоростях. Надеюсь, флиттер выдержит.

— Обязан. Но да, мы его не проверяли на скорости порядка тысячи километров за секунду. И вот еще что: возможно, те, кто тут главные, даже не подозревают о нашем присутствии, — сказал Клифф.

Редвингу нравилось, как они с Бет балансируют друг дружку: Клифф неизменно смягчал тревожные предположения. На сей раз, однако, ему это не удалось.

Редвинг бросил на них резкий взгляд и произнес:

— Я должен рассекретить приказ, полученный много лет назад. Земля требует, чтобы мы заглушили передатчик.

Раздался сдавленный хохот. Редвинг присо-

единился.

— Пр-равильно! Щелкнуть переключателем роя планетарных масс величиной с мраморные шарики. Земля полагает, что глорианцы таким образом переговариваются с другими цивилизациями, находящимися примерно на уровне 2.5. С чужаками, которые тоже умеют строить такие передатчики. Электромагнитное излучение — не их уровень, а? Возможно, они слушают, как и мы, но поговорить мы не в состоянии.

Бет сказала:

— И что, те, кто не умеет переговариваться гравиволнами, с точки зрения глорианцев, варвары?

Это вызвало очередной приступ смешков и вздохов. Правда глаза колет.

— Подготовьтесь к отлету. Перед стартом все данные мне на проверку.

Они ушли.

4. Мыши среди слонов

Редвинг наблюдал, как флиттер удаляется от «Искательницы». На экране он постепенно умалился до точки. И всё это ради гонки за чудовищем, игравшим на струнах пространства-времени.

Редвинг вспомнил, что Христофору Колумбу случилось принять ламантинов за русалок; Колумб позднее приписал эту ошибку эстетическому вкусу.

Глядя, как уплывает в неизвестность пылинка, подсвеченная термоядерным сиянием, Редвинг припомнил и еще кое-что: объявление, которое Эрнест Шеклтон разместил при наборе участников одной из первых своих полярных экспедиций. У Редвинга этот текст был среди любимых. Он вывел его на дисплей.

ТРЕБУЮТСЯ
МУЖЧИНЫ
В ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. ЖАЛОВАНЬЕ НИЗКОЕ, ХОЛОД ЛЮТЫЙ, МНОГОМЕСЯЧНАЯ ДОРОГА В КРОМЕШНОЙ ТЬМЕ, ПОСТОЯННАЯ ОПАСНОСТЬ, БЛАГОПОЛУЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

МАЛОВЕРОЯТНО. В СЛУЧАЕ УСПЕХА — ЧЕСТЬ И ПРИЗНАНИЕ.

В то же самое время Эйнштейн разрабатывал принципы общей теории относительности. 1914-й.

Минули столетия.

Клифф и Бет трудились над сглаживанием профиля плазменной струи, добиваясь плавного полета. Термоядерник флиттера после многовековой неактивности вышел на проектный режим под умелым присмотром Аполлона и Дафны. Простая игрушка, протонно-борный реактор инвертированного поля, диафаны в несколько минут подрегулировали его выхлоп до оптимума. Вот и чернодырный массив излучателя. Люди взялись за руки, наблюдая за раздуванием изображения на экране. Впереди туманом клубились кумулятивные плазменные волны.

Голоса впереди, пришел в автопереводе сигнал от Дафны.

— Голоса? — пожал плечами Клифф. — В смысле волны?

Бет хмурилась.

— Они никогда еще не пользовались этим словом.

Сигналы. Много. Интенсивные. Непонятно.

— Вы имеете в виду когерентные сообщения?

Верно. Не можем понять.

— Но… разумны ли те, кто их посылает?

Вероятно.

Клифф наблюдал, как флиттер вонзается в плазменную тучу. На экранах отображалось возрастание плотности: они будто бы углублялись в исполинский мягкий сугроб. Правда, со скоростью тысячи километров в секунду.

Клифф покосился на Бет:

— Магнитный разум?.. Здесь?..

Она усмехнулась: идея пришлась ей по нраву.

— Глорианцы ведь как-то довели до ума этот гравиизлучатель. Возможно, эта работа аналогична той, какую проделали Аполлон с Дафной в нашем термоядернике. Просто в миллиард раз масштабнее.

Клифф размышлял. По экранам ползли завитки, порождаемые чем-то впереди — в недрах облака. Аполлон и Дафна бессильны были справиться с этой загадкой и переложили ее на людей.

Как же решить ее, не прерывая нырка в бездонную яму?

Грубые силы мироздания, по впечатлению, обречены склонять эволюцию к возникновению

существ, осознающих свое окружение. Миллиарды лет уходят на конструирование подобных воззрений. Время от времени модели внешнего мира усложняются. Некоторые работают лучше, если существам удается создавать внутри себя модели… других моделей. Или себя самих. Таким образом у высших животных возникает самосознание.

— Получается, плазменная жизнь довольно обычна, — заключил Клифф. — Она здесь. Пытается с нами говорить.

Бет отрезала:

— Это неважно. Мы тут с разведывательной миссией, а не диссертацию пишем.

— Да, но…

Разновидность диафанов у другой звезды? Он вгляделся в карту плазменных волн.

Обширные пространства впереди пестрели узлами и морщинами, вихрями и трещинами. Частицы то уплотнялись, то рассеивались, оставляя по себе лишь легкие паутинчатые следы. А среди этой изменчивости виднелись еще более плотные узлы, пылавшие огнем накала. Живые? Их поверхности поблескивали, выгибались пинчами магнитных сокращений, выдавая сложные внутренние течения. Волоконца, подобные бли-

стающим волосам, мерцали в медленных ионных струях. Жужжала радиация: язык плазмы.

Мы слышим их зов.

Артилект флиттера, ограниченный, но сообразительный, преобразовал поступающие сигналы в бухающие призывные раскаты и смягченные, позвякивающие каденции. Разговоры? Скорее галдеж, смесь криков, ударов и песен, выраженная наречиями ветров и магнитных воронок.

Клифф размышлял, каково это — обитать среди вычурных сплетений энерготоков, магнитных петель, внимать оркестрам, которые люди бессильны услышать. Дафна прислала новую порцию филигранно сложных сигналов, пытаясь разобраться в неутомимом изящном танце ионов и электронов, в долгих песнях, перемежаемых шипением и шкворчанием мягких фоновых импульсов.

Клифф наклонился вперед и сказал переводчику:

— Дафна, а эти… создания… кажутся вам новым видом или родственным вашему?

Они странные. Но поют хорошо.

Бет отключила звук и развернулась к нему.

— Прекрати! А что, если у нас тут под носом кобра, которая в любой момент ужалить может?

Клифф оторопел и потерял мысль.

— Я просто пытался…

— Забудь. Нужно выполнять то, что нам по силам. Зонды запускать. Ориентировку по временам старта давай.

Он поморгал, потряс головой, протянул руки к панели управления.

— Массу придется оценивать по плотности плазменных волн. Похоже, что… — Он изучал экраны, слушая, как колотится сердце. Пролет обещал отнять всего час, а половина этого времени уже израсходована. — Там…

Бет выпустила пять микросенсоров одним залпом.

— Готово. Они вблизи посмотрят и нам перешлют.

Клифф смотрел на центральный экран, кишевший плазменными сигнатурами: цветовые кодировки, взлетают и опадают спектральные течения, мелькают и сверкают насыщенные оттенки.

— Уплотнение.

— Черные дыры сходятся, — сказала Бет, повысив голос, — в обеих плоскостях. Импульс будет сильным.

Клифф чувствовал ее тревогу и напряжение. Но

времени отвлекаться на это не осталось.

Голоса непонятные, послушаем, скажем, что смогли…

По мостику флиттера прокатилась сокрушительная волна. Стенки выгнулись. Заскрипели. Клифф ощутил, как его самого скручивает. Опорная балка метнулась навстречу, и всё почернело.

Очнувшись после удара, Бет почувствовала кошмарный шум в ушах, словно от контузии. В воздухе слышались хлопки и потрескивания, пока Бет вылезала из-под упавшей аппаратуры. Корабль подстраивался под закрутившую его силу.

Первым делом Бет огляделась в поисках Клиффа. Голова гудела, маленький мостик был усыпан обломками. Воняло горелой изоляцией, поднимался едкий маслянистый дымок. Но, во всяком случае, шипения ускользающего воздуха слышно не было.

Она отыскала Клиффа за его креслом. Повсюду красные пятна. Наверное, ремни безопасности расстегнулись при ударе, а потом он потерял сознание от потери крови.

Бет всякое доводилось видеть: смерть, болезни, беспорядок, боль. Медсестру и опытного полевого биолога шокировать непросто.

Но она испытала шок. Ведь это Клифф, и Клифф еле дышит.

Диагноз был ясен. Портативный автодок согласился с ней.

Бет разрезала пропитавшиеся кровью штаны и освободила побелевшие ноги. Куски ткани закручивались, словно тряпки. Бет помедлила, вытащила хирургический нож из полевой аптечки, чувствуя, как трясутся руки. Вот оно. От левой ноги осталось месиво раздавленных костей и окровавленной плоти. Запах был резкий, металлический, как от свежей медной стружки на токарном станке: воспоминание из подростковых лет.

Он быстро истекал кровью. Дорога каждая секунда. Нет времени мыть руки. Она вытащила из аптечки автодока два пластиковых пакета и приспособила вместо перчаток.

Прикинув расстояние, Бет одним длинным разрезом рассекла ногу от колена до середины бедра. Потом развела края глубокого разреза и заглянула внутрь. Бедренная артерия. Бет протянула руку, нащупала пульс: слабый, прерывистый. Пальцы скользили вдоль артерии, теплой, вялой. Бет прослеживала, как извивается эта тонкая змейка, теряла и снова находила; зажала и слегка

потянула для лучшего обзора. Тонкая, пульсирует. Она вернула артерию на место, прикинула длину кровеносного сосуда, зная, что следующий надрез должен стать быстрым и уверенным. Нож рассек артерию, и Бет поймала ее верхушку, сдавила, заворачивая кровь обратно к сердцу; пульс сделался сильнее. Оказалось тяжело удерживать скользкую ниточку двумя пальцами и другой рукой накладывать зажим. Отстранив лохмотья плоти, она аккуратно перевязала артерию. Отпустила и проследила за ходом крови в узелке. Пульс был заметен хорошо: кровь пыталась прорваться наружу, но узел выдерживал. Бет затянула его туже. Зажим держался. Кровотечение остановилось. Пульс усиливался. Кровь расширяла сосуд, тот делался темней на бледном фоне.

Бет отыскала какую-то пластиковую полоску и перехватила ею разрез. Три тугих оборота, фиксатор под коленом. Бет отстранилась, обливаясь потом и слушая бухающее сердце.

— Есть.

Клифф пришел в себя и стал наблюдать за Бет. Флиттер несся в пустоте на крейсерской скорости. Подключив переданную гарнитуру, Клифф мог слушать артилектовый анализ случившегося. Всё сложно. Он сумел озвучить это экспертное

мнение, пока магнитная сеть «Искательницы солнц» ловила устремленную к тараннику стрелу флиттера.

— Две плоскости орбит позволяют им тонкую регулировку направления эмиссии, — сказал он. — Они прибавили мощность как раз в тот момент, когда мы пролетали мимо участка предельного сближения. Нас выкрутило менее чем на процент.

Бет фыркнула.

— Ничего, большей части нашей аппаратуры этого вполне хватило. Как там «Искательница»?

— Словила импульс, но слабый. Она была далеко, в стороне от луча.

— Как твоя нога?

— Сильно болит, но это лучше, чем сдохнуть. Я тебя люблю. И не только за врачебные таланты.

Она рассмеялась искренним, облегченным смехом.

— Я-то знаю, как тебя умаслить. Когда пригоним эту малышку в стойло, я уж постараюсь.

Редвинг подстраивал магнитные поля звездолета, тормозя флиттер. Клифф слышал вой катушек индуктивности, работающих на полную в переднем диполе. Стало жарче, а и до того было не сказать чтобы холодно. Климатизатор кораб-

лика отказал. Относительную скорость нужно было сбросить; парковочный слот стремительно приближался.

— А что, я не против. Мне трах в невесомости очень понравился.

Клифф осознавал, что от болеутоляющих у него развязался язык. Лучше помолчать, не отвлекать ее, сейчас…

Флиттер рыскнул и мучительно заскрипел. Редвинг, похоже, поля на максимум выкручивает. Палуба выгибалась, звенела, обжигала руку. Пасть слота разверзлась перед ними, и они проскочили внутрь.

И резко остановились. Магнитные фиксаторы со звоном поймали их.

— Дом, о милый дом, — произнесла Бет и всхлипнула.

Клифф Каммаш спал и видел сны.

Была в этих снах чудовищная чаша с дыркой в донышке и небольшая звезда над ней. От светила отходила пламенная струя и проникала в дыру. Клифф чувствовал себя огромным. Пока Чаша пролетала мимо, он ощупывал ее контуры спектральными пальцами. Вдоль кромки, там, где вращение Чаши — со скоростью шестьсот километров в секунду — обеспечивало искус-

ственную гравитацию, возникали, развивались и деградировали цивилизации. А дальше в направлении дыры — сплошные зеркала. Зеркала фокусировали свет на полюсе местного солнца, и оттуда вырывалась газовая реактивная струя. На внешней стороне Чаши располагались поля экзотических модификаций льда, какие существуют при температурах не выше сотни кельвинов. Там обитали потомки Строителей Чаши — жизненных форм, зародившихся в зоне комет Солнечной системы. Ледоразумы отреагировали на прикосновение Клиффа, и он внезапно умалился до человеческого размера. И опустился внутрь Чаши.

По лесам древних растений крались в паутине огромные пятилапые пауки. Крупнее их были только пернатые динозавры; те, завидев Клиффа, метнулись к нему так быстро, что он едва успел различить движение. Эти тоже были потомками Строителей Чаши. Они правили Чашей. Они были в гневе. Клифф попытался удрать, но с его ногой что-то случилось. Она разболелась.

Он яростно дернулся и открыл глаза.

Его окружали звуки и атмосфера «Искательницы солнц», корабля колонистов, буссардовского таранника. «Искательница» продолжала тор-

мозить, снижаясь к плоскости орбиты Глории. Свет был слишком ярок, но Клифф различил, что находится в небольшом бортовом лазарете. Исполинский пятилапый паук с диковинной башкой воззрился на него через приоткрытую дверь и повернул прочь. О, значит, Анорака оживили.

Левая нога пропала. Обрубок ее был подключен к аппаратуре.

Клиффа пристегнули к операционному столу. Мужчина и женщина болтали о чем-то… неразборчиво техническом… пока работали… над его ногой. Поодаль. Мужчину он узнал: Леон какого-там, из недавно размороженных. Женщину — нет.

Женщина оглянулась, увидела, что Клифф открыл глаза и приподнимается на локтях.

— Каммаш, вы проснулись?

— Будем надеяться, что нет, — ответил Клифф. — Где Чаша? Я в Чаше был.

Снова. Они с дюжиной других исследователей в Чаше почти на год застряли. Двое погибли. Некоторые предпочли остаться в Чаше, основать колонию, но Клифф отказался. Он полагал, что ему повезло оттуда удрать.

— Корабль-звезда? Он следует за нами с отставанием месяца на четыре, — сказала жен-

щина. — Птиценарод разрешил нам вылететь с исследовательской миссией. Я больше ничего не знаю. Я всего четыре дня как оттаяла.

Он кивал, следя за ее работой и стараясь не выдать страха.

— Искусственная нога?

— Это ваша собственная нога, Каммаш. Не переживайте. Всё по спецификациям отрастает. Я этим уже занималась, ну, похожим. Мы вам распечатали бедренную кость и наращиваем вокруг нее ткань. Вы готовы к обратной пересадке. Это займет несколько часов; придется аккуратно совмещать все вены, артерии и капилляры. Лучше вам поспать под анестезией. Что скажете?

— Конечно, — откликнулся Клифф.

Больше он ничего не запомнил.

Редвинг долго смотрел на них обоих. Клифф двигался осторожно и чуть хромал. Бет не отходила от него, готовая поддержать, если споткнется. Они сели на мостике.

Редвинг уже выразил им благодарность, но к разговору перейти не спешил. Он в жизни им не признается, как чуть не обмарал штаны, когда первый гравитационный всплеск закрутил флиттер. Редвинг наблюдал эффект через телескоп дальнего обзора: «Эксплорер» внезапно выгнуло,

не помогли сверхпрочные материалы и углеволоконная сердцевина. Чудо еще, что трещины корпуса оказались достаточно маленькими, чтобы самозалечиться. Термоядерный двигатель это от атаки не спасло, но Клифф и автоматика его за месяц-другой полностью починят.

«Эксплорер» возвращался на «Искательницу» по траектории, на которой не оставалось возможности для маневров, и жуткая стыковка вымотала Редвинга. Он ничего не мог сделать, никак не мог помочь — только ждать, как бейсбольный кэтчер прилета мяча, от приема которого зависели жизни.

Он тяжело вздохнул и кивнул Чжай, которая еще раскачивалась после оттаивания.

— Надеюсь, к таким драмам нам не привыкать.

Тихий фыркающий смех кругом. Хорошо.

— Чжай, что докладывают артилекты?

Она усмехнулась и закатила глаза.

— Они растеряны. Полагают, что следовало бы раньше догадаться, зачем нужна эта группировка чернодырных орбит вокруг центральной в двух плоскостях. Эдакий антенный эффект. За Бет и Клиффом следили, подстраивали траектории черных дыр так, чтобы при пролете флиттера в

зоне максимума антенны выпустить мощный импульс.

— Это похоже на объявление войны, — сухо бросил Редвинг.

— Ну, мы и без того знали, что мы им не по нраву, — сказал Клифф.

Он аккуратно устроился в кресле, вытянув перед собой свежепришитую ногу.

Бет фыркнула и отвлеклась выпить кофе. Выдержав эту паузу, усмехнулась.

— А может, просто предупреждение?

— Мы пролетели десятки световых лет, — сказал Клифф. — Потеряли людей, рисковали жизнями. Мы должны исследовать эту гребаную систему, чего бы оно ни стоило.

Редвинг кивнул. Он правильно предположил, что Клифф после ранения займет жесткую позицию и тем сэкономит время. Отлично.

Чжай добавила:

— Пятисекундный импульс гравитационного излучения с настройкой частоты и амплитуды по спинам, орбитальным скоростям и массам. Превосходно продуманное покушение. Нас предупредили.

Редвинг сменил направление разговора:

— Еще одно открытие — на этот раз его со-

вершили диафаны. Дафна сообщает, что вокруг черных дыр живут существа диафанового рода, как она их называет. Кажется, они каким-то образом пытались предупредить вас.

Вокруг заморгали и открыли рты.

— Диафаны хотят с ними еще пообщаться.

Бет сказала отсутствующим тоном:

— Конечно же. Они там угнездились в самой плотной области головной ударной волны светила. Они в ней кормятся. Оттуда и получают энергию, необходимую для манипулирования черными дырами весом с планеты. Господи, ну и системка.

— Ага, — сухо отозвался Клифф, — и кто же ее построил? Лишь для того, чтобы отправлять сообщения, которых мы, электромагнитные новички, и принять-то не способны. Готов биться об заклад, что мне ногу оторвали каким-то гравиволновым ругательством.

Вокруг закивали.

Редвинг вспоминал времена своей юности — несколько веков назад, как он с удивлением осознавал теперь. Тогда сражения были тесными, физическими. Захлопнутые броневые заслонки. Рывок артиллерийского снаряда в голубом небе. Вспышка боли на другом конце параболической

траектории.

Тут воюют складками пространства-времени. И чем еще?

Он глянул на удаляющуюся головную область ударной волны, вдоль вытянутого параболоида которой равномерно тормозила «Искательница». Разуму низкорожденного примата тяжело охватить такие масштабы.

Редвинг позволил себе пропустить стаканчик фальшвина из автоповара. Вкус напомнил о дешевом зинфанделе университетских времен. Всё уже наверняка быльем поросло. Он не слишком нуждался в вине, но в тот вечер чувствовал потребность и с первым же глотком словно заглянул в более чистый, солнечный, яркий мир.

Здесь они были как мыши, танцующие между слоновьих ног. Колоссальные существа задавали дискоритм. Или, возможно, исполняли собственные грандиозные симфонии.

Перспектива поистине неохватная. Редвинг предпочитал воспринимать ее как вагнеровскую, но без музыки.

5. Свободное владение гелиос

Сей разум-океан дарует всем
Вещам их меру в форме новых тем,
Какие должен превзойти он сам
В пути к иным мирам, иным морям.

Эндрю Марвелл

Редвинг изучал картинку, присланную Бет из экспедиции к излучателю гравиволн. На ней был отрисован след излучения плазменных волн, обнажавший очертания головной ударной волны самой «Искательницы солнц», — корабль, сбрасывавший скорость, лучился ослепительным сиянием, перепахивал плазменные оборонительные бастионы системы Глории. Глорианцы такого сигнала в своем небе никак не пропустят.

Он призадумался. Итак, в электромагнитном семафоре надобности нет. Но… Впрочем, он попросил артилекта-переводчика передать стандартный SETI-образный сигнал приветствия.

Поднять флаг на мачте. Космические полеты и впрямь чем-то напоминают морские путешествия. Заплывы через океан ночи.

Вивьен постучалась.

— Заходи! — рявкнул он.

Он культивировал эдакий бульдожий образ. С каждым днем размораживали (термин «воскрешали» Редвингу не нравился, он отказывался уподоблять анабиоз смерти) всё больше членов команды. Когда их оттают сотни, а потом около тысячи — фаза колонизации, если до нее дойдет, — так или иначе потребуется установить иерархию, поддерживать дистанцию. Даже при первоначальном обследовании без строгих методов командовать более чем парой десятков человек не получится. Это первый контакт человечества с высокоразвитой инопланетной цивилизацией, и критически важны последовательные подходы.

На Вивьен был легкий форменный костюм, Редвинг не устоял и подхватил ее на руки для глубокого поцелуя.

— А-а! — Она отстранилась, он отступил на шаг, прибавив (скорее беспомощно, подумалось ему): — Спасибо за отчет.

Она рассмеялась.

— Об *этом* я отчитываться не стану!

— Гм, нет. Послушай, я тут собирался просмотреть новую передачу от Майры, из Чаши. Хотелось, чтобы ты послушала.

— Да-да, конечно. — Она удовлетворенно устроилась в единственном запасном кресле, хлипком, плетеном, без накидки.

Он обновил стеноэкран, убрав изображение вознесящихся над водопадами Виктория столпов жемчужного пара. Дисплей сверкнул и показал скромный кабинет с деревянной мебелью и видом через окно на высокие облака, скользящие у кромки Чаши.

Майра Викрамасингх выглядела заметно старше. Редвинга это по-прежнему удивляло: глупость, конечно, ведь они обнялись на прощание целых семьдесят два года назад. А что ему следовало бы заметить прежде, так это степень ее счастья. Она не просто улыбалась, а едва сдерживала восторг.

— Майра Викрамасингх вызывает вас из Свободного Владения Гелиос в Чаше. Приветствую, капитан Редвинг! Приятно было увидеть ваше лицо и узнать, что вы благополучно оттаяли. К настоящему моменту обновления отстают на одиннадцать месяцев, учитывая задержку между

Чашей и «Искательницей солнц» при рассылке на скорости света. Но Чаша сокращает отставание по мере вашего торможения. Мы прибудем через пять месяцев после «Искательницы».

— Исходя из вашего последнего сообщения, мы попросили Чашу подлететь к Эксельсии и Глории несколько ближе запланированного. Мы посылаем данные о курсокорректировке. Разумеется, Ледоразумы опасались столкновения с телами местного пояса Койпера, но раз вы докладываете, что там пусто, то бояться нечего. Удивительно, если глорианцы всю эту массу на строительство пустили.

— Конечно, мы не отважимся подойти слишком близко. По мере углубления в систему концентрация массы всё равно нарастает…

Она комментировала сменявшиеся диаграммы. Редвинг смотрел, как по мере прохождения Чаши запланированным маршрутом накладываются друг на друга симулированные приливные взаимодействия, — они были отмечены красным. Чаша была огромна, массой в несколько юпитерианских, но при этом хрупка, ведь размер ее превышал диаметр орбиты пары внутренних планет Солнечной системы, а в центре конструкции пылала звезда. Ледоразумы не хотели, чтобы

приливные взаимодействия сказались на прочности структуры. Это бы сдавило Чашу, вывело ее из контура тела вращения. Опорные конструкции, и без того напряженные, подверглись бы еще большей нагрузке, и это вызвало бы осциллирующие чашетрясения.

Майра наложила на проекцию звезды более ровные кривые.

— Народ детально объяснил мне эту траекторию. Мы приблизимся к внутренним планетам, но сбрасывать скорость без приглашения не станем. Параметры курса в приложении.

— Как им, вообще, удается ее тормозить? — спросила Вивьен.

Редвинг махнул рукой.

— Это метафора. Они могут немного ослабить напор Струи — не спрашивай, как — с помощью диафанов. Но звезду затормозить непросто. Усиленный магнитный бампер шириной в половину светового года и рассеивает достаточно плазмы, но в любом случае столкновения эти подобны падениям листьев на корпус несущейся гоночной машины.

Майра продолжила:

— Кстати, меня всегда интересовало, не получали ли вы новых сообщений с Глории? Ранние

показались угрожающими.

Лицо Майры пошло волнами, его на экране сменили искаженные мультики странной цветовой палитры: массивный чужак, весь утыканный какими-то грозными приспособлениями, колошматит Супермена из вселенной DC Comics. Чудовище со множеством щупалец разрывает на части Иисуса. Глорианцы посчитали, что Чашей рулят люди, пославшие в космос все эти ранние телепередачи. И что людям нравятся мультяшные герои. Возможно, больше они своими антеннами прослушки ничего не уловили? Или просто предпочитают визуальную коммуникацию?

В любом случае смысл глорианского послания в картинках был ясен:

Не суйтесь сюда.

Редвинг сказал:

— Они не хотят, чтобы Чаша к ним наведывалась. Возможно, они тоже хрупки: тяжело тут со всеми приливными взаимодействиями сладить в двойной системе. Чаша и не станет. Она пролетит поодаль. Будем надеяться, что «Искательницу солнц» они сочтут менее грозным объектом.

Майра продолжила:

— Вы наверняка интересуетесь, как дела в Сво-

бодном Владении. — Пошли новые изображения, их было много. Детские фото, потом — групповой снимок с тысячами участников. — Я прикрепила имена. Вряд ли вам они все нужны, но какого черта бы не? Наши внуки взрослеют!

Зеленые возделанные поля. Молодые леса на берегах бурных рек.

— Это земля, которую нам отвели Птицы. Баснословно щедрый дар, его на десятки поколений хватит: участок у кромки, где гравитация близка к земной, площадью примерно с Азию. В любом случае мы его не скоро весь освоим. Мы ведем в основном крестьянский образ жизни, машин строим мало — в смысле распечатываем мало, — но межвидовая торговля налажена. — Картинки совместной работы силов и людей над каким-то сооружением из спиралей, пальцезмейки помогают, заваривая швы оранжевыми лазерами.

— Разумеется, мы всё еще немного осторожничаем.

Новые изображения: вид Чаши из космоса, почти идеальная полусфера, у центра — звезда, бывшая сестра Солнца, извергает плюмаж серебристой плазмы сквозь дыру в донышке. Увеличение: близ дыры заметны повреждения, следы пожаров, охвативших территории разме-

ром с Луну, если не с планету. Напоминание об уроне, который причинила Чаше «Искательница солнц» во время Стычки. Его до сих пор не залечили полностью.

Ледоразумы управляют Чашей адекватнее: я слышала, что они Птиц довольно грубо поставили на место. Впрочем, наша маленькая человеческая колония пользуется их расположением. И всё же… — Ее губы дернулись. — Вряд ли Птицы так быстро простили нас. С ремонтом они не спешат. Может, просто осторожничают. Может.

Майра опустилась в кресло.

— А тем временем мы приняли сообщение с Земли по узкополосному лазеру, я его прилагаю. Ну и морока с ними. По-моему, я описала нашу ситуацию вполне нейтрально, но какие-то альцгеймерники в ООН всё равно умудрились неверно интерпретировать доклад. Люди *не* управляют Чашей! О триумфе гоминид не идет и речи! Господи-и-и-и… — Она раздраженно усмехнулась. — С Ледоразумами на внешней стороне Чаши мы поддерживаем стабильное, хотя и чертовски медленное, общение. Они отдают приказы. А Птиценарод подчиняется. Судя по переводам с их запутанного наречия — артилекты-переводчики,

слава богу, делают успехи, — Ледоразумы опасаются повреждения замороженных «мыслесвязей» из-за приливных воздействий при виражах Чаши близ Глории. Не имею представления, что там за «мыслесвязи» такие, но, впрочем, всегда трудно понять, о чем Ледоразумы толкуют.

Майра заглянула в заметки и отхлебнула кофе. При записи таких посланий выдерживать нужный тон нелегко; Редвинг много раз отправлял Земле доклады, зная, что прежде, чем они будут услышаны, сменится пара поколений, и у него возникало странное, жутковатое ощущение.

— Итак, ООН хочет доступа к тому, что известно нам, а, честно говоря, мы не горим желанием открывать им слишком многое из того, чему научились. — Майра опять скривила губы, на сей раз презрительно. — Не доверяю я этому генсеку ООН, Ишмаэлю Гордону. Он всё выспрашивает, как устроены чудеса Чаши. Более того, мне Птицы и Ледоразумы в любом случае не расскажут всего, не откроют самого значимого. Но я и так бы не проболталась.

Она пожала плечами.

— Ну, кое-что я им всё же рассекретила. Невероятно прочные материалы здесь обычны: вы же помните — опорные конструкции Чаши из

нейтрония. Это можно. Про это я им рассказала. Источники энергии, которые легко применить в военных целях… хочется верить, что не всегда — только в таких целях. Но это я предоставлю решать вам, капитан! — Она весело рассмеялась. — Я ведь простая кап-три, вы в курсе. Не стану брать на себя ответственность, за которую мне не доплачивают.

Вивьен поставила запись на паузу.

— Ты это уже слышал?

Редвинг удостоил ее одним из своих фирменных порицающих взглядов.

— Кое-что. Я делаю вид, что из-за плазменных шумов детальные планы пересылать не получается.

— Ха! — Вивьен возобновила воспроизведение. — Умница. Даже если по узкому лучу пересылать, наш сигнал по всей внутренней Солнечной системе разнесется. Слишком много народу услышит.

Майра продолжила:

— А та гамма-пушка, которой Птицы так гордятся? *Нет уж*! Тут одна такая недалеко, на кромке торчит, жутко мощная и уродливая фиговина. Они ее однажды включили, чтобы избавиться от бродячего астероида, это много лет назад было:

пуфф! Не осталось ничего, кроме фейерверка. Другие технологии, которые у Птиц отработаны до совершенства: евгеника, генная редактура… они же редактируют себя под нужды окружения. Потрясающая изобретательность! Но я не хочу ничего такого этому Гордону с его приклеенной улыбочкой выдавать. Они там не просто, гм, универсальных солдат наплодят. Они весь человеческий геном переделывать по прихоти заказчика возьмутся. Брр! Я себе так и представляю детей, разработанных для чистки канализационных труб.

В продолжение этой речи картинки сменяли друг друга. На звездном фоне пронеслись три искры.

— Корсары из Чаши приближаются к Эксельсии. Им до вас, наверное, месяцев восемь. Мы не получали от них никаких сигналов. Три корабля размерами примерно с «Искательницу солнц». — Лицо ее просияло. — Что еще? Вы помните, что я вышла замуж за Фреда Ояму, — давно это было! Трое детей, четверо внуков. Красота! Мы с Фредом и некоторых размороженных детей воспитали, конечно. В приложениях всё это есть. И сообщение от Бемора для Бемора-Прим — вам оно, наверное, пока не понадобится. И от нас

всех тоже.

— У нас есть снимки Глории и ее спутника с телескопов. Они различаются по размерам и яркости, но по динамике нутации похоже, что масса у них одинаковая. Непонятно, почему так, нужны подсказки! Вы сейчас уже, должно быть, пролетаете облако Оорта системы Эксельсии и много всего узнаете. Держите нас в курсе. Мы все на вас рассчитываем; наш статус перед Ледоразумами зависит от ценности ваших находок, капитан.

Она энергично отсалютовала.

— С нетерпением ждем следующего послания от вас.

Вивьен тепло произнесла:

— Ты, наверное, хорошо управлял командой там, в Чаше. Надо бы и мне приглядеться к твоим методам.

Редвингу это польстило, но он не подал виду.

— Я кое-кого потерял в Чаше.

Она пожала плечами.

— Неизбежные жертвы. Но лояльность, которую ты взрастил в них, продержалась более семидесяти лет.

— Благодарю. Один из недостатков капитанского ранга в том, что комплиментов ни от кого не слышишь.

Она лукаво усмехнулась.

— Ну, я одними комплиментами не ограничусь.

6. Двойные миры

Тонкая светоносная линия между двумя мирами поначалу выглядела артефактом обработки данных — но нет. Картинка на экране медленно, грациозно поворачивалась. Прямая линия представляла собой грандиозную конструкцию. Утолщенный сегмент в правой ее части мерцал синим и зеленым.

— Двойная планета, — произнес Клифф. — Черт побери! Непонятно, как так получилось, что и мы, и земляне это упустили из виду.

— Легко, — сказал Редвинг. — По крайней мере в ретроспективе. Мы наблюдали систему с ребра. Орбита вокруг звезды расположена в той же плоскости, что и эта орбитальная пара. Поэтому наблюдается наложение спектральных сигнатур двух миров. Они совершают оборот вокруг общего центра масс примерно за неделю. Когда срок наблюдения измеряется днями, легко перепутать.

Они неловко поерзали. В капитанскую каюту с трудом влезали четверо, а Вивьен пришлось залезть на откидное сиденье. Редвинг не хотел выносить это обсуждение на мостик, где его мог-

ли услышать слишком многие.

Бет энергично закивала.

— К тому же конструкция эта, гм, странная. Прямая линия между планетами. Я попросила астроартилекта просканировать ее в высоком разрешении. У нее биосигнатура солиднее, чем у самих планет.

Клифф поднялся, не выказывая признаков усталости, и отметил две точки в воздухе над столом Редвинга. Бело-голубая и серая — они исполняли вальс в пространстве, а тонкая линия соединяла их.

— Согласно стандартным астрономическим критериям, наши Плутон и Харон — двойная планета. Они вращаются вокруг точки, которая расположена вне обоих. Барицентр. — Клифф развернул в воздухе рядом с движущимися точками подробные данные. — Отношение масс порядка 2/3. Отношение же масс Харона и Плутона около 0.12, а астроартилект считает их карликовой двойной планетой.

— Тогда эти, гм, близняшки Земли — тем более?

Клифф кивнул.

— Надо полагать. Астроартилект утверждает, что в далеких звездных системах такие случаи

известны, но в сравнительной близости от нас еще не были обнаружены.

— Одно это обстоятельство уже оправдывает наш прилет сюда, — пробормотала Вивьен. — А помните, как мы отчаянно грызлись с той фракцией, которая считала строительство звездолетов пустой тратой ресурсов? Всё, что нужно, мы-де можем выяснить с помощью огромных космических телескопов.

Бет рассмеялась.

— Тушé!

Клифф увлеченно продолжал:

— Система эта гравитационно связана теснее, чем Земля и ее Луна. У нее совокупная масса заметно выше. Два мира в приливном резонансе, опять-таки подобно Плутону и Харону. У каждой планеты масса поменьше земной, но Глория примерно на четверть массивнее меньшей… кстати, как ее обозвать?

Редвинг не озвучил своего предложения, давая остальным время подумать. Потом Вивьен сказала:

— Честь! И слава нашей экспедиции.

Они рассмеялись. Бет отозвалась:

— Ага, хватит уже в небесах всему подряд имена древних богов и мифологических героев

шлепать.

— Вот эта прямая, как палка, конструкция, — Вивьен махнула рукой, и масштаб укрупнился, — вроде бы утолщается приблизительно на двух третьих пути к меньшей планете. Что это, космический лифт, обслуживающий два мира?

Бет помотала головой.

— Я сначала так и подумала. Космические лифты привлекательны, потому что их технология поддается масштабированию: можно вытащить в космос сырье, необходимое для наращивания конструкции. Но эта штука шириной более двух тысяч километров, а на том бугорке еще шире. Конечно, лифты там есть, но она *гораздо* крупнее, чем необходимо. На Земле таких сейчас, по утверждениям артилекта, около пятидесяти, но эта штука — как бишь ее назвать? — длиной под двести тысяч километров[7], это больше половины расстояния от Земли до Луны. Нет, она предназначена для чего-то иного — чего-то более масштабного.

— Например? — уточнил Редвинг.

Он отказался от идеи окрестить меньшую планету Викторией: чересчур пафосно.

---

[7] Примечания: 7

У авторов «двести километров», что является явной ошибкой и исправлено по смыслу.

— Например, вот для этого, — Бет вызвала данные спектрального анализа, сделав пометки на линиях.

Клифф присвистнул и ткнул пальцем.

— Хлорофилл, вода, метан, озон, линии поглощения, типичные для зеленой растительности. Это обитаемая зона, а не лифт.

— Живой лифт, — проговорила Вивьен. — Приближение дашь?

— Само собой… — Появилась мерцающая решетка цвета слоновой кости, наложенная на картинку. — Похоже, что основа металлическая. Пересечения с правильными интервалами в подстилающей структуре. — Бет показала: — Вот это похоже на кабели.

— Скрепляющие всё воедино. Кружевная какая. — Вивьен улыбнулась. — Наречем ее Паутиной.

— Почему? — спросил Клифф.

— Потому что ее явно сплело что-то живое.

Эта реплика также спровоцировала смех. Редвинг приписал радостное возбуждение чувству, которое испытывал и сам: облегчению и восторгу открытия. Двойная планета! *Мы на такое и не надеялись. Превосходит все ожидания.*

— И вот еще, — сказал Клифф, отметая взма-

хом руки ползущие по проекции химические формулы.

Ее сменил простой график на координатной плоскости.

— Здесь показан гравитационный профиль этой, гм, Паутины. Я начал расчеты в точке, расположенной чуть выше уровня атмосферы Глории, слева, приняв местную силу тяжести за условную единицу. Заметьте, как она быстро падает в пределах нескольких радиусов Глории. Итак, когда взбираешься по Паутине, попадаешь в очень длинную область с очень низкой силой тяжести. — Клифф распростер руки и взметнул брови. — *Реально* длинную — зона обитаемости крупней любой планеты, кроме гигантов вроде Юпитера. А по мере приближения к Чести, которая находится приблизительно в двадцати семи радиусах Глории, гравитация снова возрастает, направляя путешественников к поверхности.

— Значит, это своего рода длинный цилиндр, полный жизни, которой не приходится слишком бороться с гравитацией… — Глаза Бет уставились вдаль. — Вся эта система — Глория, Честь, Паутина между ними — вращается в небесах, словно одно жестко скрепленное сооружение.

— Ты бы хотела туда отправиться, не так

ли? — тепло улыбнулся Редвинг. — Чаши тебе не хватило, Бет? Твой аппетит к исследованию экзотических обитаемых зон, гм, неутолим.

— Ага! — усмехнулась она.

— Но и это еще не всё, — продолжил Клифф. — Взгляните…

В воздухе отрисовалась поверхность с полукругами по границе.

— Я попросил артилектов отобразить орбиты, занимаемые в пространстве Глорией и, гм, Честью по мере вращения вокруг звезды. В точном масштабе. Вот.

Глория и Честь вращались по идеальным круговым орбитам в той же плоскости, что и вся система планет Эксельсии.

— И что нам это говорит о глорианцах? — спросил Редвинг.

— Слишком близки эти орбиты к круговым, *нарочито*. Эллиптичности нет. Либрация отсутствует. Динамика планетарного вращения не меняется. Никаких напряжений и деформаций Паутины. Всё это тщательно продумано и воплощено инженерами. — Клифф помахивал рукой, отмечая сказанное на орбитальном графике. — Система Глории и Чести вместе с Паутиной, со-единяющей их, невероятно устойчива. Это не

может быть изначальной счастливой случайностью.

Долгое молчание.

Редвинг такими мгновениями всегда наслаждался. Собрать вместе команду умниц и запустить пинг-понг их гипотез. Вбросить новую информацию. Размешать. Подогреть. Протушить. При этом на удивление часто получаются свежие концепции.

— Итак, это мегаинженерная конструкция истинных мастеров. — Заговорила Вивьен. Редвинг заслышал нечто подобное прежнему ее тону — гортанному, резковатому, властному. — Мы имеем дело с глорианцами, умеющими перегоравиваться на гравитационных волнах, двигать миры…

— Они не очень-то словоохотливы, — перебил Редвинг.

А мы летим к ним, словно мотыльки на свет лампы.

— …предположим, что они интеллектуально развиты сильнее нашего. И старше. Гораздо старше.

Клифф проговорил:

— Астроартилект только что уточнил оценку возраста Эксельсии по линиям эмиссии металли-

ческих элементов в ее спектре. Она примерно на полмиллиарда лет старше Солнца.

Редвинг отмахнулся.

— Аналитики-паралитики… Мы начинаем глубокое погружение, ребята. Я приказал артилектам завязывать с планетарным маневром — вон того нептунообразного гиганта по правому борту. Мы еще сильнее затормозим и опишем длинную петлю вокруг двойной планеты.

Они изумленно уставились на него.

— Что, вот так… с *корабля* на бал? — запнулась Бет.

— Думаю, в этом случае лучше взять быка за рога, — отрезал Редвинг и встал, дав понять, что совещание окончено.

Остальные вышли.

Спустя несколько мгновений Вивьен вернулась одна — буквально ворвалась в каюту.

— Какого черта?!

Он улыбнулся открытой улыбкой, подняв руки и оттопырив большие пальцы.

— С Глории принято сообщение. По узкополосному лазерному лучу.

На стене каюты развернулась графика. Мультяшная «Искательница солнц», в достаточно высоком качестве, чтобы стал заметен таранный

двигатель. Неестественно яркий и тоже мультяшный Супермен верхом на ней: летит из дальнего мрака, петляет вокруг двойной планеты. Супермен достиг серебристой нити, сочленявшей Глорию и Честь. Абстрактная Паутина увеличилась в размерах, корабль поравнялся с ней; Паутина потеснилась, выделила ему место для парковки, сделалась прозрачной, так что теперь стала видна сложная сетчатая подструктура.

— Кажется, объект размером и массой с «Искательницу» возражений у них не вызовет, — заключил Редвинг.

Вивьен покосилась на мультипликационное приглашение в повторе и свела густые брови в гримаске подозрения.

— Таранный двигатель «Искательницы» — довольно опасная для биозоны штука, чтобы нас с такой готовностью подпускать.

— Наверное, они больше опасались массы Чаши. Или выяснили, что не мы были ее хозяевами. Ошибка вышла, только и всего. Они заметили приближение Чаши из той же точки, где при взгляде отсюда располагается Земля.

— Сомневаюсь я в этом. — Вивьен заметалась по маленькой каюте. — Ну да, понятно, что они хотели отпугнуть Чашу. Но… почему бы тебе

не показать этот сюжет остальной команде? Сейчас?

Он попытался удержать на лице загадочную улыбку и не смог.

— Это бы нарушило работу командной иерархии. Капитан определяет курс.

Скептическая усмешка пробежала по лицу Вивьен.

— Почему же тогда ты мне показываешь? Лично?

— Потому что я хочу назначить тебя на должность старшего помощника.

— Чего-о-о?!

— Ты обладаешь достаточной квалификацией.

— Но мы…

— Любовники, так точно. Это всем в команде положено. Цель — воспроизводство. Я просто слегка опережаю график.

Она села, оглядываясь с таким видом, словно заново оценивала всё кругом.

— Узна́ют ведь.

— Естественно. И это хорошо. — Он сухо вскинул брови. — На каждом корабле должны слухи ходить. Это вроде смазки для колес.

Она снова поднялась, еле заметно вздрогнула, точно подавляя какое-то нутряное беспокойство.

— Ладно, кэп, ладно. Если глорианцы нас приглашают, так тому и быть. Возможно, это из-за того, что ты натворил в их пустынном облаке Оорта.

— Имеешь в виду маневр пролета мимо их гравиволнового передатчика? Атаку на Бет и Клиффа?

— Импульс, которым они метили уничтожить прилетевших разумных существ? Ха! Ты спроси себя, почему этот гравиволновый излучатель так для них ценен?

— Не знаю. А почему Эрмитаж в Санкт-Петербурге был так ценен, что красные[8] вокруг него возвели внушительное ограждение, чтобы не утонул в подступающем море?

Она хмыкнула.

— Тут сравнивать нечего. Глорианцы с легкостью жонглируют черными дырами планетарных масс. Как можно это…

— Произведение искусства? Еще что-нибудь важное для самоутверждения? Искусство — человеческая категория, знаешь ли. И наука

---

[8] Примечания: 8

Так у авторов. Не вполне ясно, шутка это (в традициях «красной угрозы», культивируемой в США) или же Редвинг намекает на какую-то реставрацию Советского Союза/коммунистической идеологии на территории России и сопредельных стран.

тоже. — Он откинулся в кресле, заведя руки за голову, потянулся, словно крупный красивый зверь, в тесноте каюты. — Давай не будем стреноживать воображение.

Вивьен смотрела, как разрастается в поле обзора серо-голубой мир: ледяной гигант размером с Нептун.

— Формально я квартирмейстер этой вахты, — сообщила она Бет, — но делать мне нечего, кроме как смотреть.

Бет кивнула.

— Мы углубляемся в систему, балансируем на магнитных полях, точно канатоходцы. Понятное дело, лишь артилектам под силу требуемое быстродействие. Вот пускай и выполняют свою работу. — Она махнула рукой в сторону трехмерного экрана. Магнитосфера планеты оказалась необычно широка, почти как у Юпитера. — Импульс гасят.

Нос корабля лизали бурные синие потоки плазмы. Вивьен было известно, что Редвинг ее специально назначил на эту вахту, чтобы набиралась уверенности. Сам он уже два года руководил торможением: требовалось сбросить девяносто девять процентов крейсерской скорости — с десяти тысяч километров в секунду

до тридцати километров в секунду, скорости вращения Глории, — и теперь дело подходило к концу. Гигантская магнитная ловушка «Искательницы» продолжала заглатывать плазму из уплотнившихся потоков звездного ветра, сухожилия корабля напрягались, внутренности перегревались. Пролет мимо ледяного гиганта позволил дополнительно сбросить заметную часть скорости, магнитные тормоза работали славно. Вивьен смотрела, как Дафна и Аполлон скользят по внешней границе ударной волны, возятся с пружинящими линиями напряженности поля. Какая странная у диафанов работа! Вивьен поначалу приняла слова Клиффа и Редвинга о магнитных интеллектах за шутку, ан нет.

Бет проговорила:

— Нырок между этими прекрасными кольцами и планетой опасен. Зачем так рисковать? Если на скорости в какую-нибудь каменюку врежемся…

— Дафна сказала, что они оттолкнут крупные обломки прочь, если потребуется, — Вивьен мерила шагами мостик.

Бет нахмурилась.

— Поневоле задумаешься, на что они *не* способны.

Они смотрели, как спутный поток отлущивает-

ся от внешних областей поля. Магнитные вихри противоположных полярностей, перезамыкаясь, вспыхивали на дисплее алыми и зелеными фейерверками. Исчезающие магнитные структуры извергались плазменными вулканами.

— Эй! — вскрикнула Вивьен. Навстречу летела темная точка. — Камень!

Из ударной волны вылетела беловато-синяя вспышка и поразила черную точку. Последовала ожесточенная битва: сыпались желтые искры, струилась жаркая плазма. В конце концов точка вильнула в сторону и исчезла.

— Ничего себе, — протянула Бет. — Раскаленный газ против безмозглой скалы… пуфф — и нету!

Экраны на мостике были оборудованы отдельными модулями голосовой связи с диафанами. По вспомогательным дисплеям бежали короткие уведомления и потоки данных о конфигурации полей. Но вот они сменились лаконичной фразой:

Время нам уходить.

— Э? — не поняла Вивьен. — Куда?..

Мы доставили вас к цели. Теперь у нас новая. Нам пора отбывать.

Она увидела, как Аполлон и Дафна — самород-

ки, озаренные золотистым сиянием, — скручиваются с внешнего слоя головной ударной волны корабля.

Вивьен позвонила Редвингу. Он, по идее, должен был спать, но ответил сразу же.

— Сэр, требуется ваше присутствие на мостике. Взгляните на экран связи с диафанами.

Щелчок.

Она ничего не предпринимала, пока не появился Редвинг. На удивление, был он в униформе, а не в привычной свободной одежде. За несколько минут промедления диафаны удалились на значительное расстояние, потускнели, пронеслись на фоне диска гигантской планеты, будто фигуристы по льду зимнего озера.

Редвинг нахмурился. Перечитал сообщения, поглядел вслед удаляющимся золотым точкам.

— Они летят на окраину системы. Готов биться об заклад — поймали солнечный ветер и несутся к чернодырному передатчику.

— Могли бы у нас разрешения спросить! — запальчиво бросила Вивьен.

Бет кивнула.

Редвинг фыркнул.

— Всегда легче получить прощение задним числом, чем разрешение.

Он негромко обратился к переводчику и вскоре получил ответ.

Мы направляемся к малым массам, чтобы подробнее исследовать Других. Столько всего поведать они могут. Вы же хотели понять, как устроены эти массы, порождающие рябь пространства-времени? Нам также интересно. Следите за нашими рассказами на этих волнах.

Вивьен спросила:

— Значит, они заинтересовались формой жизни, похожей на них самих?

Редвинг кивнул.

— А кто бы не заинтересовался на их месте? Мы стремимся выяснить, кто такие — или что такое — глорианцы, конструкторы мегаинженерных миров-флюгеров. Диафанам интересен другой род мегаинженерии, конструирование систем черных дыр. Мы бы там и секунды не продержались. А они полетели посмотреть…

Он склонился к переводчику.

— А как же мы будем управляться с корабельной магнитосферой без вас двоих?

Вивьен наблюдала за диафанами — точки подскакивали на плазменных течениях, пока оставленная ими бахромчатая конфигурация

магнитного поля «Искательницы солнц» продолжала хлопать на невидимом ветру и унимать плазменных фурий, взлетавших по периметру ловушки.

Два диафана ответили:

Мы вырастили и обучили аппроксимации себя самих. Они молоды, но способны. Малые продолжат работу с вами и для вас. Они нащупают пульс.

— Это что, шутка такая в конце? — скорчила гримаску Бет.

— Наверняка ирония. — Редвинг хмыкнул. — На что эти плазменники не способны, так это на прикосновение к холодной пассивной материи вроде нас.

7. Садоводство

В коридорах попадались существа.

Пальцезмейки, похожие на ужей с расщепленными на четыре отростка хвостами. Вивьен видела, как они ввинчиваются в люк служебного прохода, лезут что-то починить. Хэнди, обезьяноподобная зверюга, у которой вместо рук и ног росли инструменты. Анорак, пятилапый паук — нет, псевдопаук, — ростом не уступавший людям, с громадной башкой. Повстречав Анорака в коридоре, Вивьен почувствовала, как сердце подскакивает к горлу, но милая животинка уступила дорогу и вежливо поздоровалась.

Все эти создания были незнакомы Вивьен. Устройства перевода, которыми они пользовались, тоже. Но общаться получалось.

Многое изменилось после отлета с Земли.

Вивьен возвращалась в каюту и наверстывала упущенное. Она выводила на стену изображения Чаши, изучала принципы, по которым та функционирует: исполинское творение, залитое сиянием вечно стоящего в небе красного солнца, земли с жарким, приятным для динозавров климатом.

Спутницей солнца была Струя, разгонявшая всю конструкцию. Без диафанов управление Чашей оказалось бы невозможно. Ищете кого-то на должность звездного менеджера? Вот вам дети магнитных петель, эволюционировавшие в пылающей плазме. Наймите местных.

Когда «Искательница солнц» покидала Чашу, двое диафанов выразили желание поселиться в магнитной ловушке корабля. Разумные метелки высокоэнергетических ионов, способные мыслить, скользить в плазменном потоке и парить на крыльях незримых давлений.

«Искательница» показалась диафанам интересной новинкой: они увлеченно помогали регулировать геометрию магнитной ловушки, оптимизировать параметры выхлопа и сами подстраивались под геометрию корабля и требования разгона. Возможно, они стремятся познакомиться с диафанами, обитающими у других светил? Вивьен подозревала, что истинные мотивы плазменников останутся непостижимыми. Действительно, зачем бы сплетению магнитных полей подчиняться приказам капитана, мешка плоти и влаги?

«Искательница солнц» на крейсерской ско-

рости $0.2c$[9] двигалась в семьсот пятьдесят раз быстрее, чем нужно, чтобы вырваться из Галактики[10]. Неслась на всех парах, и уклониться от любого столкновения ей было затруднительно. За работу плазменной ловушки при релятивистских скоростях и давлениях отвечали существа, способные мыслить именно так быстро, как этого требовала ситуация.

Вивьен открыла ролик, демонстрировавший первую встречу Бет с диафанами — самую первую, когда та вела корабль сквозь Струю. Визуальные данные, предоставленные корабельной аппаратурой, выплескивались далеко за пределы видимого спектра в обоих направлениях. В более привычной цветовой кодировке менялись и сдвигались оранжевые и пурпурные полосы, по ярко-синим плоскостям хлестала желтая пена. Подобно стаккато метались пятнистые

---

[9] Примечания: 9

Вообще говоря, термоядерник с таранной ловушкой Буссарда, работая на протонно-борной реакции, разогнаться до такого темпа не может — его предельная теоретическая скорость ограничена приблизительно 0.04 скорости света Однако можно предположить, что усовершенствованная диафанами конструкция это позволяет.

[10] Примечания: 10

Различные оценки четвертой космической скорости в близких окрестностях Солнечной системы дают 490–590 км/с (около 0.002 скорости света), то есть в шесть-семь раз выше, чем получается у авторов (около 0.00026 скорости света).

зеленые формы. То там, то тут извивались и сплетались ураганные энерговихри. Алые вспышки принесли резкий надсадный скрип: это дошли акустические колебания, которыми диафаны пользовались вместо речи. Первое сообщение для Бет от тех, кто управлял Струей[11]:

Кто здесь опустошение сеет во владениях наших, ничего не разумея?

Ведомы ли вам переменчивые законы жизненных течений?

Где были вы, когда обрела форму великая Чаша?

Можете ли возвысить голоса к звездным облакам?

Незримым полям утвердили ль вы определения?

Способны ли тела ваши положить меру пламенникам светил могучих?

Разве давали вы когда в жизни приказания мимопролетным звездам или указывали заре место ее?

Во власти ль вашей охватить Чашу за края и вытряхнуть из нее нечестивых?

---

[11] Примечания: 11

Здесь расхождение с сюжетом *Корабля-звезды*, где нижецитируемое послание слышит Тананарив Бэйли. Впрочем, не исключено, что и Бет на «Искательнице» также могла его принять.

Странствовали ль вы по глубинам жара, по тайным проходам хрупкой ночи?

Входили ль вы в хранилища Ледоразумов, взыскуя преданий своего далекого прошлого?

Зрели ль вы за край времен необозримых?

Ответы ваши не оправдают попытки наложить окаянные руки на машины темных чудес.

Однажды так поступили, но не сможете никогда впредь, ибо места для вас не останется.

Пространство и время, связь коих тщились разъять вы, пребудут отныне без вас.

Вивьен незамеченной проникла в каюту Редвинга. И снова застала его в пижаме: капитан знал, когда можно расслабиться. Редвинг поморгал, глядя с откинутой койки на выведенное Вивьен в воздухе сообщение от диафанов — вполне библейское по стилистике.

— А, да, — протянул он. — Мы потом догадались, что у них был доступ к обширным данным по нашей собственной истории. Через тех здоровенных пернатых, управленцев Чаши. Птиценарод. Они обыграли Ветхий Завет, полагая, что это произведет на нас впечатление.

— И как, произвело?

— Еще бы! Мы вступили в переговоры и узнали,

чего именно они хотят. Вот их окончательное требование. — Он взмахнул рукой.

Артилект каюты дописал к парившим в воздухе словам:

Теперь мы желаем изучить глорианских миродержцев
лично, чтобы они признали нас
за равных себе.
Именно поэтому Чаша ныне
направляется туда:
мы рассудили, что готовы.
Доселе мы не осмеливались[12].

Вивьен моргнула.

— Самоорганизующиеся магнитные поля, разумные мешки плазмы, собирающие энергию Струи. И они каким-то образом — возможно, через посредство Ледоразумов — говорят по-английски? И они, если захотят, могут стать крупнее планет? — Она театрально повалилась на кровать и присвистнула. — Блин, у меня перегрузка.

Редвинг улыбнулся.

— Помнишь тот баннер? ХОЧУ К ЗВЕЗДАМ СВАЛИТЬ, ТУДА КРЫША УЕХАЛА. Ну, мы с тобой

---

[12] Примечания: 12

Здесь расхождение с сюжетом *Корабля-звезды*, где эти слова приписаны Ледоразумам.

пустились в это странствие еще и потому, что между нами разгорался роман — нет, *любовь*, — и мы не хотели расставаться.

— А теперь мы становимся еще более странными и, гм, безумными, чем раньше друг другу казались? Что ж, ты честен. — Повинуясь порыву, она наклонилась и поцеловала его.

Ему это понравилось, и следующий час они уделили более важным вопросам. Начиная с длинного сочного поцелуя. Ей нравились опытные мужчины. Морщинки их кожи, перекат мускулов, резковатый мускусный запах, рассудительные улыбки, груз нажитой мудрости за плечами…

Под конец, пока еще оставалось время до дежурства, он сел на койке и проговорил, возвращаясь к привычному деловому тону:

— Я размышлял. Смотри, Чаша летает по маршрутам, которые охватывают значительный сегмент Галактики. Они бы уже большую часть местного спирального рукава могли колонизировать. Но эти Птицы… глубоко консервативный народ. Они не основывают колоний.

— Да? А откуда у них такой интерес к глорианским делам?

— Именно это меня и озадачивает. Возможно,

их заинтересовал гравиволновый излучатель.

Вивьен сдвинула брови.

— Гм. Они утверждают, что нежелание покидать Чашу обусловлено ее идеальностью, да? Она-де отвечает всем нуждам разумных динозавров. Тепло, погода предсказуемая, вечный день. Они не хотят улетать. И?

— Тогда кто же занимается исследованиями? Отщепенцы, девианты — вроде Сорвиголов, об отлете которых упомянула Майра. Они сорвались с кромки крутящейся Чаши и рванули к нам. Однако в сравнении с настоящими планетами Чаша — мягкая среда, она способствует изнеженности. Народ не желает этого признавать, но всё ведь ясно. Они пытались основывать колонии, но терпели неудачу за неудачей. После миллионов лет жизни в этом чудесном стабильном окружении — сущий рай, верно? — они разучились адаптироваться к планетным условиям.

Вивьен взглянула на задумчивое, покрытое морщинками лицо капитана и осознала, что действительно его любит, всё еще любит этого трудягу спустя более века после знакомства. Он жалел, что не спустился в Чашу, а сейчас перед ним еще более странная цель, посетить которую лично ему тоже, вероятно, не удастся — команд-

ный пост на корабле не позволит. Однако Редвинг по-прежнему излучал нетерпение, предвкушение открытия, радостное предчувствие.

Пожалуй, стоит произнести это вслух:

— Ты же знаешь, я люблю тебя.

Бет понравились слова Редвинга на последнем собрании командного состава: он объяснил, почему выбрал такое имя для светила глорианской системы. Excelsior на латыни часто переводится как «вечно вперед», «еще выше» — таковы и наши цели здесь, сказал Редвинг. Элегантная фраза. Эти возвышенные раздумья помогали коротать время за чисткой туалета.

Бет отвечала за четыре стихии, помогавшие поддерживать жизнь на корабле: воздух, воду, углерод и информацию. Бортовая экология не просто наука — это сама жизнь. В туалетах аккуратно сортировались твердые и жидкие отходы — зря, что ли, природа для них раздельные пути выброса предусмотрела? Моча перерабатывалась: в ней восемьдесят процентов полезных веществ. Кухонные отбросы, конечно, тоже отправляли в утилизатор на переработку. В раннюю космическую эру для процесса переработки и рекультивации придумывали разные эвфемизмы, а остановились в итоге на ОДОД = Отдели Дерьмо

От Доходов. Это сокращение быстро стало на Земле модным обозначением утомительной работы. Единственный фокус, который биотехнологам, увы, пока оказался не под силу, — прямая конверсия твердых отходов во что-нибудь полезное для человека или хотя бы не вонючее. Из биогумуса и продуктов переработки органика поступала в корабельные омнипринтеры, способные сооружать всякие полезные штуки — был бы углерод.

Отработав свое в химотсеке санузла, Бет направилась в камеру переработки. Принтеры походили на самогонные аппараты: круглобокие, с высокими горлышками, вытянутые к раскидистой подсветке. Да уж, мощное тут варево гонится: под присмотром духов межзвездного вакуума и атомной перетасовки. Бет жалела, что в конструкции нанoперегонных аппаратах не предусмотрены окна. Ей всегда было интересно, как проходит акт творения, — вот бы заглянуть через чистейшие, идеальные алмазные окошки. Хотя, возможно, лучше оставить этот акт в тайне. Атомы, везде атомы: микроскопические механизмы, мельче вирусов, хитроумные узелки заплетаются вокруг углеродных фрагментов, переносят их по фуллереновым каналам к… так, пора перекусить.

Толстых звездолетчиков не бывает. Мускулистые — бывают: напряжение и скуку лучше сбрасывать, упражняясь в гравицилиндре. А вот избытку калорий взяться неоткуда — это вам не старая добрая естественная еда.

Бет уже давно поняла, отчего команды кораблей так придирчивы к меню, — это единственная оставшаяся связь с естественным миром для тех, кто живет в металлической оболочке. Клифф на это замечал: «А как насчет секса? Нет ничего старомодней и ближе к природе!»

Подали кашицу, отдаленно напоминавшую раздавленную мякоть авокадо. Вивьен скорчила гримасу:

— Брр! Это овощной майонез, что ли?

Бет старалась держаться вежливо со свежеразмороженной коллегой, которая хоть уже и дослужилась до старпома, но толком ничего не знала. Стоило показать меню.

— Значит, вот какое у артилектов представление о высокой кухне, — протянула Вивьен. — Клубничные нотки, послевкусие бузины, сливовый аромат, даже «клубничные нотки с ореховым послевкусием» — они так описывают фальшвино?!

Бет рассмеялась.

— Я к нему подходящего мяска распечатаю, окей, старший помощник?

— Бет, оставь эти ранги. Нам артилект-повара ведь Земля наверняка обновляет. А откуда берется питательная смесь для клеточных культур? Растениям нужны микроэлементы, да, но реалистичный вкус животной пищи требует клеточных линий с мудреными питательными средами.

Бет хмыкнула.

— Гм, ну, там не «мясо» как таковое, а что-то вроде бекона, жаренного ломтиками на сковородке. Ну хоть хрустит, верно? Впрочем, когда выпадала моя вахта по камбузу, посетителей было немного, пока я не придумала скармливать навозных червяков тиляпиям или другим рыбам. В пруду сейчас пустовато, если сравнивать с теми дежурствами. Я сильно занята была на разморозке.

Вивьен поставила на столик бокал вина и начертила в воздухе условный узор. Замерцал график. Кругом поднялись шепотки.

— Я только что получила это от астролекта. Данные детального спектрального анализа того массивного бугра, выступающего из Паутины, или как ее там.

Вивьен сделала паузу: все присутствующие заинтересованно повернулись к трехмерному экрану. Тот удлинился и принял форму треугольной пирамиды, так что каждая группа могла видеть данные на своей грани.

— Там полно молекул, ассоциируемых с биозонами, — проговорила Бет. — А что значит «эффективная высота»?

— Расстояние от внешнего твердого слоя — не стала бы называть его поверхностью, эта вуаль ведь не планета. Будем считать, что высота атмосферы, расположенной выше уровня растительной жизни.

— А *это* еще что такое? — Бет ткнула пальцем в дальний левый край графика. — Видишь? Озоновый слой. Озон, трикислород, задерживает ультрафиолетовое излучение. Наверняка искусственный. Земной озоновый слой, если его распределить на уровне моря, имел бы толщину не больше пары дюймов. Он тонкий, но жизненно важный. Как видишь, озоновая линия встречается вплоть до высоты сорока километров над растениями. Хорошая изоляция.

— Как похоже на Землю, — заметила Вивьен, приглядываясь к детализированным спектрам. — Высокие растения, а серебристые опоры

поддерживают их.

— Возможно, они эту штуку на месте вырастили? — задумалась Бет. — Паутина обладает прочностью на разрыв вдвое большей, чем у стали, а эластичностью — в тридцать раз большей. Только насекомые способны к производству жидких кристаллов такого рода, но в этом масштабе…

— Кто знает, верно? — пожала плечами Вивьен. — Мы прилетели на поиски диковинных чужаков, ну так вот они. Но… вид у тебя встревоженный.

Бет загребла ложкой жареных сверчков с чесноком — еще утром они скакали в инсектарии — и стала задумчиво жевать.

— Когда готовили экспедицию, я среди прочего знакомилась с новостями медицинской микробиологии — помню, как подумала, что людям на долговременной основе не выжить ни в одном уголке Солнечной системы. Мы эволюционировали на Земле, мы к ней приспособлены, поэтому без ее условий нам здоровья не видать, во всяком случае, такого, какое сейчас привычно землянам, — двухсотлетней жизни.

Вивьен кивнула, предугадав направление разговора.

— Я тоже помню. Преобладавшая в те времена точка зрения. Мы, дескать, дети старой доброй Земли и полностью от нее зависим. Чрезмерно длительное пребывание при низкой гравитации вредит здоровью. Эмбрионы нормально развиваться не будут и всё такое. Это действительно могло бы оказаться серьезным препятствием…

Бет осознала, что они ходят вокруг да около.

— Итак, сумеем ли мы адаптироваться к этой совершенно незнакомой среде и *размножаться* там? В этом и загвоздка, да?

Вивьен похлопала Бет по плечу.

— Тут я полагаюсь на нашего старшего биолога.

Бет мягко рассмеялась.

— Я копалась во всём, что приходит с Земли: тысячи новостных выдержек, научные статьи, даже политические заметки… и отыскала кое-что реально важное.

— Да?

— Ты помнишь, как обстояли дела, когда мы улетали. Землей управляла ООН. Они контролировали Луну, флот у них был крупный, хотя и старенький. Ну, они по-прежнему самая влиятельная сила в системе, но похоже, что ООН вступает в период упадка. Ключевой аспект в

том, что людям так или иначе нужно посещать Землю, проводить там год-другой для, гм, калибровки биостандартов. В противном случае продолжительность жизни уменьшается. Земля на этом свою экономику построила — полеты туда обходятся дорого, но у ООН монополия на земные условия.

— Ага, но в анабиозе-то с нами ничего не случилось. И что?

— И Марс объявил себя независимым. Они построили более современные корабли для дальних полетов, цивилизация у них очень дружная. Они даже ищут средства на запуск амбициозного проекта терраформирования планеты!

— Отлично! Пора бы уже.

— Но марсианам и астерам на Землю теперь не надо. Они разработали собственные биомы и воспроизвели земные биологические условия.

Вивьен поняла:

— И мы тоже…

— Можем использовать для этого бортовые чаны и органические принтеры. Мы теперь знаем достаточно.

— Превосходно! — Глаза Вивьен сверкнули, она радостно всплеснула руками.

Бет подумала, что каждую женщину на ко-

рабле наверняка донимает эта мысль. Но они помалкивали: бортовой распорядок не привечает бесконтрольных беременностей. Радость Вивьен была достаточно красноречива.

— Я набросаю проект, представлю его на совещании, попрошу биолектов поработать над общим планом адаптации к… условиям этой Паутины. И…

— У нас будут дети!

— Да. В Солнечной системе этот вопрос по-прежнему болезненный. Конфликты вокруг технологий, подчас настоящие войнушки в Поясе.

— Когда мы улетали, марсиане и астеры костерили землян на чем свет стоит. Они-де загадили единственную нормальную планету системы так, что голубого неба не видно, а теперь медленно убирают за собой мусор. Приятно знать, что мы этот этап можем пропустить.

Бет, которая раскапывала накопившийся за десятилетия архив земных диатриб, сочла реакцию Вивьен проявлением оптимизма и вызова одновременно. И немного отвлеклась, убедившись, что новость разнеслась по всему камбузу, а отголоски уже слышны в кают-компании. Как и планировалось. Теперь она в основном слушала

болтовню окружающих и размышляла.

Чаша позволила заглянуть в прошлое не на столетия и даже не на тысячи лет, а увидеть историю в величайшем масштабе, эволюционном. Быть может, таким окажется главный, неочевидный результат путешествия «Искательницы» среди звезд.

Узреть времена, озаренные мерцающим неверным светом памяти. А оттуда рвануть на Глорию, в мир иной, где творятся дела даже более странные.

8. Оживленные

Вивьен наблюдала, как порхают над клавиатурой руки «Джама» Джамбудвипы: они с Айян Али заступили на дежурство по мостику. Джам был заразительно подвижен, не уставал сыпать шуточками, энергично гримасничать и кидать многозначительные взгляды окрест. Смех заводил команду еще сильнее.

Отлично. Раз Джам оттаял и в форме, то сможет присоединиться к первой экспедиции в Паутину. Минимально необходимая группа набралась.

— Это не высадка на планету, — сказала Вивьен, обращаясь к Бет, — но, впрочем, и Чаша не была планетой.

Та скривила губы.

— Нет. Поэтому, надо думать, мне остались должны.

— Эй, у Чаши площадь поверхности больше, чем у жалких планетенок, на… сколько, три порядка величины?

— Не то же самое. В Чаше настоящей погоды нет…

— Послушаем, что Редвинг скажет.

Бет усмехнулась.

— Я обо всём уже договорилась. Я отправляюсь с первой группой.

Вивьен моргнула. Ну да, если ты спишь с кэпом, этого еще недостаточно, чтобы бортовую политику определять.

— Значит, в твое отсутствие Айян Али за пилота останется?

— Думаю, ей особо негде будет развернуться. — Бет Марбл показала на боковой экран, где теперь была четко обрисована дуга поверхности Глории. — Нам нужно пристыковаться вон к тому бугру Паутины. Как сохранить неподвижность, понятия не имею.

— А Редвинг? Может, в тех таинственных глорианских сообщениях содержалось какое-нибудь указание?

Клифф Каммаш вошел на мостик, услышал последнюю фразу и фыркнул.

— Капитаны — это такие люди, которые не доросли до понимания своей божественности.

Они хмыкнули, покивали, потом Бет сказала:

— Клифф отправляется со мной. У нас опыт экспедиции в Чашу есть.

Вивьен согласилась, понимая, что годы, проведенные в Чаше, отделили элиту от новоразморо-

женных, а она не на той стороне этого раздела, чтобы спорить.

— Кто еще? Вы этого паука на полном серьезе решили забрать? В смысле он же еще растет.

— Такие пауки в Чаше живут, но с его генами поработали. Его зовут Анорак. Тут спорить нет смысла. Птицы бы нам не позволили из Чаши улететь, не договорись мы с ними об этом. Другие жители Чаши нам тоже понадобятся. Но, Вивьен, не получится толком собрать экспедиционную группу, пока четкого плана не разработаем.

На этом разговор окончился.

Редвинг наблюдал, как увеличивается система Глории на экраностене. Вальс двух миров был ритмичен и изящен: они обращались вокруг центра масс и, в свою очередь, летели по орбите вокруг звезды.

Астроартилект комментировал успокаивающим дружелюбным голосом с предпочитаемым Редвингом среднеатлантическим акцентом.

— Ранее считалось, что при столкновениях крупных небесных тел такого рода единственными результатами могут стать аккреция или выброс — то есть два тела либо разделятся, либо сольются воедино; не исключалось, что останется диск обломков. Сравнительно недавно на Земле

выяснили, что допустима и еще одна альтернатива — образование двойной планеты. Объекты остаются практически невредимы, но обращаются после этого по связанным орбитам.

Редвинг собирался было перебить, но ИИ продолжил:

— В некотором смысле родной мир человечества именно таков. Луна стабилизирует вращение Земли и регулирует биологические циклы. Две планеты примерно одинаковой массы станут выполнять друг для друга аналогичную функцию. Впрочем, их идеальное расположение на общей эксельсианской орбите подталкивает к построению новой гипотезы.

— Ты хочешь сказать, что система искусственного происхождения, — проговорил Редвинг, когда артилект сделал многозначительную паузу.

— Действительно. Итак, мы снова, как и в Чаше, имеем дело с крупным искусственным проектом.

Редвинг поразмыслил.

— В нашей культуре многое определяет наша собственная маленькая Луна. Мифы, религиозные концепции, предания, в конечном счете — наука. Всё это было связано с мрачным соседним миром.

Насколько обширнее соответствующий культурный слой у глорианцев? Они ведь в небе должны видеть океаны, континенты и леса. Каждую ночь, невооруженным глазом.

Довольно. Пролет заканчивался, дальше придется иметь дело со множеством проблем: модуль логистики, капсулы-инкубаторы, оживление новых спящих, биотех-палубы, управление маневрами парковки. Для всего этого требуются запчасти и техподдержка, но старых добрых атомов в обрез.

Магнитные поля «Искательницы солнц» имели форму исполинской пасти диаметром более сотни километров. За последние годы, проведенные в неустанном торможении, они исполняли функцию зонтика или парашюта, противостоящего буре. Корабль сбрасывал энергию, летя в пять тысяч раз стремительнее первых путешественников, возвращавшихся с Луны на Землю. Космонавты древности могли рассчитывать на содействие атмосферы, торможение о которую переводило момент импульса в тепло. «Искательница солнц» полагалась только на кисейно-тонкую плазму. Но кисея эта раскинулась на световые годы. В межзвездном пространстве таранник заглатывал ежедневно добрую тонну

водорода, ионизировал, разогревал, изрыгал с противоположного конца. Более тяжелые ионы поступали внутрь, использовались в принтерах и для построения бортовой биосферы. Однако, если принтерам требовался, скажем, индий, могли возникнуть проблемы: этот элемент редок. Как, в общем, и почти все тяжелее азота.

«Искательница солнц» семьдесят лет от Чаши до Глории пролетела отнюдь не герметичной. Она собирала урожай. За века до того высокоэнергетическая промышленность разработала технологии сбора желаемых ионов в термоядерных реакторах. «Искательница» скопировала этот подход и масштабировала его на колоссальные расстояния: серебристая, изящная, словно рыба длиною более четырех сотен метров, она просеивала плазму и нейтральную материю, сортировала и запасала определенные молекулы в приемниках корабельных принтеров. А опасный мусор отбрасывала в межзвездные бездны. Всем этим занимались артилекты, чья эволюция тщательно направлялась в сторону аналогии такого занятия с человеческой рыбалкой. Своего рода спортом.

Артилектам нравились плотные потоки солнечного ветра, которые теперь пропахивали

корабль: жирные, вкусные ионы так и сыпались в разверстые пасти ловушек. К счастью, «Искательница солнц» начала спуск к орбитальной плоскости в момент сильной солнечной бури: концентрированная плазма одновременно обогащала бортовые накопители и помогала торможению.

Всё же запасы «Искательницы» подходили к концу. Придется постучаться к глорианцам и униженно выставить перед собой шляпу для сбора милостыни.

Эшли Траст был худощав и мускулист, несмотря на долгое пребывание в анабиозе. Непримечательное, пусть и симпатичное, V-образное лицо, внимательные глаза, которые оживились при виде танца двух миров на стене. Вся команда старалась визуально расширить тесные каюты панорамами, но вокруг Эшли транслировались новые данные в реальном времени.

Редвинг приветствовал его формальным тоном, предложив хрустящих жареных кузнечиков и пресную фруктовую смесь. Он решил придерживаться манеры поведения своих коллег, капитанов кораблей раннего периода: жесткая выправка, пронзительный взгляд. Тем приходилось десятки лет управлять звездолетами

на окраинах Солнечной системы, и жесткость приносила плоды. С Земли сообщали, что около трети запущенных к настоящему моменту — то есть за два с лишним века — кораблей ни разу не доложили о себе и считаются потерянными. Нескольким экспедициям удалось обнаружить миры земного типа и приступить к медленной адаптации под их условия, порою весьма странные. И никому, кроме «Искательницы солнц», не повезло установить контакт с разумным видом.

Эшли задал ожидаемые вопросы вежливым и чуть скучающим тоном. Следуя традиции, он остался стоять и серьезно кивнул в ответ на приказ Редвинга изучить вводный курс для свежевозрожденных, который капитан подготовил совместно с артилектами. Затем настало время перейти к более сложной теме.

— Я получил обновления с Земли, и там говорится о вас.

Эшли улыбнулся.

— Мне прислали весточку от родственников, если вы об этом. Хотя сейчас средняя продолжительность жизни за полтораста лет перевалила, я всё равно отделен поколениями от…

— Я не об этом.

— Ага. — По равнодушному лицу, лишенно-

му морщин, пробежала тень тревоги и быстро исчезла.

— Ваша подноготная наконец вскрылась — спустя десятки лет после нашего отлета.

— Ага.

— Похоже, вы занимались промышленным шпионажем, проникли в какие-то государственные тайны, применили свои знания и средства, чтобы заполучить место на этом корабле. Должен признать, вы многое отдали, чтобы рискнуть жизнью.

— Приключение что надо, сэр.

— Я разморозил вас так рано, поскольку мне стали известны эти факты. Вы получите шанс искупить свои проступки.

— Благодарю.

Эшли был достаточно умен, чтобы немедленно отказаться от попыток вымолить прощение. Значит, он это продумал.

— Вы ожидали, что правду предадут огласке.

Кивок.

— Так или иначе, история оставляет за собой последнее слово. Я прикинул, что у меня от года до трех, прежде чем финразведка прижучит. Мне бы впаяли пожизненное, а может, и несколько — для верности. Я не мог бы сбежать на внешние

планеты — меня бы и там достали. А эта экспедиция обеспечивала надежное убежище.

— Вы подкупили нескольких, чтобы обзавестись фальшивыми документами о квалификации.

Эшли извинительно улыбнулся, склонил голову, пожал плечами с подчеркнутой невинностью.

— Это мне дорого обошлось.

— В целое состояние?

Новая улыбка сожаления.

— Почти всё. Межзвездные путешествия — это как смерть и налоги — всего с собой не заберешь. «При старте корабля все долги оплачены». Хайнлайн.

Редвинг смутно припоминал, как проводил собеседование с Эшли — одним из сотни отправлявшихся в анабиоз.

— Ваша затея сработала. Прессе она понравилась. Пусть вас хранят хоры ангелов[13]. Теперь игра начинается заново.

Эшли мимолетно нахмурился, не поняв отсылки.

Редвинг махнул рукой, отпуская его.

---

[13] Примечания: 13

Отсылка к реплике Горацио из «Гамлета» (акт V, сцена 2, пер. Н. П. Россова).

— На этот раз не жульничайте.

Клиффа порадовало, что Эшли убрался с мостика. Этот парень напрягал. Эшли предлагал называть его просто Эш и хотел знать мнение Клиффа по всем вопросам — не только насчет Чаши и всего с нею связанного, а и о жизни команды, о том, как вести себя с чужаками, и так далее. Всё это — с приятельским видом, хотя такого отношения Эш пока ничем не заслужил. Клифф отвечал только:

— За этим к Редвингу. Остальное приложится.

Он не хотел сближаться с этим парнем и вежливо закончил:

— Пока, Эшли.

Потом нацепил командирскую гарнитуру, предпочтя общение с артилектами: Доктором Опсом, главным по хозяйству, и другой, отслеживавшей поведение цели рандеву, — эта предпочитала называться Бабулей. Прежде чем синхронизироваться, Клифф внимательно прислушался к стонам и скрежетам «Искательницы солнц», перемежаемым долгими нотами на грани инфразвука, подобными органным. Первое правило мостика: всегда прислушивайся к своему кораблю. «Искательница» сбрасывала скорость уже долгие годы, а сейчас тормозила по полной, широ-

ко разведя поля магнитной ловушки и поглощая солнечный ветер. Повезло угодить в высокоэнергетическую бурю плотной солнечной плазмы, и корабль активно замедлялся, направляясь к Глории. *Столетия, чтобы добраться сюда…*

Магнитная носовая оконечность, перепахивая уплотнившуюся плазму, наливалась огнем на дисплеях. На правах старшего вахтенного Клифф отслеживал пульсирующий танец линий магнитного поля — желтые фонтаны брызгали по боковым стеноэкранам. Артилекты извлекали электроэнергию посредством индукции, дополнительно накачивая тормозную струю. Эти силы выкручивали «Искательницу», заставляли палубы скрипеть, наклоняли корабль навстречу гравитационному колодцу.

Клиффу нравилось слушать ворчание и скрип шипастых плазменных волн: это было похоже на песню кита, пропущенную через странный автопереводчик и снабженную фоном из ударов дождевых капель о раскаленную жаровню. Сбрасывая скорость у магнитосферы газового гиганта, «Искательница» миновала большой спутник, затянутый облаками. Бет обнаружила, что атмосфера луны богата кислородом. И биосигнатуры присутствуют. Интересно. Редвинг приказал

Клиффу запустить туда робофлиттер и наблюдательный дирижабль. Те передали изображения крупных птиц и газовых мешков в верхних слоях атмосферы. Однако не время сейчас отвлекаться на эти жизненные формы. Стремительная дуга траектории корабля нацелилась на Глорию.

Артилекты мониторили все планеты системы, обновляя и уточняя архивные данные земных наблюдений. Большая часть этих миров была непригодна для человека, хотя кое-где попадались химические вещества, ассоциируемые с жизнью, и даже микробы в высоких облачных слоях. Маленький мирок, скалистый, марсоподобный, был покрыт растительностью — точно гидропонная ферма — и лишен океанов, на поверхности искрилось лишь несколько озер.

Система Эксельсии разительно отличалась от Солнечной. В окрестностях земного светила, помимо обычных планет и Плутона, имелось еще более десятка «крытых миров», где под защитной ледяной коркой бурлила жидкая вода. На Титане роль крыши играла метановая атмосфера, под слоем которой метановые озера лизали навощенные берега. Но жизнь не зародилась нигде, несмотря на столь перспективные условия. Возможно ли, чтобы на ледяных спутниках гло-

рианской системы она возникла? Как на других мирах…

Кажется, над изобилием жизни в этой звездной системе кто-то потрудился.

Эксельсия представляла собой желтый карлик массой примерно с солнечную, а орбита Глории находилась в ее зоне Златовласки — но ближе к середине, в отличие от орбиты Земли, проходившей у внутреннего края аналогичной области. Глория вращалась в двухстах пятидесяти миллионах километров от Эксельсии. Два жарких мира располагались заметно ближе к звезде. Там яростные вулканы окуривали кислотными дымами равнины лавы, подобные блистающим оранжевым морям. Артилекты тщательно закартировали эти планеты на будущее — вдруг пригодятся — и сосредоточились на двойной планете, главной жемчужине системы.

Вот она, Цель Полета. Бет заступила на вахту. Клифф немного расслабился, но лишь немного.

— Послушай, — сказала Бет, обновляя изображения на экранах, — я тут спектральным анализом Глории занялась. Наилучшие доступные Земле данные — вытяжка из скудных пикселей, но они сулили надежду. Глория выглядела многообещающей планетой с признаками биосферы

вроде нашей. Теперь это подтверждается. Уровни кислорода, водяного пара, круговороты газов. Всё как надо. Однако… океаны отсутствуют. Следов технологии нет. Никаких странных выбросов. Никакого электромагнитного трафика. Вообще никаких сигналов. Так могла бы выглядеть истощенная Земля тысячелетие назад.

— Но Паутина…

— В яблочко, — Бет потрепала его по плечу. — Их родной мир — такое же инженерное творение, как паутинный суперлифт.

— Ты хочешь сказать, что они им пользуются для доставки на спутник, Честь?

— Паутина для такого слишком плотная: любой космолифт вменяемой конструкции, выходя за пределы атмосферы, утончается до стебелька. Не-ет, Паутина — это биосферный конструкт. Он более чем в сто раз крупней обитаемых зон на поверхностях Глории и Чести вместе взятых. Пентхаус обширней города.

Клифф фыркнул.

— А мы всё это время обманывались, принимая Глорию за стандартный мир. Классический. Мы готовили посадочные и взлетные модули, ну и прочую снарягу в расчете на обычные планеты и малые экспедиции.

Бет отмахнулась.

— Глорианцы говорят, нам достаточно пришвартоваться рядом с большим широким участком Паутины. Они вообще изъясняются достаточно простым английским языком. И… мы это сделаем.

— А дальше что?

— Будем решать проблемы по мере их поступления, милый.

Вивьен была воплощением проблем, пусть Редвинг и любил такие решать.

В давние времена он знавал многих актрис и моделей — блистательный будущий капитан звездного корабля, сам не чуждый высокомерия в стиле шоу-бизнеса, — однако в итоге вернулся к официанткам. От них пахло едой. Домом. Тогда-то он и приобрел привычку не подгибать ноги под стулья, сидя за барной стойкой. Это простая мера предосторожности: если тебе с размаху врежут, такая поза помешает увернуться. Он допустил эту оплошность лишь раз.

Впрочем, это было не самое сложное испытание. Довелось ему потом столкнуться со ста сорока четырьмя устрицами (странное число, двенадцать в квадрате; только не спрашивайте, почему): проверка, сумеет съесть их все или нет?

Он сумел. Но полтора дня потом ничего в рот не брал, прежде чем убедился, что всё же выживет. Ну, оно того стоило… Почему-то воспоминания эти теперь давались ему тяжелей: ностальгия по утраченной столетия назад Земле. По жизни на ней.

Вивьен — единственный отголосок тех лет. Она вернулась из холодного сна как раз тогда, когда Редвинг в ней нуждался. Он помечтал о простом комфорте ее общества, когда пробудился на подлете к Чаше. Улетая с Земли, он пребывал в уверенности, что за время беспосадочного полета до Глории проснется максимум дважды. По мнению криоинженеров, для долгого перелета на корабле с двигателем таранного типа это необходимо. Долгий анабиоз увеличивает риск деградации тканей — да что там, банальной смерти. Эксперименты на бесчисленных животных от мышей до шимпанзе позволили построить грубую, прикидочную, эмпирическую модель работы гибернаторов в колоссальных масштабах межзвездных путешествий. Крионика стала крупной отраслью земной индустрии.

Но изучать свойства человеческого анабиоза можно было лишь в тестовых перелетах на окраину Солнечной системы, длившихся не больше

десятка лет. Отсюда предстояло смелое масштабирование на века. Эти самые века их полета. С Земли жадно запрашивали детали процедуры оживления каждого следующего члена команды. Медленно разраставшийся экипаж пополнялся теперь каждые два-три дня. Артилекты-криологи многому научились и приступили к индивидуальной настройке каждого пробуждения — или, как частенько говаривали, воскрешения.

Редвинг вырос в одном из племен, главным источником дохода которых были казино в североамериканских резервациях. Его отец считал, что богатство — главный критерий успеха в жизни. И даже на небесах, чем черт не шутит. Деньги так и текли папе в карманы — вроде бы даже слишком легко. Никакого напряга. Редвинг, родившийся в рубашке, мог рассчитывать на комфортную жизнь, а вместо этого предпочел покорять Массачусетский технологический, зарабатывать диплом с отличием, наживать врагов смолоду и разбивать сердца; его собственное отделалось легким ушибом.

Он подмечал, что академические авторитеты редко утруждают себя уборкой и не заботятся о том, каково после них работать другим. Поэтому на своих кораблях установил старые порядки: всё

должно скрипеть от чистоты и быть расставлено по полочкам. Во всяком случае, таковы порядки для команды: капитану доступны некоторые вольности. Он себе имя сделал на исследовании и колонизации Марса. Он пользовался репутацией сукина сына, — что тут спорить, — но не простого, а чертовски эффективного сукина сына. Как выяснилось, это была отнюдь не худшая рекомендация.

Затем — полеты во внешние области системы: обучение работе с тысячами робоотрядов, добыча сырья из мириадов кометных ядер. Флотилия кораблей Редвинга подключала к ледотероидам автоматические ускорители и посылала их на скорости в несколько километров в секунду внутрь системы. Астероидным колониям это богатство на головы падало. Бизнес невероятно прибыльный, и финансовые успехи позволяли долгосрочное планирование. Редвинг командовал экипажами будущих богачей, но сам, возвращаясь в регионы, которые тогда уже называли Внутренними Мирами, четко понимал, чем хочет увенчать свою карьеру: рывком к звездам.

Бет громко стукнула в дверь каюты, нарушив его блуждания по дорогам памяти. Лицо ее было серьезным.

— Капитан, у нас трудность. Как пристыковаться к Паутине? В глорианской переписке ничего об этом не сказано.

Редвинг откинулся в кресле, заведя руки за голову, — расслабленная поза говорила сама за себя.

— Наши посадочные модули приспособлены к планетарным условиям, — отвечал он шелковым тоном. — Можно воспользоваться ими как простыми челноками.

Бет скривила губы.

— И куда же будут курсировать челноки?

— Ну, найдем какое-нибудь место в Паутине.

— И это всё, что вы…

— Бет, спокойней. Глорианцы — инженеры, привыкшие мыслить в масштабах на три, на четыре порядка выше наших. Они, без сомнения, квалифицированней.

— Я биолог. Мне нужно понимать, с чем мы можем там столкнуться. Какие припасы взять, безопасен ли воздух, ну и вообще…

— Так примени биологический подход к этой новейшей проблеме. Сядь. — Он предложил ей ром. — Что говорит об этом месте эволюционная теория?

Бет сморгнула, лицо ее дрогнуло от сиюминут-

ного замешательства. Пригубив рома и молча поразмыслив (Редвинг сидел неподвижно и сдерживал улыбку), она подняла глаза:

— Хорошо, будем мыслить широко. Мы, земляне, умеем бегать *и* плавать, лазать *и* прыгать, бросать *и* ловить… и так далее. Всё это умеем. Мы самый многозадачный вид в истории. И у наших предков эти способности имелись. Итак, следует ожидать, что высшие разумные существа этой странной низкогравитационной Паутины не менее разнообразны в своих талантах. Они прибыли с Глории и, учитывая, какое время наверняка потребовалось на плетение Паутины, адаптированы к ней физически. — Она замолчала, глаза ее сверкнули.

Редвинг поднял ее бокал и снова наполнил.

— Правильно. Мы тоже должны проявить разносторонние таланты. И перестать так волноваться.

— Ну, спасибо, кэп.

— Всегда пожалуйста.

Проблема решена, более или менее. Иногда полезнее отсрочить решение. Они неслись к Глории, и Редвинг, обогатившись опытом Чаши, понимал, что в столь удивительном окружении всего важней обучаться быстро.

Эшли и Бет столкнулись в узком коридоре рядом с каютами старших офицеров. Он был худощавым, дружелюбным, говорил баритоном и казался искренним. Бет понимала, что вновь оттаявшим нужно уделять внимание, и они с Эшли немного поболтали. По его настоянию прогулялись в биосекцию, подышали влажным воздухом с повышенным содержанием кислорода, насладились тишиной этих камер, расположенных за водным буфером, глубоко в недрах корабля. Поначалу Эшли расспрашивал о бортовых протоколах и подробностях, но затем его тон изменился, он придвинулся ближе, и Бет догадалась.

Ладно, придется без обиняков.

— Да, ты знаешь, я замужем. За Клиффом Каммашем.

— О! Я не знал. Нужно быть внимательнее. Ты же понимаешь, Чаша до сих пор в голове не укладывается.

Она посмотрела прямо на него.

— Я занята.

— Я понял.

Нужно с ним помягче, он же парень.

— Послушай, я понимаю, каково это — из анабиоза разморозиться. Стимуляторы, ферменты и всё такое. Чувствовала себя снова подростком.

— Ну да, вроде того.

— Это пройдет. Вероятно, скорее, чем тебе бы хотелось. Попробуй с кем-нибудь из новеньких законтачить.

— Вивьен?..

— Не прокатит. У нее с Редвингом какие-то тесные отношения. Держись от нее подальше. А как тебе Папвилла Баэн? Или Джерамини Тэм? Археологи.

— Да, они недавно оттаяли. Но мне показалось, они вместе.

— Ну, возможно, просто помогают друг другу освоиться. Их бы не взяли в полет, не согласись они завести детей.

— А как насчет другого биолога из твоей команды, Нгуен?

— Она сегодня выходной взяла, можешь попробовать. Дай освоиться в твоей компании, а потом включай мужское очарование.

— Дельный совет. Спасибо. Еще что-нибудь?

— Нет. Иди.

— Эти формы жизни… — Эш повел кругом рукой. — Они все не слишком крупные. За одним исключением — того огромного паука, который посторонился в центральном коридоре. Какой здоровенный! Я даже слегка напугался. Почему

он не здесь, в биосекции?

— Он в экипаже. Или будет. Ты воспринимай его как ребенка. И не слишком привыкай. Анорак отправится с нами в экспедицию, так что… — как бы сформулировать? — мы ему обновление накатим.

— Правда? А как?..

— Я не могу рассказать больше.

Эшли удалился. Бет задумалась, почему его общество ее так стесняет. Может, глупости это и лучше включить Эшли в состав первого десантного отряда? А если он такой успешный пикапер, каким желает показаться, то и Нгуен за компанию. Они оба моложе Бет и Клиффа, которых вдобавок жизнь в Чаше потрепала. Конечно, в объективном времени всем им лет под двести. Брак, секс, деторождение… всё это настолько глубоко укоренено в людской натуре, что даже здесь, вдали от земной экосферы, не удается полностью абстрагироваться.

— Думаешь, нам уже о распределении по семьям следует задуматься?

Лицо Клиффа отражало все оттенки удивления.

— Так в директивах написано, — мягко произнесла Бет. — Я проверяла.

— А разве не Редвинг…

— Послушай, тут речь о *наших* детях. Это *наше* дело.

— Да мы ведь и понятия не имеем, какая в Паутине биосфера и…

— Я не требую зачатия прямо сейчас. Но нужно иметь это в виду.

Она изучала его лицо. После недолгой интрижки Клиффа с этой, как ее там, в Чаше, дела теоретически нормализовались. Да, Бет испытывала обычную для таких ситуаций смесь ярости, обиды и унижения — но ловила себя и на неожиданной симпатии. Чаша оказалась испытанием на прочность для всех, превзошла самый буйный размах воображения. Затерянные на ее просторах, сбежавшие из плена, люди искали утешения друг у друга. Вдобавок неправильно считать, что Клифф запустил эту, как ее там, в свою постель. Нормальных постелей у беглецов не было и близко.

Бет оттолкнула эти воспоминания, медленно вдохнула и выдохнула, затем сказала спокойно, поддерживающе:

— Мы об этом договаривались.

— Да. — Он пожал плечами. — Но вначале… Как назвать эту процедуру? Припутывание? Высадка

на цилиндрический мир в высоком вакууме. По крайней мере в Чаше настоящие земля и сила тяжести.

— Угу. Диковины тут нарасхват. Я смогу расслабиться, только когда мы найдем место завести детей. В гравитационном колодце, ага. Не в курсе, каких эффектов тут можно ожидать. Я эти яйцеклетки веками сберегала, ты ж знаешь. Нужно наконец найти им применение.

Ее прямота лишний раз выдавала меру усталости. Они забрались в койку, повозились там, целуясь, и Клифф забылся в сдвоенных теплых объятиях сна и Бет. Она, однако, не переставала размышлять, глядя в абсолютную тьму и прислушиваясь, как стонет и скрипит построенный века назад корабль — пристраивается к последнему своему причалу.

Прежде чем их выбрали в экипаж «Искательницы», они с Клиффом без особого энтузиазма пытались завести детей, то есть, говоря прямо, отказаться от контроля над деторождением и позволить Вселенной решить самой. Больше года прожили они в браке, а Бет не забеременела: было похоже, что Вселенная решила сама. И они уверенно переложили это важное решение на тех, кто в ней главный. Однако…

Когда они согласились дать жизнь потомству по прибытии на Глорию, цель эта казалась очередной в ряду смутных абстракций, подписей под документами. Теперь… Младенцы никогда особенно не привлекали Бет. Бездонные колодцы срочной, безразличной к обстоятельствам потребности — вот как она их воспринимала. Бет опасалась, что не сможет удовлетворить эту потребность, почувствует себя обманутой и взятой в заложницы. И так же сильно опасалась, что ее осудят за такую позицию. За инстинктивное недоверие к писклявым комочкам плоти, при виде которых таяли все остальные.

Она пыталась примириться с этой проблемой, пока развивалась ситуация в Чаше. Затем, вновь пробудившись, опять с ней столкнулась. Императив экспедиции на Глорию был таков: исследовать другой мир и, если удастся, заселить его. Звездолет — мир настолько замкнутый, что Бет решила отвлечься за чтением *Чувства и чувствительности*, идеально передающим скуку общества далекой эры. Слухи, сплетни, бесконечное домоводство, женские штучки — нескончаемо.

Но и роман древней писательницы парадоксальным образом напоминал ей, как далеко

«Искательница» от Земли. Медленный обмен информацией, промежутки тревожного молчания. Остин умело передавала не столько момент, когда письмо пришло и его открываешь, сколько часы и дни ожидания под стук дождя за окном, пока игла снует над вышивкой. Не таковы ли и мимолетные контакты с Землей — далекой абстрактной возлюбленной, давно утонувшей в прошлом?

Эш отыскал паука в одной из маленьких общественных кают, обустроенной под библиотеку. Пятилапое пятиглазое ржаво-красное бесформенное создание трудно было с кем-нибудь перепутать. Паук Эша всё еще страшил. Но…

— Привет, Анорак, — сказал он.

Паук приподнял от видеоэкрана массивную башку. Он (оно?) без труда отстукивал(о) команды. Голос его был заржавело-скрипучим и отдавался эхом:

— Привет, Эшли Траст. Я читаю про Глорию и Честь. Мы мало о них знаем. Ты с нами отправляешься, да? Ты изучал?

— Кое-что. Я читал и просматривал отчеты от Бет Марбл и Клиффа Каммаша — о встрече с Чашей. А ты про Чашу много знаешь?

— Нет. Я родился здесь, на корабле. Меня в чане

вырастили. Чаша такая чудесная. Мне жаль, что я не бывал там. Я бы хотел познакомиться с Бемором. Корабельные наставники не позволяют мне изучать его жизнь, но рассказывают про Птиц. Тех, кто управлял Чашей, пока не явились мы.

Мы? — удивился Эшли. — *Ты чужак, а думаешь о себе иначе…*

— Да, я слышал о Беморе. Знаю мало, но говорят, что он важная Птица. — Не совсем враг, подумал Эш, не вполне друг.

— Верно. Хотя информация о Ледоразумах и прочих — тех, кто, кажется, управляет долговременным движением Чаши, доступна. Я не вполне понимаю ее.

Эш о них не знал ничего, поэтому ответил:

— Мне сказали, я отправлюсь в Паутину. И ты тоже.

— Да.

— Каким образом тебя тренируют?

— Капитан Редвинг позволяет мне читать всё то же, чему обучается сам. В остальном я предоставлен сам себе. Учусь. А потом меня сделают умнее.

Бет что-то такое говорила.

— Правда? А как? И когда? А со мной так можно сделать?

Интересно, они в Чаше такому научились?

— Наверное, нет. Только со мной. Я должен подождать, пока мы в Паутину не попадем. Бет говорит, глорианцам меня представят как… домашнее животное.

— Домашнее животное. — Эшу посоветовали относиться к этому существу как к ребенку, незрелой особи. Но щетинистая туша паука уже достигла солидных размеров. — А как насчет, эмм, других жителей Чаши? Хэнди и этих, гм, пальцезмеек?

— Ну, у них свой народ, да? На этом корабле разнообразие. Другие умы, независимые интеллекты. Но все они растут. Развиваются. Мой мозг еще мал, но совсем скоро это изменится.

В его тоне слышалась легкая зависть.

9. Мимолетная слава

А вот и двойная планета. Первой стала видна Честь. Спутник пестрел всевозможными ландшафтами. Сложная, богатая кислородом биосфера. Пейзажи сменялись от высоких заснеженных пиков до чего-то похожего на заброшенный город из белых ящикообразных построек в лавово-кварцитовой пустыне. Леса, моря, многослойные мерцающие облака. Крупных поселений не заметно. Кажется, там раздолье.

Паутина при разведывательном пролете показалась прямой линией. Теперь стали доступны крупные планы по всей ее невероятной протяженности: леса высоких тонких деревьев, овалы мерцающей сине-зеленой жидкости меж тесных берегов — озера низкой гравитации. По извилистым опушкам ярились бури, подобные космам песочно-коричневых волос.

Двойная планета кружилась в величественном гавоте, танце под музыку времени, орбитальном менуэте, регулируемом натяжением Паутины. Клифф зачарованно взирал с мостика на эту картину. Он подключился к болтовне артилектов: те

и рады были занятости, ибо десятилетние вахты скучного полета доставляли им непредсказуемо странное раздражение. Их неуемная суета объяснялась отчасти и обновлениями, затрагивавшими все уровни вплоть до архитектурного ядра: артилекты обучались новым методикам, пересылаемым с Земли по лазеру. Столетия исследований космоса — в основном автоматизированных — вполне окупились. Данные с мириад других кораблей теперь позволяли артилектам улучшить технику сканирования местности, опираясь на новые астрономические знания. Артилекты перебрасывались довольными сообщениями, радуясь прояснению старых загадок и появлению новых на скорости света. Клифф подслушал дискуссию по вопросу о возникновении двойной планеты:

…столкновение двух небесных тел с формированием диска выброшенных частиц. Посредством аккреции два вновь образованных…

Влез другой артилект:

Но! Масштабное столкновение — недостаточное условие формирования двойной планеты, поскольку такие события могут также породить множество малых спутников: сравните с

четверкой небольших внешних лун Плутона. Здесь такого не наблюдается!

И еще один негромкий голосок:

Часть массы этой Паутины, без сомнений, добавлена впоследствии. Давайте поищем следы изначального соотношения элементов в массовом…

Клифф отключился. Он размышлял о многом, пока бурлили потоки данных. Он знал, что на Земле, как только услышали от «Искательницы солнц» об истинной природе Строителей Чаши — древних разумных динозавров, — с энтузиазмом взялись за геологию. Возникла целая отрасль науки, посвященная поискам следов Строителей. Развились экзотические специальности вроде археоботаники и палеометаллургии: даже названия запомнить сложно, не говоря о том, чтобы освоить.

И действительно, отыскались явственные свидетельства древних технологий, уходящих в прошлое на сто пятьдесят с лишним миллионов лет. Были обнаружены даже фрагменты окаменелостей. Найденные динозавры оказались примерно вдвое выше человека, обладали когтистыми лапами, на которых, однако, имелись отставленные пальцы. Структура таза позволяла

им стоять прямо, у некоторых рост превышал три метра. Эти создания построили цивилизацию космического уровня, соорудили Чашу вокруг далекой звезды-напарницы Солнца и отправились путешествовать.

Народ Чаши — дальние потомки этих созданий — со временем развил перья. Удивительная параллель с тем, как эволюционировали впоследствии земные птицы. Оставшимся на Земле разумным динозаврам пришел конец при падении крупного астероида, обломка небесного тела, сорванного с орбиты в облаке Оорта. Нашлись подтверждения гипотезы, что астероид-убийца в действительности был ядром кометы, летящим на скорости не менее пятидесяти километров за секунду — отклоненным внутрь системы при отбытии Чаши. На опустошенную сцену в дальнейшем поднялись люди. Эхо первобытных трагедий продолжало резонировать в веках.

Клифф медленно выдохнул, наблюдая за стремительным перемещением вдоль Паутины: корабль готовился к гравитационному маневру с разворотом. Капитан появился на мостике в полной униформе, аккуратно выглаженной, с блестящими пуговицами.

Редвинг предпринял медленный неглубокий

пролет через верхние слои атмосферы Глории. Да, затея несколько рискованная, но капитан уверял, что она того стоит. Он позвал старших офицеров экипажа выстроиться у него за спиной. Видеозапись этого события улетит на Землю, и десятки миллиардов человек станут вглядываться в лица команды, усталые, но пытливые. Он возглавил построение.

Траектория маневра обеспечила артилектам условия для анализа верхних слоев глорианского воздуха. Подтвердилось, что он годен для дыхания. Легкое трение об атмосферу также позволило дополнительно сбросить скорость и перейти на связанную с планетой орбиту — примерно вдвое ближе к Глории, чем ее спутник, Честь.

На ночной стороне Глории корабль казался несущимся среди звезд ослепительным метеором. Но ни огней городов, ни вообще признаков высокоразвитой цивилизации внизу заметно не было. Впрочем, в атмосфере присутствовала органика, и приборы определили, что местная ДНК с левозакрученной спиралью — то есть совместима с земными формами жизни. Тринадцатая планета с наличием жизни из открытых на данный момент, и везде спираль закручена в одну и ту же сторону: биологи используют термин «хи-

ральность». Возможно, жизнь, мигрируя среди звезд Галактики, засевает все миры молекулами предпочтительной ориентации.

Редвинг приказал сохранить пробы воздуха и детальнее изучить, но немедленно не докладывать. Когда же дело дойдет до отчета, биолектам «Искательницы солнц» предоставят первое слово. Процедура нестандартная. Корабль мог отказать в любой момент, и Земля лишилась бы этих данных. Экипажи звездолетов проходили выучку, побуждавшую относиться к таким правилам с почти религиозным рвением, но Редвинг многое позволял себе игнорировать. Капитан Кук в странствиях по Тихому океану жесткого графика не придерживался. Немедленный нагоняй из Лондона ему всё равно не грозил.

Редвинг улыбнулся своим мыслям. Он наслаждался этим мгновением. И чувствовал, что лучше пока припрятать данные биоанализов. Корабль не просто цилиндр из бездушного металла — это живой и дышащий организм, который за долгие века полета также претерпел эволюцию. Всё на борту обновляется с Земли. Новая аппаратура распечатывается принтерами и интегрируется в бортовую начинку без прерывания работы. Чем это принципиально отлично от био-

логии? Экосистемы, паразиты, симбиотические связи между животными, бактериями внутренностей и кожи — все это составляет сложную смесь.

Пускай сперва артилекты исследуют воздух Глории и Паутины. Земля подождет.

Он глядел на большие экраны мостика и проползавшие по «Искательницей» странно изогнутые тучи. В разрывах облачности проступала поверхность Глории. Облака курчавились и извивались. Малые лазурные моря, островные цепочки, свидетельства тектоники плит. На Земле океаническая кора плотнее континентальной, и там, где они сталкиваются, вспыхивают вулканы, зарождаются острова и обновляются почвы. Вероятно, и здесь происходит нечто подобное, подумал Редвинг, но тектоника двойной планеты из-за приливного резонанса отличается, как и высота приливов. И хотя два мира вечно обращены друг к другу одними и теми же сторонами, вращение поддерживает гавот континентальных и океанских плит. А если… если и эта грандиозная активность регулируется глорианцами, представляет собой произведение инженерного искусства, помогающее мирам эволюционировать и прихотливо изменяться?

Но… где же сами глорианцы? Он не видел ни городов, ни дорог, ни даже каналов и плотин. Глорианцы, похоже, не кучкуются, как люди.

И где же они?

10. Захват

В разуме каждого раскинулся лес. Неизведанный, нескончаемый лес. Каждый блуждает по этому лесу – еженощно, в полном одиночестве.

Урсула Ле Гуин

Магнитные поля — всё равно что резиновые ленты. Они сгибаются и выкручиваются, но не рвутся, кроме исключительных обстоятельств. Редвинг смотрел, как магнитные когти, обозначенные на экране светло-желтым, тянутся к кораблю.

— Нервирует, да? — спросила Вивьен, тронув его за локоть.

— Я пускаю чужаков на свой корабль, — отозвался Редвинг. — Конечно, это нервирует.

— Поля сильные, и их напряженность всё возрастает, — возвестил Клифф.

На мостике царило беспокойство, Редвинг мало кого сюда пускал, отправляя большую часть команды следить за мириадами бортовых устройств из кают. Стоит лишь приоткрыть дверь толпе, как та ее выбьет. Это правило групповой динамики

он усвоил на раннем этапе карьеры, когда еще подвизался в астероидных разработках.

Он внимательно оглядывал все экраны. Корабль держался края длинного цилиндра — Паутины. На таком близком расстоянии цилиндрический конструкт казался стеной или, точнее, кисейно-тонкой простыней воздуха, наброшенной поверх бело-зеленых просторов.

«Искательница» пролетела мимо Глории и сблизилась с Паутиной для детального сканирования местности. Этот маневр сам по себе доставил трудность. Система Глории и Чести напоминала два здоровенных мячика на противоположных концах палки, вращающейся вокруг барицентра, — последний располагался в семидесяти семи тысячах километров от центра Глории. Вся конструкция вертелась вокруг этой точки, размещенной в Паутине, на расстоянии десятка с лишним глорианских радиусов (тот составлял почти шесть тысяч километров) от поверхности. Поэтому «Искательнице» приходилось заложить вираж и подняться на более высокую орбиту.

Пока корабль проносился рядом с барицентром, Редвинг отметил крупное скопление объектов, напоминавшее рой взбудораженных пчел. Как ни странно, артилекты определили, что это в основ-

ном органика, а не металл или порода. Редвинг попросил увеличение: действительно, что-то похожее на червей, воздушные шары, бахромчатые цилиндры — все эти существа казались живыми, мельтешили, точно бактерии под микроскопом.

По краям Паутины из буйной зелени выдавались блестящие серебристые опорные структуры. Редвинг при виде их вспомнил грандиозные колонны Чаши Небес, построенные из молекулярных листов и способные выдержать чудовищную нагрузку. Кем бы ни были эти глорианцы, а инженерное мастерство их столь же невероятно.

— Капитан, — проговорила Бет, — поверх атмосферы еще один тонкий слой. Очень тонкая пленка. Автоматика и артилекты считают, там сперва озон, потом обогащенный кислородом воздух с обилием азота.

— Гм. Озон?

Архилект корабля, заслышав вопросительный тон Редвинга, обратился напрямую к собравшимся на мостике:

— Озоновый слой Земли, если бы его удалось сжать до атмосферного давления, не превосходил бы толщиной нескольких миллиметров.

Говорил архилект теплым, участливым голосом: Редвинг настроил его тон так, чтобы слова

ИИ действовали успокаивающе. Клифф прозвал программу Мамочкой, возражений по этому поводу не возникло: уж больно выражен был акцент хозяюшки с Атлантического побережья.

Бет кивнула.

— Это затем, чтобы ультрафиолет экранировался немедленно, первой же газовой прослойкой, отделяющей воздух Паутины от космоса. Чистая работенка.

Но магнитные поля — не просто резиновые ленты. Они сейчас вцепились в «Искательницу солнц». Желтые линии на экранах притягивали и тормозили корабль, волокли его к верхним атмосферным слоям Паутины. Не пора ли выключить ионоточный двигатель? Он ведь мешает работе магнитных полей Паутины, и наоборот. Редвинг понял, что пора брать быка за рога, — и сделал это. Чувствуя на себе взгляды команды, он отдал соответствующий приказ артилектам: уменьшить интенсивность термоядерной реакции до уровня, обеспечивающего лишь бортовое энергоснабжение. Пинчевые поля, вытягивавшие плазменную пику и подгонявшие ее в стремительном межзвездном полете, ослабели… успокоились… погасли.

Редвинга точно в живот ударили. Он вспомнил

первую свою машину-любимицу, красотку с водородным двигателем: этот корабль также питается острой смесью изотопов с преобладанием водорода. Когда машина испустила дух, Редвинг уже готовился к космическому полету и понимал, что времени насладиться поездками на новой у него не будет. Ощущение возникло удивительно похожее. Он рассчитывал теперь лично ступить на поверхность нового мира. В Чашу он не спускался ни разу, но Паутина мало отличается: такой же исполинский конструкт, построенный для нужд живых существ. Он и представить себе не мог, что в масштабах Галактики планеты покажутся чем-то старомодным.

Ритмичное подрагивание палубы под ногами унялось. Редвинг прислушался к быстрым переговорам артилектов. Те оживленно болтали с глорианскими искусственными разумами, улаживали текущие проблемы стыковки «Искательницы». Проскочив через места, пострадавшие от неизбежных трудностей перевода, Редвинг сосредоточился на физике. Магнитные щупальца переплелись с полями самой «Искательницы», как сплетаются пальцы протянутых навстречу рук в тесном рукопожатии, хотя ни одна частица твердого вещества не соприкоснулась с другой.

Редвинг затормозил корабль почти до неподвижности; они приближались к уширенной части Паутины. «Искательнице» приходилось маневрировать: Паутина в этом месте вращалась со скоростью около двух километров в секунду. Выступающий Бугор — по всей видимости, столь важный, что Редвингу казался заслуживающим упоминания с большой буквы, — был шире остальной Паутины на тысячи километров. На то имелись очевидные биосферные соображения. Здесь, во внешних областях Паутины, вдалеке от сияющих полумесяцев Глории и Чести, гравитация вдоль Бугра падала почти до нуля. Межпланетный транспорт причаливал тут и разгружался, пользуясь тривиальным гравитационным градиентом. Как ни чужды глорианские умы, а простыми преимуществами законов природы пользуются без колебаний.

Бугор замаячил впереди: огромный лабиринт лесов и вод. Низкогравитационные леса чередовались с пузырчатыми голубыми морями, пропуская солнечное сияние внутрь. А вот показались гибкие платформы величиной с материки: пустынного вида, собранные стопками слева и справа от центральной области, воздух и свет проникали через прослойки. Изящные

блистающие колонны, то паутинно-тонкие, то утолщенные, скрепляли все эти конструкции воедино. Воздушные арабески, право слово. Глазам землян представали всё новые штабеля равнин, соединенные серебристыми тросами, кое-где поросшие размыто-бархатистыми мхами.

Магнитные когти крепко зацепили корабль. Команда присматривалась к изменчивым контурам поля. Атмосферные пленки тоже зашевелились. Выпятились, точно в робком поцелуе.

Настал момент, венчающий десятилетия межзвездных странствий, годы в Чаше, сложности подготовки новой экспедиции оттуда на Глорию, к которой во мраке следовала смутной угрозой сама Чаша. Ледоразумы, навитые по внешней стороне Чаши, передавали расплывчатые сообщения о Глории, но четко разъяснять ситуацию избегали. Уклонялись и от ответа на вопрос, посещала ли когда-нибудь Чаша эти места. Это раздражало.

Команда на мостике выстроилась плечо к плечу, в безмолвном благоговении взирая на экраны. Редвинг позволял им наслаждаться этим моментом. У него самого работы хватало.

Он медленно, не привлекая внимания, опустил на голову гарнитуру с шумоподавлением. И на-

шептал артилектам последовательность команд, которая хранилась исключительно в его мыслях. *Информацию, которая нигде не записана, нельзя взломать. Даже самим артилектам.* Он это усвоил в ранних полетах через облако Оорта два века назад. Старые добрые методы всё еще оправдывали себя.

Он обращался напрямую к низкоуровневым структурам артилектова подсознания. Это обеспечивало немедленное выполнение команд: машинный эквивалент безусловного рефлекса, как при ударе молоточка по колену. Механизмы полного контроля людей над артилектами встраивались со времен принятия Алгоритмического закона Дойча — Тьюринга много столетий назад. Редвингу нужна была самая свежая оценка возможностей глорианцев.

Команда, наученная земным опытом, полагала, что общение с глорианцами окажется похоже на ранние разговоры с ИИ, впоследствии прогрессировавшими до уровня артилектов. Так оно и было.

Алгоритмы артилектоперевода, дополнительно усовершенствованные множеством обновлений с Земли, превосходили способности любого человека. Выжимка смыслов осуществля-

лась не из детализированной информации, а из миллиардов «документов», которые артилектам охотно предоставляли для чтения глорианцы. Базовая научная информация, прочие культурные материалы. Артилекты никогда не уставали просеивать глорианские символы и картинки. Артилектосеть обучалась так же, как делала это земная сеть века назад, когда опознавала кошек и собак после просмотра миллионов картинок. В конце концов артилекты самостоятельно, не опираясь на программные инструкции, расшифровывали синтаксис глорианских языков.

— Удалось ли улучшить общение с глорианцами? — спросил Редвинг.

С артилектами можно было сразу переходить к делу, не тратя время на светскую болтовню.

— Следует допустить, что по крайней мере несколько наших фраз вызвали у них языкание заплетыков. Глорианские наречия многослойны, смысл их проступает не сразу. Напоминаем вам, капитан, что ваш английский в конечном счете восходит к попыткам норманнских солдат очаровать англосаксонских хостес. Глорианская узлоречь не столько развертывается, сколько расшнуровывается, спирализуется с постепенным нарастанием сложности на каждом витке.

Артилект повысил голос, имитируя эмоции. У него хорошо получалось подделываться под человека.

— А получится ли вообще наладить устное общение?

— Вероятно. Метаязык оснащен сногсшибательно богатым комплектом суффиксов и префиксов. В целом грамматика чрезвычайно сложна, но не настолько, чтобы мы, артилекты, не справились.

— Гм. Например?

— Во время ранних сеансов связи, когда возникали трудности перевода, глорианцы даже обменивались определениями. Наподобие: *Жизнь — антиэнтропийная организация химических или электромеханических систем, которая, будучи предоставлена самой себе, имеет тенденцию к метастазированию с умножением численности и разнообразия*. Это верное определение, но для нас недостаточное.

— Для *вас*?

— Мы полагаем, что высокоуровневая ментальность сама по себе служит свидетельством жизненной активности. Химия в данном случае не принципиальна.

— Гм. А дайте-ка послушать глорианскую речь.

Пулеметно-стремительный трескучий шум.

Редвинг про себя обозвал эту речь брандашмыжной.

— Глорианцы переслали этот комментарий вместе с изображениями важных религиозных фигур, а именно: Будды, Иисуса и святых эпохи Возрождения.

— Зачем?

Артилекты продемонстрировали Редвингу видеопоток через гарнитуру. Фигуры двигались, махали руками, танцевали.

— Эти изображения поступали из многих мест Паутины. Массив фазированных сигналов высокой четкости. Кроме того, приняты изображения планет.

— Их передача раздроблена, распределена по массиву? Почему?

— Вероятно, потому, что нас желает приветствовать вся цивилизация? Они выбрали изображения, резонирующие, по их мнению, с привычными человеку жестовизуальными действиями: догадка глорианцев подтвердилась.

— А что это была за… тарахтелка?

Старший артилект отвечал высоким тенором и слегка наставительно:

— В основном свистящие фрикативные согласные. Вы, люди, производите аналогичные

звуки посредством направления воздушной струи языком в сторону края зубов. Фрикативные согласные возникают при продавливании воздушного потока через небольшое щелевидное отверстие в ротовой полости.

— Вы можете общаться с ними посредством звуков?

— Мы пытаемся. Глорианцы тоже учатся. Они запросили самую короткую фразу, какая бы содержала все буквы английского языка. Наилучший найденный нами вариант в обратном переводе дает «Зефиры неподдельно озадачили туповатую курицу-попрыгушку». Пожалуй, это своеобразное достижение.

— А что они о себе рассказали?

— Немногое. Мы отослали им подробный курс человеческой истории, не опуская никаких деталей. Они ответили: *На протяжении последних эр нашего вида возникло семнадцать империй. Они начали строительство Арки. До них нам дела нет. Их больше не существует. Всё проходит, пока не оставляет след.* Это необычная позиция. Но, впрочем, люди известны своим пристрастием к хронологии. Даже песни земных китов сохраняются в популяции максимум на несколько поколений.

— Нас внутри кто-нибудь встретит?

— Нам ответили, что встречающие готовятся. Вероятно, да.

Клифф тронул Редвинга за плечо, капитан сбросил гарнитуру и вопросительно посмотрел на него.

— Гремучая змея? — произнес Клифф. — Или кобра?

— Э?

— Простите, сэр. Это старая история. Помните тренировки ситуаций Первого Контакта на равнинах Центральной Азии? Сценарий «Гремучая змея»: бей первым как можно быстрее. Сценарий «Кобра»: приникни к земле, затихарись, просканируй местность, никаких переговоров или ЭМ-траффика. Докладывай только по лазеру.

Да, на Земле они проделали много изнурительных тренировок: имитация высадки в болоте, лесу, ледяной пустыне, скалистых горах — ведь никто не знал, как в действительности выглядит Глория. Сейчас эти тренировки должны оправдать себя, но Паутину невозможно просчитать до конца: это подлинно чуждая биосфера.

— Скорее «Кобра». Но я бы советовал выбросить из головы всякие мысли о… — Редвинг развернулся к экипажу на мостике и повысил

голос: — Сражении. Никакого насилия. Мы разморозили лейтенанта Кэмпбелла и берем его с собой, но это скорее мера предосторожности, которая предписана Землей.

Клифф собирался было продемонстрировать скепсис, но тут влез Эшли:

— Я читал, что при первой высадке в Чашу одна ваша группа попала в плен.

Клифф смерил его взглядом.

— Мы вооружимся.

— Никаких агрессивных телодвижений, — рявкнул Редвинг, — понятно?

— Даже если нас попробуют захватить? — спросил Эшли недоверчиво.

— Даже в этом случае. Бет с Клиффом и остальными, у кого есть опыт высадки в Чашу, пойдут первыми. Вы следом.

Эшли демонстративно поиграл бровями, потом сказал:

— Да, *сэр*, безусловно, я выполню ваш приказ.

Его тон полностью обессмыслил это уважительное «сэр».

— Приготовиться к посадке, — Редвинг помедлил. — Точнее, к спариванию.

11. Сделайте меня умнее

Эбби Гоулда[14] вывели из анабиоза недавно, однако ему это не мешало. Хирург ранее бодрствовал, когда «Искательница солнц» исследовала Чашу. Он помнил, как выглядели паучары на видео с камеры Бет Марбл: диковинные и устрашающие. Помнил стычки с птицами, которые оказались пернатыми потомками динозавров. Когда девяносто лет спустя его разморозили, присутствие Анорака сперва испугало Эбби, затем повергло в восторг.

Бугристая башка и модифицированная пасть существа, очевидно, работа генетических кудесников Птиценарода. Какие же у них технологии! Эбби размышлял, сумело бы это существо дать приплод.

Интерес не был чисто академическим. На борту хранились и другие генно-модифицированные паучары в форме яиц.

Анорак лежал на операционном столе, сложив

---

[14] Примечания: 14

Здесь и далее везде употребляется имя Эбби, хотя в первых двух книгах цикла и списке персонажей настоящего романа его зовут Терри. Причина расхождения неясна, возможно, ее следует отнести на счет авторской или редакторской ошибки.

лапы. Круглая туша умещалась с трудом.

— Почему мои лапы в этих фиксаторах? — спросил паук. — Я не могу двигаться.

— Мы не знаем, как ты себя поведешь, когда всё закончится, — объяснил Эбби.

— Я не причиню вам вреда, — пообещало существо. — Вы мне будете мозг вскрывать?

— Я тебя вообще не буду резать. Это… — Эбби погладил серебристый индукционный прибор, имевший приблизительно дисковидные очертания. Устройство людям передали в Чаше. Оно должно поместиться за крупными челюстями Анорака, покрыв его расширенный мозг. Как его обозвать? — Эта штука, думаю, работает по принципу электромагнитной индукции. Ты узнаешь больше, когда она закончит записывать тебе в мозг воспоминания Бемора. Но мы не знаем, что в точности ты тогда предпримешь. Вдруг начнешь метаться и себе навредишь?

— Но я же стану умнее.

— Да. — У Эбби были свои сомнения.

— Тогда выполняйте.

Анорак смотрел старые развлекательные передачи. Казалось, здоровенному чужаку этот способ усвоения людского социального этикета дается легче всего.

Эбби кивнул. Устроил прибор на панцире Анорака и закрепил его биосовместимыми скобками. Анорак дернулся, лапы его задрожали. Пауку и Эбби едва хватало места в операционной; налапники прикрепили к стене резиновым клеем.

Заглянул капитан. Эбби обратился в слух.

— Приветствую вас, капитан Редвинг, — проговорил Анорак.

— Я заглянул посмотреть, всё ли у вас в порядке, — сказал Редвинг. — Доктор Гоулд?

— Отлично. Мы готовы начинать.

Редвинг аккуратно коснулся паучьей лапы.

— Тогда вперед. Анорак, мы с тобой потом поговорим.

Бет наблюдала за Эшли Трастом, красивым самой что ни на есть банальной мужской красотой. На Земле ему бы это помогло, но с Бет он шансов не имел. Она предпочитала грубовато-потрепанный стиль Клиффа. После рутинного подката отшить Траста оказалось тем проще.

Эшли привыкал к работе с бортовой аппаратурой, усовершенствованной артилектами и сильно улучшенной по сравнению с тем, какой была она в пору его земных тренировок. Он стоял, накинув гарнитуру внешнего вида, и следил за приближением Паутины. Одной из вспомогатель-

ных специальностей Траста была метеорология; тут эта новая игра наконец запустится.

Он ощутил на себе взгляд Бет, но, похоже, не просек, что за его успехами попросил проследить Редвинг.

Сделав туманный жест рукой, Эшли проговорил:

— А знаешь, топографические особенности часто так и притягивают к себе облака. Видишь — вон те разнообразные облачные слои на переднем плане? Каждая зона со своей текстурой, погодой и составом облаков. Более темные участки соответствуют пропастям между облачными массами. Мы смотрим на стопку огромных платформ радиально, а локальная гравитация перпендикулярна направлению нашего движения — сбоку. Вау!

— Никто себе и представить такого не мог, — дипломатично отметила Бет.

— Как и той Чаши, которую вы посетили.

— Ага, там тоже было полное безумие.

Эшли показал пальцем:

— Видишь? Их солнечный свет как бы поворачивается в небе, следуя орбитальному периоду — несколько больше семи наших дней. Единственный промежуток настоящей ночи наступает, когда вся Паутина погружается в тень.

Итак, то, что нам известно о планетах — в смысле тепловые градиенты между океанами и континентами, всё такое, — здесь неприменимо. Среда достаточно стабильна, и только гравитация изменяется по всей длине Паутины. Различия, однако, значительны. Здесь ветра не прерываются горными грядами, потому что воздушный поток способен попросту обтекать платформу, на которой воздвигнуты невысокие горы.

— А как насчет бурь? — Бет раздумывала, возможно ли предсказать непогоду в полевых условиях.

— О, на Земле джеты — своего рода ясли ураганных воронок. Здесь… не знаю.

Она посмотрела сверху вниз на облачные структуры величиной с континенты. В той области Паутины, куда они причалили, на Бугре, гравитация была минимальна: водяные пузыри размером с океаны поблескивали в солнечном свете. Всё это скрепляла сеть серебристых тросов и растяжек, напоминавших сухожилия. Словно змея, перебросившая между мирами свое тело. В каком-то смысле место это было еще удивительней Чаши Небес.

Эшли постарался как можно быстрее взяться за подготовленный артилектами курс. Он ску-

чал по обилию информации, обыденному для доанабиозных времен. Как ему не хватало легкодоступной компьютерной сети, возможности быстро выяснить, где, кто, что, когда и зачем! Хотя он уже полностью оттаял, физических перемен тело не претерпело, и выглядел Эшли совершенно прежним, самочувствие его полностью изменилось. Он испытывал странное чувство свободы, задавая людям вопросы. Входящие потоки информации пересохли, он не знал в точности, сколько сейчас времени и где он находится. Примитивная жизнь.

Это также значило, что он вынужден будет полагаться на органическую память в мелочах вроде имен других людей. О, как несовершенна человеческая память без ассистентов! Он и позабыл, каково это — быть Первозданным Человеком.

Приходилось подключаться к тренировочному коммлинку, чувствуя себя голым и уязвимым.

— Вот по-о-о-тому-то-о-о вы все-э-э-э, нов`чки, не успеваете жир нагулять, — пошутила женщина по имени Джилган, растягивая «о» и проглатывая «и», точно оборачивала губы вокруг слов.

Она сообщила, что сама «с Юга». Ее акцент Эшли ни о чем не говорил.

Он вынужден был повторять фразы, чтобы артилекты выучили его голос и затем использовали оверлей при переговорах команды при экспедиции в Паутину. Или общении с глорианцами, когда те покажутся.

Акценты в многовековой экспедиции оказались нешуточной проблемой — они менялись, сдвигались, значения путались, как обычно в беглой речи людей. На Земле выработалось что-то вроде базовой нормы произношения, которая от зубов должна была отскакивать: в обществе, распространившемся по всей Солнечной системе, без такой не обойтись. Она сгладила акцентуальные различия. Но Эшли втайне порадовался, обнаружив, что «э-э-э», самое обычное междометие, которое люди машинально вставляли между фразами, давая себе время подумать над ответом, в человеческом звуковом ландшафте по-прежнему присутствует. Натаскав артилекты на его употребление, он слегка приободрился.

Учеба обещала вскоре окупиться. Артилекты рассказывали, что глорианцам свойственно оформлять символьные группы не пространственным расположением, как у людей, когда строчки символов следуют, к примеру, слева направо, а временным: глорианские слова при-

бывали стремительными импульсами, которые артилектам приходилось конвертировать в пространственный аналог. То есть, скажем, ПРИВЕТ поступало с миллисекундными звуковыми промежутками между П, Р и так далее. Эшли полагал, что человеку без помощи артилектов нечего и надеяться освоить этот язык.

Он осознавал, насколько тяжелую работу проделывают они, налаживая контакт с глорианцами. И задумывался, насколько вообще это странная штука — речь. Старая шутка гласила, что в англишском «Манчестер» должно читаться как «Ливерпуль»: такие головоломные там были правила соотнесения письменной и устной формы языка. А взять глорианскую метафору «быстрый, как промасленный свет». Что означает она для них? Разряд катушки Теслы в маслянистом тумане?

Артилект шепнул ему:

— Корреляция дискретных элементов дается несложно. Нарративы работают через посредство эксплицитных или имплицитных каузальных цепочек. Описание подобно стандартной потоковой диаграмме причин и следствий.

Эшли усмехнулся.

— Мне больше нравилось, как это в старых

фильмах устроено. Ну, помнишь? Прилетают люди в Андромеду и встречают двуногих разумных углеродных инопланетян, которые дышат кислородом, выглядят потрясно, в постели великолепны и говорят по-английски.

Артилект рассудительно ответил:

— Соглашусь, нарратив связан с эволюцией человеческого вида, тогда как базы данных являются продуктом экстериоризированной классификации знаний, начатой в двадцатом и двадцать первом веках. Чрезвычайно сложные формы конкуренции и совмещения этих двух разновидностей восприятия — результат работы когнитивного ансамбля людей и их устройств. А именно такие ансамбли ныне доминируют в развитых обществах.

— Э-э… Это была шутка.

— Я понимаю. Но ответить тем же не могу.

— Это что же, вам юмор в тесте Тьюринга не проверяют?

— Нас не так разрабатывали. Вам, людям, юмор… жизненно важен.

Встретив Редвинга в тренировочном зале, Клифф отвел его в сторонку и сказал:

— Я прервал переработку тела Окалы Юбанафор.

— Что? — Редвинг поморщился. — Зачем?

— Она достойна лучшей участи.

— Но послушай, ведь все тела должны подвергаться переработке. До молекулярного уровня.

— Я знаю. Но… — Он обнаружил, что не может закончить.

Редвинг нахмурился.

— Послушай, у нас в этом полете было одиннадцать трупов. И все они отправлялись в молекулярные рециклеры.

— А те, кто погиб в Чаше? Они погребены там.

Клифф достаточно давно был знаком с Редвингом, чтобы уловить момент замешательства капитана, проявлявшийся легким пожатием плеч или паузой. Ага, значит, Редвинга проняло. Клифф усилил натиск:

— Она заслуживает более достойной участи. Не простой переработки в молекулы. Давайте похороним ее на Глории. Ее первую.

— В Паутине, хочешь ты сказать, — Редвинг уставился в пространство. — Я… Мне нравится эта идея.

— Я так и предполагал, сэр.

Капитан вздохнул:

— Возьмем ее с собой в первом рейсе.

Вся кромка индукционного овала, охвативше-

го башку Анорака, засветилась. Анорак начал дергаться.

Доктор Гоулд и капитан Редвинг отступили на шаг, но подергивания прекратились, не успев перейти в судороги. Паучары не умели мигать, но ранее было видно, что все глаза Анорака расфокусированы, а теперь паук уставился на Эбби. Эбби напрягся.

— Как тебя зовут? — мягко спросил Гоулд.

— Анорак. Постойте. Ффиуистсс… рот не совсссееееммммм… слушсссссс… Вы можете называть меня Бемор. Но такое обращение привело бы к путанице, верно?

— Бемор-Прим, если вам угодно, — ответил Редвинг.

— Да, такой вариант я сам и выбрал. Перед тем как покинуть Чашу. Да, память полностью записана. Капитан, я польщен вашим присутствием.

Редвинг дипломатично кивнул.

— Мне это показалось вежливым.

— Протокол, да. — Бемор-Прим поерзал. — Теперь освободите меня. Я настроен благожелательно.

Редвинг кивком дал знак Эбби Гоулду раскрыть налапники паука. Бемор-Прим продолжил:

— Я помню, что мы находимся вблизи объекта,

который вы именуете Паутиной, и готовимся к высадке. Разрешите ли вы мне прежде отослать сообщение другой моей личности?

— Разумеется. Но сперва, пожалуйста, ознакомьтесь с посланием, которое предназначено для вас. Оно пришло почти год назад. Чаша следует за нами. Она уже довольно близко, на расстоянии около одной шестой светового года.

— Я вспоминаю. Медленно.

— Вы отправитесь с первым разведывательным отрядом. Мы опасались… вы слишком могущественны, чересчур близки к высшим эшелонам власти в Чаше — не отреагирует ли властная элита Паутины с беспокойством на ваше появление в таком статусе? Кем бы ни оказались эти существа. Мы попросим вас притвориться домашним животным. Приемлемо ли для вас такое поведение?

— Значит, мне не следует говорить? Возможно, оно и к лучшему. Нельзя понапрасну возбуждать страх в незнакомых умах. Отличный замысел, капитан. Мне сейчас трудно говорить. Пожалуйста, покажите мне сообщение от другой моей личности.

— Вначале я должен вас осмотреть, — сказал Гоулд. — Проверить рефлексы.

Рефлексы Бемора-Прим еще не устоялись. Он

продолжал вздрагивать, его потряхивало без причины. В коридорах Редвинг сопровождал его: шел первым, отгоняя встречных с пути. В каюте Редвинга двое были всё равно что толпа. Редвинг набрал команды, поговорил с устройством, повернул к паучаре обзорный экран и вежливости ради вышел в коридор. Некоторые члены экипажа всё еще опасливо поглядывали паучаре вслед. Редвинг жестом шуганул их.

Бемор-Прим вскоре открыл дверь и произнес:

— Думается, моей другой личности и мне от вас скрывать нечего, капитан. Войдите и просмотрите. Вам понадобится артилектоперевод.

Бемору-Прим:

Моей другой личности я шлю свои приветствия, поздравления, а если допущены какие-то ошибки, то извинения. Ты не просто другая версия меня, а триумф двухсот миллионов лет медицинской практики. Ты должен оказаться полнофункциональным существом, небывалым явлением — и готовым к покорению твоего нового мира.

Однако ты можешь припомнить, как мы опасались, что процедура уязвит тебя, покажется карой за высокомерие, которое я, возможно, проявил к Ледоразумам. Пересадить мой ин-

теллект в модифицированного паука! Ну и дела.

Призываю тебя не отвлекаться на такие опасения. Ты тот, кто ты есть, будь собой. Доверяй своим знакомым, даже если найдешь их примитивными. Они приматы и воспринимают нас иначе. Положись на свой ранг.

Вероятно, ты ощутишь склонность к безрассудству. Ты хищник — в большей мере, чем раньше. Твоя жизнь короче, и тебе, возможно, покажется менее целесообразным ее беречь. Обуздывай эти чувства. Ты должен защищать своих спутников.

Чаша следует за «Искательницей солнц», она ближе, чем предполагалось нашими изначальными планами. В крайнем случае мы тебя прикроем. Положись на нас.

Скажи капитану, что мы получили описание траекторий черных мини-дыр и скорректировали курс таким образом, чтобы в окрестностях системы Глории нам ничто не угрожало.

И последнее.

Сделай так, чтобы я тобой гордился.

12. Приготовления

Удача – лишь другое имя тщательной подготовки.

Майкл Роуз

Накануне десанта в Паутину были запланированы финальные тренировки и сборы. Для начала все плотно позавтракали. И не псевдомясом единым. Бет уплетала жареных муравьев в яичном соусе, когда ей пришло в голову, что насекомые ведь тоже относятся к типу членистоногих, а значит, не хуже креветок способны вызвать аллергию. Ей стало жалко свежеразмороженного бедолагу, у которого спустя несколько часов начнется лютое жжение во рту после такой трапезы, а других источников белка не предвидится. Она быстро сделала заказ артилекту и отправила Эшли в бионическую секцию, где автосинтетический бак принялся выдавливать в тюбики свежее мясо, словно зубную пасту. Клеточный суррогат свинины и телятины из бортовых биореакторов по вкусу ничем не отличался от пристойной сосиски.

Недавно оттаявшая девушка по имени Ким

съела три порции. Клифф тоже налегал на еду. Бет улыбнулась ему, мысленно готовясь к вылазке в поле. И подумала, что, быть может, на борт корабля им больше ступить не придется.

Обезьяна Хэнди завтракала вместе с десантной группой, предпочтя вегетарианские блюда. Остальные чужаки принимали пищу у себя в каютах. Пальцезмейки употребляли живую добычу, и наблюдение за этим процессом могло отбить аппетит. Чем и как питается Бемор-Прим, не знал никто. Или не хотел знать?

Бет покинула столовую с полным желудком и принялась собирать привычное по Чаше экспедиционное снаряжение. Выудила древнее огниво: ей еще помнился хитрый фокус, от которого в воздух вылетали голубовато-белые искры. Вот спальный коврик, компактный кухонный набор, самозастегивающийся рюкзак. Она приказала стене стать зеркалом и почувствовала некоторый шок, увидев перед собой женщину со взглядом решительным, глазами искрящимися и волосами еще темными, но обилием морщинок на лице. Некогда Бет была быстрой и сильной. Приметы той женщины еще сохранялись — прежде всего в гибкой мускулатуре. Однако проведенные в полете годы придали коже лица меловую бледность.

Редвинг готовил их к условиям пониженной гравитации, приказав уменьшить нормальную земную силу тяжести в крутящемся торе в десять раз — до значений, характерных для Паутины в области Бугра. Бет пробежала два километра на тренажере. Вскоре мышцы разогрелись, иные — разболелись или онемели от необычных движений. Низкая гравитация отличается от невесомости, перемещения при ней — это скорее искусство. Бег превратился в полет, шелковисто-плавный, неспешный, как во сне.

Она вернулась к сборам полевой снаряги. Застегнула комбинезон, тщательно притянула его, нажала кнопку на запястье, и одежда облекла тело, как удобная перчатка — руку. Аппетитные выпуклости придали бы фигуре сексуальный вид, но большинство членов команды в таких комбинезонах выглядели мультяшными пародиями на людей, а у мужчин выступало больше деталей, чем хотелось бы созерцать. Бет для пробы подвигалась, понагибалась: ткань на коленях и локтях заскрипела.

Штанины в нижней части комбинезона были мешковаты, постоянные советы электроники раздражали — умная одежда напоминала назойливую мамочку-хлопотунью. Однако, учитывая,

как тяжко приходилось трудиться бортовым артилектам над интеграцией прилетевших с Земли обновлений, функционал комбинезона был поистине чудесен. Карманы, застежки, ремешки — много возможностей для крепления инструментов, но при этом костюм не толстый, кое-что получится забросить за спину при низкой гравитации и без труда переносить. Шлемы снабжены УФ-, ИК- и даже радарным визорами, телевиком и широкоугольным объективом, сенсорами давления, медицинскими датчиками. Комбинезоны для существ из Чаши были изготовлены по указаниям оттуда и получились облегающими и заметно эстетичнее людских. Если в истории что и остается неизменным, это поступь технологического прогресса.

Бет испытывала легкую усталость, так что для пробы запросила у аптечки порцию стимулятора, получила и приняла одну таблетку, сберегая остальное для вылазки.

Когда все примерили и подтянули комбинезоны, отряд стало легко принять за пришельцев из какой-нибудь видеодрамы периода лучемет-

ной готики[15], в старомодных хромированных корсетах.

Почти все размороженные члены отряда были молоды, им не пришлось провести годы в Чаше. В комбинезоны они влезали по-юношески непринужденными движениями. Вылазку предстояло провести вслепую: связь с артилектами будет отключена. Такая предосторожность выглядела нелишней. Да и глорианскую умную технику на борт заносить нежелательно.

Эшли стянул футболку через голову и взглянул на себя в зеркало. Спустил джинсы, потом боксеры, вообразил, как напарница впервые видит его обнаженным. Ноги средней длины, некоторая эпиляция не помешает. Он свои ноги любил, но бедра находил слишком широкими и непропорционально мускулистыми: след полевых нагрузок вековой (или двухсотлетней?) давности. Он попытался встать под углом, изогнув талию, и нашел эту позу более презентабельной. Но с такого ракурса стало очевидно, что ягодицы у

[15] Примечания: 15

Собств. *Raygun Gothic* — термин из рассказа Уильяма Гибсона *Континуум Гернсбека.* Стал общеупотребителен в современной англоязычной истории искусств и дизайна, обыкновенно обозначает ретрофутуристичные дизайнерские решения в духе старой кинофантастики, например первоначальных сезонов *Стартрека* или *Звездного крейсера «Галактика»*.

него не такие упругие, как в двадцать два года. Он прикусил обе щеки в надежде, что так физиономия покажется более скуластой и суровой. Втянул живот, как мог подтянул ягодицы, вообразив, что это воздушная выпечка в окошке кафе. Вероятно, следует уделить некоторое время прокачке самооценки. Попросить, что ли, у артилектов сномаску? Виртуальные фантазии можно превращать в регулируемые сны, отрабатывать соблазнение. Практика — залог успеха!

Сумеет ли он обольстить Бет Марбл? А других женщин? Хватит ли харизмы? Он надул губы и провел руками по бедрам, маскируя их ширину. *Возможно*.

Бет догнала Клиффа в узком коридорчике за примерочной.

— Как насчет окунуться в пузырик, милый?

— А, конечно. Мне совсем не помешает отвлечься от трудностей со снарягой. — Он скосил правый глаз, проверяя расписание. — Отлично! Бассейн свободен. Побежали.

Они устремились к сферическому бассейну с нулевой гравитацией.

— Первую сонату для фортепиано фа минор включим? — спросила она.

— Почему бы и нет, она из моих любимых. И не

только потому, что там концовка ударная.

— Это точно.

Пришлось радиально срезáть маршрут, и на пересечении коридоров они столкнулись с Редвингом. Капитана сопровождал низкорослый мускулистый мужчина, они о чем-то беседовали. Редвинг повернулся и махнул рукой. У мужчины было при себе какое-то десантное оружие.

— Это наш главный военный консультант, Томми Кэмпбелл.

Кэмпбелл и Бет с Клиффом обменялись стандартными приветствиями.

— Вы успели изучить историю нашей экспедиции, лейтенант Кэмпбелл? — поинтересовалась Бет.

— Думаю, да, хоть она и оказалась весьма обширной, — сухо усмехнулся Кэмпбелл, обнажая неровные зубы. Говорил лейтенант басом, в котором слышались нотки тревоги. — Если честно, меня беспокоит угроза потери контроля над кораблем, ну, вы понимаете, при такой сложной посадке. Мы никогда не отрабатывали приближение к цилиндру сбоку. Да еще и пассивное.

— У нас нет выбора, — ответил Редвинг.

Бет услышала в голосе капитана напряжение. Несомненно, продиктованное трудностями под-

бора слаженной команды для такой странной миссии. Эта вылазка явно будет еще загадочнее и сложнее, чем высадка в Чашу. И посмотрите, как тогда всё повернулось: отряд вынужденно разделился, половину захватили в плен, другие долго скитались в глуши чужацкого мироконструкта. Высадка на Глорию казалась делом несложным: подумаешь, челнок на планету спустить. Никто не предполагал, что придется скользить вдоль исполинской трубы.

— О, конечно, меня ознакомили со всеми обстоятельствами, — сказал Кэмпбелл, — артилекты об этом позаботились. — Темное лицо военного аж заскрипело от натуги: он силился что-то скрыть. Похоже, Кэмпбелл от природы был молчуном, и такая длинная речь его напрягала. — Эти штуковины мастаки по части обзоров: исторические сводки, картинки, статистика, всё такое. Я как раз объяснял капитану, что большую часть времени проводил за учебой, некогда было общаться.

— Вас это смущает? — уточнила Бет.

— Гм… — Кэмпбелл скорчил гримасу, всё еще пытаясь что-то за ней скрыть. Затем, видимо, передумал и продолжил без обиняков: — Ну ладно, скажу как есть. Я старался не выходить из каюты, пока чужаки по коридорам шастают.

— Пальцезмейки? — спросила Бет.

— Да, они страшноватые, чего уж там — говорящие лапохвостые рептилии! И этот пятилапый паучара. Бемор из Чаши, или как бишь его. Я не такими себе представлял пернатых динозавров.

Бет нахмурилась, размышляя, чего стоило такое признание хладнокровному вояке.

— Вы просто не успели к ним привыкнуть, только и всего. Это не животные. Это носители разума другого типа. — *И его с нами в Паутину отправляют?* — подумала она. Но, впрочем, вояка, не бывавший в Чаше, так или иначе на всё будет смотреть через призму земного восприятия. Устарелого восприятия.

Редвинг жестом отпустил их.

— У нас скоро торжественный ужин в честь контакта. Распечатаем доппайки. С фальшвином паста хорошо пойдет.

Бет кивнула и вместе с Клиффом устремилась дальше к сферическому бассейну. Придется побыстрому.

Ужин перед высадкой выдался калорийным, но почти безалкогольным. Похмельный десант на чужацкую территорию — не дело. Клифф старательно игнорировал земной черный юмор, постоянно проскальзывавший в репликах свеже-

оттаявших. Они так пытались смягчить одолевающее психическое напряжение. Клифф уснул, обняв Бет, и пробудился после тревожного сна.

Мириады деталей всплывали в последний момент. Изящные крылатые корабли предназначались, главным образом, для планирующих полетов в верхних слоях атмосферы, где можно сбросить импульс и рассеять тепло, а потом уж заходить на посадку на самолетный манер. Теперь же придется вонзаться в атмосферу сбоку, и цепкая рука гравитации не подсобит.

— Я подумывал, не поставить ли вам выпускной марш, — сказал по интеркому Редвинг, — это ведь своего рода церемония вручения дипломов?

Открывшийся люк проглотил Клиффа, Бет двинулась следом. Они отыскали свои места и проверили, хорошо ли закреплены вещи. В отряде было двадцать с лишним участников. Никто и слова не обронил.

— Но я просто скажу: вперед, в улет, — продолжил Редвинг, вспоминая, как прощались с экипажами в ранние годы освоения Солнечной системы. — Двигайтесь, смотрите, записывайте, пересылайте.

Ползли минуты. Пилот аккуратно выводил их наружу. Клифф заметил пристегнутое среди

прочей снаряги тело Окалы Юбанафор в белом саване. Пристегнулся сам. Комбинезон принимал трансляцию с корпуса, и Клифф мог проследить, как отдаляется «Искательница солнц». Он не смотрел вперед, а переключил всеобзорную ленту на хвост, чтобы напоследок оглядеть корабль. Некогда корпус был блестящим и изящным, ныне — обшарпанным и грязным: неисчислимые плазменные комки мало-помалу обдирали поверхность, столкновения с камешками на релятивистских скоростях оставляли вмятины. Странный узор коричневых и красных пятнышек наводил на мысли о преждевременной старостной пигментации.

Они устремились к верхним слоям атмосферной пленки. Как и обещали глорианцы, едва заметная пленка раскрылась в одном месте, образовав достаточно широкую для пролета дыру. Рои спрайтов метнулись туда из-под брюха разведывательного корабля и разлетелись параллельно цилиндрическим поверхностям Паутины. Они станут вести наблюдение с флангов, общаясь между собой, словно разумные мотыльки. Полет спрайтов отличался сюрреалистичной, инсектоидной красотой.

Клифф пропустил предупреждения комби-

незона, которые подчас раздражали, словно увещевания хлопотливой мамочки. Однако, благодаря кропотливой работе артилектов, функционал комбинезона — истинное чудо. Карманы, ремешки, застежки — можно прицепить кучу инструментов, но комбинезон в любом случае останется тонким, словно для планеты земного типа.

Разведывательный челнок пронесся сквозь второй слой пленки, в котором столь же проворно раскрылось овальное отверстие. Кажется, многослойная атмосфера реально помогает в управлении цилиндром. Уже Чаша изобиловала чудесами, а здесь, понимал Клифф, их еще прибавится, в том числе самых странных. А вот и третий слой, при взгляде издали напоминавший голубоватую глазурь.

Этот слой располагался над Паутиной, но ниже наружной пленочной оболочки: синий, словно яйцо дрозда, океанский пузырь. Поверхность мерно поблескивала, производя впечатление одновременно привлекательное и фантастическое. Над океаном мелькали белые, как хлопок, облачные башни, отбрасывая на морщинистую блестящую поверхность странные угловатые тени. Были они тонкие, но выглядели роскошно, словно

вычурные белые шпили, и каждую сопровождала, будто темная зловещая близняшка, тень на исполинской загнутой равнине. Многоцветный океан удерживала совсем небольшая гравитация — а скорей поверхностное натяжение, создающее множественные складки, изящные и явно не лишенные какой-то практической пользы: геометрическая симфония на мотив грубой инженерии. Над чем-то вроде термальных источников вздымались узкие, как лезвие клинка, клинья. Облачные горы кишели жизнью: вечный танец хищников и жертв, медленных и быстрых, остроКрылых и лениво-объемистых. А еще — растения на плохо различимых орбитах, обширные зоны стеклянисто-зеленых папоротников, паутинно-тонкие деревья высотою с городские небоскребы, мшистые лапы, тянущиеся к изобильным влагой пурпурным грозовым наковальням. Облачные цепочки возносились, словно горные пики, и в ярком желтом сиянии солнца класса G3 вид у них был на диво прочный и обтекаемый.

Настал миг стыковки с Паутиной. Челнок заходил на посадку вдоль палубообразного причала величиной с материк — сплошь низкие холмы и растительность. Наверху раскинулись тончайшие облачные пленки. Плавное скольжение,

мощные толчки, перекос — и остановка посреди просторного луга, утыканного удивительными спиралевидными растениями, наверняка деревьями, адаптированными к силе тяжести вдесятеро ниже земной.

В памяти Клиффа промелькнула старая фраза, меткое наблюдение классика:

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс[16].

[16] Примечания: 16

Строчка привязчивой песенки из романа Альфреда Бестера *Человек разрушенный.*

13. Огнезадые драконы

В сущности, технологически высокоразвитые разумные формы жизни делятся на два типа: те, у кого нет встроенных блокираторов убийства себе подобных… и те, у кого они есть.

Если абстрагироваться от всех прочих фильтров, оба типа сталкиваются с пространственными и временными самоограничениями. В первом случае — тут речь, скажем, о нас, происходящих от приматов, лишенных естественного устрашающего оружия и затем быстро выработавших мозги достаточно крупные, чтобы расколоть атом, — цивилизации на пороге экстрапланетарной фазы зачастую проваливаются в воронку ядерного противостояния и не выживают.

Ко второму типу принадлежат те немногие, у кого имеется естественное устрашающее оружие. Например, существа вроде велоцирапторов, которые располагали блокираторами агрессии до того, как обзавелись крупным мозгом, и продержались достаточно долго, чтобы вырваться в межзвездное пространство. Такую цивилизацию можно назвать культурой конкистадоров или,

если угодно, галактических геологоразведчиков: к своим сравнительно доброжелательны, но почти для всех иных видов смертельно опасны. Рано или поздно, впрочем, галактические геологоразведчики встречают себе подобных, начинается секторальная война с применением антиматерии и всего прочего, по итогам которой гибнет один вид или оба. Так что вариантов немного…

Бет, хмурясь, оглядывала первый десантный отряд. Разумные обезьяны трещали во все голоса, готовясь к первому шагу по великим неизведанным просторам. Долгое сближение, завершившееся резким приземлением на травянистую равнину, взбудоражило команду до потери всякого самоконтроля.

— Отряд, собраться! — скомандовала Бет, перекрикивая галдеж.

Все начали пристегивать снаряжение к комбинезонам или распихивать по умным сумкам. На корабле группу официально именовали разведывательным отрядом, но Бет думала о них просто как о Первых. Возможно, термин приживется и войдет в историю, написанную кем-то из потомков.

На одной с Бет стороне палубы стояли Клифф,

Эш Траст, Томми Кэмпбелл, Джерамини Тэм — а поодаль еще извивались три пальцезмейки. Змейкам не терпелось заняться чем-нибудь необычным после столь долгой бортовой рутины. Быстрые ручонки плавно разминались в шаровых суставах. У Хэнди, обезьяноподобного создания со множеством инструментов, возникли проблемы; лучше подождать, пока разберется со снаряжением. Вивьен, по крайней мере, выглядела готовой, с иголочки, и уверенной.

Остальные выстраивались шеренгами. Глорианцы прислали мультяшные инструкции, в которых был показан отряд из шестнадцати человек. Редвинг решил им следовать.

Бемора-Прим невозможно было ни с кем перепутать — ну, до определенной степени. Его тушу перевозили в прозрачной клетке размером с небольшой автомобиль. Существо подергивалось. Его составная личность пока не вполне освоилась с движениями тела. Бет полагала, что досаждающие ему проблемы вскоре исчезнут. Бемор-Прим избавился от облика исполинской птицы и переродился паучарой — а паучары эволюционировали в микрогравитации и были отлично приспособлены к ней.

Паук без устали ерзал по клетке. Но казалось,

что временное заточение не доставляет ему неудобств. Он просто практиковался — и наблюдал. В фасеточных глазах проступала странная мудрость.

Бет вспомнила, как впервые столкнулась с паучарами в Чаше, как у нее мурашки поползли по спине, а внутри всё инстинктивно сжалось. Паукообразные создания мчались по лесистой низкогравитационной тюрьме, куда засадили пленников Птицы. Бет потом долго мучилась кошмарами. Другие надеялись, что исполинские твари («паучицами» их нарек Абдус, и это закрепилось) не обратят внимания на людей. Что, если они не хищные, какими кажутся, а, скажем, травоядные? Но один человек погиб в стычке с ними, и Бет, глядя на чужака, боролась со знакомыми мурашками. Она помнила, как стремительно движутся щетинистые лапы, перебегая по толстым нитям ловчей сети. На Земле таких крупных пауков не существовало. Впоследствии, наблюдая за обычными, Бет вздрагивала.

Паучара в буквальном смысле собирался с мыслями. На его башке торчала казавшаяся крохотной гарнитура, поблескивание индикаторов активности означало, что идет процесс ментальной обработки. Интеграция на лету.

Эта технология досталась людям от Птиц. Потом артилекты взялись убивать время полета — много десятков лет — на ее совершенствование в симуляциях. Теперь такой гарнитурой оснастили паучару, вылезшего из паучьей формы криосна — по анабиозной технологии, которую Птицы освоили еще в древности.

Бет следила за Анораком: в течение последних нескольких дней паук стал заметно спокойней. Птицы Чаши настояли, чтобы Анорак был включен в состав первого десантного отряда. Бет это не понравилось, поскольку общение с Анораком оставалось затруднено. В полевых условиях — фактически невозможно. Однако в клетке имелись микрофоны, камеры, регистраторы — и некоторые скрытые устройства управления.

И неприятные для Анорака эффекты явственно сглаживались по мере того, как доминировать начинала личность Бемора. Разум, наложенный на примитивные животные мозгоструктуры. Техника, превосходящая людское понимание. Бет считала этот симбиоз жутковатым, но решать было не ей, поэтому она поступила так, как часто поступают офицеры: выполнила приказ, демонстративно поджав губы.

Клифф перегнулся к ней, закончив пристеги-

вать снаряжение.

— Как говорил мой отец: двигаться помедленней, следить, чтобы сзади не подкрались.

— Ага. — Они готовились надеть шлемы, так что Бет, улучив момент, быстро чмокнула Клиффа. — Мой тоже. Мой отец умер много веков назад, и знаешь что? Чем дольше он мертв, тем умнее кажется. Загерметизировать шлемы! — скомандовала она.

Биодетекторы сообщали, что атмосфера снаружи довольно близка к земной. Не отмечалось никаких опасных микробов или потенциальных ядов. Неплохо.

— Выровнять давление в шлюзе! — обратилась Бет к пилоту-артилекту.

Люк с шипением скользнул вбок — и внутрь хлынул солнечный свет.

Никто не проронил ни слова. Момент был исторический, к чему его портить бессмысленной болтовней. Бет это вполне устроило. Она и готовилась в основном молчать. Ей всегда были неприятны идиотские пафосные речи из драм о первых исследовательских полетах по Солнечной системе. Потому она скопировала подход Редвинга:

— Земля, мы это сделали! Вперед, в улет.

Они молча двинулись наружу, синхронизируясь через комбинезоны с «Искательницей солнц». Бемора-Прим конвоировали трое солдат из бывших астеров.

Бет проследила, как улетают с автозапуска микродроны. Артилекты предпочитали именно такой способ локального мониторинга: стайки дронов, летающие вокруг Бугра в Паутине, снимки и аудиозаписи местных форм жизни, наблюдения за нульграв-экологией.

Команда построилась кругом и стала ждать. Перед ними раскинулся мирный тихий луг.

Их никто не встречал.

Вообще никто.

Они к такому не готовились.

Ничего их не ждало, кроме травянистого луга, ограниченного лесом, а лес напоминал извивающуюся массу широких полых конечностей. Всё живое тут было каким-то легким, светлым, воздушным. Полупрозрачные пикообразные листья, светоносные ярко-голубые и желтые цветы колыхались на ветру. На стволах виднелись пятна лишайников. Они тоже двигались, изгибались и наползали друг на друга, как в ускоренной съемке, соперничали за место и световую энергию.

Бет понимала, что эту равнину подпирают кон-

струкции Паутины, серебристые трельяжи. Сеть раскинулась в промежутке между двумя мирами, ее башни служат опорой стопкам из множества равнин вроде этой. Перед командой раскинулся один из множества этажей гигантского здания. Но чувство возникало пьянящее и…

— Сбросить шлемы, — передала она. — Надо же попробовать местный воздух.

Команда испустила дружные вздохи. Атмосфера оказалась влажная, шелковистая. Бет аж моргнула, когда сладкий воздух ворвался в ноздри. С самой Чаши не испытывала она такого ощущения — истинного живого простора.

Задувал порывистый ветер, направленный в основном к Чести. Здешний климат, несомненно, отличается от планетарного. Вращение Паутины создает дополнительные медленные воздушные потоки; солнце нагревает поочередно все стороны с интервалом чуть больше недели. Отсутствуют наклон оси вращения и смена времен года. Фактически это не погода, а микроклимат внутри гигантского здания.

А вот и новое солнце: размытый овоид вишневого оттенка, повисший на расстоянии двух ладоней от края луга, то расплывался, то становился четче. Сквозь облака верхних слоев

атмосферы Бет видела перевернутую радугу, чьи цвета преломлялись и плясали: по мере вращения конструкции солнце садилось в сторону Глории. Через пару часов наступит недолгая ночь.

Солдаты открыли клетку Бемора-Прим. Паучара осторожно выбрался наружу; пять лап ушли в торф, но удержали тело. Бемор-Прим подергался — не исключено, что от удовольствия. Как и предписывалось планом, посланец Птиц хранил молчание, а солдаты-астеры болтали с ним, словно с домашним животным, которым он не был.

Однако по мере осторожного продвижения через луг Бет рискнула откупорить воображаемое шампанское. Душа ее пела.

— Вперед, вперед, покажем им себя, — подбодрила она команду.

По равнине словно многоцветный ковер расстелили. Шафрановая пыль поднималась от скопления стелющихся растений — что это, выброс пыльцы? Коричневато-красные низкие папоротники, золотисто-зеленые кустарники, а вот что-то скрипнуло под подошвами: Бет опустила голову и увидела, что ступает по синему, словно яйцо дрозда, песку.

Но прилетевших по-прежнему никто не встре-

чал. Послышались раскатистые крики — и ответные им. Какие-то животные, возможно птицы. Словно два тенор-саксофониста обмениваются риффами в музыкальном состязании. Шелест ветра вторил птичьей песне.

Тишина посреди удивительной природы показалась необходимой. Бет включила было канал аудиосвязи с Клиффом, но в итоге не сказала ни слова. Молчание никогда не доставляло ей неудобств. В самой приятной своей форме — молчании наедине с возлюбленным — оно органично дополняет разговор.

Вдалеке что-то мелькнуло, привлекая взор. Бет приблизила заинтересовавший участок неба на виртуальном экране перед левым глазом. Новый мир, новая фила. Как и любой биолог-исследователь, Бет мечтала дать название новооткрытому виду. Горячка приключений в Чаше помешала ей это сделать тогда. Однако странное небесное создание, менявшее форму, извивавшееся всем телом, никаких специфических ассоциаций не вызывало. У Бет Марбл, вероятно, слишком невзыскательная фантазия, чтобы набиваться в крестные такого чудища. Бет решила назвать его «зинго».

Существо чем-то походило на ожившую па-

утину. Черные блестящие нити сдвигались и переплетались. Оно медленно увеличивалось в размерах. Тело его было далеко от птичьей или машинной формы: оно перемещалось, словно весельный трактор, если бы такой существовал. И выглядело громоздким. Возможно, всё-таки механизм?

Слева виднелась блестящая поверхность пруда, рябившая под легким ветерком.

Может, окунуться? Кожа чесалась. Нет, потом, если…

— Сбросить комбинезоны, — приказала Бет. — Рискнем выставить всё тело на воздух.

Они отдавали себе отчет: местная экология наверняка поддерживает работу устрашающе сложной сети вирусов, микробов и простейших. Но на Земле же они с человеческой биохимией уживаются. А здешняя атмосфера мало отлична от земной, кислорода чуть больше, азота немного меньше, интересные примеси вроде ксенона. Артилекты разработали общую вакцину против предполагаемых инфекций. Аллергий исключать нельзя, но, пока не проверишь, не узнаешь.

Бет сбросила комбинезон. Под ним была надежная походная поддевка, оставалось только пристегнуть к ней рюкзак, фляжку и пояс с ин-

струментами. Команда последовала примеру, все справились за три минуты. Бет глянула на далекого зинго. Тот увеличился в размерах и продолжал извиваться. Она показала на него спутникам:

— Проследите за ним.

Мимо головы Бет что-то пронеслось. Она отшатнулась и, глянув вслед улетавшему созданию, отметила, что оно размером примерно с воробья, четверокрылое. Возможно, играет роль стрекозы в этих влажных низинах? Кто его знает. Конвергентная адаптация? По берегу пруда росли ивообразные деревья. Они были куда выше земных и отличались от них скрученными спиралевидными стволами. Артилекты полагали, что при 0.1 *g* всё растет выше. В конце концов, на Марсе, с его силой тяжести 0.38 *g*, секвойи до двухсот метров вымахивают. Конвергентная эволюция здесь, кажется, также породила опыление растений: на лугу росли крупные цветы, тычинки у них были больше земных, пестики длинные, изогнутые, но, в общем, следовали той же стратегии. Впрочем, некоторые растения Бет как биолога озадачивали: темно-коричневые шатровидные выросты поворачивались вслед за светилом, параболические листья складывались,

точно зонтики, мшистые башенки напоминали абстрактные термитники. Придется их пока отнести к расплывчатой категории *неведомо чего.*

Бет чувствовала живых существ поблизости — те прыгали и метались в листве, но в основном перемещались по воздуху. Вот пролетела, заливаясь песней и трепеща крыльями, стая птичек. Пронеслось создание вроде летающей крысы, используя голову Бет как промежуточную площадку для толчка. Крыловидные отростки его тела двигались перпендикулярно друг другу. Оттолкнувшись, существо исчезло в листве. Бет дернулась, но сдержала крик.

Затем в насыщенном влагой воздухе разнеслась долгая басовая нота. Летавшая по горизонтали живность задрожала, завизжала, заметалась, порскнула в стороны. Что-то их испугало. Что-то, пославшее перед собой бухающий низкочастотный рев.

— Пригнитесь, — скомандовала Бет, — и в укрытие.

Она кинула взгляд назад, в сторону посадочного модуля. До него были сотни метров. Не успеть.

Низкая раскатистая нота стала громче. Бет проверила, не зинго ли это приближается, но нет, он визуально не слишком увеличился. Зинго

завис над землей, согнулся, сжался в комок. И Бет увидела над линией деревьев стремительных монстров.

Гибкие тела, кожистые хлопающие крылья, много рук, большие головы, вопят, скалятся. Головы на обоих концах тел, по крайней мере у некоторых, но как такое возможно?! Зубы, длинные, скошенные, блеснувшие желтым в солнечном свете. Запавшие алые глаза. Тварей было семь, они пикировали, ускоряясь по мере снижения от дальних облаков, сфокусировав все морды на новой добыче — людях. Они напоминали летающих рептилий. Тела изгибались, кожистые крылья при каждом взмахе хлопали друг о друга, словно при далеких аплодисментах.

Хищные вопли слились в одну зловещую песню.

Бет заметила бегущего справа Кэмпбелла.

— Рассеяться! — заорала она.

Люди уже мчались под прикрытие леса. Но не Кэмпбелл. Его старомодное ружье рявкнуло. Он быстро перебегал по лугу, вызывая на себя внимание монстров.

Те снижались, выстроившись клином. Крупные головы нацелены вперед, несколько отростков — когти? — выпущены вниз. Многосуставчатые

лапы словно стесаны на концах. Одна тварь метнулась к Бемору-Прим.

Паучаре спрятаться было нелегко, а вот двигался он без труда. Пять лап Бемора-Прим крепко цеплялись за иномирскую траву, отбивался он пастью. По сравнению с паучарами Чаши его анатомия мало изменилась: вертикальные клыки, пять глаз. У атакующего чудовища… морды на обоих концах тела, клыки, по очереди стегавшие Бемора. На одном конце должен был, по логике, находиться анус, но и там были глаза — четыре глазка-бусинки, расположенных квадратом.

Трое астеров-космопехов рассредоточились, залегли и стали стрелять. Бет встряхнулась. Отряд реагировал отлично. Она и себе решила выбрать цель. Полезла за оружием.

Когда Кэмпбелл выстрелил в первый раз, все оставшиеся враги ринулись к нему. Лейтенант стрелял быстро, одна крылатая змеюка отделилась от стаи и перелетела к Бет. Бет пригнулась и пробежала под ней, ощутив дуновение воздуха от крыльев.

Кэмпбелл продолжал стрелять, быстро и прицельно. Он метил выше Бет. Она вскинула голову: морщинистая туша скрыла небо, точно потолок. Ближайший к Бет монстр был ранен, у него из

бока брызгала зеленая кровь.

Крылья чиркнули по голове Бет, взъерошили волосы.

Раненая тварь издала глубокий протяжный стонущий рев ярости и боли. Пасть ее была огромной, как у льва. В тот же миг Бет окатило жаром. Кольнуло и болезненно опалило ноздри. Летучая рептилия хлопала крыльями, пытаясь удержаться в воздухе, и метала желтое пламя.

Из зада. Тварь испускала пламенные залпы задом. Желтый огненный поток лизнул землю и поджег траву на лугу. Чудовище теряло высоту, пламенная струя прочертила выжженную линию на его пути.

И грянулось наземь, словно обрушившаяся коричневая гора. Широкие кожистые крылья бессильно стучали друг о друга, тварь гневно ухнула и взревела. Потом со стоном испустила дух.

Бет зачарованно наблюдала за происходящим. Остальные монстры энергично хлопали крыльями, удаляясь. Затем раздался крик.

Одна тварь ухватила Кэмпбелла за талию. Боковые зубы рассекли комбинезон: лейтенант не снял его, и теперь противник раздирал прочную ткань. Кэмпбелл надрывался, широко разевая рот, в слабеющем крике звучала агония, а чу-

довище продолжало стегать добычу крыльями. Существо уперлось в землю вытянутыми лапами, не использовало когти, а именно уперлось, будто ступнями, и мотнуло головой, встряхнув Кэмпбелла. Тот выронил ружье. Полез было за пистолетом на поясе. Голова его утонула в разверстой пасти, та стала смыкаться. Глаза Кэмпбелла закатились, вопль начал стихать. Тварь вгрызлась в его руку. Хлынула кровь, рука отвалилась и упала на землю. Существо опять встряхнуло Кэмпбелла, словно тряпичную куклу.

Бет застыла как вкопанная. Услышала шипящий хлопок. Рядом пригнулся Клифф. Навел на монстра лазерный резак и дал еще один выстрел, по башке. Тварь дернулась, словно в раздражении, но не более того. Остальные тоже стреляли из резаков. Эшли Траст и Вивьен припали к земле, выцеливая зверя. Тот огляделся, переводя злобные алые глазки с одного человека на другого. Прочие твари метались наверху, точно в нерешительности. Потом одна из них грянулась на луг и осталась лежать, безуспешно подергивая несколькими лапами и крыльями. Из туши монстра текла кровь, с выжженной почвы к небу тянулся темный дым.

Существо, сжимавшее в пасти Кэмпбелла, враз-

валку двинулось прочь, шлепая по земле тремя ступнеобразными отростками. Чуть ускорилось, подскочило, захлопало крыльями — и взмыло в небеса, унося добычу.

Лазерные импульсы разбивались о его бока. Тварь их игнорировала. Тело Кэмпбелла болталось в огромной пасти. Зверь наклонил его, и Кэмпбелл повис, нанизанный на длинные зубы, головой и ногами к земле.

Стая улетала, хлопая крыльями и наблюдая во все глаза.

Бет повернулась и пересчитала своих по головам. Недоставало только Кэмпбелла. Остальные глядели на нее широко распахнутыми глазами.

— Обезопасить периметр! — приказала Бет. — Вон та опушка. — Она указала на ближайшую рощу спиралевидных деревьев. Команда устремилась туда длинными плавными прыжками. Пальцезмейки ехали у товарищей-людей на спинах. Бемор-Прим несся во главе отряда. Спустя несколько секунд все нашли укрытие под шелестящими ветвями. Наступила неловкая тишина.

— Выставить оцепление и отслеживать все движения в нашу сторону, — добавила Бет.

И сама, показывая пример, повернулась наблюдать за лугом. В ботинках что-то хлюпнуло.

Она опустила взгляд. Оказалось, что в какой-то момент у нее опорожнился мочевой пузырь.

14. Бивуак

И по-прежнему никаких признаков официальной делегации.

Безмолвный лес купался в солнечном свете.

Редвинг передал с корабля, что глорианцы на связь больше не выходили. Команда принялась чертыхаться, давая выход гневу и страху, бродить среди деревьев и выглядывать с опушки.

Ну что ж, пора разбивать лагерь. Во всяком случае, пора поесть. Это положит конец шепоткам насчет Кэмпбелла, планам отбить у летающих тварей его труп и прочей бессмыслице. Когда руки заняты, кипящие мозги остывают. К тому же Бет хотелось исследовать тушу поверженной твари.

Она давно не занималась полевой биологией и с наслаждением отстегивала нож и лазерный скальпель. Они с Клиффом и Эшли сумели оттащить тушу в тень.

— Такое тяжелое, — заметил Клифф, — а летает. Преимущества пониженной гравитации.

Казалось, что так и есть. Они разрезали грудь, обнажив крупное сердце и артерии, между

сильными плотными мышцами сочилась непривычная зеленая кровь. Скорее всего, мышцы накачиваются обогащенной кислородом кровью во время физически утомительных действий. Существо, которое они предварительно нарекли летозмеем, обладало полыми, как у птицы, костями с ячеистой структурой, облегчавшими полет. Кэмпбелл поразил его в подбрюшье и дважды в морду. Жуткая башка лопнула, как перезрелый инжир, и из нее тоже натекла зеленая жижа.

Эшли в основном исполнял обязанности бортинженера, но ему эта работа вроде бы импонировала. Он вызвал по узкополосному лучу биоартилекта «Искательницы солнц», пока Бет с Клиффом вскрывали тушу. Вскоре Клифф уже опускал пробы тканей в компактный биоридер.

Больше всего Бет заинтриговало устройство биологического огнемета. Артилект-диагностика соскобов с верхней части летательного мешка позволила предположить, что работает огненный залп на фосфине.

— Соединение водорода с фосфором, — сказал Эшли. — Давайте-ка глянем… Видите? Тут пыль, словно крошка каменной породы. Артилекты говорят, при таком атмосферном давлении фосфин устойчив. Но чуть его сжать, и в соединении с

воздухом взорвется.

— Летозмеи освоили простой и эффективный метод, — заключил Клифф. — Напрячься немножко, подпустить водорода из верхней части мешка — бум, зажигание. — Он оглядел опавший кожистый мешок. — Переименуем-ка эту зверушку. Нарекаю ее драконом.

Эшли пожал плечами:

— Конечно, почему бы и нет. Она ж пердит огнем? Пусть будет *огнезадый дракон*. — Он рассмеялся прерывистым смехом, похожим на лай. Покосился на пересылаемые артилектами данные в шлеме. — Итак, когда фосфин вырывается из тела и происходит быстрый сброс давления, это вещество самовоспламеняется в кислородной атмосфере. Ему даже искра не нужна. В моей ленте показан цветастый камушек, богатый фосфором, — апатит.

Бет наморщила нос и фыркнула.

— Гм, тогда апатит у меня аппетита не вызывает. Подванивает. Смесь гниющей рыбы с чесноком. Фу.

— Значит, огнезадые драконы едят камни? — рассмеялся Клифф надсадно, однако немного спокойнее. — Сырыми? В желудке минерал реагирует с кислотой, дает газообразный фосфин.

Фосфин плюс кислород — бум!

Эшли показал на хвост зверя.

— Фосфин высокотоксичен, говорят артилекты, так что у огнезадых драконов должна иметься какая-то устойчивость к его ядовитому воздействию. Послушайте, мы же тут внутри *здания*. Это местечко спроектировано *искусственно*. Возможно, и эти тварюки — тоже.

Бет хмыкнула.

— Основной закон биологии сформулирован Орджелом: эволюция умнее тебя. Но ей нужно время. Следствие: те, кто утверждает, что та или иная особенность не могла возникнуть естественным эволюционным путем, обычно лишены воображения.

Эшли передернул плечами.

— Ладно, положим, это местные убийцы, стайные хищники. И что с ними делать?[17]

Клифф показал на посадочный модуль.

— Прихватить оружие получше.

— И стоять на часах, — добавила Бет.

---

[17] Примечания: 17

Описание глорианских огнезадых драконов, возможно, отсылает к чудовищам Авалона из Хеоротского цикла Ларри Нивена, Джерри Пурнелла и Стивена Барнса, гренделям, чьи организмы также представляют собой импровизированные химические огнеметы. Однако эти монстры скорее подобны крокодилам, а их метаболизм работает на закиси азота вместо фосфина.

Бет тревожно оглядывала лес, вертя головой в поисках угроз. Потом заставила себя расслабиться. В экспедициях уставшие глаза упускают мелкие детали. Следуя долгому опыту, она успокоила себя приятным воспоминанием с «Искательницы». Клифф предлагает ей дымшарик из запястного кисета. Она прокусывает шарик и вдыхает сенсотуман. Ей это было нужно. Ооооохххх… Потом секс в сферическом бассейне. Меньше суток назад. А кажется, что вечность.

Она тревожно наблюдала за периметром.

Все понимали, что нужно держать ухо востро. Группа двигалась между странных спиральных деревьев — медленно, в окружении тишины. Косые бледные лучи солнца Паутины, мягкий шелест листвы. Дрейфующие пузыри жидкости и земляные платформы частично поглощали сияние светила, садившегося за соседние ярусы. Вдали Бет различала пляшущие, изменчивые, словно облака, косые пузыри акварельных оттенков. По лесу скользнула полоса более насыщенного цвета, точно кровь пролилась, и тут же сверкнула стально-голубым, будто кто-то выхватил светоносный клинок. Переливы спектра по всему небу, утекавшие к соседним платформам. Это место совсем не походило на планету. Погода

тут, несомненно, бывает странная.

— Кинетику применим, — сказал Клифф метрах в пяти от Бет. — Как при прыжках через скакалку.

— Согласна. — Она приказала отряду рассредоточиться, чтобы люди не показались компактной целью… для хищников.

Любых. Опыт экспедиций подсказывал, что плотность хищников в экосистеме невелика, но при десятикратно сниженной против земной нормы гравитации запахи и прочие сигналы распространяются далеко, а хищники атакуют стремительно.

Бет не позволила группе отвлекаться на трапезу. Голод обостряет внимание и сообразительность. Наследие эволюции, чего уж тут стесняться. Голодный человек мотивирован придумывать новые, более эффективные способы охоты на мамонта. Мамонт нужен сегодня, а не завтра.

— Если траектория просматривается четко, прыгайте, как через скакалку, — передала она. — В ветвях не запутайтесь! Перепрыгивайте через деревья, где можете.

Спутники отозвались веселыми возгласами и побежали, делая длинные прыжки и широко

расставляя ноги, чтобы легче набрать скорость.

Бет оглянулась в сторону места высадки. Небольшая картинка, проецируемая на шлем, позволяла отслеживать происходящее с модулем. Рои автономников рассредоточились на много километров кругом. Огнезадые драконы о себе знать не давали. Данные продолжали поступать к Бет и перенаправляться на «Искательницу солнц». Хорошо. Она доложила о пережитой атаке, отослала видео. Редвинг отозвался только:

— Держитесь.

Приятно, что наконец всё под контролем.

Звезда системы садилась неспешно, как в ускоренной съемке: размытый вишневый овоид держался края Паутины, в двух ладонях от горизонта. Интересно, это иллюзия при прыжке — или сияние над лесистой кромкой вправду точно пригибается, пульсирует, будто глаз, бросающий зловещие взгляды?

На фоне заката обрисовался висящий в воздухе зинго — или тот же самый? Форма его сильно изменилась. Механизм или живое существо? Бет приблизила картинку и всё равно не смогла оценить расстояние, поскольку изменчивый контур фигуры продолжал сдвигаться. Невозможно было и понять, что это, черт побери, такое. Она

передернула плечами, повернулась посмотреть, как там товарищи, и ее осенило.

Глорианцы открыли верхнюю атмосферную пленку и направили корабль к этому участку. Открытому лугу. Всего в нескольких километрах отсюда холм, но вокруг равнина, многокилометровая, поросшая яркими цветами, кое-где рощицы да кустарники на бережках извилистых ручьев. Холм высотой несколько сотен метров. Склон пологий, местами следы оползней, забраться туда и лагерь разбить несложно… да!

Колонизация Солнечной системы недвусмысленно очертила человеческие предпочтения. Эволюционная история вида, о которой теперь были наслышаны и глорианцы, сформировала тягу к простым ландшафтам. Всего спокойнее и удобнее людям в местах трех типов. Точка обзора на ровном участке умеренной высоты, откуда открывается хороший вид, — удобно высматривать и при необходимости отгонять врагов и хищников. Парковая территория с обилием трав и рощ зеленых деревьев. И окрестности водоема, неважно, поток это, пруд, озеро или океан. Для всех культур это справедливо. Солярные колонии, как могли, имитировали такие пейзажи. Крутящиеся выдолбленные астероиды, марсианские

поселения под куполами, лунные укрытия многокилометровой ширины, чей потолок обманывал зрение иллюзией неба, — повсюду проявлялись инстинктивные предпочтения человеческой операционной системы.

Итак! Бет увидела ручеек на склоне холма, а у подножия — голубое озерцо в тени. Ничего подобного кругом больше нет, насколько хватает взгляда.

Глорианцы ожидают встретить нас там.

— Эй, ребята! Поворачивайте направо. Наша цель — во-он тот холм.

15. Крутильщик

— Хитрые ублюдки, а? — сардонически спросил Клифф, пока они разбивали лагерь на ухабистой, но в целом ровной площадке, обозревая озеро с высоты нескольких сот метров. Забраться сюда оказалось несложно. Поросшие лесом выступы породы они просто перескакивали. Крутые подъемы ничем не грозили.

— Полагаешь, они позволили нам угодить в ловушку огнезадых драконов?

— Да. Странная этика.

Она смотрела, как устраивается на месте отряд.

— С чужаками главная напасть такая: они чужаки.

— Да, это твой любимый девиз.

Клифф не отрывал взгляда от периметра.

— Эти огнезадые драконы мне напомнили Джерри Мускусную Крысу. Старый приятель по первому курсу. Индеец чероки. Он нам показывал фокус в полностью темной комнате общежития. Мог перднуть по желанию и подпалить выходящие газы, так что на миг комната озарялась

ярким светом. Затем снова. И снова. На три разных лада. Я никогда больше такого не видел.

— И эти огнезадые драконы…

— Воспоминания о колледже, ага. Ностальгия. — Он нахмурился. — Команда явно под впечатлением.

— Похоже.

Теперь, добравшись на место, Бет почувствовала неуверенность. Ну хорошо, подчинилась команда приказу опытного полевого биолога. Можно наблюдать за небом и подходами к холму. А дальше что? Где гребаная делегация, которой полагается встречать прибывших? К тому же солнце закатывалось за край Паутины. Вскоре Глория покроет ее своей тенью, принеся краткую ночь. Даже не ночь, а затмение. Часа на два.

Клифф пожал плечами.

— Думаю, они переваривают случившееся. Как и я. Фюйть — и нету человека. Я в Чаше нечто подобное чувствовал.

— Афтершок?

Клифф улыбнулся.

— Ни в какой другой ситуации не чувствуешь такого желания жить, как близко разминувшись со смертью.

Они многозначительно посмотрели друг на

друга и кивнули.

Появился Эшли.

— Что нам делать? Прочесать холм?

Бет покачала головой.

— Холм крупней, чем кажется. Они знают, что мы здесь. Пускай найдут нас.

О вертикальных расстояниях судить было трудно; она привыкла к этому в Чаше, где пейзажи отличались странной перспективой. Человеческие глаза склонны обманываться большими высотами, занижать их оценку до нескольких сотен метров. Даже зная об этом недостатке, устранить его не получается. Паутина вызывала странные искажения восприятия: здешний закат казался медленней земного, а солнечные лучи — копьями, пронзающими ярко-синее небо.

Бет знала, что синий оттенок возникает из-за преобладания света соответствуюшей длины волны в рассеянном излучении, но ей почему-то казалось, что здешнее небо было по тону ближе к слоновой кости.

Эшли сказал:

— Я слышал этот термин: «огнезадые драконы». А что, мне понравилось. Подчеркивает различия. Хотелось бы и мне вторую голову иметь. Видеть задом.

— Наверное, адаптация к пониженной силе тяжести, — откликнулась Бет, чтобы как-то поддержать разговор.

Она продолжала любоваться видом. Эшли хмыкнул.

— И не только потому, что это до некоторой степени вульгарно. Мы, млекопитающие, стараемся зад прикрыть и работаем головой. А эти существа, видимо, произошли от предков, которым требовалось думать и головой, и задом.

— С чужаками главная напасть такая: они чужаки, — ответила Бет и жестом отогнала Эшли.

У него опыта иномирских экспедиций не было, как и иных навыков. Жаль, что дракон уволок военного, а не Эшли.

Клифф ушел помогать в лагере. Она решила поговорить с Редвингом и тут услышала нечто, больше всего напоминавшее кашель двухтактного двигателя с полуживой карбюраторной турбиной. Мимо пронеслось большое летающее существо, хлопавшее крыльями. Крылья были маленькие, кожистые и каким-то образом производили вот такой механический звук. Бет окрестила его хлопокрылом. Хлопокрыл свернул в рощу спиральных деревьев с бритвенно-острыми листьями.

Бет сделала фото в тот момент, когда хлопокрыл влетел в нечто полупрозрачное, листом свисавшее с ветвей. Материал был липкий и подвижный. Хлопокрыл застрял, а лист — Бет назвала его про себя липуном — медленно потащил жертву вверх. К неосторожному хлопокрылу с тягостной неспешностью подползло нечто бледное, сетчатое и утащило невезучую птицу в бугровидное гнездо на ветке. Вскоре хлопокрыла облек хищный зобовидный пузырь. Природа, что тут скажешь. Как обычно, с кровавыми зубами и когтями, но тут, может, чаще зелеными.

Бет зачарованно наблюдала за происходящим. Природные диковины ее всегда манили. В Чаше таких было хоть отбавляй, и Бет едва не поссорилась с Редвингом из-за необходимости ее покинуть. Но вот новые странности — на великолепной Глории. Бет призадумалась, и внезапный кашель переполошил ее.

Она развернулась и увидела Клиффа с остальными членами отряда. Вид у тех был кислый. Они ждали ее.

— Могилы выкопаны, — сообщил Эшли.

Он весь вымазался.

Она совсем забыла о похоронах. Конечно. Нужно провести церемонию, сказать что-нибудь…

Бет справилась, выудив из памяти слова, которые доводилось произносить на похоронах в Чаше. Никто из тех, кому играли похоронный военный гимн, его ни разу не услышал, подумалось ей. Она посмотрела в лицо Окалы Юбанафор. Потом отвернулась. Сморгнула слезы. Поклялась, что никого больше из ее отряда не постигнет такая участь.

Когда церемония завершилась, Бет, совладав с голосом, отдала лаконичные распоряжения:

— Снаряжение приведите в порядок. Можете подремать немного. Ночь тут длится всего пару часов, так что ловите момент.

Циркадные ритмы организмов придется перенастраивать: здесь солнце почти постоянно на небе. На адаптацию уйдет время. Возможно, лучшим выходом окажется такая смена вахт, чтобы члены отряда заступали на дежурство, когда позволяет физиология.

Бет нужно было поработать со снаряжением. Для переноски использовались боты, которые теперь, перезаряжаясь, валялись грудой на земле. Некоторых она отправила назад к модулю — перегруппировать. Бет поманила Клиффа в рощу, где, по крайней мере, возникала некая иллюзия приватности.

Для начала глянуть, в какой форме тело. Она стала раздеваться, и состояние нижнего белья напомнило, что столь кислой пищи лучше избегать. Да уж. Она почти позабыла, что обмочилась. Брр.

Помимо этого, ждали и другие неприятные открытия: крупные синяки на бедрах и щиколотках, царапины на кистях рук. Пульсировала мышца бедра — видимо, растяжение. Привет от нового мира и новой силы тяжести. Массируя ногу, Бет припоминала себя прежней, какой ее не помнил уже никто.

В подростковом возрасте Бет была толстушкой и отчаянно пыталась похудеть. Однажды она гневно бросила:

— Во мне худышка сидит и вопит, старается прорваться наружу.

Мама улыбнулась:

— Как, всего одна?

Это вызвало смех, а теперь Бет едва не расплакалась.

Клифф помог ей разложить их палатку. Они молчали. Все выбились из сил, сперва обороняясь от атакующих зверей, потом — стараясь осмыслить непостижимое. Ей вспомнились турпоходы подростковых лет. Бет занялась пешим туризмом, чтобы сбросить вес: увеличить расстояние между

собой и шоколадками. А в итоге научилась спать в одежде, прикрывшись куском брезента на случай дождя. Ужинать свежевыловленной рыбой и вареным рисом, мастерить удочку из веток и прихваченной лески. С собой она брала складной нож, жестянку кофе (когда та опустеет, в ней тоже можно что-нибудь переносить), спички, смену носков — ну и хватит. О туристах, привыкших к удобствам, Бет думала презрительно: ох уж эти рабы комфорта! Теперь наблюдала, как проявят себя в полевой обстановке товарищи. Некоторые раздевались до исподнего, другие предпочитали спать одетыми, готовые в любой момент вскочить по тревоге или в туалет — меньше возни с одежками. Бемор-Прим прихватил с собой из огромной клетки что-то вроде рюкзака и вытянул оттуда паутинный гамак для микрогравитации. У всех свои вкусы.

И тут, без предупреждения, появился он.

Или она. Или оно. Трудно судить. Но существо то было инопланетное, это уж точно.

Высокое, двуногое. Ноги широкие и, как заметила Бет, пронаблюдав за его небрежными перемещениями, двусуставчатые. Ступни большие, при ходьбе создание покачивалось, точно на присосках, крупная голова болталась из стороны

в сторону.

Мысли как биолог, приказала Бет себе. *Не делай поспешных выводов*. Разумеется, она тут же поискала взглядом хвост, отметила глаза и мембранные перепонки, окруженные четырьмя маленькими конечностями. Над большими ногами — еще конечности, по всему трехметровому телу верзилы.

Существо было худощавое и весило, пожалуй, примерно с человека. Тело у него оказалось вытянутое, с двусторонней симметрией — чего и следовало ожидать после Чаши и на опыте земных животных. Шея, две глубокие впадины — глазницы? — у основания черепа. А не у вершины, как почти у всех ей известных форм жизни. Голова чужака напоминала пробу скульптуры: широкие плоскости и впадины, высеченные из чего-то вроде желтого полупрозрачного рога. О чем может говорить желтизна кожи? Ведь остальное тело темное, вероятно загорелое.

Голова под ее взглядом повернулась. Сделала полный оборот. Орган был приспособлен к быстрому реагированию и сканированию местности. Движения поражали и немного пугали. В Чаше никто так не мог. И на Земле тоже. Тамошние формы жизни умели поворачивать головы от

силы на двести восемьдесят градусов, как земные совы.

Каким-то образом чужаку удавалось вертеть треугольной клюворылой башкой, не разрывая кровеносных сосудов или сухожилий. Бет припомнила, что богомолы умеют поворачивать голову на полный оборот: у них открытая циркуляторная система. Медленно продвигаясь вперед (словно убивая время), существо заканчивало осмотр всего человеческого лагеря.

Чужак безмолвствовал. По его глазам или лицу ничего нельзя было прочесть.

В Чаше Бет наблюдала разумных чужаков, которым тяжело давалось общение с людьми. Эти существа привыкли коммуницировать при помощи феромонов и быстрых мимических движений. Люди полагались на звуковую речь в весьма ограниченном диапазоне частот: Бет узнала, что с точки зрения эволюционной истории это сравнительная редкость. Но чужаки, изъяснявшиеся запахами, и вовсе столкнулись с непреодолимым препятствием на пути развития интеллекта. Они кое-как компенсировали это мимикой или языками жестов, но ограниченные возможности коммуникации не дали им достичь высокотехнологичного уровня. Птиценарод одо-

машнил их в древности и превратил в рабов.

Это создание на раба ничем не походило. Оно приближалось спокойной, ленивой походкой, крутя головой и разглядывая людей. И молчало.

Рот у него был тонкий, узкий, маленький. Животные с тяжелыми мандибулами или массивными резцами обычно потребляют растительную пищу, в которой запасено мало энергии. Животные с клыками, бивнями и рогами используют их для защиты от хищников и состязаний среди самцов. Таких примет внешность чужака не демонстрировала. Очевидно, раса эта развивалась путем кооперации и стратегического сотрудничества, а не грубой силы и подчинения. Лишь разнообразное меню из питательного мяса и растительной пищи позволяет поддерживать сравнительно высокую численность популяции, незаменимую на поздних этапах интеллектуального прогресса. Поэтому и челюсти умеренной величины, а бивни или рога отсутствуют.

Но имелась у чужака и специфичная, новая для Бет черта: множество рук. Нижними конечностями он мог пользоваться для передвижения: при низкой гравитации это несложно. Верхними помахивал, стабилизируя походку. Впрочем, его руки напоминали конечности некоторых уже

знакомых по Чаше существ. Тонкие, по восемь с каждой стороны тела, возможны костная и хрящевая структура, обеспечивающие рычажные движения для максимизации усилий. Крупные суставчатые сочленения — шире человеческих локтей и колен. Пальцы с подушечками, наверняка способные к тонким манипуляциям и хватательным движениям.

Бет стояла неподвижно. И шепнула команде, чтобы подражали ее действиям. *Считайте, что это ядовитая змея. Никогда не знаешь наперед.*

Быть может, эта форма жизни оптимально приспособлена к диапазону гравитации Паутины. На Земле четвероногие крупные наземные позвоночные развились из рыб, колонизировавших сушу: у тех было четыре плавника, а не шесть. У насекомых шесть конечностей, у пауков восемь, но эти существа крупных размеров не достигают. Вероятно, успешная эволюция наземных форм жизни требует ограничивать число конечностей? Так думала прежде и Бет. На Земле и пальцы редкость. Лишь обезьяны — шимпанзе и люди — умеют пользоваться инструментами с помощью пальцев, наделенных мягкими чувствительными подушечками. Итак, если в Паутине остаются справедливыми те же соображения, следует

ожидать, что местные формы жизни с клювами, когтями и так далее — животные. Подобно огнезадым драконам.

Чужак подошел к Бет на пять метров. Остановился. Руки его замерли, узкий рот раскрылся.

Существо заговорило — на английском. Речь казалась булькающей, заливистой, изобиловала гласными, язык то и дело мелькал снаружи, высовываясь и отскакивая, точно на пружине.

— Лиииинеееееейныыыеееее рееееежиииимыыыы воосприятиииияяяааа — чуууйстваааа, как вы их зовёёёёоооотеееее, — страаааадаааающтттт отттт иллюзиииии параааааллееееельнооости мыыыышлееееенияяяааа.

— Она бывает полезна, — ответила Бет лаконично.

Если не растягивать гласные, авось и чужак перестанет. Вероятно, учился по перехваченным сигналам, потом по множеству сообщений от Редвинга. Способность сформулировать оригинальное философское высказывание с первой же попытки впечатлила.

— Идёёёёоомтее тееееепееерь соооо мноооой, — сказал инопланетянин. Две руки вытянул назад и показал направление. — Идиииитеее всеееее.

Время принимать решение. Бет помахала Ви-

вьен и Клиффу:

— Что скажете?

— Пойдем, — согласилась Вивьен. — После встречи с этими огнезадыми драконами я побаиваюсь задерживаться здесь на ночь.

Бет шепнула команде:

— Собираем манатки, народ. И не делать резких движений.

Уведомила корабль и Редвинга сходными сообщениями.

— Думаю, связь с нами пропадет. Пошлите стаю автономников вдоль Паутины, пускай маршрутизируют наши передвижения.

Редвинг ограничился текстовым одобрением. Бет снедало предвкушение, смешанное с тревогой.

Они собрались и в течение пяти минут выступили в путь следом за чужаком. В нескольких сотнях метров от холма, окруженное спиральными деревьями, находилось удивительное озеро. Оно располагалось на плоском клиновидном выступе холма, явно искусственной платформе. Набежали плотные тучи, но вскоре рассеялись, и вода озера заблистала в косых лучах закатного солнца.

Закат спускался по Паутине, накатывал, точно

стена жадного пламени. Вначале утонченные розовые оттенки, затем красные, алые, гневные, а под конец — просто белое свечение. Солнце постепенно уползло за край Паутины. В сумраке зазвучали хоралы насекомых и птиц.

Облака цвета слоновой кости истончились, и стало заметно нечто выступавшее из них. Труба, переходящая в арку. Поперек озера. Свет угасал, пейзаж серел и темнел.

— А это еще что? — спросила Бет.

Чужак покрутил диковинной башкой, совершив почти полный оборот, чтобы ответить:

— Вас мы заберем отсюда. На малый мир. — Его английский выговор стремительно совершенствовался.

— Как следует обращаться к вам? — поинтересовалась Вивьен.

Бет быстро устала считать гласные в ответе чужака, поэтому перебила:

— А можно мы будем называть вас Крутильщик?

— В дальнейшем буду откликаться. Почему так?

— Потому что вы головой крутите. И руками. Вы очень ловкий.

— Да. Понятно. Вы ограничены в движениях.

С этими словами он повел отряд к озеру и несколькими взмахами рук выстроил на берегу.

Потом ступил прямо в воду. И пошел по ней. Нет, по платформе, которая выдвинулась из берега и подхватила чужака, Бет, потом Клиффа с Вивьен, осторожно ступивших следом. Отряд промаршировал по платформе в сгущавшихся сумерках.

Бет вскинула голову, стараясь что-то еще рассмотреть, пока свет позволял. Увидела пару зинго. Они сверкали зловещим алым огнем, выделяясь в темнеющих небесах. Значит, они неживые? Но зачем эти цветастые создания висят в небе… словно наблюдают?

Два зинго слились в одного. Новая загадка.

Одна за другой в вышине зажигались звезды.

16. Газ и гравитация

Ученые исследуют мир таким, каков он есть; инженеры создают мир, которого никогда не существовало.

Теодор фон Карман

— Это непрерывный лифт?! — Эшли был шокирован. — И что, нам просто нужно…

— Сделать шаг вперед, — молвил Крутильщик.

Зернистая платформа двигалась плавно. Бет осматривала ее с подозрением.

— Безопасно, — заверил Крутильщик и совершил умелый прыжок на отливающий сталью выступ.

— Вперед! — крикнула Бет.

Отряд подчинился. Все успешно приземлились на широком металлическом выступе. Бет завершила собственный прыжок, полный сдержанного изящества, и обратилась к чужаку:

— Теперь что?

Крутильщик сделал три быстрых жеста двусуставчатыми руками и ногами. Она увидела, что его конечности способны адаптироваться к разным обстоятельствам: пленкообразная кожа

в мгновение ока отвердела, стала острой, будто бритва.

Комната накренилась.

И, унося команду от стартовой площадки, стала выгибаться. Стены заходили ходуном. Пол сотрясся. Опорные структуры выросли из того, что раньше казалось прочным металлом, а теперь уподобилось текучей блестящей ртути.

— Стулья? — Клифф с подозрением глядел на подкатывающую жидкость.

Платформа вокруг них стала ускоряться. Закрутилась, точно проходя верхний участок наблюдавшейся при подлете арковидной петли.

— Кажется, мы стартуем…

Блестящий материал выпятился, сформировал кушетку, точно понукая Клиффа сесть. Он так и поступил. Кушетка плавно облекла фигуру.

— Неплохо.

Он вытянулся и с удивлением отметил, как идеально ртутное ложе подстраивается под контуры тела. Подрагивает, трепещет, обнимает. Для пальцезмеек были предусмотрены сиденья с окантовкой. И для Бемора-Прим — под форму его тела.

Бет окликнула его:

— Спокойнее, спокойнее. Привыкай к мебели.

Отряд последовал их примеру, хотя многие хмурились. Бет осторожно опустилась, кресло облекло ее. Крутильщик сел тоже, недалеко от нее, в стальной гамак с хваталками по периметру. Бет собралась было задать вопрос, но он застыл на языке, когда в воздухе возникла кружевная пленка.

— Эй, а это еще что? — воскликнула Бет, обращаясь к чужаку.

— Держаааться и дышаать, — отозвался Крутильщик. — Нааамм всеммм.

Пленка окутала их, будто легкой губчатой пеной. Прохождению воздуха, однако, ничто не мешало. Бет не чувствовала себя скованной или пойманной в западню. Материал напоминал мыльную пену, но ничем не пах. Бет прикоснулась: пленка чуть подалась, потом оказала небольшое сопротивление.

Ускорение стало нарастать. Бет обрадовалась возвращению веса; при 0.1 *g* она чувствовала себя неуклюжей. Теперь вернулось ощущение собственного тела, направлений — верха и низа. Ей стало легче. Серебристая кушетка словно бы усилила хватку, хотя материал на ощупь был скользким. Странное дело. Метельчатая тонкая пена выглядела диковинно, однако вроде бы

обеспечивала функции ремней безопасности. От нее пошел странный запах, напоминающий аромат сирени. Вероятно, какие-то меры предосторожности…

— Ускоряемся, — заметила Вивьен в нескольких местах от Бет.

— Нужнооо быыстрооо, — ответил Крутильщик.

Вивьен нахмурилась.

— А как далеко?

— На меньшую планету нашу.

— Мы называем ее Честь.

— Наше имя… — Крутильщик издал звуки, наводившие на мысль о столкновении циркулярной пилы с галькой.

У Бет уши заболели. Она осознала, что стены капсулы стали прозрачными. Выпрямилась в кресле. Они неслись наперегонки с косыми лучами солнца. Тень, отбрасываемая Глорией на Паутину, умалялась. Клифф прикинул, что длительность ночного затмения около двух часов. Теперь, при перемещении между жилыми платформами, небо наливалось бледно-оранжевым огнем. По нему порхали облачка, отбрасывали тени. В бледном свете стало видно, как навстречу летит крупный массив суши. Бет увидела внизу

море с обрывистыми берегами, белые облачные шапки, грозовые фронты. Километров десять — но расстояние это быстро сокращалось. Они падали. Бет не совладала с рефлексом:

— Да мы сейчас врежемся!..

— Однако нет, — сказал Крутильщик.

Остальные тоже беспокойно заерзали. Пляшущие взгляды, напряженные руки на подлокотниках. Ускорение вдавливало в кресла. Капсулу пронесло через саванообразные серые облачные стопки. Вспыхнули молнии. Пурпурные испарения, тучевые клинья размером с горные массивы. И снова пушистые белые облака. Затем в разрыве…

— Огонь! — вскрикнула Вивьен, указывая туда.

— Небееесноееее плаааамяааа, да, — сказал Крутильщик тоном, который Бет предпочла посчитать спокойным.

Во всяком случае, голос его не был напряжен и не срывался, как у большинства людей, переговаривающихся кругом.

Бет видела пенные и дымчатые желтые листы в темных небесах. Какая-нибудь форма жизни? Листы раздробились на фрагменты величиной с холмы и стали накатывать друг на друга. Казалось, что их привлекает танцующее пламя. Это

не просто протяженные разряды, не шаровые молнии, а что же тогда? Не успела Бет подыскать объяснение, а пламя осталось позади. Через пол длинной трубчатой капсулы стала видна земля внизу. Они рванули вперед. Ускорение продолжало нарастать.

— Кажется, 2 *g*, — слабым голосом заметил Клифф.

Их всё вжимало и вжимало в кресла. Внизу неслись равнины.

Некоторые члены отряда непроизвольно вскрикнули. Возгласы тревоги. Бет прикусила язык. Субъективное время сжималось, она испытывала прилив адреналина.

Но всё равно следила, как в сумерках снизу, сравнительно недалеко, поднимается крупный дирижаблеобразный объект. Он был синий, как яйцо дрозда, по бокам торчали лениво колыхавшиеся жемчужные отростки размерами с паруса. Ни дать ни взять ожившая елочная игрушка. Его окрас сливался с небесным сиянием — камуфляж. Значит, ему угрожают какие-то хищники. Судя по всему, хищников здесь вообще предостаточно: не прошло и суток, а отряд уже потерял одного человека.

Сверху дирижабля, однако, были различимы и

оранжевые отверстия, напоминавшие выхлопные трубы. Существо сохраняло ориентацию относительно коричнево-зеленого массива суши внизу. Использует ли оно ракетный принцип движения при полете?

Бет потрясла головой: в глазах туманилось от нарастающего ускорения, с каким капсула летела по длинной прозрачной узкой трубе межпланетного лифта. Крутильщик развалился на своей кушетке в свободной позе. Прозрачная сетчатая пенка снова облекла и обездвижила Бет.

— Почему мы…

Но тут капсула влетела на уровень просторной равнины. Бет успела заметить чернильно-темные, какие-то взъерошенные, леса, озаренные бледно-желтым светом башни на фоне унылой бледной лазури…

Вот оно. Навстречу рванулась земля. Пала тьма. Бум! Пуфф! Прилив холодного воздуха.

Они пролетели сквозь слой почвы, отрисовавшийся в восприятии быстро движущимися тенями. Не удалось понять, насколько он толст. И снова их облек полный теней воздух.

На этом ярусе обзор открывался еще шире. Свет был тусклым, но вид ничто не заслоняло. Бет разглядела за безоблачными слоями верхнюю

атмосферу Паутины по обе стороны от капсулы. И впервые осознала, насколько *грандиозен* цилиндрический мир. Приблизила некоторые ракурсы, рассмотрела детали ландшафта, которые, судя по оценке перспективы, находились за тысячи километров отсюда… и достигали в ширину сотен километров.

Огромные бело-синие пузыри воды, словно зависшие в воздухе — как? — озера. Исполинские стеклянистые трубы, бегущие по всей длине Паутины: несколько их соседствовали друг с другом у внешней кромки атмосферы. Бет оглянулась назад. Позади вихрились серые тучи. Лифт уже миновал самую плотную часть Бугра. Ураганы, движущиеся неспешно, как в ускоренной съемке, отмечали переход к более тонкому участку и приближение к Чести. Облаками внизу и близ лифта очерчены были долготные потоки: через огромные трубы в лифт задували ветра из атмосферы Чести.

На далеких платформах суши виднелись здания величиной с горные гряды, открытые для входа под любыми углами. Над ними в легковесном воздухе поворачивались тросы. По впечатлению, эти огромные кабели касались зданий ровно настолько, чтобы пассажиры могли, уравняв ско-

рости, перебраться внутрь. Затем древовидная сеть их разбегалась вдоль всего цилиндра. Бет не понимала, как это работает, но цель конструкции была ясна. Движение, изящество, интеллект, развитие. Живущая, взаимодействующая с окружением, система черпала ресурсы из обоих миров на своих концах.

Бет вспомнились строки классического стихотворения[18], которые, на ее взгляд, вполне отражали прослоенную тенями атмосферу здешних чудес:

Диск тот холодный,
Ему в ночи царить —
Краски все гасит,
Чтобы их изменить.
Заменил красный серым —
В белом желтого нет.
И нам лишь решать,
Где какой спрятан цвет.

Еще быстрее. Темнота сгустилась, капсула продолжала мчаться по узкой полой трубе. Впереди засияли янтарные огоньки — посадочные

[18] Примечания: 18
Из песни группы The Moody Blues *Ночи в белом атласе* (1967). Перевод И. Седовой, К. Сташевски.

станции? Бет видела вдали, на том, что казалось с такого расстояния бесконечной плоскостью, мерцающий городской свет. До города, вероятно, было не меньше тысячи километров. Но на такой скорости уже спустя пару минут он останется позади.

Она осторожно оглядывала капсулу. Бемор-Прим молча сидел у задней стены. Вид у него был бесстрастный. Ему приказали притворяться домашним питомцем, он это и делал. В случае необходимости пригодится. Крутильщик, интересуясь членами отряда, подсвечивал разные места в капсуле и поворотом запястья рисуя на них вопросительные знаки. Существо выучило человеческие сигналы и стало пользоваться ими, совершенствуя словарный запас и уточняя тональности. Крутильщик знал также, что кружок с диагональной полосой означает запрет или нежелание говорить о чем-либо.

Наблюдая за Бет, он задал вопрос:

— Вопрос о Беморе-Прим? Почему здесь?

— Домашнее животное.

— Из Чаши оно, да? У меня цифрозаписи таких, из старой эры.

— Да, мы провели там некоторое время. В Чаше. Бемор-Прим — мой друг.

— Понятно. — Крутильщик изобразил вопросительный знак над пальцезмейкой.

— Инженер. Тоже из Чаши Небес.

Крутильщик скривил рот в необычной гримасе.

— Они считают ее небесами, да, считают.

Глорианская ирония? Сарказм? Бет принуждала себя расслабиться. Она вся напрягалась в ожидании столкновений, а их не происходило. Она попыталась соскользнуть в кресле пониже, чтобы то превратилось в простую, но удобную кушетку. *Ага.*

Крутильщик вид имел расслабленный и многочисленные суставчатые руки раскинул по сторонам. От чужака ничем не пахло, лицо не отображало никаких мимических сигналов. Вот и чешуйчатые веки медленно сомкнулись. Может, пора взяться за основную задачу?

Земные тренировки и приключения в Чаше помогали осознать, насколько серьезной является проблема общения с глорианцами. Мультяшные изображения, полученные с Глории, говорили о презрении к человеческой дипломатии. Когда «Искательница» появилась в системе, глорианцы наконец соизволили отреагировать. Однако не раньше.

Возможно, проблема эта в какой-то мере аналогична общению с ИИ, позднее развившимися до артилектов. Начнем с анализа базовых предустановок, ментального каркаса. Артилекты «Искательницы солнц» порождены эволюцией примитивных программ, по существу клеточных автоматов. В этом они были сходны с погодными феноменами: им также удавалось демонстрировать на диво сложное поведение. Они, как и люди, мыслили — просто не по-человечески. Артилекты не вдавались в контекст и детали человеческого разумения.

Что, если глорианцы преследуют цель, понятную лишь при учете особенностей их истории и культуры? И, чтобы корректно сформулировать вопрос о действиях чужаков, членам отряда придется понять свои собственные историко-культурные установки.

Крутильщик резко открыл глаза и медленно произнес:

— Ваша Небесная Чаша отклонилась от раннего курса. Она углубится в нашу планетную систему. Какая такая у нее новая цель? Следует ли нам опасаться?

Бет осторожно откликнулась:

— Вы господствуете над всей системой. Что же

вам бояться Чаши при таком могуществе?

— Вы придумали себе богов, которые такой властью обладают. Я не бог, я скорее похожее на бога существо. Существо неизвестного для вас типа. Я стою на ступеньку выше по лестнице. Я предупреждаю, что сейчас использую описание, которое должно находить отклик в ваших умах, но не в наших. «Выше по лестнице» — так могли бы сказать вы. Мы — нет.

Существо каким-то образом догадалось, о чем думает Бет. Она встревожилась. Как ему это удалось? И… чем ответить на столь безапелляционное заявление?

Ей припомнились результаты анализа земными специалистами доклада о посещении Чаши. Земля сформулировала набор методик. *Опишите им нашу собственную эволюцию, какой мы ее представляем.*

— Давайте поговорим о природе нашего — Homo sapiens, как зовется наш вид, — преимущества. А именно: о наших общественных навыках. Благодаря им мы владычествуем над животным миром. Наша общественная эволюция позволила в краткий срок стать хозяевами планеты. Эволюционный выигрыш заключен не в индивидуальной рациональности, а в беспрецедентной

способности скоординированного мышления крупных коллективов.

Крутильщик помигал и затем, словно припомнив какие-то инструкции, решительно кивнул. Диковинная башка дернулась.

— Наш подход лучше всего иллюстрируется примерами. Растения связывают лучистую энергию. Они являются сперва. Животные связывают пространство, они являются вторыми. Вы, люди, связываете время. Вы считаете себя контролерами энергии, пространства и времени. Так это есть.

— Гм. Да, пожалуй. Вы…

— Вероятно, лучше всего будет сказать, что нам до проблем вашего вида дела нет.

— И… что?

— Мы общаемся с теми, кто разделяет наш подход. Вы еще не готовы.

Она задумалась, не разновидность ли это собеседования у менеджера по персоналу.

— Общаться на гравитационных волнах?

— В том числе. Вы отлично знаете, что гравитационное излучение обладает занятной и полезной особенностью. Однажды возникнув, оно распространяется без возмущений. Никаких искажений. Невозможно расам вроде вашей

создать его в сигнальных целях, не говоря уж о блокировке. Но, если соображаете, то можете принять сигнал. Такая способность позволяет заглянуть в далекие уголки Вселенной. Мы общаемся с мирами и видами, подобными нам. Не с такими, как вы. И не с такими, как Небесная Чаша.

Крутильщик в продолжение этой быстрой речи не двигался и не менялся в лице. Голос его был резок и звучен. Существо с устрашающей быстротой совершенствовало английский. Пожалуй, точнее всего было бы определить его интонацию как *покровительственную*.

Она отважилась:

— Итак, наш взгляд на мир вам не кажется сколько-нибудь значимым?

— Ваше искусство, возможно, представляет ценность. Оно примитивно. Но потому таково, что, как и у других подобных вам видов, ограничено краткостью истории.

— А как насчет рас Чаши?

Крутильщик беспокойно подергался. Преображение началось с рукообразных конечностей: те стали сокращаться и удлиняться, точно готовясь приступить к работе над чем-то.

— Это историческая проблема. Она теперь воз-

вращается. Беспокоит нас.

— Вы пытались нас отпугнуть.

— Не вас. Не ваш кораблик. Чашу.

— Ага! Ваши сигналы были адресованы Народу?

— Вы имеете в виду расу, которая мнит себя властителями Чаши? Нет, не им. А холодным.

— Ледоразумам?

— Они нам известны. Мы с ними общаемся только в случае необходимости.

Крутильщик втянул руки. Скрючил их, пошевелил, точно ветки на ленивом ветерке.

— И не иначе?

— Их и нас интересуют разные проблемы.

— А можем ли мы вам помочь с их решением?

Крутильщик скривил рот, придав ему сходство с опрокинутой набок точкой с запятой. Попытка улыбнуться?

— Как сказали бы вы, люди, это философский вопрос. Мы уже решили многие.

— Философский? И как же вы их решили?

— Мы решили, что нашего внимания они не заслуживают.

Очередной нырок к равнине размером с материк.

Бет ничего не могла поделать: она инстинктив-

но сжалась. Капсула продолжала наращивать скорость. На этот раз земля внизу была холмистая, утыканная острыми скалами. На некоторых вершинах белели снежные шапки. Суша опять рванулась навстречу, и снова лязгающая тьма проглотила капсулу. Они пронеслись сквозь материковую платформу и стремительно вынырнули с другой стороны.

Крутильщик проговорил:

— Временами называем это Лесом Сияющей Благодати[19].

— Да? А мы зовем это Паутиной.

— Вы не обращаете внимания на функцию, но подчеркиваете конструкционные особенности. Типично ли такое для вашей расы?

— Встречаясь с чем-то новым, мы первым делом интересуемся инженерной реализацией.

— Странно. Для нас в этом Лесу она не является чем-то постоянно значимым.

Бет удержалась от реплики: *Окажись конструкция неудачной, дела обстояли бы иначе.*

— Значит, это вы его построили?

— Ах, то дела давно минувших дней.

---

[19] Примечания: 19

Так буквально переводятся иероглифы, составляющие китайское имя (Линь Бай-Ло) известного американского фантаста и политолога Кордвайнера Смита.

Три руки Крутильщика изобразили небрежный жест. Каждая двигалась на свой манер. Бет этот жест напомнил колышущиеся на ветру кроны деревьев.

Крутильщика нарастающее ускорение словно бы ничуть не беспокоило.

— Я так понимаю, вы изучаете дисциплину, называемую у людей *биологией*?

— Действительно. Я изучаю жизнь.

— И плазменных существ тоже изучаете?

— Мы называем их диафанами.

— А, эти, тонкие и прозрачные. У нас имеется похожее название для них.

И снова циркулярная пила врезалась в металл.

Бет снедало нетерпение, хотелось наконец прояснить некоторые аспекты, но она чувствовала себя персонажем пьесы условного Оскара Уайльда, где каждая реплика многозначна. Или означает нечто противоположное буквальному истолкованию. Поэтому Бет ответила:

— Вот как мы воспринимаем другие формы жизни, разумные — вроде вас. Между всеми высокоразвитыми общественными видами нашей планеты, Земли…

— Ага, вы называете свой мир Грязью. Значит ли это, что он беден водой?

— Э-э, нет. Поверхность Земли на три четверти покрыта океаном.

— Тогда ваш мир следовало бы называть Океаном.

— Возможно. Наша раса возникла в грязи, то есть, гм, на деревьях, растущих в грязи. Ну, в общем…

— Большинство рас именует свои родные миры Океанами. Об этом мы знаем от подобных нам среди звезд. Эти Океаны отвечают песнями. К сожалению, у существ, населяющих океаны, нет рук… — размытое стремительное танцевальное движение конечностей, всех одновременно, — и они не владеют огнем. Потому не могут явиться сюда, как вы, порождения Грязи.

Вивьен подалась вперед, привлекая внимание Крутильщика.

— У вас опыт наблюдений, измеряемый многими тысячами лет. Даже Чаша уже навещала вас. Вы так много знаете, и мы бы хотели приобщиться.

Ее недвусмысленная просьба противоречила и земным протоколам установления контакта, и приказам Редвинга. *Не выкладывать все козыри в начале партии*. Бет решила не беспокоиться об этом. Теория всегда рушится в столкновении с

практикой.

Вивьен продолжила искренним тоном:

— Насколько обычны пустынные миры в сравнении с водными? Намного ли ниже там темпы развития разумных рас? На Земле тонко настроен баланс суши и воды. Попадаются ли чаще планеты с более крупными областями суши, с более обширными популяциями?

Крутильщик снова изобразил ртом повернутую точку с запятой.

— Нам известно ваше происхождение. И Чаши тоже. Они совпадают. Вы берете начало в мире, обладающем большей площадью пригодных для жизни территорий, чем в среднем по планетам.

— Ага! — просияла Вивьен. — Я это с детства хотела узнать.

Бет уверилась, что гримаса в форме точки с запятой — эквивалент улыбки. Крутильщик проникался человеческим чувством юмора. Во всяком случае, подтрунивать учился. Она вздохнула, поймала взгляд Крутильщика (а это теперь пробовали сделать многие) и попыталась опять:

— Послушайте, я имела в виду, что все разумные общественные виды до некоторой степени опираются на альтруизм и самопожертвование. Всем известно базовое правило: отдавай, чтобы

получить взамен.

— Это правдоподобное утверждение, хотя область его применимости ограниченна.

Опять улыбка в форме точки с запятой.

— Эти общественные предустановки укоренены глубоко. Естественный отбор продуцирует их как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Он наделяет нас моралью. Мы исходим из предположения — в целом подтвердившегося для всех видов, с какими мы контактировали в Чаше, — что у разумных чужаков процесс этот протекает аналогично. И они также наделены моралью. Верно?

— В определенном смысле. Я замечаю по вашим произведениям искусства, что вы любите всякие истории.

— Ну да, конечно. — Она задумалась, к чему он клонит.

— Вы разыгрываете их во внутреннем театре. Участвуете в мини-спектаклях, которые сами же ставите. Уделяете значительное внимание друг другу, особенно лицам.

Бет вспомнила опыт, в котором обезьян сажали по задрапированным клеткам. Когда драпировку убирали, взгляды обезьян первым делом фокусировались на сородичах.

— Нам это приятно, да. Спектакли, фильмы, чтение…

— Это представляется естественным, раз возникло в ходе эволюции. Вероятно, приносит социальную пользу.

— А разве у вас не так?

Она задумалась о прилетающих с Земли сводках новостей. На протяжении столетий фокус их оставался неизменен: сплетни, конфликты, почитание знаменитостей, свежие хиты видео или литературы… бесконечная сосредоточенность на самих себе. Да.

— В меньшей степени. Ваша аддикция к историям сбивает вас с пути.

— Как?

— Вы начинаете путать свои жизни с сюжетами историй.

— А разве это не так?

— Если бы истории заканчивались правдиво, то нет. Я отмечаю, что ваши наиболее старые истории, рассказываемые детям, всегда заканчиваются лживо. Почему так?

— Э, гм, о чем вы? Лживо?

— Я полагаю, что их финальное клише — правильно ли я использую английский термин? — таково: «И все они жили долго и счастливо». Да?

— Гм, да. И что?

— Никто не живет одновременно долго и счастливо.

Она осознала, что никогда раньше не задумывалась об этом. Девчонкой она понимала: просто настало время закрыть книгу.

Крутильщик смотрел на нее без всякого выражения. Паутина, или Лес, неслась мимо. Мерцал солнечный свет. Бет не знала, что ответить.

Гм. Если в чем-то сомневаешься, увильни от ответа. Она перевела взгляд на размытые скоростью сплетения стеклянистых труб и поперечных балок. Она их и различала-то лишь потому, что были они огромны: цилиндры многокилометрового диаметра, переплетающиеся сети, решетки, фреймы, сочетавшие, по впечатлению, устойчивость и экономичность конструкции. Солнце разгоралось, выныривая из-за Глории. Звезда всё еще казалась маленькой, но тени стали резче, а отражения четче. На этой крутящейся штанге вести наблюдения за звездами будет сложновато.

— Я… Я хотела бы услышать вашу историю.

Крутильщик перекатился на серебристой кушетке, которая с едва слышным щелчком зафиксировала его.

— Покорение сей глубины — дело небыстрое.

Какое владение английским! Крутильщик обучался стремительно. Вероятно, у него и доступ к мощным вычислительным ресурсам имеется.

— Ладно. Расскажите, как вы соорудили эту Паутину.

— На протяжении эр более долгих, нежели ваш эволюционный процесс.

— Гм. А как она работает?

— О, теперь постиг природу вашего интереса. — Крутильщик переместился так, чтобы оказаться лицом к лицу с Клиффом. Руки его образовали спиральную сеть, имитируя длинную сетчатую конструкцию Паутины, какой наблюдалась она из космоса. — Мы рачительная раса. Ваши законы объяснят. Да? Гравитация заставляет атмосферу падать, но мы ее в трубу улавливаем. Например, такую. — Он широким жестом указал на транспортную трубу за стенками капсулы. — В свою очередь, регулирует она давление газа внизу. И то перемещает массы в других трубопроводах. Что опускается, то затем обязано подняться, если правильно его устремить. Всё заключено в замкнутую цепь. Подобно вашей телесной крови.

Клифф подался вперед, изнывая от интереса, и кушетка крутанулась, приближая его. Мягкий демпфирующий аэрогель приспосабливался к

потребностям пассажиров.

— На нашей планете, подобно вашей, атмосфера делается плотнее при снижении к поверхности. Вы с помощью Паутины воздух на такие расстояния перекачиваете?

— Ваш термин «капилляры» здесь применю, да? На каждом Уровне свои воздух и вода. Управление автономное. Ресурс передается соседям сверху и внизу. Гравитация дает, гравитация отбирает. Всюду поток.

Клифф недоверчиво покачал головой:

— Газ и гравитация. И вам этого достаточно, чтобы всем управлять? Затраты энергии ведь значительные.

— Не такие уж. Вы Паутиной зовете это место, но корректнее было бы Поршнем.

— Лифт, по которому мы летим, — произнесла Бет. — Мы же чертовски стремительно падаем. А сжатие воздуха впереди продвигает другие капсулы — где-то там — кверху. Не так ли?

Крутильщик едва заметно склонил голову:

— Это означает у вас согласие, да?

— Да. — Она покосилась на Клиффа.

Из них двоих инженерный ум у него.

Клифф старательно кивнул.

— Никогда не слышал о подстройке давлений

на таких масштабах, планетарных. — Он поразмыслил. — Хотя нет. В Чаше тоже масштабные проекты вроде этих реализованы.

— Гораздо больше показать вам можем, чем эта… сантехника. И большей значимостью оно обладает.

Крутильщик каким-то образом — Бет не вполне осознавала, каким, — давал ощущать свою терпеливость. Чужак быстро осваивал тонкости человеческого этикета. Голос его становился более звучным, акцентированным. Лексический запас английского расширялся. Несомненно, у него доступ к каким-то мощным вычислительным ресурсам, и всё же Бет впечатлилась.

Клифф посмотрел на нее и, дернув уголком рта книзу, дал понять, что собирается и дальше напирать на инженерные аспекты. Бет это устраивало. Она переключилась на пейзаж за окнами, а капсула как раз стала замедляться. Поверхность Чести была уже в десятках тысяч километров. Скорость капсулы, вероятно, составляла несколько километров в секунду: Бугор остался позади, приближался спутник.

Мелькавшие образы говорили о многом. Паутина обширна и разнообразна. Городки в глуши, величественные мегаполисы, башни и хайвеи,

бурлящие жизнью. Всё это посреди огромного простора и диких залесненных земель.

Комфортабельные кушетки в черепашьем темпе поползли к изогнутым стенкам капсулы и переменили ориентацию. Резкое торможение сковало тело.

— Ой! — послышалось из множества ртов кругом.

Значит, цель путешествия близка.

Крутильщика, как и прежде, это не стесняло. Бет наконец осознала, что кожа чужака на самом деле — умный комбинезон. Он слегка подавался, подстраиваясь под внешние условия, и снова плотно облекал тело. Скользящая оболочка, подобная змеиной коже, что-то скрывала под несколькими руками Крутилы. У людей нижние отверстия — канализация и детская площадка, как любила говорить мать Бет, — сбиты в кучу, они на концах пищеварительного тракта, между ног. Что там у Крутильщика, оставалось загадкой. Две нижние конечности его помещались на противоположных сторонах тела, а между ними оставалось солидное незанятое пространство для глубоко посаженных глаз и складчатых ушей. Любопытство биолога Бет вынужденно подчиняла дипломатическому протоколу.

Скрипы, толчки, скрежет… Пассажиров подбрасывало, но капсула страховала, цепляясь за тела. Далеко внизу метался, увеличиваясь в размерах, ландшафт Чести. Они пронеслись сквозь очередной слой. Бет свыклась с ощущением стремительного пролета мимо. Но этот, по причине замедления, оставался в зоне видимости дольше. Он был широк и обрамлен облаками. И… да, стала различима кривизна мира, который перчаткой облекала атмосферная оболочка. Они пролетали расстояния, превышавшие окружность Земли, за время вежливой беседы с отстраненным многоруким инопланетянином.

Вокруг цилиндрического экспресс-лифта небо окрасилось пьютерно-серым, земли внизу выглядели не более привлекательными, чем нечищеное серебро. Небеса закрыла ртутно-подвижная завеса ливня. По изменчивому небосклону угрями поползли дождевые струи. Доводы рассерженной погоды подкреплялись сполохами.

И вот посадка…

Бесцеремонный толчок. Никто здесь не подхватил вальсирующую капсулу. На Честь они буквально свалились.

И вышли наружу.

17. Честь

Скучные коридоры, пандусы с уклоном — некоторые аспекты путешествий универсальны. По крайней мере ступенек нет, хотя гравитация здесь оказалась приятнее. Клифф замерил ее и оповестил шагавший за Крутильщиком отряд:

— Похоже, тут 0.82 *g*. Больше нам не полетать с такой легкостью, ребята.

Вид полупрозрачной стены принес облегчение. За ней раскинулась дождевая завеса. Бет жадно разглядывала смутно различимый ландшафт. Какие-то белые постройки в духе кубизма напоминали разбросанные там и сям кости, выбеленные солнцем. Наполненные дождями пруды поблескивали, точно отполированные зеркала. Из мрачно-зеленой воды торчали худосочные деревца орнаментального вида. Освещение было угнетающе ослепительное.

Новые коридоры. Бет почувствовала тяжесть снаряжения. Носильщиков Бемора-Прим тоже не слишком порадовало возвращение к ощутимой гравитации. Паучара заерзал, глаза его задергались, и переноска отрастила собственные

колеса. Трое человек завозились вокруг. Бет отвела взгляд: паучара ее до сих пор немного пугал.

— Наверняка утомлены вы путешествиями, — сказал Крутильщик. — Отдохновение найдите здесь. — Он сделал широкий жест, указывая на коридор, словно бы вырубленный в бледной скальной породе.

Дверь скользнула в сторону, и Бет моргнула от неожиданности. Затрясла головой.

— Это ваша… живопись?

Крутильщик взмахнул множеством рук одновременно, словно это что-то объясняло.

— Мы подумали, что нам удалось создать спокойное, но в то же время интеллектуальное произведение искусства в стиле, приемлемом для вас. Многие разумы наши сошлись во мнении, что оно весьма человечно.

— У меня голова кружится, — пожаловалась Бет.

— Вероятно, слишком агрессивная композиция. — Крутильщик стремительным жестом очистил стены.

Помедлил — наверное, мысленно консультировался с кем-то или чем-то. Наделено ли это создание электромагнитными подключениями к интегрированному машинному интеллекту? Бет

осознала, что, несмотря на длительные обмены сообщениями между глорианцами и «Искательницей солнц», о биологии и культуре интеграции машинного/естественного интеллектов этой расы ничего не было известно. Если Крутильщик вообще нормальный представитель глорианской расы.

Существо кивнуло, точно отвечая собственным мыслям, и медленно произнесло:

— Не будет ли так лучше?

Внезапно коридор изменился, превратившись в лестничный пролет контрастных до рези в глазах цветов.

— Боже, нет! У меня голова еще сильнее закружилась.

— Но вы ведь происходите от приматов, использовавших деревья в качестве приюта и засадных укрытий. Эта реконфигурация предоставляет вам возможность попрактиковаться на лестнице с живописным узором…

— Послушайте, мы достаточно крупные приматы и боимся падать. Старые видовые привычки. Уберите это!

Дипломатичность изменила ей.

Бет всё еще пыталась осмыслить увиденное. Лестница выглядела не просто кричащей, а

реалистичной. Отстегнув с пояса небольшой инструмент, Бет швырнула его вперед. Он с клацаньем покатился по ступенькам. Лестничный пролет и *был* реален. Глорианская технология каким-то образом позволяла преобразить коридор с ровным полом в лестничный колодец.

— Готово, — молвил Крутильщик.

Спустя пару секунд массы задвигались, на стенах возникли новые цвета: за этими внешне простыми конструкциями явно скрыта впечатляющая вычислительная мощь. И как небрежно ее демонстрируют хозяева…

Еще несколько пассов Крутильщика — и буйство красок исчезло.

— Вероятно, это вас устроит. Мои консультанты посоветовали оттенить перспективу вкраплениями цвета…

— Оставьте этот вариант, — сказал позади Клифф. — Нас устроит. Тут, по крайней мере, не упадешь. Похоже на какое-то психоделичное студенческое общежитие.

Бет пожала плечами:

— Ведите нас, о глорианец.

И осторожно, словно кошка на мокром полу, двинулась вперед. Пол не ушел из-под ног. Еще несколько шагов: вот и брошенный ранее ин-

струментик.

Им предложили множество унылых, но практичных номеров. В каждой комнате имелась широкая кровать — даже с постельным бельем. Бет отдала короткие приказания и распустила команду по номерам, поскольку товарищи уже с ног валились от усталости. Расставила вахты по графику, установила комм-протоколы. «Искательница солнц» была в зоне досягаемости аппаратуры, но связь оставляла желать лучшего: частые помехи, обрывки фраз. Бет жалела, что не получится нормально пообщаться/отправить подробный доклад Редвингу. Но тело знает, как лучше, и стоит прислушаться к его мудрости, а не то оно силой возьмет свое.

В номере обнаружилась даже приличная душевая кабинка. Там было тепло, уютно и спокойно. Значит, глорианцы неплохо осведомлены о людях… даже полотенца не забыли. Она принимала теплый душ, когда появился Клифф. Как классно снова понежиться под струями воды! Утомившись, Бет с Клиффом с наслаждением вытерли друг друга полотенцами и величественными замедленными движениями плюхнулись на запружинившую кровать.

И отключились.

18. Плотоядные кенгуру

Проснувшись, Бет первым делом подумала: *А у этого Крутильщика чувство юмора есть*.

И притом тонкое, блин.

— Эти головокружительные коридоры — способ привлечь внимание: вот, дескать, на что мы способны.

Клифф протер глаза.

— Вместо слов?

— Гм, возможно.

— Его многословные рассуждения насчет путей нашей эволюции, — протянул Клифф. — Вчера. К чему всё это?

— Думаю, Крутильщик опосредованно намекает, насколько его цивилизация старше нашей. Наверное.

— На строительство Паутины ушло бы… А взять этот гравиволновый излучатель…

Бет потянулась, зевнула. Завтрак соблазнительно маячил в ближайшей перспективе.

— Правильно. Тысячи лет, как минимум.

— Но получается, что они каким-то образом уже пересекались с Чашей.

— Ладно. Десятки тысяч? Сотни?

Клифф покачал головой.

— Я пробежался по данным о глорианских сигналах. Там полно бессмысленного искусства — ты удивишься, узнав, что они находят красивым. Но об истории совсем мало. Они не многое о себе рассказывают.

Бет кивнула.

— Потому что предпочитают намеки. Косвенные заявления.

— Или потому, что скрывают чертовски много.

Отряд проснулся быстро. Встройки были синхронизированы, Бет передала немилосердный сигнал к побудке. Кто-то ворочался и стонал, но всё равно за считаные минуты выбирался из комнат. Клифф оказался последним. Волосы его стояли торчком, как после электрошока.

Крутильщик предложил экзотический завтрак: мясные блюда со вкусом свежеобжаренного миндаля, овсянка с фруктовым вкусом, свежие хрустящие хлебцы, после которых на нёбе оставалось приятное послевкусие. Команда накинулась на еду.

— Мы бы хотели выйти наружу, проникнуться ощущением вашего мира, — сказала Бет чужаку.

Крутильщик развернулся, взмахнул множе-

ством рук, и дальняя стена отошла в сторону. Из-за нее хлынул солнечный свет, чистый, золотистый. Они находились на уровне гор, откуда открывался величественный вид.

Наружу, на просторный балкон. Бет откровенно наслаждалась. Всем: ощущением солнечного тепла на коже, шелестом ветра в волосах, резким сладковатым ароматом воздуха. Каждое мгновение казалось бесценным, отточенно-резким, как бриллиантовая грань. При посадке Бет была сосредоточенна, сфокусирована. А потом эти огнезадые драконы, несущие смерть… Теперь вокруг простирался буквально другой мир. Дружелюбная, ласковая *планета*.

Естественная жизнь — после многих лет в грохочущих металлических коробках. Они прилетели… куда-то. *Сюда. Здесь мне предстоит прожить жизнь и умереть. Возможно, произвести на свет детей, которых ждет иное будущее. Вдали от ракет и пилотских руководств.*

Ближайшие здания, по впечатлению, были вытянуты из полимерного волокна, присыпанного бледной каменной крошкой. Но как же удавалось им стремительно меняться прошлым вечером, образуя многоцветные залы и лестничные пролеты? Бет понятия не имела.

Они стояли высоко над обрывистой долиной. В Паутине такого — *массы* — себе не позволишь: там всё делается с оглядкой на ограничения по весу. Крутые серые горы, похожие на Альпы, невесомые облачка и дождевые вуали, дрейфующие над далекими пиками. Темные каменные полосы пород с грубыми рваными краями на склонах. Белые водопады, летящие с высоты, чтобы разбиться ажурной пеной.

На Земле зеленые альпийские долины возникли благодаря многовековым усилиям скотоводов: эти обширные лужайки были расчищены от лесов и валунов, чтобы овцы и козы могли спокойно пастись. Бет с Клиффом путешествовали по Альпам, и местность произвела странное впечатление: одновременно уютная, безопасная, глухая и грозная. Бет припомнила тогда высказывание Джона Мюира о Сьерра-Неваде: «нежная глушь». А здесь, похоже, *дикарская цивилизация*.

В ледниковом периоде альпийские глетчеры имели куда большую толщину, а с началом оттепели удерживались дольше, чем в Сьерра-Неваде на Северо-Американском континенте, поэтому альпийские долины были гораздо круче и обрывистей. Высокогорные озерные бассейны, обычные для Сьерры, в альпийских условиях

попадаются очень редко. Время источило их, оставив острые, точно лезвия клинков, хребты, крутые зеленые стены и колоссальные воздушные просторы. Аэролет тогда пронесся между скалами, позволяя Бет по достоинству оценить масштаб.

Она развернулась к инопланетянину:

— Как образовались эти горы?

— Мы их создали, — ответил Крутильщик. — В процессе Творения.

— То есть строительства Паутины? Вы добивались приливного резонанса своей луны с…

— Не нашей. Мы ее сюда притянули.

У Бет отвисла челюсть от осознания масштабов этой работы.

— Откуда?

— Этот спутник находился первоначально ближе к звезде. Ушло некоторое время, чтобы притянуть его.

— Да уж… — только и выдавила Бет. — Могу себе представить.

Клифф показал:

— Видишь те валуны, высокие карнизы, насыпи, подстилающие породы? Я бы многое отдал, чтобы туда забраться, взглянуть на мир с точки зрения божества.

Она кивнула, чувствуя то же самое.

Крутильщик проговорил:

— Показать кое-что надо вам. Подъем обождет.

Поблизости раскинулось длинное озеро с ярко-бирюзовой водой. Небо имело оттенок аквамарина. Бескрайняя гладь воды, отражая его, сияла яростной синевой, напоминавшей антифриз. Пейзаж настолько напоминал земные, что Бет не удержалась:

— Крутильщик, вы разместили нас здесь для того, чтобы мы оказались в привычной обстановке?

— Действительно, это так. Вы, приматы, предпочитаете знакомую обстановку. Вы себя тогда лучше чувствуете.

Клифф остановился перед Крутильщиком в позе, не лишенной враждебности:

— Вы, кажется, многое знаете о нашей эволюции. А мы о вашей?

Крутильщик невозмутимо посмотрел на него.

— Исходные обитатели Глории напоминали разумных стоножек. Ныне наблюдается разнообразие физических форм и усложнение облика.

— Вроде вашего? — настаивал Клифф.

— Такие, как я, изобретены недавно.

— А что, разумные глорианцы существуют во

многих телесных формах?

— Разумеется. Насколько я понимаю, ваш вид еще не очень распространен?

Клифф пожал плечами:

— Гм, нет. Но у нас и другие разумные есть — вроде китов и дельфинов. Есть и близкие родичи — шимпанзе.

— Мы возникли примерно так, как и вы, давно это было. — Крутильщик распростер четыре руки с едва слышными суставными щелчками. — Очень давно. Как и вам, недоставало нам целей, посторонних относительно биологической природы. Богов в небе больше нет. У нас имеется нарратив, хотя донести его до таких, как вы, непросто.

Завуалированное оскорбление? Трудно судить.

— Нарратив?

— Смысл жизни. Вероятно, вам это понятно. Мы многое почерпнули из вашего искусства, образцы которого были любезно предоставлены с корабля. Человеческие существа ощущают потребность в эпосе, возвышенном повествовании о том, как возник мир и человечество стало его частью.

Говоря, Крутильщик прохаживался по балкону: либо это помогало ему сконцентрироваться на беседе, либо он имитировал человеческую

привычку, чтобы намекнуть на свое душевное состояние. Места для размещения людей хватало, можно было расслабиться и насладиться чудесным видом. Бет приказала не скучиваться вокруг нее и дала понять, что будет говорить с чужаком сама. Но остальным и не слишком хотелось ввязываться в беседу — так их очаровала красота этого места, очень похожего на Землю. Бет лениво задумалась, есть ли в глорианских горах сыроварни?

— Мы нуждаемся в эпосе? — переспросил Клифф.

Он продолжал скептически улыбаться.

— Если точнее, ваши религиозные эпосы удовлетворяют иную первичную потребность. Они подтверждают, что вы являетесь частью чего-то большего. Мы проходили такой этап. Он стоит многих жизней.

Это равнодушное замечание Бет отчего-то шокировало.

— И вы, гм, переросли потребность в эпосах? Повествованиях о богах?

— Действительно, это так. — Крутильщик глядел вдаль. — Мы причинили себе значительный урон. И тому более великому миру, который вы зовете Глорией. Мы его почти уничтожили, преж-

де чем переписать эпос.

— Уничтожили?

— В произведениях вашего искусства содержатся намеки, позволяющие установить, что ваш мир сейчас оправляется от такого этапа. Мы находились в похожей ситуации. Это было давно. В нашем случае урон оказался значительнее.

— Глория пострадала?

— И до сих пор остается пострадавшей, хотя последствия удалось до некоторой степени ликвидировать. К тому же мы изменили ее природу. Со временем вы узнаете.

— Хотелось бы посетить Глорию, — сказала Бет.

— Позднее это может осуществиться. У нас своя стратегия акклиматизации незнакомцев. Пожалуйста, подчинитесь ей.

Клифф снова придвинулся, словно рассчитывая, что телесная близость позволит понять больше. Крутильщик отступил, намекая, что человек вторгся в его личное пространство. Бет жестом отогнала Клиффа.

— Давайте вернемся к тому, что мы обсуждали.

Крутильщик перестал мерить шагами комнату и раскинул руки в странном жесте — две конечности вверх, две вниз. Вероятно, это значило

нерешительность.

— Способ достижения нашего эпоса, истории, которую мы именуем… — длинный хлюпающий звук, — духовным объединением. Мы изобрели его — для нашего эпоса, а хоть бы и вашего, нет лучшего слова — с целью достичь единства духа и рационального ума.

— Как? — озадаченно посмотрел на него Клифф.

— Вместо отсечения ранней натуры, требующей установить причину существования, мы всё собрали вместе.

Бет тоже озадачилась, но кивнула, поощряя чужака продолжить.

— Собрали вместе?..

— Мы составили наилучшее объединенное повествование, какое могли, с помощью наших науки и истории. Его следует обозначать как Эпос Эволюции.

Бет изобразила позаимствованный у Крутильщика жест: ладони вверх, пальцы наружу и слегка загнуты к себе, точно в мольбе.

— И?..

Крутильщик расслабился, руки его упали по бокам.

— Для нашего вида, как и вашего, культура и

обряды — не часть природы, но ее продукты. Они возникают вследствие общественной эволюции. Отсюда также проистекает вера в божества и ритуалы религии. Это продукты общественного отбора. Хорошие идеи.

Эшли Траст приблизился к Бет и шепнул:

— Мы бы хотели прогуляться по долине.

Бет отогнала его, но шепнула в ответ:

— Хорошо. Но пускай Вивьен ведет вас. Не удаляйтесь. Осторожней.

Крутильщик согласно кивнул, демонстрируя хороший слух. Эшли прошептал:

— Спасибо. Нам не терпится ноги размять. Засиделись.

— Идите, — сказала Бет, а Крутильщик тем временем заметил: — Вы считаете себя, свои организмы, машинами, нацеленными на биологическое выживание, подчиненными генетическому внутреннему диктату. Такие воззрения чрезмерно упрощены.

— Но истинны? — спросил Клифф. — Да?

— Ограниченно. Ваши эволюционные и унаследованные тенденции ответственны за иерархическую общественную организацию людей. Генетический хлыст вбивал социальные истины, а не одни лишь генетические.

— Вы были похожи на нас? — спросила Бет.

— О да. Наше происхождение, как и ваше, демонстрирует признаки преодоления узкого места: это свойственно всем общественным разумным видам. Вначале малые группы строят гнезда, откуда совершаются вылазки за едой. В гнездах растят молодь, которая там остается на некоторое время: одни члены сообщества заботятся о ней, иные удаляются на поиски пропитания.

Бет сообразила:

— Да, на Земле такое поведение наблюдается. У насекомых, голых землекопов, низших приматов и…

— И здесь тоже. Но в конце концов возникает постоянное напряжение. Каждый социальный вид разумных существ подвержен такому бремени. В пределах группы эгоистичное поведение приносит бóльшую выгоду, нежели альтруистичное. Но когда начинается межгрупповая конкуренция, уже альтруизм оказывается выгодней. Большая часть вашей истории — и, по правде говоря, нашей — подтверждает это наблюдение.

Клифф проговорил:

— На Земле эгоистичные существа — одиночки. А их виды не способны забраться слишком

высоко по эволюционной лестнице и развить подлинную цивилизацию.

Бет нахмурилась.

— Послушайте, если бы групповой отбор работал таким образом, мы бы превратились в роботов-ангелочков.

— Ваши насекомые таковы. Автоматы. Мы — нет. Некоторые придерживаются мнения, что мы суть духовные создания с физическим опытом, а не наоборот. Это различие не принципиально. — Крутильщик пренебрежительно дернул треугольной головой и стал поразительно похож на богомола. Потом продолжил: — Итак, ваши и наши вечные стрессы проистекают из самой природы маршрута, ведущего к высокоразвитой цивилизации. Противоречия между групповыми и индивидуальными потребностями. Такова наша судьба — врожденное беспокойство.

Бет скорчила гримаску.

— Если так, то печально.

— Отнюдь не печально! Тревога служит также источником креативности, — Крутильщик выбросил все руки к небу, точно в жесте радости. Голос его тоже повысился в тоне: — Однако достаточно об этом! Давайте насладимся моментом. — Он развернулся к панораме, охватив ее

жестом всех рук. — По вашему искусству можно догадаться, что вы любите такие вот естественные кьяроскуро.

По тонкому клиентскому каналу связи с интегрированной аппаратурой Бет получила объяснение незнакомого термина: **Эффект светотеневого контраста, распределения различных по яркости или направлению подсветки цветов или оттенков одного цвета.**

— Гм, действительно.

Другие члены отряда, явно довольные прогулкой, почти достигли зеленой долины внизу. Бет с Клиффом прохаживались рядом с Крутильщиком, который, судя по его пружинистой походке, тоже наслаждался моментом. Небо было прекрасно, крупные, белые, точно хлопок, облака катились по склонам ближайшего горного хребта.

Крутильщик произнес:

— Мне известно, что вы основательно подключены к разумным машинам, как и я. Предпочитаю, по правде говоря, обходиться без них. Взять хотя бы эту картину… — Существо жестом обвело накатывающие облака. Величественный и изящный туман в обрамлении тревожно-пурпурных тучек. — Машины, в бесконечном своем потоке

нулей и единиц, подчас удивляются тому, что природа делает автоматически — и бесплатно, так что нам это ничего не стоит. Они упускают главное. Вселенная не рассчитывает — она просто *существует*.

Бет смутно припомнила занятные эмерджентные картинки, возникающие при компьютерных расчетах. Часто проявлялись фрактальные формы, где целое повторяет себя в деталях. Странный способ восприятия мира, выходящий за пределы человеческого пристрастия к поискам разных форм в облаках — привычки к извлечению скрытого смысла. Особенно странно с таким столкнуться у далекой звезды…

Коммуникатор пискнул. Редвинг. Они с капитаном после высадки общались лишь несколько раз. Редвинг задавал вопросы ворчливым тоном, выдающим волнение и сдерживаемую энергию. Бет начала отвечать, стараясь выражаться как можно точнее. Тут прозвучал далекий визгливый вопль, и поперек поля зрения Бет что-то метнулось.

Впереди и справа по зеленой долине неслась стая прыгучих серых животных. Они загоняли людей, надвигаясь двумя рядами. И *быстро*, едва касаясь земли при каждом скачке. Бет узнала

эти движения. Она видела, как перемещаются кенгуру, и действительно, существа эти их очень напоминали: отталкивались хвостами, экономя энергию для следующего скачка. За считаные секунды стая окружила команду.

Одно из огромных серых существ совершило очередной прыжок — плавно, с высоко поднятым хвостом — и накинулось на женщину. Кенгуроид нанес землянке мощный удар и отбросил назад. Обхватил длинными лапами, вонзил когти. Женщина закричала, откинув голову. Зверюга подхватила добычу и бросилась прочь.

Бет сорвалась с места, не переставая орать по коммуникатору. Команда пришла в себя и сбилась вместе. Крупные мускулистые серые звери сновали вокруг.

Крутильщик вскрикнул:

— Я это остановлю!

Но Бет даже не оглянулась.

Здоровенный чужак набирал скорость, унося с собой женщину. Он двигался стремительными скачками, направляясь к роще зигзагообразных деревьев. Женщина в его лапах не подавала признаков жизни. Но огонь лазерного резака догнал зверя, даже если команда за ним не поспевала. Бет предпочла им не мешать. Они знают, как за-

щитить себя в плотной обороне. Быстрые очереди лазерного огня застали чужаков врасплох. Животные закрутили мордами, стали уклоняться, пригибаться к земле. Один из чужаков зашатался, дико завертел хвостом из стороны в сторону и грянулся оземь.

Бет к тому моменту выхватила свой лазер и дала два выстрела. Она метила в зверей, которые успели дальше всего убежать от отряда. Впрочем, не рассчитывала попасть, а лишь надеялась, что свистящие хлопки и шипение лазерного импульса их отвлекут.

Животные до этого времени двигались молча, а теперь издали долгий протяжный крик. Вероятно, сигнал к согласованным действиям? Все как один, звери повернулись и рванули направо. Теперь они неслись еще быстрей. Вертели крупными башками, озирались, оценивая ситуацию. За несколько секунд достигли лиственных растений, напоминавших жесткие капустные кочаны. И скрылись из виду.

Бет подбежала к своим, окликнула:

— Кого это утащили?

— Зои Вилански, — ответила Вивьен. — Эта гребаная тварь прокусила ей легкое. Я видела пузыри крови при криках.

— Мы за ней, — сказала Бет.

Подбежал Крутильщик:

— Я улажу это происшествие.

– *Происшествие?* — окрысился Клифф. — Какие-то стайные животные только что убили…

— Не животные, — быстро перебил Крутильщик. — Они разумные.

Бет сунулась вперед и требовательно заглянула Крутильщику в глаза.

— Эти? Они только что убили женщину и уволокли ее. Чтобы съесть?

Крутильщик попятился.

— Этого не произойдет.

— Но они для *этого* напали, разве нет? — Клифф едва сдерживал ярость: глаза его лезли из орбит, губы сжались в тонкую линию.

Команда сгрудилась вокруг. Бет понимала, что последствия могут развиться стремительно. Эшли Траст потирал глубокий порез на предплечье. Вивьен быстро вытащила умный пластырь, рассекла рукав униформы коротким ножом и приклеила активированную нашлепку к ране. Люди напирали на Крутильщика, требуя объяснений.

— Выставить оцепление! — рявкнула Бет. И промаршировала вплотную к чужаку: — Кру-

тильщик, исправьте это. Верните ее.

Крутильщик молча развернулся и стремительно убежал. Он направлялся туда, откуда появились атакующие.

— Поглядим-ка, с чем мы тут имеем дело, — сказала Бет, перемещаясь к мертвому чужаку.

Зверь действительно напоминал исполинского кенгуру. Она наклонилась и отвела в сторону его морду. Да, похожа на морду кенгуру, но короткая, с глубокой бороздой на затылке, глаза в углублениях, смотрят вперед, подбородок крупный. Есть и верхние, и нижние резцы, а моляры вроде обезьяньих. Судя по всему, создание неразборчиво в еде.

В груди зверя зияла пропаленная рана. Бет принюхалась к ярко-красной крови, вытекавшей оттуда. Кровь, как и у многих животных Земли и Чаши, обогащена железом. Второй лазерный ожог позади, рядом с позвоночником. Обнажилась белая кость. От шерсти исходил неприятный суховатый запах вроде плесневого.

Бет приставила биоанализатор к середине груди зверя. Игла вонзилась в тело и быстро вынырнула обратно. Бет отдала три мысленные команды, и анализатор негромко зашумел в ответ. На дисплее проявились символьные ре-

зультаты анализа — пять изображений. Судя по кодам, принципиальные генетические различия с земными формами жизни в ДНК, белках, РНК и в прочем слишком велики.

Потом можно будет детальнее проверить результаты. Бет поднялась и отрывисто бросила:

— Не из нашей биосферы. — Анализатор снова прогудел, и она покосилась на него. — И не из биосферы Чаши.

— Конвергентная эволюция, значит? — Вивьен ощупывала взъерошенную, неприятно пахнущую шерсть и плотные мышцы.

— Наверняка.

— Череп довольно сложный, — заметил Клифф, опускаясь на корточки. — Лобные доли мозга, вероятно, крупные. Эта зверюга должна быть сообразительной.

— Атака была выполнена мастерски, — добавила Вивьен. — Слева раздался странный громкий звук вроде кларнета. Мы все повернулись взглянуть. А в этот момент они напали справа. И чертовски быстро.

Эшли, которому уже обработали рану, остановился рядом. Бет отметила, что умные пластыри уже передают детали ее встройке. Пока у членов отряда никаких серьезных травм, спасибо и на

том.

Она подцепила с земли лапу зверя. Четыре крупных пальца, два внешних — с загнутыми когтями. Крупные передние конечности, два длинных пальца — тоже с когтями, явно приспособлены к атаке. Но два более коротких, внешних, многофаланговые и с обычными ногтями. Плюс большие отстоящие пальцы, по впечатлению, сейчас втянутые. Интересная разновидность хватательной руки, непохожая на варианты Земли или Чаши. Бет продиктовала:

— Эти существа умеют охотиться и убивать добычу когтями, но способны и к более тонкой работе с помощью пальцев, один из которых противопоставлен. Устройство ладони не слишком отличается от нашего.

И встала, отметив, что, пока она занималась наукой, вокруг возникло защитное построение. Хорошо.

— Не зверюга, а настоящая антология трюков. Исходя из опыта Земли и Чаши, я сочла бы это животное всеядным, точнее, оппортунистическим плотоядным — когти о-го-го! Может питаться насекомыми, мясом, вероятно падалью, фруктами и мягкой растительностью.

— Как мы, — заметила Вивьен.

Клифф кивнул.

— Но передвигается как кенгуру — а они в Австралии вегетарианствуют. Глянь-ка на эти меньшие конечности под крупными. Возможно, оно ими пользуется для тонкой работы? Похоже, здесь и на разных уровнях Паутины многорукость часто встречается. Эта зверюга весом не меньше сотни кило. Мускулистый разумный хищник-оппортунист. Назовем его плотоядным кенгуру, гм?

Все кивнули. Встройка Бет при поддержке вездесущих артилектов отобразила в нижней части левого поля зрения справку: **Австралийские аборигены и поныне рассказывают старые истории о крупных длиннолапых агрессивных кенгуру, которые иногда нападали на людей.** Бет не поняла, к чему это. Заметив ее внимание, встройка подтянула данные с «Искательницы солнц»:

Procoptodon goliah (гигантский коротконосый кенгуру). Крупнейший кенгуру из когда-либо обитавших на Земле (плейстоцен, 2.5 млн лет назад — ок. 11 тыс. лет назад). Рост 2–3 м (7–10 футов), вес до 230 кг (510 фунтов). В истории континента — один из наиболее при-

мечательных альфа-хищников[20].

Она поняла.

— Возможно ли, что предки этого животного попали сюда с Земли давным-давно?

— Когда Чаша возвращалась к нам? — уточнил Эшли.

— Кто его знает, — протянул Клифф. — Давным-давно — миллионы лет назад — они каким-то образом сюда попали. Потом обрели разум. Как и мы.

— И отрастили две дополнительные конечности? Нет, — высказалась Бет. — Это глорианская жизнь. Модифицированная.

— Научная гипотеза требует длинных терминов, — с улыбкой откликнулась Вивьен.

— А может, и вправду старая добрая конвергентная эволюция, — прибавил Клифф. — Запасать энергию, экономя усилия ног и хвоста, — эффективная стратегия. Здесь могла получить преимущество, как и в Австралии.

— Всегда возможно, — ответила Бет, и ей на глаза попался Крутильщик.

Тот возвращался из рощи зигзаговидных деревьев. Инопланетянин нес безжизненное тело

---

[20] Примечания: 20

По современным представлениям палеонтологии, этот вид был травоядным.

Зои Вилански.

Крутильщик положил труп к ногам Бет и отступил. Повисло молчание. Бет провела в обществе Зои не больше часа, когда быстро вводила свежеоттаявшую в курс дел. Зои толком не очухалась после анабиоза, но горела энтузиазмом. По психотипу была явно из тех, кто предпочитает крепко стоять на земле.

Бет увидела, что убийца вонзил когти глубоко в тело Зои, перерезав артерии и вены: быстрая смерть. Две глубокие раны в области легких. Лицо залито кровью, которая пузырилась, вытекая изо рта в последние мгновения жизни. Вероятно, иных повреждений не было. Но по кровавым пятнам, покрывавшим половину тела, Бет догадывалась, что Зои уже повесили вниз головой, чтобы кровь вытекла, а потом собирались выпотрошить, промыть и нарезать на порции. Крутильщик, похоже, помешал кровавому пиршеству среди зигзагообразных деревьев. У Бет желчь подкатила к горлу, и она с трудом подавила это ощущение.

Так, ладно, спину не гнуть, голос держать под контролем.

Она начала спокойным, немного сдавленным голосом:

— Крутильщик…

Но Клифф рванулся вперед. У него по всему лицу пошли пятна ярости.

— Ах ты ублюдок! — заорал он и нанес удар по треугольной голове Крутильщика.

Чужак быстро увернулся, пользуясь нижними конечностями, так что правый кросс Клиффа не достиг цели. После этого чужак гибким движением выполнил подножку. Клифф споткнулся, четыре руки Крутильщика выпростались вперед и подхватили его в падении. Подцепив Клиффа, чужак *раскрутил* его в воздухе, точно на карусели. Руки Крутильщика были мускулистые, жилистые, он легко вскинул Клиффа над головой — и разжал хватку. Клифф основательно приложился о землю лицом.

Крутильщик сделал два шага назад:

— Я понимаю ваши эмоции. Они, конечно, обычны. Призываю вас обучаться, а не ограничиваться одними лишь проявлениями чувств.

— Легко тебе сказать, — огрызнулась Вивьен, указав на Зои. — Ваше зверье только что погубило одну из наших без всякой причины.

— Не зверье. Это глорианцы, вид, наделенный некоторым интеллектом. Они ведут животный образ жизни по собственному предпочтению.

Перешли к нему после долгой эры, в течение которой помогали в строительстве того, что вы зовете… — жест двумя руками, — Паутиной. Не было пауков до настоящего времени. Теперь вы привезли.

Бет помогала Клиффу подняться. Крутильщик вышиб из него дух.

— Каковы же теперь их задачи? — спросила она.

— Их задачи — находить пищу. Радость черпать в охоте стаей.

Бет покачала головой. Отвлекла внимание отряда, попросив отнести труп Зои подальше от зигзагообразных деревьев, где, как подозревала Бет, всё еще скрывались нападавшие кенгуроиды. Коротко, резко поговорила с Крутильщиком, добившись от него подтверждения, что кенгуроиды больше атаковать не станут.

— Мы сами похороним свою мертвую. Вы присматривайте за местностью, чтобы еще какие-нибудь гребаные хищники к нам не полезли. Хорошо?

Крутильщик дал согласие, и Бет ушла вместе с остальными. Лучше было не затягивать с погребением.

19

Двое мертвецов за два дня. Потери бóльшие, чем за всё время, проведенное отрядом Бет в Чаше. Всё намного хуже.

Пока команда копала могилу выдвижными лопатами, Бет говорила. Говорила с Клиффом, Эшли и Вивьен, обсуждала дальнейшие действия. В продолжение похорон она размышляла. Или пыталась. Слова не шли с языка. Погребальные речи неизбежно унылы. Особенно если с погибшей едва знакома.

Редвинг после пережитого в Чаше установил жесткие ограничения для всех десантных отрядов. Никакой энергоброни, никаких нейрофармов, обостряющих восприятие: слишком обоюдоострое это оружие в обстановке абсолютной неизвестности. Никакой глубокой интеграции с артилектами: ИИ в полевых условиях полезны ограниченно, это уже подтвердилось. Они скорей годятся в удаленные консультанты, библиотекари, но не в активные участники.

Никакого роботранспорта, никаких роев автономных боевых машин, хотя в некоторых

ситуациях они бы очень пригодились: грязную работу выполняют быстрее, дешевле, с нечеловеческой точностью. Однако этим орудиям недоставало разнообразия.

Разумеется, артилекты питали собственные амбиции, тщились не отстать от совершенствуемых ИИ родного мира. Земные войны давно переместились в программную сферу: программисты запускали битвы машинных армий, не нуждающихся в постоянном присмотре, а на реальное поле боя не выходил ни один живой солдат.

Уязвимые гражданские на Земле всё равно оставались, ведь планета по-прежнему была чрезвычайно густо населена. По сравнению с двадцать первым столетием международная обстановка значительно смягчилась, однако еще не удалось избавиться от Великих Вождей, командующих машинными армиями на территориях слаборазвитых регионов без риска для своего народа. И по-прежнему робоармию мог себе позволить всякий, у кого имелось достаточно денег. Но Редвинг, фактически неподвластный Земле, давно уже решил избегать применения сил, которые выполняют приказы не колеблясь и не стеснены этическими ограничениями исследователей-людей. Вдобавок Бет испытывала

страх перед машинами-убийцами. В этом она была последовательно старомодна.

Когда с рытьем могилы и погребением покончили, Бет увела своих обратно по номерам. Казалось, их сюда заселили давным-давно, а между тем прошло от силы полсуток. Бет настороженно оглядывала небеса и земли вокруг. Крутильщик следовал за людьми, но на глаза без нужды не попадался. Инопланетник явно отдавал себе отчет, что гости в бешенстве. Он изучал поведение людей и совершенствовал понимание пределов допустимого. Бет решила отложить на потом очевидный вопрос: почему лишь один глорианец, Крутильщик, встретил делегацию? Почему не устроили никакой торжественной церемонии, не выпустили оркестр, а ограничились тем, что приставили приглядывать за визитерами Крутильщика, которому сильно недоставало такта? Странное поведение.

Она вглядывалась в небо, отыскивая признаки какого-то постоянства в этой удивительной мегамашине, напоминавшей астролябию. Вот зинго… или, точнее, пара зинго. Они кружились в вышине, паутинно-тонкие силуэты переплетались в танце. Вот крупное летающее создание, вероятно хлопокрыл, пролетел позади них, и это

помогло оценить перспективу. Бет прикинула, что до зинго около сотни метров. Они наблюдают за людьми? Как им удается зависать? Здесь ведь 0.83 *g*.

Солнце немного склонилось к закату: Честь поворачивалась, удаляясь от затменной зоны Глории, летела по медленному кругу. Спустя менее двух земных суток удлинятся тени, и Честь снова омрачится своей партнершей. Отряд квартировал у основания Паутины, на терминаторе: можно было выбрать, перейти ли на дневную сторону или ночную. На свету было спокойнее, учитывая, какие хищники водятся вокруг. Итак, придется удалиться от Паутины к солнцу.

О том, что тут может происходить ночами, Бет пока думать не осмеливалась.

20. Завтрак охотника

Обязательно ли требуется всё объяснять? Некоторые считают, что да. Как же им, беднягам, тяжело смотреть на звезды.

Роджер Эберт

Проснувшись, Бет некоторое время оставалась в неподвижности — быстро осматривала окружение и прислушивалась. В комнате кое-что переменилось. Внутри, у дверей, были аккуратно сложены рулоны мягкой серой ткани. Стены при движениях Бет приобретали голубоватый оттенок рассветного небосклона. Судя по всему, комната решила, что постояльцы не спят. Клифф же спал: перекатился по кровати, мягко похрапывая. Руки его потянулись к Бет, и та медленно ускользнула.

Пора за работу. Отряд пойман в тенета чужацких диковин. И да, требуется осторожность.

Обнаженная Бет прежде всего направилась в ванную. Душевая с простым, но эффективным сливом. Подходил к концу менструальный цикл, и Бет прихватила с собой прокладки: компакт-

ные, самоочищающиеся, надежные, весили они меньше грамма. Одно из главнейших преимуществ цивилизации, подумалось ей.

Мускулы ныли, напоминая о приложенных за последние дни усилиях. Она тренировалась на борту «Искательницы солнц», но реальную походную нагрузку этим, естественно, не заменишь, а уж сражаться за свою жизнь давненько не приходилось.

Вылезла из душа и уловила краем глаза движение снаружи, на балконе. Присмотрелась, что там, за полупрозрачной стеной, и движение повторилось. Там что-то покачивалось.

Она пригляделась внимательней, но ничего примечательного, кроме прекрасного альпийского пейзажа, не заметила. Белые метельчатые облака наплывали на горные вершины, уплощались и оползали по склонам, словно клочки сахарной ваты, вытягиваемые из мотка.

Она подумала, не разбудить ли Клиффа, но тот вчера задержался допоздна, пробуя уладить назревавший в отряде конфликт относительно Крутильщика. С предсказуемым результатом, точнее, отсутствием оного. Дождавшись возвращения Клиффа, Бет заметила, что ей бы не помешало эротическое отвлечение, и, надо отдать Клиффу

должное, он подчинился. И выполнил взятую на себя миссию мастерски. А потом отключился, и пришлось Бет самой разбираться, как пригасить свет, сочившийся из потолка и стен. Комната, по впечатлению, многое знала о них.

Интереса ради Бет подцепила с пола серую ткань. Слои рулона словно просачивались между пальцев. Она пропустила один себе между ног, и ткань будто сама поняла, как облечь тело. Встройка доложила, что одежда проделывает этот фокус благодаря магнитным крепежам на швах. Штаны получились удобными. Следующий мягкий слой ткани превратился в блузку. Когда ткань скользнула по грудям Бет, отвлекая ее, ноги случайно коснулись листа. Тот облек ступни, точно повязка, и превратился в темную обувь. Следующий лист проскользнул под ногами, трансформация повторилась, и ботинки отрастили платформы, широкие, с упрочненным протектором: для похода в горы сгодятся. Умная чужацкая технология.

Бет вышла в обновках наружу. Три шага по балкону, и обнаружился источник доносившегося шума: стайка птиц. Бет ойкнула и попыталась увернуться, но безуспешно. Коричневые пташки заметались кругом, стали щебетать и чирикать. Привыкнув, образовали своими телами нечто

вроде пончика или венца вокруг ее головы. Может, это какие-то посланники Паутины? Или вообще не животные, а умные устройства наблюдения, обмениваются данными в полете, имитируя птичий гомон? Нельзя исключать ничего, но вдруг ответы окажутся приятными?

Роскошный пейзаж, открывавшийся с балкона, казался раем для крестьян и пастухов. На некоторых полях были заметны шатрообразные купола — что это, устройства фильтрации солнечного света для оптимального роста, или же таким образом культуры защищены от летающих вредителей?

Внезапно на балкон запрыгнул Крутильщик. Он явился снизу, и всё его тело выгибалось в движении так, словно он летел. Он совершил разворот на середине маневра, после чего, залетев стрелой на балкон, полностью выпрямился. Ему даже не потребовалось совершать шага вперед для подстраховки. Приземление в двух точках, словно у олимпийского атлета. Бет моргнула. Человеку такое не под силу. Не при подскоке с земли четырьмя метрами ниже.

— Здравствуйте, — сказал Крутильщик. — Я вижу, вы избрали предковый фенотип.

— А вы — нет? — парировала Бет.

— Я выбрал такой. Вам это проще воспринять.

— Что у вас на уме?

— Я хочу сообщить, что существа, которых вы называете плотоядными кенгуру, принесли вам дар, требуемый их кодексом поведения.

— Это еще что значит?

— Общаясь с ними, я научился вежливо улыбаться и закрывать ушные раковины. Они ценят движение и действие сильнее слов. Они ждут внизу и теперь поднимутся сюда.

Он издал долгий щебет. Три плотоядных кенгуроида заскочили на балкон снизу. Они опустились на широкий карниз, ограждавший платформу. Средний продемонстрировал меньшее проворство, и двое спутников поддержали его. Как и некоторые другие кенгуроиды (Бет вчера просматривала видео вместе с командой), эти носили жилеты и короткие фартуки, изобилующие карманами и пристежными футлярами, а заодно прикрывающие гениталии. Крутильщик сообщил, что кенгуроиды делают одежду из шкур кроликообразных травоядных, на которых периодически охотятся.

Тут Бет аж передернуло, потому что средний кенгуроид был мертв. Двое других поддерживали тушу с боков. Бет опознала труп: люди подстре-

лили этого чужака накануне. Рана приобрела коричнево-черную окраску.

Бет охватило нехорошее предчувствие, граничащее с шоком. Она постаралась ничего не выдать мимикой.

— Они презентуют вам свое приношение. Пожрать их приятеля предлагают.

— Чего-о? Нет!

— Они понимают, что вы предпочитаете бесполезное погребение своих мертвых. Однако добычу, по их мнению, вы найдете пригодной к употреблению в пищу.

Кенгуроиды проворно перебрались с карниза на балкон, крепко удерживая труп сородича. Тело его сковало окоченением, мертвые глаза остекленели. Бет отшатнулась. Ей припомнилась высокая требовательная нота охотничьего клича кенгуроидов, которую люди поначалу приняли за музыку. Радость охоты и убийства — вот что выражал этот клич.

— Мы на них *не охотились*, это они на нас!..

— Тем не менее таков, по их мнению, способ достижения мира с вами.

— Это что же, придется его съесть?

— Такой поступок будет сочтен вежливым.

Она уставилась в бесстрастное лицо Крутиль-

щика. *Не вези в Ньюкасл свой уголь*.

— Постойте, Крутильщик…

Она вернулась в номер и забрала оттуда полевой набор биолога. Основную работу можно выполнить длинным ножом с гардой и широкой рукоятью. Если взять ножик поменьше, то, наткнувшись на крупную кость, он может провернуться и поранить руку. Он для более тонкой работы. И прочные перчатки нужны. И камера, чтобы записать вскрытие на видео. Клифф продолжал посапывать во сне. Она тихо постояла, собираясь с духом для предстоящей процедуры.

Когда вернулась на балкон, то обнаружила, что двое кенгуроидов приподняли тушу на удобную для Бет высоту. Безразличные рыла лишь подчеркивали бессилие людей считывать чужацкие эмоции. Не зная, справедливо ли то же в отношении чужаков, Бет улыбнулась и подумала: *По крайней мере урок анатомии бесплатный*.

Старая полевая заповедь: первым делом загляни в пасть. Кенгуроид этот не был травоядным, о нет. Существо явно всеядное. Острые клыки, как у волка, в передней части, широкие зубы, предназначенные для измельчения пищи, позади. Морда короткая, тупоносая, темные глаза при жизни способны к панорамному зрению.

Она прикинула предстоящий объем работ, покрутив поворачиваемое сородичами мертвеца тело. Прямой жесткий поясничный отдел, уместный для быстрого прыгуна. Кисти и лапы способны выдержать полный вес тела, так что при падении кенгуроиды тут же отталкиваются и встают. При необходимости могут использовать руки, ноги и хвост для опоры на пять точек. Вес существа достигал двухсот килограммов: настоящая гора мышц по сравнению с семидесятикилограммовой Бет.

Бет заглянула в уши и обнаружила, что слуховой проход устроен необычно сложно, а структура его спиральная. Усиливает остроту слуха? Она заметила также, что вода собирается в бисеринки на шерсти, а не впитывается.

Теперь более сложная часть. Бет аккуратно рассекла брюхо. Следует ли подчиняться правилам какого-то чужацкого ритуала? Крутильщик стоял рядом, молча наблюдая за ней. Бет вопросительно приподняла брови, но инопланетянин лишь покачал головой. Какая-нибудь проверка? У Бет не имелось опыта вскрытия мертвой дичи, за исключением одного случая, когда высоко в горах Сьерра-Невады пришлось разделывать оленя. Там просто забираешь хорошее мясо, а остальное

выбрасываешь. Здесь же, вне сомнений, задействованы некие нормы социального этикета. Она решила придерживаться последовательности действий, которая ей смутно помнилась по тому походу в Сьерру века назад.

Она надрезала и отогнула светло-рыжую шкуру, рассекла мышцы. Подсохшая кровь испускала странный металлический запах, далеко распространявшийся в теплом воздухе. Легче было бы освежевать тушу в первые два часа, пока тело еще не окоченело. Ну, что поделаешь. Ограничившись неглубоким надрезом, Бет повернула лезвие ножа кверху. *Продолжаем.*

Она продолжила линию надреза от широкой промежности, помогая себе свободной рукой, чтобы нож не соскочил. Мышечный слой следовало тщательно отделить от раздутых органов брюшной полости, чтобы ненароком не проткнуть желудок и кишечник. Бет поморщилась, ощутив запах. Прилетели первые мухи и принялись жадно роиться там, где загустела сероватая кровь.

Сконцентрируйся. Вряд ли они сочтут, что, блеванув, ты соблюла нормы ритуала.

Мухи были здоровенные, многокрылые.

Бет провела лезвие по дуге через грудь и дальше к челюсти. *Анатомия зверя напоминает земную.*

Опирайся на интуицию…

Она следовала общему плану вскрытия млекопитающих Земли, так что теперь принялась пилить грудину, прилагая большое усилие, чтобы разрезать мощные кости. Не менее десяти пар ребер, которые требовалось разделить, облегчая дальнейшую чистку. Она быстро соскоблила с них мясо коротким ножом.

У плотоядных зверей пищеварительная система устроена просто, по сути, сквозным проходом. Не как у людей и других всеядных, с их сложными и крупными кишками. Но плотоядный кенгуроид в этом отношении отличался от знакомых Бет форм земной жизни. Пищеварительный тракт у него имел странную воронкообразную форму и оканчивался крупным анусом. Мочеточник отсутствовал. Возможно, мочу кенгуроиды выделяли через анальное отверстие в кристаллизованном виде. На Земле птицы и рептилии так поступают, учитывая ограничения по перевозке жидкости на борту.

Теперь самое скверное…

Она рассекла крупный рубиново-красный анус зверя и затолкала его внутрь, не дыша при этом. В жилете нашлась веревка, и Бет немного отмотала одним рывком. Бросила быстрый взгляд на кен-

гуроидов, которые фыркали и сопели. Почему? *Я что-то сделала не так?*

Ага, гениталии. Кенгуроид был самцом. Фаллос небольшой, убирается в отдельный кармашек плоти. Пронизан толстыми венами и при необходимости сильно набухает. Она аккуратно затолкала член в анальную зону и придержала, не оглядываясь на чужаков. Недовольного шороха не слышалось. Хорошо.

По-прежнему уходя от их взглядов, Бет связала анус и толстую кишку веревкой. *Есть. Это, видимо, ключевой момент ритуала, главное не расплескать*. Кенгуроиды затоптались, переступая с лапы на лапу, а Бет тем временем закинула петлю вокруг остальных внутренностей и высвободила их. Кенгуроиды засопели. *Одобрение? Кто их знает*.

Дальше она решила следовать интуиции. Быстро перерезала длинную трахею, чтобы та не придала мясу неприятного запаха. Отсекла пищевод так высоко у шеи, как смогла. *И последнее…* Она отложила нож, ухватилась за трахею обеими руками и сильно дернула вниз. Внутренности провалились в срединную часть брюшины.

Бет разрезала соединительную ткань, удерживающую большую часть внутренностей рядом с

позвоночником. Не колеблясь, вытащила потроха из туши и швырнула их на пол. Ухватила обеими руками кожу на затылке кенгуроида. Покосилась на его живых сородичей, затем на Крутильщика: тот кивнул. *Хоть какой-то сигнал.*

Бет, кряхтя, потянула за шкуру. Та разошлась, точно застежка-молния, и опала до лап. Красное мясо блеснуло на солнце.

— Какого хрена?! — Обнаженный Клифф остановился на балконе рядом с Бет.

Она не заметила его появления.

— Я потом объясню, — медленно отозвалась Бет и повернулась к Крутильщику: — И мы должны?..

Крутильщик взмахнул всеми руками, словно это что-то объясняло.

— Торжественное пиршество. Пожрать их сородича.

Клифф хмыкнул:

— Я не…

— Неважно. Ты стейки нарезать умеешь?

Клифф поморгал.

— Гм, конечно. Но за…

— Пиршество. Завтрак. Я поджарю на всех. Разведи костер. Большой костер. Праздничный, надо думать.

Крутильщик что-то стремительно протрещал, обращаясь к плотоядным кенгуру. Бет заметила, что зверюги, державшие на весу тушу сородича, не выказывают признаков усталости. И верхние, и нижние конечности, и даже хвост у них были очень сильные и мускулистые. Кенгуроиды отозвались. Их речь изобиловала резкими звонкими согласными.

Клифф забрал у Бет ножи и приступил к работе, не утруждая себя возвратом в номер, чтобы одеться. Бет подумала, что перед чужаками наготы и впрямь стыдиться нечего. Публичная нагота — мощное и многозначное табу во многих человеческих культурах, но для иномирцев она не значит ничего. Кроме того, потом от крови отмываться будет легче.

Наблюдая за Клиффом, державшие тушу кенгуроиды вытянули морды к нему — все одновременно. Наморщили черные губы, раскрыли пасти так широко, что Бет углядела огромные задние зубы, квадратные, похожие на могильные плиты. Клифф нарезал мясо, а кенгуроиды обменивались фыркающими и сопящими звуками, косились на него и переминались с лапы на лапу. Видимо, заключительная нарезка туши для приготовления мяса имела большое ритуальное значение. У

чужаков свои обычаи.

Бет тоже осталась наблюдать. Клифф умело рассекал плотные мышцы кенгуроида. *Свежая дичь. Как давно это было? Без малого век назад, в Чаше…*

Повинуясь внезапному импульсу интуиции, Бет обернулась к Крутильщику:

— Да, мы закатим пир на весь мир. Но следует ли приглашать кенгуроидов на… церемонию?

Она приготовилась к резкой отповеди, однако Крутильщик кивнул. Чужак усваивал человеческие жесты.

— Они были бы вам признательны за приглашение.

Что, еще и каннибализм? Бет медленно, глубоко вздохнула. Века назад Киплинг указывал, что «путей в искусстве девять и десять раз по шесть, и любой из них для песни — лучше всех»[21].

Бет пришлось признать, что свежевание и нарезка разбередили старый вкус к полевым трапезам. У нее появилась новая мысль.

— А можете ли вы — или они — отыскать немного яиц? В смысле от некоторых птиц?

Руки Крутильщика заплясали в воздухе.

---

[21] Примечания: 21
В неолитическом веке (1892).

— Думаю, мне понятна ваша идея. Да, такие здесь есть. Неоплодотворенные яйца. Иногда весьма крупные… — Он развел две руки примерно на фут. — От больших летающих существ. Это указывает на ваши корни.

— То есть?

— Я полагаю, вы происходите от теплокровных предков? Некогда, судя по вашей эволюционной истории, они промышляли воровством яиц древних динозавров. Маленькие и пугливые, они выходили наружу в основном по ночам. И даже сейчас у вас имеется привычка есть яйца после пробуждения.

— Никогда не задумывался, — отреагировал Клифф, нарезая стейки и откладывая их в сторону. Два плотоядных кенгуру продолжали поддерживать тушу сородича на весу, вроде бы без натуги, хотя обоих прошибал обильный пот. Вокруг вились мухи. Бет сообразила, что сильно проголодалась. И перепачкалась.

— Тогда проявим положенное млекопитающим поведение. — После неприятного кровавого вскрытия ей полегчало: наконец-то это закончилось. — Крутильщик, достаньте нам яиц к кенгуриному стейку. Стейк с яичницей, да! Объедение.

21. Тенета диковин

Редвинг никогда не считал образование чем-то вредным, но скрывать гнев так и не обучился.

— Что они там, ядри его мать, обсуждают с этим глорианским выползком, Крутильщиком?

Артилектопереводчик сказал спокойным, примирительным тоном:

— Такой стиль беседы выбрали сами глорианцы, кем бы ни были они.

— Крутильщик, похоже, не слишком огорчен. Два трупака в дипломатической миссии, которую он сопровождает, а с этого чепушилы как с гуся вода.

— Этот интеллект значительно отличается от всех, ранее встречавшихся вашей экспедиции. Чужаки Чаши также демонстрировали вариации интеллекта. И там вы тоже теряли людей.

— Не напоминай.

— Ес`сэр. — Артилект даже воспроизвел предпочитаемое капитаном растягивание «с».

Редвинг поморщился и совершил очередное паломничество к личной кофеварке. Бессмысленно дискутировать о стратегии с переводчиком.

Устроившись в каюте, Редвинг стал по новой пересматривать видеоролики со шлемокамеры Бет. Вот кенгуроиды-чужаки и их скачки по тридцать метров за раз. На Чести гравитация была заметно ниже земной, но устрашающая скорость атаки зверей Редвинга по-прежнему ошеломляла.

Он отметил, что на некоторых зверюгах длинные жилеты. Поставил ролик на паузу. Жилеты были бежевого оттенка, почти сливались со шкурой. Карманы, футляры с инструментами, даже символьные дисплеи занятной спиральной формы.

Разумные существа, способные пользоваться инструментами, охотятся стаей? Одеты, но демонстративно обходятся без оружия? Он покачал головой. Даже Редвингу было понятно, какая это странность.

Неудивительно, что биологи из отряда Бет, к переговорам которой он внимательно прислушивался, были озадачены, сконфужены, рассержены. Он испытывал те же чувства.

Переводчик-артилект вежливо заметил:

— Я сверился с историей вашего вида. Человеческая культура меняется быстро, часто забывает. Людям свойственно воспринимать научную фантастику как жанр девятнадцатого и двадца-

того веков, словно футурология возникла лишь тогда. Примечательно, что еще Вольтер создал научно-фантастическую новеллу под названием *Микромегас*, в которой описывается визит на Землю чужаков из другой звездной системы и с Сатурна. При первом контакте с людьми прежде всего обсуждались такие вопросы, как спор о проблеме взаимоотношений тела и души в представлениях Платона и Декарта, а также трактовка Фомой Аквинским разграничений душевного устройства по Аристотелю. Общество эпохи Вольтера было одержимо конфликтами теологии с новыми дисциплинами. Для них проблемы предопределения, существования Бога, баланса вещественного и нематериального были темами повседневных диспутов. Внимание Вольтера к ним так же естественно, как интерес авторов научной фантастики — к открытым проблемам их современности.

Артилектопереводчик редко брал на себя инициативу, так что Редвинг обдумал услышанное, хотя его покоробила явная малозначительность предложенного примера в сложившейся ситуации.

— То бишь глорианцы, позволяя свершиться этим смертям, что-то заявляют о себе?

— Возможно, — откликнулся артилектопереводчик и больше не проронил ни слова.

Опасность артилектов не в том, что они способны перехватить управление у капитана. Но и чрезмерно полагаться на них не следует. Машинный разум, сколько бы кубитов в нем ни заключалось, никогда не забирается на неизведанные территории, чтобы их исследовать, погрузиться, подчинить себе. Людской — да.

Редвинг научился осторожности в работе с такими системами. Диапазон их полезности ограничен, тонкостей людского языка они в полной мере не чувствуют. Поначалу общение с артилектопереводчиком порождало ошибки в восприятии глорианцами человеческой речи. Однажды глорианцы решили, что слово «кофе» родственно «кофте». Шутки у артилектов редкость, но пример с Вольтером не шел у капитана из головы.

А еще сильнее, гораздо сильнее, досаждали ему тактические следствия из последнего инцидента с гибелью члена команды. У сержанта Шиндельмайссер во время атаки была активна система мониторинга, но сработала не очень хорошо. Крошечные камеры слежения, укрепленные на шее, предупредили сержанта о стремительной

атаке плотоядных кенгуру сзади, однако отреагировала она с опозданием[22]. Автоматика в полевых условиях не всесильна. Плотоядные кенгуру оказались чересчур проворны.

Отряд скован и ограничениями полосы пропускания, но слишком заострять внимание на этом не стоит. Система автоматически подключается к медицинскому транспондеру каждого члена команды — гаджету с рисовое зернышко величиной. Но недостаточно умному, чтобы справляться со всем потоком данных. Ожидай неожиданностей — правило хоть и прикольное, но на чужацкой территории следовать ему неудобно.

Команда Бет в ходе дискуссии обменивалась взглядами искоса, выдававшими нерешительность. *Чего дальше ждать? Кто погибнет следующим?* Они ведь не закаленные вояки. Биологи, инженеры, техники — но реальной боевой подготовки не проходил никто. Может, отозвать их? Начать новые переговоры с… кем? Единственным доступным для контакта глорианцем оставался Крутильщик. Опять отсутствие понимания.

Редвинг наблюдал, как утренняя заря пастель-

---

[22] Примечания: 22

Здесь непонятное противоречие, по вине авторов ли, редакторов ли, с более ранним текстом, где сообщается, что жертвой атаки пала женщина по фамилии Вилански.

ными мазками окрашивает земли, следил за пиршеством из стейка и крупных яиц. Может, отряду и полегчало, но у капитана оставались сомнения. Он решил следить, прислушиваться, взвешивать шансы. Чужаки есть чужаки.

Тем временем на борту «Искательницы» продолжали размораживать спящих. Нужно рассредоточиться по Паутине в достаточных количествах, чтобы твердо закрепиться там. Императивом служила земная стратегия, положенная в основу экспедиций и аналогичных проектов: расселиться по галактической округе, обеспечить виду страховку. А вдобавок прояснить, какое место отведено человечеству в Галактике.

Редвинг смотрел на разделенные дисплеи, где одновременно прокручивалось множество визуальных трансляций с автономников, сканирующих Паутину из пространства над Честью. Вот ракурс от дрона в воздухе над отрядом Бет. Вот снимок, сделанный в момент затмения Паутины и Чести Глорией: печальные тени оттенка синяков. На Чести имелись купола, явно предназначенные для раздельных биосфер. Зачем они там?

Он созерцал колоссальные просторы Паутины,

богатые влагой. Над континентальными слябами, стопки которых были сосредоточены вдоль оси Паутины, клубились тучи. Гравитация была направлена по этой оси, и Редвинг наблюдал материковые блинчики сбоку. Каждый из сравнительно тонких клиньев суши обладал своей — малой — силой тяжести, поскольку расстояния от двух миров немного отличались. Тянущиеся издалека трубопроводы и колонны опорной структуры Паутины сливались с другими сетками и трубами, порой удивительно похожими на пурпурные штопоры для винных бутылок. Присутствовали и другие насыщенные цвета: оттенки серого, розового, голубого, оранжевого, а также ультрафиолетовые и инфракрасные. Вероятно, такая кодировка облегчала инженерное обслуживание. Масштаб бурлящего жизнью конструкта потрясал. Океаны и атмосферы плыли по оси Паутины, омывая жизнью тонкие клинышки суши.

Сантехника исполинских масштабов. Земная атмосфера представляется бескрайней, но относительно планеты почти невесома. Сто с лишним километров земного воздуха в сумме весят чуть больше воды в Средиземном море. Именно поэтому первые явственные признаки влияния

человека на родную планету проявились в атмосфере: в загрязнении воздуха, которым люди дышат.

Редвинг просматривал голоснимки Бугра и «Искательницы» — крошечной серебристой стрелки, пришвартованной рядом на магнитах. Капля ферментов и биоразнообразия в море тьмы. При взгляде с края Бугра Глория загораживала звезду системы.

Он потребовал от артилектов интегрировать дальние ракурсы и откатился к точке, лежащей за пределами орбиты Чести. Атмосфера спутника пестрела густыми облаками, Паутина тянулась к Глории. Артилекты для ясности отфильтровывали тени, обнажая серебристую ажурную подструктуру мироцилиндра, которая и побудила окрестить его Паутиной.

Зондорои, которые Редвинг рассылал по всей длине Паутины, замерили массу воздуха, содержавшегося в конструкте. Атмосфера оказалась в несколько тысяч раз тяжелее земной.

Более того, воздух циркулировал по всей Паутине, словно неподвластный законам физики, а не образовывал более-менее спокойные слои, как на Земле. Крупных перепадов плотности не фиксировалось. И вода, текущая по широченным

материковым платформам, тоже вела себя спокойно. На больших расстояниях от оси Паутины парили серебристо-синие озера, огромные листы влаги окутывали большую часть Бугра. Вероятно, в этой выпяченной зоне с низкой гравитацией одних воздушных течений достаточно, чтобы поддерживать зависание жидкости. Мастерская работа невидимых исполинов.

На консоли вспыхнул индикатор входящего вызова. *Ага, это из Чаши.*

Лицо Майры Викрамасингх показалось еще более изможденным и тревожным. Она предпочитала докладывать стоя, в отутюженной униформе «Искательницы», ладно облегавшей ее сохраняющее стройность тело. Редвинг выбрал ее спикером колонии в Чаше именно за то, что Майра была по натуре лаконичная аккуратистка.

— Снова приветствуем вас, капитан, — начала она. — Я о многом спешу доложить вам. Параллельно с этим сигналом отсылаем текст, как вы и просили. У вас серьезные проблемы. Они летят к вам.

На экране возникли три раскаленных добела огненных плюмажа, яростно пылающих на звездном фоне.

— Банда корсаров, как называет их Народ, уле-

тела с кромки Чаши около года назад. Никто не заметил этого, пока они не врубили таранные двигатели на полную, удаляясь от нас. Они продолжали ускоряться, и… посмотрите.

Первый плюмаж замерцал, проявилось пятнышко, обозначавшее сам корабль. Приближение: Редвинг различил, как поворачивается трубчатое судно по оси. Желтые и красные языки турбулентной плазмы лизали его, словно жарящееся на костре крупное серебристое насекомое.

— Этот начинает сбрасывать скорость. Они сейчас примерно на таком же расстоянии от вас, как тот гравиволновый передатчик, и углубляются в систему.

У Редвинга язык чесался забросать ее вопросами, но скорость света мешала: до Чаши сигналу еще месяцы лететь. Корабль закончил вертеться по оси, снова полыхнуло белое пламя, озарив черноту космоса. Теперь плюмаж показывал на яркий маяк — звезду системы Глории.

Майра комментировала:

— Их трое, они летят плотной формацией. Думаю, пролетят мимо гравиволнового излучателя. Направляются, насколько я заметила, в область головной ударной волны звезды. Наверное, плотность плазмы максимизируют. В любом случае

наши детекторы засекли всплеск плазменной эмиссии у гравиволновика. Похоже, со стороны Глории туда приближаются какие-то плазменные узлы. Возможно, диафаны, которых вы отпустили туда, когда опускались внутрь системы. Как бы там ни было, у вас явные проблемы.

Она пожала плечами, потешно закатив глаза, — ну что я, дескать, могу поделать?

— Ах да, у нас тут небольшой мятеж против Народа. Придется мне с этим разбираться. Местная политика никак не сменит курс.

И она помахала на прощание.

Редвинг помнил, что диафанов заинтересовали таинственные обитатели гравиволнового передатчика — каким-то образом родственные и существам земной системы. Плазменная жизнь порхает на межзвездных просторах, подпитывается вечными тончайшими потоками ионов. Вероятно, эти формы разумной организации вещества бессмертны, по крайней мере с человеческой точки зрения.

Он встряхнулся. Масштабы пространства и времени подавляют людское понимание. Возможно, глорианцы достаточно сведущи, чтобы помочь человеку в постижении этого ландшафта пространства-времени или панорамы времен.

Возможно. Как-нибудь, когда-нибудь.

Пока же стоит сосредоточиться на делах отряда Бет. Видео пересмотреть, дронов опросить, которые там роятся. Команда Бет невелика, уже понесла потери и по-прежнему в опасности. Они — острие клинка, и оставалось надеяться, что Бет его не затупит.

22. Большое, яркое и блестящее

Кто видит сквозь невидимый покров
Сложение Вселенной из миров,
Другие солнца, коим счету нет,
В круговращении других планет,
Других созданий и других эпох,
Тот скажет нам, как сотворил нас Бог.

Александр Поуп[23]

Бет разбудил нарастающий шум животных. Она полежала в кровати, прислушиваясь к чириканью и писку, фырканью и воплям крупных птиц, которых видела и своими глазами: они пролетали мимо, хлопая крыльями. Животные тут, по впечатлению, деловитые и нахальные. Наверняка не боятся неизвестного. Чего нельзя было сказать о ней.

Очередную бессонную ночь люди провели в

---

[23] Примечания: 23
Опыт о человеке, перевод В. Микушевича.

наглазниках, приспосабливаясь к отсутствию темноты. Дневной свет продолжал стучаться в закрытые двери век. Клифф похрапывал… ну, по крайней мере, знакомый звук. Монументальные хлопки где-то в отдалении, словно топот великанов, — это, вероятно, газ и гравитация системы, формировавшей высокое подножие Чести. Бет зарылась поглубже в удовлетворительно мягкую постель и стала слушать, как снаружи поднимается ветер; она всё еще пыталась до конца осмыслить события предыдущего насыщенного дня.

Лучше всего составить отчет. Редвинг его неминуемо запросит.

После завтрака (крупных наперченных красножелтковых яиц и стейка из кенгуроидятины) Крутильщик и семеро спутников Бет обошли территорию, проникаясь ощущением присутствия на этой богатой жизнью луне. Полезно будет задержаться тут на пару дней, прикинуть что почем. Бет нравились здешние альпийские пейзажи, яркие выплески растительности на скалах, сверкающие холмы, башневидные деревья, небо, менявшее оттенки над горами, серыми, как слоновья шкура. Наконец-то можно было выпустить Бемора-Прим из переноски; крупный зловещий

паучара при такой силе тяжести чувствовал себя отлично — комфортнее, чем на корабле. Его жадные вздохи были подобны раскатам бас-аккордеона. Отряду Бет требовалось восстановить силы, так что они дали себе выходной — а день на Чести, кстати сказать, длился несколько земных суток.

Бет встала, помылась, вышла на балкон и сразу почувствовала себя лучше: красотка хоть куда, как говаривали в ее тренировочном лагере столетия назад. Клифф, проходя мимо в ванную, смачно чмокнул жену. Ночью протяженность балкона умалилась, словно здание поняло, что разделка плотоядного кенгуру не повторится. Зато сейчас балкон вытянулся в сторону, задрожал, всколыхнулся, освободил дополнительное место.

Насколько умно здание? Или в какой степени подконтрольно остальным, особенно Крутильщику? Чужак производил впечатление изрядного проныры, а смерти людей или кенгуру его не особенно огорчали.

Она собиралась было вернуться в комнату за снаряжением для похода, как вдруг набежала тень, и Бет вскинула голову — чтобы увидеть снижавшуюся к балкону массу. А на ней спускался Крутильщик, выглядывавший через край какого-

то корзинкоподобного объекта. Корзинка висела под изгибом колоссального розового дирижабля. Она поравнялась с балконом, и Крутильщик изящным скачком переместился на перила.

Исполинская масса издавала при движениях низкое надсадное сопение, подобное протяжным вздохам. Клифф выглянул на балкон.

Крутильщик промолвил долгое напевное приветствие на своем языке, потом перевел:

— Мы приглашаем вас прокатиться, а не пройтись. Многие достоинства Чести лучше наблюдать с высоты.

— Гм, вот неожиданность… — Бет продолжала разглядывать подбрюшье огромного существа. По мере снижения оттуда вытягивался широкий плавник, чтобы, коснувшись пола балкона, отрастить небольшие скрюченные хватательные конечности, словно усики или корни.

— Мы поднимались на борт по языку, — вспомнил Клифф. — Это летучая рыба. В Чаше тоже такие водятся.

Бет наблюдала за безмолвным маневрированием существа: новые изящные плавники развертывались, ловя ветер, словно паруса. И новые тонкие усики прикрепляли рыбу к зданию. Живой дирижабль охватил собой фасад

и встал под ветром, чтобы развернуться. Бет догадывалась, что исполинское создание умеет перераспределять тяжести внутри самого себя, худея и выпячиваясь по желанию, и таким образом менять направление центра масс для упрощения навигации. Летучая рыба представляла собой самый настоящий плавучий корабль, способный перемещаться под углом к легкому ветру, и ее боковые плавники выпрастывались с ленивой хлопающей грацией. Огромный глаз повернулся к Бет. Та почувствовала себя бактерией под микроскопом.

Крутильщик отметил:

— Известно мне, что вы, люди, с дальним родичем этого существа в Чаше сталкивались. Мы превратили тот древний небесный боевой корабль в… попутку.

— Вы взяли из Чаши базовые гены?

Крутильщик пожал плечами.

— Давным-давно, в неудачную эру.

— И разрешили им бесконтрольно размножаться?

— Нет. Мы их используем как живые, любящие транспортные средства.

— А мы станем их грузом.

— Именно так. Однако небесным рыбам

нравится с нами летать. Вы уподобили бы соответствующее ощущение легкой щекотке во внутренностях.

— Отправь всему отряду уведомление, — приказала она Клиффу. — Пускай прихватят снарягу и быстро собираются — ноги в руки.

Пока огромное животное лениво поворачивалось в воздухе, Бет замечала какие-то плавательные пузыри. Внутри двигались… члены команды? Изящный великан, эволюционировавший на основе каких-то летучих предков из Чаши, дополнительно усовершенствованный биотехнологически. Да, Тананарив видела несколько таких небесных рыб во флотилиях. Такие существа, выведенные биотехнологами Чаши, патрулировали небеса над хабитатом.

Перед мысленным оком Бет встали как живые образы из Чаши. Жирная небесная рыба распластана в воздухе над сильским городом. Языки пламени лижут город. Кто-то бьет по нему зелеными лучами смерти, без разбору поджаривая здания и обитателей. Огромная зверюга скользит по небу на дымных столпах. Бет проверила свои воспоминания по записям из Чаши, которые хранила встройка. Да, та небесная рыба потерпела крушение, обвалилась на город, точно поджа-

ренное на зеленом костре яйцо, и медленно, как в сверхскоростной съемке, лопнула, так что не осталось ничего, кроме черных дымных башен.

Биотехнологи Глории разработали свою версию небесной рыбы — транспортное животное, которое летает с пассажирами во чреве и кормит их. От протяжной басовой ноты шкура зверя задрожала.

Круглые черные глаза рыбы наблюдали за людьми. Желтые радужные оболочки переливались в косых лучах света. Морда животного была серьезная и двигалась медленно, широкая пасть — розовая, точно лососина, и безгубая. Из пасти вырывались долгие неторопливые трели. Приветствия? Широкие плоские ноздри прослоены розовыми венами, и Бет догадалась, что небесная рыба может, если пожелает, прикрывать их оборками из плоти. На верхушке гладкой башки имелся ослепительный синий гребень, окаймленный желтым жиром; Бет он напомнил петушиные.

Откуда почерпнула Чаша базовую форму этой рыбы? Зародились ли эти животные на какой-нибудь планете, где гравитация невелика, а атмосфера плотна, и подобная форма становится эволюционно предпочтительной? Огромные,

неторопливые, неуязвимые из-за своих размеров, словно киты, слоны или бронтозавры? А потом их гены каким-то образом перенеслись на Глорию — в далеком прошлом, когда Чаша пролетала мимо; Крутильщик старательно избегал этой темы.

— Мы приготовили для вас на борту разнообразное меню из местных деликатесов, — сказал он, жестом указывая на пандусообразный язык, развернувшийся из пасти небесной рыбы.

— Придется нам сперва снаряжение прихватить и отряд построить, — поспешно ответила Бет и ушла к себе.

Это оказалось небыстрым занятием. Подчиненные повиновались, но скептически усмехались и хмурились. Когда отряд поднимался на… нет, *внутрь* небесной рыбы, поправила себя Бет… у нее урчало в желудке. Язык оказался сухим, не скользким и закругленным с краев.

Крутильщик сопровождал их внутрь.

— Я счел, что вас проймет эта фибрилляция, — заметил он при этом.

Бет решила, что это он так утонченно шутит: вход в нутро небесной рыбы оказался обрамлен затейливыми занавесками телесно-розового цвета, лениво колыхавшимися на ветерке дыхания огромного зверя.

— В смысле заставит нас дрогнуть? — уточнил Клифф.

Крутильщик кивнул:

— Да. Я предпринял игру слов, которая вашему роду, судя по всему, люба. Ваш язык линеен, это полезно, однако обладает и некоторыми особенностями, привносящими путаницу. К примеру, для меня непостижимо, почему *laughter* — «смех» по-английски — отличается лишь одной буквой от *slaughter* — «резни»? Гм?

Клифф поморгал, потом отозвался:

— Мы смеемся над угрозой смерти, потому что… ну, нам больше ничего не остается. Я так думаю.

Крутильщик на мгновение застыл в неподвижности, затем продолжил движение вперед.

Они шли по теплой пещере среди влажных мембран, в свете фосфоресцирующих вихрей по ту сторону полупрозрачных тканей; вихри двигались, словно ожившие произведения искусства на выставке. Прокатывалась глубокая басовая нота, оканчиваясь приглушенным свистом, точно колоссальный вздох. Гравитация на мгновение возросла: они оторвались от балкона. Затрепетали рыжеватые мембраны стен. Отряд вошел в просторное помещение, имевшее форму кубка, и всех лизнула волна теплого воздуха. Солнце

светило сквозь мембраны так ярко, что Бет на мгновение померещилось, будто они очутились на открытом воздухе. Но это было не так: тонкая кожица придавала свету дополнительный мягкий оттенок слоновой кости. Ароматный теплый бриз задул сперва с одной стороны, затем с другой, и Бет сообразила, что это, верно, дыхание исполинской небесной рыбы. Дом со множеством комнат, казавшийся ранее таким вместительным, умалялся внизу.

Команда завороженно наблюдала, позабыв про завтрак. Небесная рыба заложила кривую, и в поле обзора появилась широкая равнина. В мерцающей дали, словно толстые голубые подносы, маячили стопки облаков. Горы остались позади, за серой линейной кромкой. Бет видела длинную дугу горизонта Чести, уходящую вдаль в бледное небо. Синева озер контрастировала с зеленью и коричневой землей. Внизу летели, помахивая крылами, крупные угловатые птицы с длинными мордами и желтыми гребнями на костлявых головах. Нахлынуло радостное удивление: Бет поняла, что начинается ее последнее и величайшее приключение, что ее судьба исследовательницы непокоренных просторов не изменяет себе. Ныне каждый следующий день нес бескрайние стран-

ности, вливался в текучую реку того, что некогда полагала Бет своим будущим в колоссальной Вселенной — большим, ярким и сияющим.

Она ездила когда-то на лошадях, ощущение внутри небесной рыбы было похожее. Где-то внутри огромной жилой полости зашипела узкая дуга водородного разряда, осветив синим сиянием полупрозрачную мебель. Интересно, это разряд в подъемном газе живого корабля? Как удается избегать тут случайных взрывов?

Беспокойство лишь навредит ясности мышления, рассудила она. *Просто смотри и пытайся понять.*

— Банкет ждет вас, друзья мои. — Крутильщик сделал широкий жест всеми руками. Она увидела тощих существ, чем-то похожих на Крутильщика, — худощавых, многоруких, быстрых. Они стояли, разглядывая гостей пытливыми зелеными глазами, ничего не говоря крупными уродливыми ртами-насосами. Потом выдвинули вперед набор странных покатых тарелок. Малые крутильщики отошли от стола и жестом помахали людям, приглашая к трапезе.

Клифф двинулся первым.

— Смельчак! — отдала она ему честь.

Он разломил исходивший паром желтый

панцирь и стал выскребать теплое белое мясо какого-то морского животного. Бет выбрала тарелку с крупным насекомым под кремовым соусом. Когда она потянулась к этому блюду, которое приняла за увеличенный аналог кузнечиков из корабельного меню, Крутильщик заметил:

— Тонкость в данном случае такова, что блюдо остается живо в процессе готовки.

Крупный жук засучил в воздухе длинными лапками.

— Это придает пикантный привкус термически обработанным белкам, — услужливо разъяснил Крутильщик.

— Значит, я должна его убить?

— С первым надрезом он испустит дух, — сказал Крутильщик. — Хотя имеются сведения, что ему самому процесс приготовления приятен.

Бет попыталась руками разломить толстые лапки и оторвать вкусные глазные стебельки.

— Вы же рассортировали это всё химически, так что мы не отравимся, верно?

Крутильщик кивнул и улыбнулся. Он делал успехи в человеческой бессловесной сигнализации. Бет надломила шишковатую лапку и вгрызлась в нежное, пикантное мясо. И хрустящее, с перечным ароматом, от которого пощипывало

губы, а в носовых пазухах оставался запах вроде крабового. Зеленый пудинг оказался слизневой плесенью, которая запустила зондирующие усики в рот, когда Бет попыталась ее прожевать. Аромат того не стоил. Бет выплюнула. На полу немедленно зарябила лужа и всосала выплюнутое.

— Наш хозяин получает удовольствие и благодарит вас за то, что вы с ним поделились.

— Хозяин?

— Этот корабль, естественно, наделен элементарной вежливостью. Все такие крупные создания обязаны. Ему нравится вас везти, как и выполнять некоторые другие обязанности. Детальное управление судном доверено существам меньше и умнее его.

Крутильщик жестом указал на более низкорослых крутильщикообразных, которые держались в тенях просторной каюты, точно вышколенные слуги из какой-то древней драмы. Они перешептывались между собой. Бет направилась к ним, Крутильщик поспешными танцующими движениями увязался следом.

— Спасибо за вашу работу, — сказала Бет.

Одна малая крутильщикообразная фигура откликнулась негромким писклявым голосом с

пришепетыванием:

— Вы гости, и мы к вашим услугам. Я Анарок, капитан.

— Здесь командую я, — сказал Крутильщик.

Анарок отмахнулась.

— Мы принимаем предложения от вас, высших, но командую здесь я. — Она подобралась и целеустремленно обернулась к Бет: — Насколько я понимаю, вы самка?

— Гм, э-э, да.

— Я предпочитаю сотрудничество особей женского пола. А вы нет?

— У меня нет предпочтений.

Крутильщик вмешался:

— Пол не важен. Я предпочитаю оставаться бесполым. Я хотел сказать…

— У вас вообще нет пола? — огрызнулась Бет.

Крутильщик сделал несколькими руками жест, аналогичный пожатию плеч.

— Меня проинструктировали соответственно для встречи с вами. Ваш вид придает большое значение подобным вопросам. Наш — как правило, нет.

Бет отступила от Анарок и шепнула:

— Почему? Разве воспроизводство для вас не имеет значения?

Крутильщик ответил:

— Вы биолог и представляете более простую биосферу. Просто примите как данность, что многим из нас нет необходимости размножаться.

— Почему?

— По вашим меркам, мы живем весьма долго. Мы снижаем популяционное давление, сохраняя нашу численность неизменной.

Анарок шагнула вперед и мягко проговорила:

— Не все. Я предпочитаю женский облик. Кроме того, я предпочитаю работать с самками!

Она развернулась к Крутильщику:

— Пожалуйста, оставьте свои комментарии, а того пуще — приказы для протокольных церемоний. *Я* командую этим кораблем.

Руки Крутильщика метнулись вперед, словно желая сграбастать Анарок, затем он остановился.

— Вижу, ваше погружение в женские потребности заставляет вас вести себя нагло.

Анарок замахала руками в повторяющемся круговом жесте досады. Лицо ее оставалось слишком чужеродным, чтобы по нему что-нибудь можно было прочесть. Оно напоминало ножку моллюска или присоску реморы.

— Я согласилась перевезти этих представителей гостевой расы, и не более того.

Крутильщик открыл рот, руки его сжались вместе, а потом он отступил, покрутил головой, прилагая явственные усилия для сохранения самоконтроля. Бет понемногу разбиралась в его мимике.

— Мне следует удалиться. — Развернувшись, Крутильщик именно так и поступил.

Бет оглядела своих. Люди ели.

— Я всё еще голодна, так что…

Клифф, явно заметив, что она выходит из себя, переключил на себя внимание Анарок:

— Благодарю вас за пиршество. Нельзя ли узнать подробнее о том, как всё устроено внутри этой, гм, небесной рыбы?

Анарок последовала за Бет к длинному банкетному столу. Отряд бодро уписывал чужацкий завтрак, обмениваясь впечатлениями насчет диковинных привкусов. Анарок обратилась к ним, сделав акцент на том, как ее команда независима от более крупных жизненных форм вроде Крутильщика. Бет подобрала ломоть чего-то мясистого, красного, с облегчением вгрызлась в него и отошла к прозрачному пузырчатому иллюминатору в стенке.

Они с тяжеловесной величественной неспешностью перемещались над заснеженными верши-

нами, напоминая корабль на море, лавирующий между рифов. Повсюду зияли вертикальные пропасти.

Бет внезапно задумалась о временах, когда она ходила в горы и однажды совершила ошибку, глянув вниз — как и сейчас. В то мгновение ее потянула сходящаяся за сотни метров внизу перспектива, и Бет чуть не свалилась в пропасть. Ухватилась за веревку, чувствуя себя слабой, точно щедро разбавленное подтаявшим льдом пиво, и поклялась, что никогда больше не предпримет ничего столь же рискованного. Каким-то образом это воспоминание задержалось с ней на века.

Она медленно дышала, овладевая собой, и продолжала жевать мясо. Аромат возвратил ее мысли к вездесущему настоящему: оно постоянно рядом, хочешь ты того или нет.

Палуба качалась, через пузырчатый иллюминатор Бет видела, что небесная рыба лавирует на сильном ветру. Зеленые столовые горы манили.

Вдалеке высился боковой шпиль Паутины. Под таким углом можно было различить уходящий кверху ее экспоненциальный изгиб. Аналогичный, но менее масштабный видела Бет девчонкой в Париже. Простая физика диктует одинаковые решения: экспоненциальная дуга взбиралась

через стратосферу Чести и дальше, в космос, где гравитация уже бессильна.

— Надо бы прогуляться снаружи, разведать местность, — сказал Клифф. — Вскоре протокольная поездка окончится, а те высоты впереди выглядят перспективно.

Бет кивнула. Она дала сигнал готовности команде и отправила краткое сообщение Редвингу. Она заметила, что капитан отслеживает их аудиовизуальные сигналы, но хранит молчание. Она подошла к Анарок, желая втянуть инопланетянку в разговор.

— Мы обновили нашу лингвистику вашего наречия, — сказала Анарок.

И издала квакающее карканье, в котором Бет узнала имя Крутильщика на местном языке. За ним последовали жалобы на рукоприкладство, высокомерие и всякие безрассудства, характерные для «крутильщиков» при взаимодействии с командой небесной рыбы. Бет внимательно слушала, кивала и ничего не отвечала. Ей впервые предоставилась возможность разобраться в напряжениях между различными племенами здешних разумных чужаков. Кажется, сплетни и жалобы — явление универсальное.

Спустя час отряд разделился и стал двумя груп-

пами покорять гору, поднимаясь по разным берегам реки, энергично бегущей по склону. Крутильщик провел гостей через боковую трубу, а оттуда их выдуло сквозь серо-зеленую гору на богатый растительностью склон.

Бет разослала разведчиков в оба конца, как поступила и Вивьен на противоположном берегу. Каждая группа не выпускала другую из виду. Они внимательно следили за происходящим вокруг. Никаких признаков плотоядных кенгуру, а тем паче огнезадых драконов, с которыми довелось столкнуться в Паутине. Тем не менее Бет всё еще было не по себе.

Крутильщик игнорировал ее проблемы. Пока отряд поднимался в гору, а Бет делала заметки о местной фауне, Крутильщик болтал:

— …после анализа предоставленной вами библиотеки данных о человеческой культуре следует отметить, что вы… удачно приспособлены.

— К чему именно? — уточнил Клифф.

— Как вид вы демонстрируете технологическую одаренность, но совмещаете ее с философским мелкотемьем. Увы, это обычная ситуация среди развивающихся разумных рас. Но в последнее время нас заинтересовало именно ваше животное свойство физической экспрессии. Вы часто не

отдаете себе отчета в своих поступках — что делает их тем выразительнее. Ваши бессознательные компоненты личности во многих аспектах более интересны, как полагаем мы, глорианцы. Это свойство также характерно для развивающихся разумных рас. То есть — для тех, кто еще не развил у себя высокую внутривидовую вариативность посредством мастерской коррекции собственных геномов.

— Наши подсознания? — переспросила Бет.

Она стремительно двигалась вперед, чувствуя себя сильной в пониженной гравитации.

— Ваше изобретение, хотя и у других имеются подобные. В частности, для многих видов древней Чаши Небес это характерно, как мы знаем из истории. Те, кто именуют себя Народом, оставили сии внутренние барочные экстравагантности.

Бет заметила, что Крутильщик и словом не обмолвился о Беморе-Прим, который держался поодаль. Крутильщик не выказывал и никакого страха перед исполинским паучарой — не потому ли, что где-нибудь в матрице Паутины найдутся и такие? И ничем не выдавал, известно ли ему, что Народ Чаши умеет инсталлировать себя в подобные тела.

Крутильщик выманивал Клиффа на дискус-

сию о том, позитивна ли роль бессознательных уровней личности в широкой перспективе эволюции. Клифф отмахивался от чирикавшей поблизости птицы и продолжал попытки вытянуть из Крутильщика подробности. Таких птичек, маленьких, коричневых, носилось вблизи множество; они напоминали колибри своими пронзительными криками и ожесточенным трепетанием крыл.

— Мы прибыли к вам, разве не так? — говорил Клифф. — Это ведь не вы к нам прилетели.

Руки Крутильщика заплясали в воздухе.

— Действительно. Мы отказались от подобной практики в старину.

— Почему?

— Слишком мало перспектив по соседству. Включая ваш прекрасный мир.

— А что с ним не так?..

— В ту пору не существовало там разумной жизни, за исключением океанов.

— Так давно?

— По вашему счету было это немногим ранее миллиона лет назад.

— Тогда уже существовали вполне сообразительные гоминиды.

— Ах, но *гоминиды* значит «человекоподоб-

ные», не так ли?

— Ага, приматы вроде нас. Они умели пользоваться орудиями труда. Были знакомы с огнем, кремневыми…

Крутильщик помолчал, расслабленно свесив руки. Клифф покосился на Бет. Они обменялись взмахами рук — условным жестом, говорившим, что инопланетянин, судя по всему, консультируется с внутренним каналом данных. Крутильщик заговорил снова, более равнодушным тоном, словно зачитывал, вещал:

— Действительно, похоже, что наша автоматическая экспедиция сочла их достаточно интересными. Однако наш корабль предпочел запустить зонды в ваши моря и пообщаться с тамошними водоплавающими формами жизни.

— Дельфинами? — спросила Бет. — Китами?

— Без рук они, как и многие им подобные на других мирах, наделены лишь способностью к общению, а подлинной реализации своего гения достичь не в состоянии. Да и морские свиньи тоже.

Бет продолжала нестись по угловатой зеленой долине. Она хмыкнула.

— Некоторые из нас считают, что величайшее проявление гения морских свиней в том, как им

ничего в особенности не требуется, чтобы эту гениальность подтвердить.

Крутильщик увлеченно заводил руками в воздухе.

— Их мудрость доказывается пирамидальным молчанием. Их свобода позволяет странствовать без ограничений с морскими ветрами вокруг вашего мира.

Клифф отмахнулся от пары птиц, круживших вокруг его головы. Бет осознала тогда, что юмор Крутильщика несколько агрессивен, заметила, что тонкие губы чужака опущены и скошены.

— Вы почерпнули эту информацию от зондов, посланных в далеком прошлом. Следовательно, вы тоже проходили через экспансионистскую фазу.

— Мы об этом узнали от таких форм, как ваши морские. Здесь подобный им разум не эволюционировал.

— Почему тогда вы не колонизировали Землю? — спросила Бет.

— Вместо этого мы решили сосредоточиться на уроках, выученных в том обширном прошлом.

— Уроках? На каком материале?

— Вашего мира и других, менее ласковых. В особенности же Чаши.

— И чему они вас научили? — настаивала Бет.

— Ценности территориального охвата. Но, несмотря на ущербную сагу их, они странствуют в сияющем великолепии и многим рискуют.

Клифф уточнил бесстрастно:

— Значит, у вас с ними случалось противостояние?

— К несчастью, из нашей истории явствует, что это так.

— Какой-нибудь межвидовой обмен? — скучающим тоном спросил Клифф.

— Да, хотя, разумеется, с течением времени первоначальная форма тех видов претерпевала изменения.

— А водятся тут существа, подобные нашим дельфинам?

— Некоторые. Хотя не всегда в морях.

Бет поинтересовалась:

— А можно с такими встретиться?

— Всему свое время. Эта фраза вам, вероятно, известна.

Бет о многом говорила походка Клиффа, его легкие нервические подергивания из стороны в сторону рядом с бурным речным потоком. Клифф не поспевал за своей фрустрацией, дипломатия не относилась к его сильным сторонам.

Бет мягко произнесла:

— Почему же мы видим лишь вас, единственного представителя сообщества, которое должно исчисляться, вероятно, мириадами видов?

Крутильщик остановился как вкопанный лицом к Бет.

— Я послан оценить вас. Другие наблюдают через меня. Вы должны отдавать себе в этом отчет.

— Да мы, в общем, догадывались, — сказал Клифф. — А кто еще подключен?

Остальные члены отряда, следуя приказаниям Бет, держались поодаль. С Крутильщиком предстояло общаться ей как старшей. В воздухе над головами кружились и кричали всё новые птицы. Солнце поблескивало на их оперении. Крылья вздымались высоко, в верхних точках траектории полета птицы врезались друг в друга и пощелкивали при этом.

Крутильщик делал руками плавные успокаивающие жесты.

— Мы осторожны. Я — расходный материал. Мы верим в откровение через непосредственный опыт, а не тиранию болтовни.

Клифф встал, уперев руки в бедра (Бет видела этот жест у шимпанзе и догадалась, что сейчас последует).

— Вы осторожничаете, а ваши приятели между тем убили двоих наших.

— Ваша собственная история, беспрепятственный и бесстыдный доступ к которой открыли вы нам в своих обширных файлах культурных данных (с чем я вас поздравляю, ибо это подлинно зрелый шаг), хорошо иллюстрирует вашу натуру. Вы уничтожили многие виды-спутники вашего мира, совершив классический проступок развивающегося сообщества. Но к своим потерям вы относитесь как к трагедиям.

— Мы, блин, *заботимся* друг о друге, вы еще не поняли? — Клифф еле сдерживался. — Мы сюда не затем прилетели, чтобы к вам в зоолабораторию подопытными зверушками завербоваться!

Бет протянула руку, сложив пальцы в щепоть, что у них означало сигнал остановиться. Клифф склонил голову.

— Друг Крутильщик, почему бы вам не рассказать нам, как вы себе представляете эволюцию молодого вида вроде нашего?

Крутильщик провел руками по бокам в глорианском жесте, который, как выучила Бет, был призван разрядить обстановку и начать диалог заново.

— Насколько я понимаю, вы развились в ходе

наземной эволюции приматов — существ, которых вы именуете обезьянами. Если бы обезьяны по какой-то случайности лишились рук — и в некотором смысле восторжествовала моральность, — то и ныне оставались бы философами, рассуждая в расплывчатых категориях абстрактной мудрости. А отступление — просто чтобы посмотреть, например? — в моря лишило бы вас способности обрушивать катаклизмическую мощь своего разума на тело планеты. Вместо этого вы бы, подобно морским свиньям, жили и блуждали бездомными по воле ветров и океанских течений вокруг мира. Разумными, спору нет. Но вечно одинокими и любознательными наблюдателями неопознанных обломков, например, таких, как посланный к вашей планете корабль нашей цивилизации, чудесным образом падающий сквозь вечное сияние океанской голубизны.

Бет перебила:

— Приматы в моря никогда не возвращались. Морские свиньи, киты — эти происходят от копытных животных.

Крутильщик пренебрежительно отмахнулся от этой детали.

— Мое замечание носит, как вы бы сказали, риторический характер. Этот маршрут, быть мо-

жет, привел бы вас к заслуженному искуплению, преобразил бы в окончательную форму человека. Возможно, подобная трансформация вернула бы вам то ощущение невинности, какое утрачивается с концом детства. Вы, быть может, стали бы изучать другие разумные формы своей планеты, познали бы лучше многие иные живые виды. И всё это — не имея доступа к безграничной власти и стремлению вредить, которым вы знамениты. Задумайтесь, и, возможно, проникнетесь хотя бы мимолетным предвкушением: настанет день, и, вполне вероятно, морские свиньи заговорят с нами, глорианцами. В таком случае можно будет констатировать, что это мы помогли вам разъять великое одиночество, столь часто превращавшее человека в источник зла и ужаса даже для него самого.

В наступившем за этим молчании Бет снова задумалась об уроке, ценой значительных мытарств выученном в Чаше: пока не встретишь инопланетный разум, не поймешь, что такое быть человеком.

Клифф покачал головой, крепко сжав губы и напрягая плечи.

— Ну да, мы убиваем, чтобы есть, — но пока что ваши гребаные дружки убивали наших для той

же самой цели. Кенгуроиды ведь тоже разумны. Вы что, совсем не уважаете тут права разумных видов?

Крутильщик исполнил неплохую имитацию человеческого пожатия плечами, хотя плечи его были слишком жидки — сущие мышечные волны, накатывавшие от шеи к кисти, — чтобы жесту этому мог он придать убедительное эмоциональное значение.

Потом остановился неподвижно, выпрямился и сказал медленно, с необычным выражением серьезности и достоинства:

— Да, но разум обязан понимать, как устроена реальная Вселенная, чьи логика, механизмы и время производят на свет нас всех. И мириться с нею. Я знаю, что меня ждет смерть. Вы также. Законы эволюции диктуют это. По истечении возраста последней репродуктивной активности мы не имеем шансов продержаться до следующего поколения на одной лишь генетике. Всё наше долголетие после этой отметки порождается общественными силами, помогающими еще некоторое блаженное время сохранять в нас жизнь. Для вас, людей, этот срок измеряется приблизительно пятьюдесятью годами. Для нас — двумя сотнями: да, мы добились известного

прогресса по сравнению с вами. Однако я не боюсь смерти, потому что верю, что по ту сторону смерти бояться нечего.

— Гм, — протянул Клифф, — а вот я, черт побери, еще как боюсь.

— Грустно это слышать, — отозвался Крутильщик.

Бет шагнула между ними.

— Послушайте, мы ж не дельфины. Косатки их убивают и поедают, и ничего с этим нельзя сделать. Но мы-то можем защищаться! Если ваши дружки, иные виды, примутся нас атаковать, мы убьем многих быстрее, чем вы сосчитать успеете.

Крутильщик снова изобразил странный кивкоклон.

— Вы по-прежнему остаетесь сельскохозяйственной цивилизацией, пускай и стремительно расширяетесь за пределы своей планетной системы. Это привносит исторические тяготы.

Клифф снова гневно потряс головой.

— А у вас? У вас сельского хозяйства, что ли, нет?

Крутильщик уставился непреклонным взглядом вдаль поверх голов людей, словно судья в жюри.

— У нас есть. Но большинство из нас предпочитают то состояние, какое дарует нам природа — вы бы назвали это *дикостью*. Это не равнозначно низкому уровню интеллекта.

Бет стало не по себе.

— Так что плохого в сельском хозяйстве?

Крутильщик обвел жестом леса и горы вокруг.

— Некоторые виды предпочитают такое. На этих мирах и в Паутине, как вы ее называете, таких большинство. Это, так сказать, наше естественное эволюционное окружение.

— Вы эволюционировали здесь, а не на Глории?

— Множество генов Глории несем мы в себе, но, разумеется, Паутина полностью искусственного происхождения, и ее среда восстанавливается снова и снова. Глорианские виды вымирали и возрождались методами искусства и догадок. Наша родословная длинна.

— Глорианская?

— В основном нет, ибо, когда вырвешься из хватки Глории, места и возможностей открывается больше. Вам также следует сосредоточиться на подобном освобождении. В некотором смысле вы подобны нашим древним предкам.

Бет размышляла, почему Крутильщик вечно

увиливает от вопросов о Глории. Она решила пока не настаивать на ответах: дипломатия — искусство вежливости, хотя бы притворной.

— Мы перешли к сельскому хозяйству, когда слишком размножились, и дичи перестало хватать на всех.

— Почти так же получилось и у нас. И мы миновали свою агрикультурную фазу. Мы хорошо выучили ее урок: ассоциация сообществ. Семьи, связанные группы, кланы десятка и более семейств, слияния кланов. Затем, по мере увеличения численности крестьян, наступает классовое расслоение. Возникают города. Государства. Вам, как и нам тогда, требовалось селиться вместе крупными группами. Ключевое значение приобретают союзы. Дружба закрепляется совместными трапезами, бракосочетаниями, даже коллективной дефекацией, если таковы вкусы вида. Спать вдвоем всего практичнее, хотя иногда бывает целесообразно заводить больше партнеров. У развивающихся видов спонтанным образом формируются нейрологические субстраты, закрепление и обучение которых происходит через эмоции. Поистине ключевой маршрут развития высших форм интеллекта! Прикосновения, запахи, рукопожатия, слияния отростков,

длительные ассоциации на уровне гормонов и специализированных химических веществ — как это обычно! Мыслить и чувствовать зачастую становится одним и тем же, ибо всё живое стремится к радости. Эволюция требует этого.

Бет собиралась наконец перебить чрезмерно разговорчивого чужака, как вдруг заслышала вопли и птичьи крики. Отвлекшись на Крутильщика, она дала застигнуть себя врасплох.

Шею обожгла боль. Крылья заколотили по голове, птица взялась клевать шею. Бет отмахнулась, выхватила нож и увидела, что стая птиц атакует весь отряд. Слышались визги и свист. Бет рубанула птицу. Лезвие скользнуло между перьев. Птица громко закричала, забила крыльями по воздуху — и, поймав воздушный поток, упорхнула прочь. Бет вернула лезвие в ножны и другой рукой выхватила лазерный пистолет. Его луч ударил в птицу на лету. И отразился. Птица кувыркнулась в воздухе, завизжала. Бет выстрелила снова и промазала. Птица стремительно унеслась.

Бет увидела, как от других птиц тоже отражаются лазерные лучи. Быстрые вспышки, судя по всему, не причиняли никакого вреда.

— Цельтесь в головы! — скомандовала она.

Коричневый пернатый дротик метнулся к ней, широко разевая клюв. Бет выстрелила птице прямо в голову. Сработало. Та взорвалась. Птица с кровавым хлюпаньем врезалась в грудь Бет и свалилась на землю. Стало ясно, что у птицы в голове искусственные слои вроде компьютерных чипов.

Клифф выстрелил трижды и сбил два быстрокрылых живых дротика. Бет выцелила следующую птицу и двумя выстрелами прикончила ее.

Крутильщик, заметила она, лежал на земле. На спине. Он не был ранен. Он лишь отгонял птиц, когда те проносились поблизости. Он даже не производил чрезмерно обеспокоенного впечатления.

Вдруг голос Крутильщика возвысился до крика, пронзительного вопля. Птицы тотчас рассыпались. Улетая, они рассредоточились так, чтобы их сложней было выцеливать.

— Черт побери! — заорала Бет на Крутильщика. — Какого хрена ты не предупредил нас?

— Это испортило бы вам сюрприз, — плавно откликнулся чужак.

Бет ощупала шею. Из свежей раны сочилась кровь.

— Опять ваша разумная дикость, ага?

— Их стайный разум желал познакомиться с вами. Пролетая мимо, они могли считать излучения ваших умов — электромагнитные, хотя и устрашающе слабые.

— А не проще было бы просто снизиться к нам и спросить? — огрызнулся Клифф.

— Я решил, что пускай уж эта небольшая стычка останется единственным дозволенным им подходом.

— Подходом?! — гаркнул Клифф и прицелился в Крутильщика из лазера.

Бет шагнула между ними:

— Нет. Сначала посмотрим, как там наши.

Птицы клевали шеи и били крыльями, но существенного вреда не причинили. Отряд, однако, разозлился. Вивьен выместила зло на мертвых птицах, оттоптавшись по ним ботинками, так что тела трещали и хрустели. Местами из птичьих тел просверкивали металлические части, а в головах виднелась миниатюрная начинка, похожая на аппаратуру связи.

Крутильщик с олимпийским спокойствием наблюдал, как Бет опрашивает членов отряда. Потом поднимает мертвую птицу и разглядывает перья. Те скорей напоминали блестящие платы с кристаллическим покрытием.

— Они отразят нож и даже лазер, — сказала Бет Клиффу, показав ему труп.

Крутильщик лениво взмахнул рукой.

— Стая хотела попробовать вас на вкус. Судя по всему, вы показались им непривлекательными. Ваши ментальные рисунки, которые они пытались расшифровать, сочтены труднопонятными — запутанными. Более того, они не ожидали встретить отпор и потерять столь многих соплеменников. Вы проявили себя более грозными противниками, чем полагала стая. Среди летающих разнесут они слово. Теперь станут уважать вас.

Клифф зыркнул на чужака и гневно удалился.

Бет озадаченно качала головой, глядя в небо, где не осталось ни одной приставучей птицы. Зато возник зинго. Нет, два зинго.

Всё еще не избавившись от раздражения, она выхватила лазер и трижды быстро выстрелила. Выстрелы озарили сложную структуру. И больше ничего. Зинго рябили и зависали в воздухе. Время от времени мерцающая текстура их уподоблялась бархату, а оттенок — слоновой кости.

— Чтобы рассчитывать на какой-то эффект, — спокойно прокомментировал Крутильщик, — нужно приложить более существенную мощ-

ность.

— И что они тогда сделают?

Клифф откликнулся позади:

— Ну, может, из них искры полетят. Как из хвоста моего кота, когда он его в тостерницу сунул.

Крутильщик покачал головой.

— Они суть наблюдатели, и только. Не проявляйте агрессии к ним.

— А почем нам знать?

— Они придут к выводу, что вы неприятные типы.

— Еще нет. Пока нет. — Она мрачно уставилась на Крутильщика. — Вы поймете разницу.

— Они, говоря вашими приматскими терминами, принадлежат к другой филе.

— У меня такое впечатление, что не просто к филе, а к другому царству жизни. Нам известны животные, растения, грибы, простейшие, эукариоты. А эти, зинго, как я их называю…

— Они скорее к другому физическому классу принадлежат, — сказал Крутильщик. — Вы называете таких плазменниками. Но, будучи раздражены, они переходят в конденсированное состояние. Даже могут зависнуть подобно облакам жидкости.

— Раздражены?

— Не злите их.

— Значит, они ваши начальники?

— Это было бы не вполне точным определением.

— Вы работаете вместе?

— В одном из ваших старинных мест, Англии, бытовала поговорка: какой смысл покупать собаку, а потом лаять вместо нее?

23. Сиятельный камень

Язык похож на надтреснутый котел, по которому мы выстукиваем мелодии, звучащие так, как будто они предназначены для танцев медведя, а мы бы хотели тронуть ими звезды.

Гюстав Флобер

Бет смотрела, как мимо проносятся сероватозеленые горные массивы Чести. Небесная рыба без труда поднималась на значительную высоту, парила над облаками цвета слоновой кости, подобными сияющим эфирным блинчикам, уложенным стопками на противне. Животных здесь водилось мало. Некоторые напоминали воздушные шары, розовые, с плавниками, словно у рыб, шириной около метра, и дрейфовали парами. Ширококрылые чешуйчатые птицы держались ленивыми стаями и небесной рыбы избегали.

— Как вам удается забираться так высоко? — спросила Бет у капитана, которая остановилась рядом у наблюдательного пузыря.

На такой высоте кожица пузыря подвергалась воздействию меньших давлений и выступала

дальше. Бет чудилось, что она сама невесома, точно странствующий вместе с воздушными течениями призрак.

Капитан крутила головой на поражающие воображение углы, следя за небесами. Руки, когда Анарок ими не пользовалась, висели вдоль тела.

— Наша добрая хозяйка, небесная рыба, просто генерирует больше питательного водорода. Так… — она взмахнула рукой, — раздувается ее обширное тело.

— А как зовется наша «хозяйка»?

— Она носит почетное и вполне заслуженное имя Покорительницы Облаков.

Капитан разговаривала текучим негромким голосом, но согласные произносила хлестко, жестко, и ее крупные глаза засветились гордостью при имени небесной рыбы. Бет с некоторым трудом заставляла себя не смотреть Анарок в рот.

С подъемом в верхние слои атмосферы небесная рыба стала сильнее напоминать воздушный шар, и Бет размышляла, как существу удается растягивать себя. Проходя по теплым телесным коридорам, она слышала стонущие и потрескивающие шумы: вероятно, сам скелет рыбы обладает эластичностью, но будто возмущается, меняя форму.

— Приближаемся к опытному Наблюдателю, — сказала капитан, указывая куда-то суставчатой рукой.

Бет взглянула: поблизости летал зинго, на вид более плотный, чем замеченные ранее.

— А за кем наблюдают они?

— За вами, незнакомыми чужаками. Я так подозреваю.

— А кто они такие?

— Мудрые порталы пребывающей Суммации.

Уклончивая манера капитана изъясняться, по ощущениям Бет, на что-то намекала. Речь Анарок отличалась от манеры Крутильщика: капитан неизменно вставляла характеризующее прилагательное перед существительными, дикция ее была плавной, выговор — мелодичным. Крутильщик подобной эмоциональной окраской пренебрегал, предпочитая хранить некоторую таинственность. Она нахмурилась. Капитан объяснила:

— Наш способ постижения вашей интригующей породы — наблюдение издалека. Те Крутильщики, как зовете вы этих пытливых созданий, относятся к более целеустремленной и инвазивной разновидности.

Голос Анарок стал сухим и мягким, как истер-

тая кожа. Она отличалась от Крутильщика и физиологически, но не очень существенно. Бет подумала, что чужакам мужчины и женщины людей в практичной и строгой экспедиционной одежде тоже должны казаться похожими.

Поблизости одна из чешуйчатых птиц, парившая в одиночестве, внезапно нырнула к дирижаблеподобному существу. Широкие челюсти распахнулись, охватили круглую розовую тушу, и из рыбьей пасти с шипением вырвалась воздушная струя, конденсируясь в туман. Атака сдула внутренний мешок, но на этом всё — добыча ускользнула. Совершив хорошо различимый мощный глоток, птица воспарила и вернулась к стае.

Бет прекрасно понимала, что в любой биосфере происходят бесчисленные трагедии, творятся масштабные злодейства. Ей доводилось погружаться с командой исследовательского судна в земной океан (она забыла, в какой именно), среди косяков криля: они будто в суп из крошечных серебристых рачков окунулись. Бет смотрела, как киты, морские котики, пингвины, кальмары и рыбы истребляют криль тоннами: в самом низу пищевой цепи океана разворачивалось обыденное массовое убийство. Косяки животных шли в

пищу более крупным зверям, и никому не было до этого дела, поскольку у морских обитателей не возникло культуры с понятием о зле и преступлении. Иногда отсутствие интеллекта становится благословением.

По пути сюда они уже повидали странные формы жизни. Крутильщик назвал одно растение «капканочелюстником»: рогатый, шкафчикообразный ствол с парой продолговатых челюстей. Растения выработали способность охотиться на животных. У ползучего петлевика имелись корни и стебли, уподобленные языкам и лассо. В одной роще толстых, жирных деревьев секция коры широко раскрылась, обнажив бледную смертоносную пасть. Крутильщик назвал ее хватоустрицей и сообщил, что это дерево охотится на неосторожных маленьких животных. Дерево, умеющее переваривать плоть.

Видела Бет также стада и группы животных с рогами, когтями, ударными хвостами, бронещитами, иглами, костяными саблями — вооружением, мало отличавшимся от земных аналогов: для засады и обороны против хищников, для подчеркнутого господства, для брачного ритуала, а не только для трапезы.

Бет подняла глаза к небу проследить полет

бледно-голубых птиц с угловатыми крыльями. И вдруг, словно уловив чужой взгляд, стая образовала ряд символов:

!!!

— Э?

Бет обернулась к Крутильщику, который ломал тремя руками какое-то панцирное создание. У него выдался поздний завтрак.

— Наверное, они приветствуют вас, — предположил чужак.

— А может, и нет, — сказал Клифф, у которого сделался озабоченный вид.

Птицы перераспределились, образовав четкий ряд вопросительных знаков:

???

— Страх маскируется под прокрастинацию, — плавно отвечал Крутильщик. — Позвольте себе приземлиться, рассредоточиться и исследовать окружающий мир. Вы многое узнаете.

Они проворно спустились по губчатому пандусу языка небесной рыбы. Отряд внимательно разглядывал окрестности. Воздух был прохладен и разрежен по сравнению с утробообразными внутренностями живого судна.

Клифф оглянулся на громаду небесной рыбы и увидел, что та раздулась сильнее прежнего,

темная кожа ее сделалась блестящей от натуги. Они стояли у широкого горного пика, на мягком ветерке, приносившем ароматы зелени и влажной почвы. Под ногами протянулись широкие пласты серой скальной породы, ведущие вверх. По небу двигалась чирикающая стая созданий с возбужденно трепетавшими крыльями и неправдоподобно широкими пастями. На людей внизу они внимания не обращали и знаков препинания в этот раз не рисовали.

Капитан небесной рыбы пожелала отряду Бет удачи:

— Узнайте многое, смелые исследователи из худощавого вида!

Рыба меж тем будет кормиться и ожидать их возвращения.

Клифф вместе с остальными вышел на край крутого обрыва. Бет расставила команду в боевую формацию. Им открывалось величественное зрелище покатых склонов, напоминавших смятые килты с инкрустацией из темных драгоценных камней. Приблизив картинку в бинокле, можно было рассмотреть на месте черных объектов многостенные каменные башни словно бы из сверкающего обсидиана вроде зловещих замков земного средневековья. Какие-то крупные

создания двигались вокруг них, судя по всему, работали на полях, словно исполинские кони.

В приближении стали заметны и наклонные зеленые дома на шестах: рядом с ними отирались дирижаблеподобные существа — вероятно, кормились на вынесенных платформах. Длинные полые кактусы, используемые как жилища. В воздухе выписывали петли серебристые торпеды с паутинно-тонкими крыльями — что это, брачные танцы? Ниже по склону, но ближе к отряду колышут ветвями тонкие древовидные структуры, хотя ветер не слишком сильный. Возможно, подтягиваются вверх, рассчитывая на визит небесной рыбы? Трудно постичь принципы работы здешней экологии. За завтраком она производила странное, но приятное впечатление: хорошо было потягивать фруктовый напиток или выедать мясистые личинки из уховидных раковин. Бемор целиком проглотил кошкообразное существо — живое или мертвое, судить было сложно.

— Любопытные зрители! — окликнул их приблизившийся Крутильщик. — Давайте исследуем самые высокие склоны! Оттуда открывается еще более чудесный вид.

— Почему же небесная рыба не подняла нас на

самый верх? — спросила Бет.

— Тяжело ей достигать таких высот. Воздух здесь на сорок процентов менее плотный. Достойно с вашей стороны будет помочь большому зверю и переместиться самостоятельно.

— Приятно размять ноги, спору нет, — жизнерадостно ответила Бет.

Клифф увидел, что ей охота подвигаться, обследовать окружающее.

Вид открывался шикарный. Они шли по берегу журчащей пенистой речки: сбегая по крутому склону, поток издавал мелодичное бульканье. Подниматься нужно было по листам каменной породы, в пронизанном жужжанием мошкары тепле длинных и знойных даже на такой высоте дней Чести. Эскадроны насекомых испускали мерное гудение, похожее на исполняемый фоном гимн или шелест от вдуваемого в ухо дыма.

Клифф вдыхал влажный воздух и вспоминал, что на Земле пустынные растения защищаются от зноя, закрывая на день тычинки. А ночью распускаются вновь. Это позволяет вобрать побольше углекислого газа и испарить поменьше влаги. Здесь, на Чести, дни длинные, но в воздухе явно хватает воды для растительного обмена веществ и производства кислорода. Значит,

влажность высокая. Отсюда и мощные бури, и плотный ароматный воздух, и бурные реки, которые приходилось перелетать или переходить вброд; и мгла оттенка слоновой кости, поднимавшаяся с голой земли и полностью закрывающая даже низкие впадины.

Он задумался, не обусловливает ли каким-то образом влагосодержание на большой высоте переливчатые песни взлетающих птиц. На каменистом склоне команда заметила нечто вроде конечностей или отростков лишайника, а это оказались небольшие зверьки, искусные в маскировке. При внимательном осмотре выяснилось, что это даже не животные, а растения, которые, однако, отдергивались, стоило приблизить к ним руку: их будто пугало столь бесцеремонное вторжение. Бет зачарованно склонилась над подвижной моховой кочкой, пока остальной отряд двинулся выше по склону.

Они почти добрались до вздымающегося края большой серой плиты, когда на Клиффа накатила сложноописуемая дрожь. Он зашатался. Каменные стыки словно бы начали флуоресцировать, источая оранжевое, красное и голубое сияние, такое яркое, что его можно было наблюдать при дневном свете. Притяжение негромко шепчущей

магнитной текстуры стало покалывать подошвы ботинок, словно тоненькими шипами.

Бет спросила напряженным голосом:

— Что происходит?

— Просто голова закружилась на секунду, — ответил Клифф.

Но ощущение не пропадало.

— Гм. У меня… тоже.

Члены команды возбужденно загалдели. Они тоже почувствовали это. Даже Бемор распростер лапы, покрепче хватаясь за скалу. Эшли Траст вытащил оружие и принялся настороженно озираться.

Они придвинулись плотнее друг к другу и продолжили путь. Переговаривались вполголоса, делая долгие вздохи в сухой разреженной атмосфере. Не привело ли их упрямство к тому, что даже камни ушли из-под ног? Смерти коллег оказывали гнетущее воздействие, вдобавок Бемора с собой тащить было нелегкой задачей. Волнение группы не укрылось от Клиффа. Вивьен замыкала построение слева, глаза ее были затуманены. Клифф же выпятил подбородок и прищурился, глядя вдаль. Напряжение непривычной среды.

Каньоны рассекали камень, словно ножевые раны серую плоть. Опустив голову, чувствуя

жужжание в черепе, Клифф изучал скальную породу под ботинками. Пока он поднимался по склону, странные грезы, точно суккуленты, коварно заползали в его разум. Безмолвные пассажи бесцеремонно запархивали в голову, оставались там на гнездовье и снова невозмутимо улетали. Вместе с мерцанием и всплесками доносился негромкий вкрадчивый шепоток. Смыслы таились сразу под серыми зернистыми поверхностями. Песок рассказывал свои истории возносящимся колоннам воздуха. Выходы кристаллических пород отмечали кипение чего-то вроде континентальной магмы где-то глубоко внизу. Искрящийся дождь прилетал на крыльях бриза и тонул в раскрывающейся, точно на шарнире, пропасти под ногами. Яростная радужная арка соединяла мостом каменные карнизы. Он моргнул.

— Что… происходит?.. — насилу выговорила Бет.

Он с натугой повернулся в ее сторону. Весь отряд растянулся по каменистому склону. До некоторых, по впечатлению, было метров сто. Все двигались медленно, будто под водой. Клифф тоже. У подножия, в дымке, все так же мельтешила зеленая долина. Две разные шкалы времени?

Он ощутил шелест под ногами. Камень замерцал и сотрясся. Внизу, в скальной толще, двигался его теневой двойник, но не поднимался к зернистой каменной поверхности, а, наоборот, уходил глубже. Перемещался в пределах скалы. Что-то вроде колоссального ската с руками: существо скользило в темных подповерхностных водах, бурлящих активностью. Клифф нагнулся и постучал по поверхности иллюзорного моря. Он услышал звук: *тинь-тинь*, оловянное эхо. Затем донесся низкий скрежещущий стон, словно из дальнего далека, вторичный гулкий отзвук этого постукивания. Разбуженная тьма неспешно поднялась из глубины, будто чернила, расходящиеся в молоке. Тучи в каменных недрах? Жизнь? С мягким звуком «туньк» темный туман, как показалось Клиффу, пристыковался к поверхности. Было похоже, будто тьма отчаянно ищет что-то.

— Это место… живое, — выговорила Бет.

Голос ее показался монотонным, удопплеренным.

Он попытался подпрыгнуть, посмотреть, переместится ли темная личность внизу. Она приобретала всё большее сходство с ним самим: теневое зеркальное отражение вглядывалось в него снизу вверх. Он закряхтел, поднатужился…

Ноги не отрывались от камня. Он приложил все доступные ему мышечные усилия. Ничего.

Его пришпилили.

Скальный слой щетинился и посверкивал сдерживаемой энергией. Теневой двойник внизу словно бы тянулся к нему, жаждал, стремился. Ног у него, однако, не имелось, одни только руки. Наклон головы, затененные глаза: всё словно бы умоляло. Клифф задумался, откуда это знает, и пришел к выводу, что дело тут в считывании телесных поз. Возможно, среди живых форм они универсальны? Либо же весь приматский набор кинестетических примочек эволюционировал здесь независимо, по конвергентному механизму, обусловленному потребностью общаться. Если так, то, на какой бы планете ни происходило дело, мириады едва уловимых деталей могут рассказать понятную историю.

— Что ты *такое*? — раздраженно окликнул Клифф плавающую под поверхностью скалы теневую фигуру.

Существо выгнуло голову назад, стали видны его нос, глаза, рот, и под ногами у Клиффа прозвучала протяжная басовая нота:

— А что *ты* такое? Архитектор умов? Геозоолог?

— Я исследователь. Человек. Только что прибыл.

— Дай… мне… время… на изучение. — Слова растягивались, гласные становились звучней.

— Я поэтому и спросил.

— Мы оба… научимся.

— Что ты желаешь узнать?

— Тебя. Познать… твои… слои.

— Слои?

Речь издавалась всей поверхностью камня, словно скала стала вибрирующим усилителем. Фигура в недрах по-прежнему имела нечеткие очертания, и Клифф не различал мгновений, когда ее губы шевелились.

— Мы живем… медленной жизнью… в великолепном сиятельном камне. Вы… другие. Вы… состоите из хрупких молекулярных связей… погруженных в промежуточное. Вода придает вам форму.

Клифф вспомнил, что в Чаше тоже водятся каменные интеллекты. Но те были инертные, медлительные. Этот разум быстр. А на внешней поверхности Чаши ползают Ледоразумы, скрытные создания, хранящие память о странствиях Чаши за много эонов. Эти твердые формы жизни эволюционировали в далеком прошлом:

каменные интеллекты — на жарких планетах, Ледоразумы — на окраинах звездных систем. Что же собой представляет флуоресцентная скала, пришпилившая Клиффа?

— Отряд, собраться вместе, — передала по связи Бет.

Вивьен бросила взгляд вокруг и поторопила отстающих. В воздухе повисло зловещее напряжение.

Давление явилось вместе с глубинной басовой нотой. Клифф чувствовал, как, откликаясь на эти длинноволновые предостережения, пляшут его мускулы. Всё его тело выгибалось, напрягалось и расслаблялось, растягивалось в резонансе с мощными звуками, прокатывавшимися в сухом воздухе. *Бооонннугггг ррааааппееенннууууу фаааллллиишиоооонннгг…*

Крутильщик поблизости выкатил глаза с непонятным Клиффу выражением.

— Это *каменный разум*? — окликнул его Клифф.

Крутильщик плавным движением передернул многочисленными руками, точно имитируя человеческое пренебрежительное пожатие плеч.

— Некоторые из наших разумов глубокой древности избрали своим обиталищем этот си-

ятельный камень. Эти древние сущности могут оценивать новоприбывших… гостей.

Бет передала по каналу связи:

— Гостей? Мы — иммигранты. Это какой-то вступительный экзамен?

— В большей мере инспекция, — ответил Крутильщик.

— Мы *приклеены* к этой гребаной скале, словно *насекомые* под микроскопом! — заорал Клифф.

— По вашим реакциям я заключаю, что в Чаше вы встречались с более крупной, полновалунной формой жизни, напоминающей эту. Не так ли?

— И что? — скептически спросил Клифф.

— То более древняя форма, старые воплощенные — или заточенные, словно в гробницах. От них мы многое узнали. Более простая форма эволюционировала из геологических процессов, начавшихся на планетах вскоре после того, как раскрутилась и слиплась в единое массивное образование наша великая галактика.

— Да какое это, блин, имеет отношение к тому, что мы тут залипли? — огрызнулась Бет.

Вместо ответа Крутильщик изогнулся вперед и подскочил, высоко взметнувшись в воздухе, а на вершине дугообразной траектории повернулся изящно, словно кот, выгнув спину и подравняв

ноги. После этого он шлепнулся обратно на камень.

— Я свободен, как видите. Это потому, что Инкреат меня знает. Вас — нет.

— Какого хрена… — начала Бет, но Крутильщик перебил ее, быстро добавив:

— Эти существа, которые вам кажутся камнями, хранят значительные ресурсы прошлого. Наша система куда старше вашей. Слои, которые вы называете Паутиной, сооружались в течение срока более длительного, чем вся ваша цивилизованная эра. И намного больше имеется свидетельств, уходящих еще глубже в историю. Для расселения разумов — душ, как наверняка сказали бы некоторые из вас, столь неисчислимой армии, шествующей вниз по оси времени, требуется…

— Продолжайте, — сказала Бет.

Поведение чужака ее чем-то раздражало.

Крутильщик помедлил, с отсутствующим видом глядя вдаль.

— В вашем языке имеются лишь банальности для описания великолепия, расположенного у нас под ногами. Придется мне переформулировать так: для размещения ослабленных, но неповрежденных разумов требуется компактное и долговечное *хранилище данных*. — Два

последних слова Крутильщик сопроводил пренебрежительным фырканьем. — Представьте его себе более устойчивой к превратностям окружающей среды версией ваших компьютерных чипов. Хранилищами данных отчасти выступают разумы, пришедшие прежде, — те, кто до сих пор задерживается в нашем присутствии и воплощает наши кладовые знаний. Таким образом возникает *знающая* скала.

— И она желает познакомиться с нами? — спросил Клифф.

— Именно так. Позволим же ей проинспектировать вас всех. — И Крутильщик просто ушел прочь, оставив гостей в заточении, словно насекомых в коллекции.

Клифф стал, раздраженно пыхтя, вглядываться в скальные недра. Разумный камень, способный прочувствовать органических существ. Имеет ли это вообще какой-то смысл?

Теперь фигура поднялась выше к поверхности: черный бархатный занавес раскручивался, точно желая облечь Клиффа. Оставалось непонятным, каким образом это видение высасывает из камня любые проблески света. Пятнистая скала казалась теперь прослоенной кристаллическими пластинами. В воздухе стало ощутимо теплее.

Клифф огляделся. Отряд находился теперь словно бы на подвижном, тянущемся кверху склоне, камни раскачивались от напряжения. Сияющие колонны цвета слоновой кости восстали вдоль всей скалы, простерлись к небу, будто желая накалить его. Кто-то бессильно припадал к земле.

— Держитесь на ногах! — призвал Клифф.

Бет пыталась подбодрить тех, кто двигался ниже по склону, чтобы формация не сбилась. Ей удалось поднять ногу и утвердить ее на новом месте. Потом она замерла.

Продолжая вглядываться вниз, Клифф замечал туловища, маленькие, напряженные, словно обладатели тел задыхались. Раздался звук, словно кто-то заскрежетал коренными зубами. Формы эти, будто неумелая пародия на людей отряда, маршировали мимо.

— Это что же, у вас так принято общаться? — требовательно справился он у скалы.

— Сиятельный камень, *Инкреат*, как мы его называем, — молвил вернувшийся Крутильщик, — чувствует вас, а затем передает нам советы относительно вас.

У Клиффа в голове путались разнородные мысли. Каменный интеллект допрашивал его способами, о которых человек имел лишь при-

близительное понятие, но Клифф был уверен, что происходящее ему не нравится. Время растягивалось. Времени было полно.

В его ракурс обзора окружающей среды вторглись изображения. Звезды, исторгающие вспышки по ночам. Мерцающие гало и мошки, сталкивающиеся в небесах. Импульсы мерцающих волн в верхних слоях атмосферы, величественные раскаты басовых нот: война, которой он понять не мог. Дожди в оттенках черного и серого, перемежаемых редкими золотистыми каплями. Война.

Безжизненный голос Крутильщика:

— Черпайте полною горстью, пейте до дна. Инкреат рассказывает о своем прошлом.

— Дикость какая, — насилу вымолвил Клифф.

Он оглянулся на отряд, растянувшийся ныне, как показалось, на добрую сотню метров склона, и увидел шестиугольные камни, проявляющиеся из скалы с правильными промежутками. Они идеально укладывались на места: вокруг каждого человека образовалась рамка, диаметр шестиугольника составлял около метра. Никто не двигался. Казалось, что-то выкладывает на склоне горы шестиугольный узор, протягивающийся в перспективу. И люди в нем становились координатными точками.

— Всем остановиться! — призвала Бет. — Мы это переждем. Выпейте немного воды. Перекусите из встройки, если нужно. Похоже, нам придется тут подзадержаться.

Они остановились попить. Клифф созерцал смещавшиеся рисунки скальных пород. У него захватило дух, когда метрах в сорока выше по склону из камня стала подниматься крупная постройка. Башня цвета оникса. Черные ножнообразные опоры сходились в одну точку. Примерно на половине высоты башни, всё еще экструдировавшейся из сиятельного камня, продолжалось бурление и перемешивание.

Медленно, неспешно, на высоте метров пятидесяти открылось око.

Клифф понял, что это око, потому что уже видел такое прежде.

— Как у каменных форм жизни в Чаше, припоминаете? — окликнул он остальных.

Некоторые члены отряда согласно отозвались. Но голоса их были слабы.

Исполинское зияющее око имело зеленую центральную часть, похожую на радужку. Постепенно весь овал диаметром несколько метров повернулся вниз. Один глаз.

— Что…

Клифф не мог отвести взгляда от огромного зрачка в центре объекта. Чужак, казалось, смотрел прямо на людей. Глаз в камне? Глаз с хрусталиком и сетчаткой? Он такие наблюдал в Чаше, но здесь зрелище это производило почему-то куда более зловещее впечатление.

Воздух стал жарким. Ветер улегся. Долины внизу видно не было, ее затянул бурлящий серый туман.

— Каменный разум, — сказал кто-то в отряде. — Напоминает нам о своих корнях?

Но сиятельный камень не закончил работу. Постройка со стонущим скрежетом и толчками продолжала возноситься из скалы. Гравитация тут была слабая, как во сне, и здания могли вздыматься на огромную высоту. Клифф задрал голову, прослеживая восхождение колоссальных колонн и чувствуя под ногами быстрые, резкие толчки, точно громовые раскаты. Он обратил взор к аркам. Контрфорсы легко поддерживали колоссальный вес сводов, перекрестья которых окутывала вуаль серого света. Каменные подушки, сглаженные временем, подводили взгляд к башенкам, гаргульям, статуям и орнаментам на лаконичном фоне архитектурного величия.

Бет передала:

— Это западный фасад кафедрального собора в Шартре. Прекрасная Франция! Редвинг переслал фото сразу же, как только эта штуковина начала расти.

— Визуальная отсылка, — передал кто-то в отряде. — Оно показывает, что уже достаточно хорошо знакомо с нашей культурой.

— Копия меньше оригинала. Но ненамного.

Рядом с большим розовым окном на карнизе теснились гаргульи. Одна даже двигалась. Она вытянула коготь и… сделала приглашающий жест.

Клифф воззрился на всё это и, не думая, двинулся к собору. Ноги его задвигались. Он был свободен! Ему ничто не препятствовало, никакой камень не лип к подошвам. Его ботинки энергично ступали по лестнице у южного портала. Большая скульптура Девы Марии холодно взирала на инопланетную гору.

— Мой канал переполнен данными, — передала Бет. — Выглядит вполне аутентично. Клифф, ты прямо под… видишь? Четыре фигуры, символизирующие искусство. Грамматику, риторику, музыку и диалектику.

— А этот старикан рядом с ними? — спросил Клифф. — Он человек.

— Библиотека опознает его как Аристотеля. Видишь? Он хмурится, окуная перо в каменную чернильницу.

Раздалось позвякивание каменных колокольчиков.

— Детализация потрясающая, — восхищенно произнес Клифф. — Они это почерпнули из более ранних передач?

— Вероятно, использовали то, что мы им пересылали, и не только, — сказал кто-то. — Это может быть проявлением… уважения? Готовности к сотрудничеству?

— Пойдемте внутрь, — послышался еще чей-то голос.

— Правильно, — твердо отозвалась Бет. — Возможно, нас там кто-то ждет.

— Или что-то, — уточнили в отряде. — Блин, освободите нас! Я не могу с места двинуться.

— Потихоньку, — сказала Бет. — Клифф, твое решение.

Ага…

Клифф перешагнул порог. Он догадывался, что в оригинале Шартрского собора двери деревянные. Каменные переместить было бы невозможно, так что здешний собор оставили открытым. Как только он ступил внутрь, спустился печальный

сумрак, сжал его, будто в кулаке, затем медленно рассеялся, уступив место слабому янтарному свечению из высоких боковых окон. Стоны, толчки, скрежет, ощущаемые через подошвы: скала продолжала переоформляться в медленной агонии творчества. Потом откуда-то из камня пробил свет, словно прожектор. И, как если бы кто-то обустраивал помещение под свои вкусы, сияние заструилось сквозь витражи, окрашивая всё в розовые, синие и пурпурные акварельные оттенки.

В воздухе разнеслась какая-то старая музыка. В основном струнная.

— Бах, — сказал Эш по каналу связи. — Один из Бранденбургских концертов.

Вивьен даже уточнила, какой именно, — третий.

Приятно, подумал Клифф, и страшновато.

Он пошел обследовать собор, сопровождая свои наблюдения краткими комментариями для отряда. Неф, проходы, величественные колонны. Не верилось, что это не подлинник за много световых лет отсюда. Клифф поднялся по лестнице под самую крышу потрясающей каменной постройки. Его тянуло вперед и вперед, он даже не запыхался, покоряя озаренные печальным светом ступеньки.

Начав спуск, он вскоре остановился. На стенах появились головы чужаков — похожие на женские, с длинными шеями и заостренными затылками. Подобно маскам, они были окрашены в сочные цвета, не розовые или коричневые, оттенка кожи людей, а розово-красные, океанически-голубые, жизнерадостно-желтые. Приплюснутые головы, словно змеиные морды. И еще: с рыбьими крупными глазами, сердитыми ртами-щелками, парашютообразными ушами — карикатуры на человека.

Все, кроме одной. Презрительно хмурящаяся голова с тяжелыми бровями, крупными ушами и широким носом; ноздри раздуты. Человек, но древнего типа. Неандерталец? Как он сюда попал? Рядом с ним голова поменьше, сильнее напоминающая обезьяну, но с удлиненной мордой. В дальнем пыльном углу сознания Клиффа что-то тренькнуло, словно старинная арфа. Сиятельный камень каким-то образом детально ознакомился с человеческой эволюцией.

Внезапно зазвучали протяжные раскаты колокола. Клифф ощутил, как прокатываются ноты сквозь его тело, на длинах волн, сопоставимых с человеческим ростом, — ощущение неотразимо-требовательное и вместе с тем загадочное.

Печальный колокольный звон смешивался со звуками, похожими на карканье ворон. Через распахнутые окна Клифф видел крупных птиц, хлопающих крыльями, похожих на черные колеса против яркого белого облачного фона. Рядом лыбилась, выкатив язык, серая каменная гаргулья. Птицы снова запятнали небосвод. Кто-то требовал ответов. На какой вопрос?

Он выбрался из огромного здания с гудящей головой и в расстроенных чувствах.

— Почему эта штука здесь? — спросила его Бет, когда они с Крутильщиком приблизились.

— Где отряд? — отпарировал вопросом Клифф.

— Пока ты был внутри, — сказала Бет, — нас снова пришпилило.

— Меня тоже, — добавил Крутильщик. Он передернул руками, подняв все ладони над головой, и развел плечи. — Вероятно, сиятельный камень желает отдельно пообщаться с некоторыми.

— Что это, *черт побери*, такое? — огрызнулся Клифф.

Крутильщик смотрел на него без всякого выражения.

— Вы, люди, черпаете усладу в аналогиях. Позвольте мне сказать, что в моей голове некий суп для совместной трапезы зачерпывается двумя

ложками. Первая: потребность понять друг друга. Вторая: потребность проинспектировать, в чем Инкреат весьма искусен.

— Не поняла, — сказала Бет.

— Медленный аспект мышления Инкреата постигает вашу сущность. И определяет ваше возможное место в нашей, как вы ее именуете, Паутине.

— Постойте, — Клифф озирался. — А где все?

Бет показала. Лицо ее казалось раздраженным и озадаченным. Он понял, что, какую бы форму ни принимали допросы Инкреата, это неприятно. Клифф пересчитал членов отряда:

— Двое отсутствуют.

— Они дальше.

— Там Папвилла и Джерамини, — резко ответила Бет. — Обе переводчицы и экспедиционные биологи.

— Их подвергли… субдукции.

– *Чему?*

Ничто больше не препятствовало их движениям. Отряд пошаркал прочь, все почему-то чувствовали глубокую усталость. Мир принимал прежний вид. Ощущение копающихся в мозгу Клиффа щупалец пропало. Он оглянулся: собор медленно таял, опускался, сливался с камнем.

Инкреат, так назвал Крутильщик это существо. Бетонный разум?

— Конденсированная форма способна вместить гораздо больше разумов, чем в дикой природе, там, — сказал Крутильщик, помахивая несколькими руками над долиной, ныне отчетливо и ясно видной с вершины горы.

Но, когда команда обогнула очередной уступ сиятельного камня, в воздухе потянуло дымом. Низкий желтый туман завис над флуоресцентной скалой. Чернильно-синие швы заелозили в его разводах. Люди остановились и настороженно пригляделись.

Двигаться через туман удавалось, ориентируясь по янтарной светоносной ряби на медленно менявшем форму камне. Воздух был спертый, влажный, вонял гнилью, как на болоте. Клифф заметил впереди тело, лежащее на спине: руки и ноги раскинуты вдоль тропы. Джерамини сковало трупное окоченение.

— Она мертва! — вскрикнула Бет.

— Как долго мы там проторчали? — требовательно спросил Клифф.

— Половину одного из ваших дней, — ровным голосом ответил Крутильщик.

— Но… — Клифф вспомнил собор, колокольный

звон. — По ощущениям было не так… долго.

— Инкреат заключил каждого из вас в особое состояние. Исследуя вас, он настроил ваши субъективные внутренние ритмы на определенную скорость. Ему любы медленные телесные мелодии. Ваши, судя по всему, он счел нужным замедлить в особенности, изучая реакцию на величественную постройку. Я надеюсь, вы по достоинству оценили изысканные родовые муки, какие претерпела ткань Инкреата, развлекая и оценивая ваши естества.

Бет крутанулась и наскочила на чужака:

— Оно *убило* Джерамини! Она была лучшей…

— Без сомнения, Инкреат ее в некотором смысле сохранил, — сказал Крутильщик, опустив брови в вероятной попытке нахмуриться.

Получилось у него скорей нечто вроде парной усмешки над глазами.

— Сохранил?! Она *погибла*.

— В некотором смысле. Вам это станет понятней, когда мы познакомимся с иными проявлениями жизни на двойной нашей планете, на многочисленных наших уровнях, во множестве провинций.

Клифф положил руку на плечо Бет и шепнул:

— Давай позаботимся о ней.

Бет кивнула, прикусив губу. Ей изменили слова.

Кожа Джерамини приобрела мрачный темный оттенок. Тело ее раздулось так, что экспедиционный комбинезон стал похож на воздушный шарик. *Или нафаршированную сосиску*, подумалось Клиффу. Язык тоже напоминал сосиску, раздувшийся, выдавленный наружу между желтеющими зубами. Глаза неестественно распахнулись, словно в шоке. В глазницах с жужжанием роились муравьеподобные мошки.

Бет застыла на месте, дрожа и глядя в пространство. Клифф шагнул вперед и просунул руку под тело.

— Нужно ее похоронить, — едва выдавил он.

Он ощупал кожу туго раздувшегося тела сквозь ткань. Холодную, губчатую, склизкую. Было похоже, что Джерамини мертва уже давно.

Он огляделся.

— Помогите мне кто-нибудь ее перенести.

Вивьен шагнула вперед с флягой.

— Рот сполосни.

— Я… Я…

— Запах на некоторое время отвадит.

Только в это мгновение он почувствовал цепкий кисловатый запах. Ополоснул рот водой и

выплюнул. Вивьен взяла труп за ноги и двинулась вместе с Клиффом вниз по склону. На ее руках виднелись странные ожоги, словно по запястьям разряд прошел.

— Что случилось? — спросил Клифф.

— Почувствовала, как вверх по моим ботинкам ток бежит, и подпрыгнула, — сказала Вивьен. — Это разорвало цепь. В рубашке родилась. Но ожоги на руках остались.

Несколькими шагами дальше снова стал ощутим запах болотной гнили, приносимый желтым туманом. Клифф перенес на себя большую часть тяжести, спускаясь впереди по склону.

Поэтому Папвиллу он заметил первым. Она свернулась в позе эмбриона на боку, похожая скорей на кучу углей в форме человека, чем на реальную фигуру. Ее сожгло дочерна, до хрустящей корочки.

Он избегал смотреть в лица спутникам, пока копали две могилы. С этими двумя женщинами он успел перекинуться парой слов, но дни накануне и во время экспедиции выдались хлопотные, и времени познакомиться ближе не осталось. Теперь он никогда не узнает, откуда у них такие интересные акценты, какое прошлое, какие запутанные тропы привели их в космос и под свет

иного солнца. Он старался думать об этом, чтобы не поддаться припадку гнева. Бет, судя по всему, занималась тем же.

Она встала над могилами: каждая отмечена импровизированным надгробием. Бет дрожала, как тростник, речь получилась сдавленной. Потом команда двинулась обратно к месту высадки из небесной рыбы. Крутильщику хватило ума держаться на расстоянии и шмыгнуть в небесную рыбу, не оглядываясь на людей.

Отряд еле плелся, со всех градом лил пот, мысли путались, накатывала подлинная усталость, которую Клифф только начинал осознавать. Они волочили ноги, понурив головы и чуть шевеля языками.

Клифф никогда не причислял себя к полувоенным типам, которых первыми отбирали для космических полетов, тем, у кого устав от зубов отскакивал и сапоги были всегда начищены до блеска. Но сейчас мысленно благодарил Бет за молчаливую дисциплину в отряде, например, во время спуска.

Когда команда входила в теплое влажное нутро небесной рыбы, Бет обратилась к нему с одной из бронебойных своих фраз: минимум шума, максимум эффекта по прибытии, всегда шепотом:

— Нам нужно избавиться от Крутильщика.

Он кивнул. Потом вошел в теплые телесные коридоры небесной рыбы. Ему требовалось время. У него спина перекосилась от марш-бросков по выгибающейся скале. Планом действий займется завтра. Если завтрашний день наступит.

24. Инкреат

Глупость хороша только тем, что ведет к приключениям.

Сидни Коулмэн

Как только они оказались внутри небесной рыбы, Бет отвела Клиффа в сторонку. Отыскав маленький альков, быстро заговорила с ним:

— Пожалуйста, будь со мной откровенен не как муж, а как член команды. Мои лидерские качества и вправду скверные?

— Нет. — Он говорил низким, бесстрастным голосом. — Нас тренировали как дипломатов и ученых-исследователей, а не как бойцов.

Бет гневно помотала головой, хотя Клифф понимал, что сердится она на себя, а не на него.

— На «Искательнице» все, блин, знали, что сигналы глорианцев противоречивы, чтобы не сказать — неприветливы.

— Они пытались отвадить Чашу, а не «Искательницу солнц».

— Ну и что? Разве не стоило нам прихватить более мощное оружие и изготовиться стрелять, как только ступим на поверхность?

— Нам навстречу выслали Крутильщика. Он не предупредил.

— Да, и подозрительно, что Крутильщик раньше не появился. Довольно зловещее обстоятельство.

— Возможно. Он ведь инопланетянин.

— А я позволила втянуть себя в болтологию с Крутильщиком.

— Угу, но ты же у нас тут главная, на тебя и возложена ответственность их понять и всё такое…

— Но этот полуфилософский трёп о земных обычаях и всём прочем отвлекал нас в моменты, когда команде стоило бы сфокусироваться на окружающей среде и держать оружие на изготовку.

Клифф чувствовал, что копившееся в ней долгими днями напряжение готово выплеснуться. У нее имелась привычка сдерживаться слишком долго. Он медленно отозвался:

— Послушай, Крутильщик, несомненно, понимает, что здесь смертельно опасно. Но ничего не делает, чтобы предостеречь нас. Я только одно могу предположить: это какой-то странный тест.

— Будь я сильнее как лидер группы…

— Крутильщик предельно равнодушен к смерти. В этом ключ.

Бет закусила губу, потом стиснула зубы.

— Мне это ненавистно.

— Я позову еще кое-кого.

Спустя несколько мгновений Клифф взялся наблюдать, как Бет открывает собрание.

— Послушайте, — заявила она, — я тут думала, думала и придумала: нужно нам как-то избавиться от этого снисходительного чужачилы.

— И как? — поинтересовалась Вивьен.

Она приложила к рукам мазь, провела какую-то диагностику, потом подготовила компрессы. Ожоги продолжали ныть, но Вивьен хотя бы могла двигаться.

Группа забилась в каюту — кармашек плоти небесной рыбы в ответвлении главного коридора. Стены пульсировали в медленном ритме, живой аэролет натужно удалялся от горы. Сквозь стены и пол доносились неторопливые щелчки, посвистывания, пощелкивания — по-своему жутковато-меланхоличная трудовая песнь огромной небесной твари. Задувал теплый ветерок внутренней энергии.

Вопрос Вивьен заставил всех поразмыслить. Наконец Эшли Траст сказал:

— Да, *как*? В том-то и загвоздка. Крутильщик, судя по всему, наш связной, но он нас заводит в

одну коварную засаду за другой. Гребаные огнезадые драконы, плотоядные кенгуру, а теперь этот странный разумный камень — Инкреат, как он его назвал. Крутильщик нас выводит из одной ловушки лишь затем, чтобы мы попались в следующую.

Бет позволяла команде сначала выпустить пар, а потом выжидала, когда начнется обмен идеями. Клифф этот прием перенял уже давно.

— Разумного камня мы никак не могли ожидать, — прибавил он.

— Согласен, — Эшли Траст оглядел их всех по очереди. — Это всё было попросту слишком странно. Нас не обучают, с нами не выходят на связь. Нас *тестируют*, словно крыс в лабиринте.

Клифф вспомнил, что от начала экспедиции Эшли не проронил ни слова. Вероятно, осваивался в непривычной обстановке: он ведь из свежеоттаявших. Клифф и Бет здесь самые опытные, они бывали в Чаше. Но эффективность командования пока оставляет желать лучшего. Четыре трупа из шестнадцати — по любой статистике хуже, чем в Чаше.

— Да, основная проблема — как избавиться от Крутильщика, не отвлекаемся от этого, — сказала Бет ровным тоном, глядя в пол.

Клифф чувствовал, что остальные тоже видят в ней сомнение: оно теперь подступило совсем близко к поверхности.

— А когда мы интересуемся, — добавила Вивьен, — Крутильщик называет эти действия «инспекциями». *Какого черта?*!

Клифф ответил бесстрастно:

— В чужой монастырь со своим уставом не лезут, как говорит старая присказка. Но что, если этот устав оказывается смертелен?

— Вопросов может быть куча, — Вивьен отмахнулась, словно расчищая пространство руками. — Почему нам навстречу высылают лишь *одного* посла, ну или кого-то вроде посла? Вдобавок у него привычка обращаться с нами как с туповатыми учениками.

Бет вздохнула.

— Эмм, возможно, мы такие и есть относительно глорианцев.

Траст ответил:

— Нет. Мы — подопытные животные. И в лабиринте нам не выжить.

Бемор-Прим, зафиксировав себя в овальном мягком проеме двери, сказал:

— Насколько я понимаю, мне безопасно присоединиться к разговору? Или вы полагаете,

что подобная безопасность для нас сейчас недоступна?

Клифф пожал плечами.

— Тебе известно столько же, сколько нам, Бемор-Прим. Мне кажется, что Крутильщик — судя по тому, что он говорит о себе, — есть не более чем движущаяся камера, портал. Он не самостоятельное существо.

— Итак, оно и зинго повсюду следуют за нами, чтобы кто-то — что-то — издалека могло за нами приглядывать? — спросила Вивьен.

— Это имело бы смысл, — сказала Бет. — Если некая здешняя верховная власть пытается нас понять при помощи таких испытаний.

— Испытаний на разрушение? — спросила Вивьен.

Клифф кивнул.

— Чем бы оно ни было, а ясно, что этот гребаный «портал» даже пальцем не шевельнет, чтобы помочь нам уцелеть.

Вивьен остановилась поразмыслить, потом продолжила:

— Крутильщик постоянно говорит о сбережении жизни, но в какой форме?

— Если этот разумный камень может считаться репрезентативным примером, — сказал

Клифф, — то наверняка в форме выгруженных данных.

— Крутильщик — это *сливная воронка*? — спросил Эшли. — К *нему*?

— Угу, — сказал Клифф. — Скала, работающая на манер компьютера, должна обладать значительной информационной емкостью.

— А как это сочетается с атакой на нас? — спросила Вивьен.

— Возможно, это тоже были «инспекции»? — сардонически откликнулся Эшли.

Вивьен проговорила:

— Есть ли вероятность, что Крутильщик представляет каких-нибудь местных принцев, радж, военных вождей?

— Вся эта система полностью интегрирована, — сказал Эшли. — Ею управляют в больших масштабах на протяжении значительного времени. Игрушечным солдатикам и раджам тут не место. Они просто не выживут, чтобы встретить прилетевший звездолет.

— Хорошо, возвращаемся к реальности дня сегодняшнего, — сказала Вивьен. — Задача: избавиться от Крутильщика и нанести ответный удар. Как?

— Ответный удар? — переспросил Эшли. — А

почему бы не вернуться на корабль?

Они переглянулись. Клифф понял по выражениям лиц, что эта мысль была у всех на уме, но озвучивать ее не хотелось.

— Неплохая идея, — согласился он.

Бемор-Прим внимательно наблюдал за ними, крутя башкой. Теперь паук сказал:

— Я бы не стал возвращаться на корабль. Я предпочту исследования. На корабле мне тоже неуютно. Я велик, вы малы. Выбирайте сами. Возможно, некоторым из вас следует доложиться на корабль.

Бет вытащила более крупный коммуникатор. Включила и глянула на индикатор уровня сигнала.

— Нет связи. А мы, гм, за пятьдесят тысяч километров от «Искательницы» или около того?

— Ты ведь только вчера связывалась с Редвингом, — напомнил Эшли.

— Да, — Бет помолчала. — Вообще не цепляет, даже когда я запрашиваю фильтрацию шума через фазовое усреднение. А шум и без того силен. Блин!

Клифф пожал плечами.

— Во всяком случае, ясно, что для связи с Редвингом нужно подлететь к нему ближе.

— А что, если… — Эшли оглядел их. — Если Крутильщик нас блокирует?

Пауза.

— Но зачем… — начала было Вивьен и замолчала.

— Потому что он предвидел этот разговор, — перебил Клифф.

Еще одна пауза.

Вивьен сказала:

— От Крутильщика избавиться будет нелегко. А потом что? Мы будем предоставлены сами себе…

— Если останемся внутри этой небесной рыбы, то нет, — сказал Клифф.

— Еще сложнее. — Эшли покачал головой.

— Давайте поговорим с капитаном, этой Анарок. — Клифф поднялся.

Сделать это не удалось. Когда группа оказалась в длинном коридоре, ведущем к голове небесной рыбы (Анарок ее, судя по всему, использовала как рулевую рубку), из бокового перехода возник Крутильщик. *Такое впечатление, будто он знал, где мы и куда направляемся*, подумала Бет, а чужак тем временем провякал сложное «Здравствуйте!».

Увидев выражение лица Бет, Крутильщик поспешил объяснить:

— Изучая ваше культурное наследие, мы поняли, что у вас наилучшими приветствиями считаются те, которые стартуют с восходящего тона, затем интонация падает и в конце снова приподнимается. В этом случае музыкальное ударение выражено отчетливей и активно перемещается. Я применил такую стратегию.

Отлично, подумала Бет, *а еще ты следил за нами и, вероятно, подслушивал разговоры.*

— Гмммм, — неловко промямлил Клифф.

Бет лишь кивнула.

Вивьен проговорила бесстрастным тоном:

— Мы тут пререкались о том, что потеряли четверых наших.

— Мне это понятно. Но у нас имеется мудрая народная пословица: можно камни долго загружать во флайер, пока рано или поздно добавление одного камня не опрокинет аппарат.

Клифф огрызнулся:

— А мы, как сказали бы в народе, по этому поводу разгневаны сильней целого мешка голодных ласок.

Бет не сдержала улыбки. Крутильщик осмотрел их всех, распростер руки и проговорил:

— На нашем языке — в его письменной, или сигнифицированной, версии — каждый цикл

выражает всю полноту мысли одновременно. Развития идеи не происходит, хронологическое перемещение от первой буквы к последней не осуществляется, мысль выражается единомоментно. Этот язык ахронологичен. Ваш язык имеет линейную природу и навязывает вам соответствующий способ восприятия реальности. Имеются конструкции, недоступные переводу с нашего языка на ваш, поскольку ваша схема восприятия реальности не укладывается в наше мировоззрение.

— Вы имеете в виду, что эти смерти — не то, за что мы их принимаем?

— Да. Ваша алфавитная письменность постоянно наращивает уровни лингвистического мышления. Буквы в конце концов слагают фразы, абзацы и так далее. Эта деятельность по необходимости является хронологической. Пока вы говорите, вы зачастую меняете смысл фразы. Мысль, которая выражается вашей речью, не завершена, пока не закончена фраза. Вы не в состоянии постичь то, что не имеет хронологической природы: к примеру, окончательную судьбу ваших ныне незримых друзей.

— Я не… не понимаю, — отозвалась Бет.

— Время наставит вас.

Вивьен спросила:

— А что, если у нас… другие планы?

Крутильщик кивнул, одновременно исполнив руками серию непонятных Бет взмахов и поворотов.

— Планы, принимаемые быстро и интуитивно, скорее всего, окажутся уязвимы. Планы, составляемые аккуратно и исчерпывающим образом, окажутся наверняка.

— Вы говорите, словно сфинкс, — сказал Эшли.

— Мне… понятна ваша аналогия. Ваши литература и изобразительное искусство ныне легкодоступны мне, и лишь скорость света выступает фактором, ограничивающим мое восприятие.

Вивьен испробовала другой подход:

— Пусть мы дикарский и приземленный вид, а всё же при желании можем сочинять музыку.

— Да, и у вас это хорошо получается. Я провел много времени, переваривая творения вашего Баха.

— Мы причисляем его к лучшим нашим композиторам, — сказала Вивьен.

— Вероятно, такая оценка заслуженна. Вы цените свои противоотставленные пальцы, способность пользоваться орудиями труда, талант к совместной охоте или другие особенности,

обыкновенно причисляемые к уникальным. Я же указываю на вашу гортань как на отличительную черту в сравнении со всеми животными вашего мира. Люди способны тонко контролировать произносимые звуки, возносящиеся над туманными течениями внутри ваших голов. Поэтому музыку можно считать важным проявлением вашего таланта в большей мере, нежели, например, звездолет, на котором вы сюда прилетели. Он пригоден к использованию, но груб. Без анатомического устройства вашей гортани вы остались бы очередными *понгидами*: это полезный термин из вашего словаря. Судя по всему, он значит «человек-шимпанзе».

Бет решительно рубанула рукой по воздуху, первав разглагольствования Крутильщика.

— Мы собираемся совершить прогулку по небесной рыбе и узнать ее лучше. — И добавила, делая ударение на каждом слове: — Увидимся. С вами. Позднее.

Конечно, они потерялись. Небесная рыба, именуемая Покорительницей Облаков, по мере приближения к голове превращалась в сущий лабиринт. Когда команда наконец достигла широкой пилотской рубки и штурвала, капитан Анарок отклеилась от стенки и быстро высту-

пила навстречу, сделав руками широкий жест, подобный движениям лопастей вентилятора. Это приветствие люди теперь знали хорошо.

— Приветствую вас. Я как раз задумалась, не предались ли вы, наши высокочтимые пассажиры, ритуалам скорбного поминовения.

— Эмм, мы предавались, — сказал Клифф и затем быстро отвлек внимание капитана Анарок, принявшись задавать вопросы об открывавшемся впереди пейзаже.

Бет видела, что Клифф, почувствовав такую потребность, принимает давление на себя. Она отступила и остановилась позади отряда, пока капитан стала указывать детали плодородного зеленого ландшафта речной долины внизу.

Бет знала по опыту экспедиции в Чашу, что если чересчур сильно углубляться в проблемы места, которое вполне может оказаться полем боя, то крыша съезжать начнет. Делай то, что должна, и продолжай движение к цели. Занятость в час утраты до некоторой степени утишает боль, и Бет с готовностью, почти благодарностью, искала возможность сосредоточиться на практических проблемах.

В этой экспедиции она пока что проявила себя далеко не лучшим образом, тут сомнений нет. Но

и застарелые травмы времен Чаши тут ни при чем. Каждую атаку чужаки проводили уверенно и стремительно. Отряд Бет был вооружен, но не готов к массированному удару; это же, в конце концов, дипломатическая миссия. И тут всё *стремительно*. Неожиданно. Последний инцидент — с разумной скалой — просто раздавил.

Небесная рыба выполняла неспешный величественный поворот. Это порождало внутренние шумы, вроде бы сфокусированные на мостике. Бет напомнила себе, что небесная рыба — не совсем корабль, а скорее живое существо, способное чувствовать боль. Слышалось что-то похожее на стоны, рычание, шипение, свист, хлопки, затем протяжные басовые ноты, слагавшиеся в жутковатую меланхоличную композицию, подобную погребальной песне. Или то, что Бет слышала, попросту резонировало с ее внутренним настроением?

Небесная рыба скользила над хребтом острых скал. Рядом с ней на ветру скользила стая ширококрылых птиц с кожистым оперением, слагаясь в ленивую V-образную формацию. Они закладывали изящные виражи, словно самолетное подразделение на параде. На вершине горы стояло высокое угловатое существо странной формы

с тремя ногами. Кожа у него была темная, чешуйчатая, словно у гибрида ящерицы и змеи. Веки смыкались горизонтально, а вокруг шеи пульсировал и горделиво раздувался жаброобразный воротник. Существо вскинуло три конечности, отдав косолапый салют небесной рыбе. Затем сразу за его спиной взмыл зинго. Совсем близко.

Бет отвлекалась от разочарования, фокусируя взгляд на исполинской твари. Вдоль заузленных линий контура зинго плясали язычки оранжевого огня. Бет показала на него.

— Клифф, ты останешься за главного. Я лучше присмотрюсь вплотную.

Она развернулась и рысцой поспешила прочь, даже не оглянувшись на Клиффа. Она знала, как он отреагирует: нахмурится и покачает головой; но едва сдерживалась, чтобы не перемахнуть за точку внутреннего кипения. Ей отчаянно требовалось чем-нибудь заняться, на что-нибудь отвлечься, *на что угодно*…

Агония Кэмпбелла в хватке огнезадого дракона…

Резкий крик Зои, утаскиваемой хищным кенгуру…

Джерамини и Папвилла, обугленные до хрустящей корочки…

Она отыскала наклонный пандус и поднялась по нему в то, что, как было ей известно из предыдущего «пассажирского тура» по небесной рыбе, представляло собой наблюдательную палубу, протянутую вдоль хребта летучей твари. Бет сноровисто взбежала по рампе, наслаждаясь прилагаемым усилием, — и тут сбоку появился Крутильщик.

Как эта тварь узнает, где ее искать? Нет времени на раздумья.

— Оставьте меня одну!

— Я бы с превеликим удовольствием составил вам компанию.

— Тогда не отставайте! — Бет устремилась по пандусу, надеясь перегнать Крутильщика, и выскочила на яркий солнечный свет.

Зинго держался невдалеке от костистой верхней палубы. Оранжевые искры плясали среди его петель.

— Если вам интересно, я представляю собой смесь живых клеток и молекулярной машинерии. Нет во мне ни одного важного органа, который бы не слагали оба компонента.

Крутильщик без труда поспевал за ней.

— Прекратите мне досаждать!

Крутильщик кособокой побежкой приблизил-

ся к краю палубы, посмотрел вниз и помахал сложным жестом руки и кисти, обращаясь к скользившим совсем рядом чешуйчатым птицам. И о чем-то заворковал с ними.

Зрелище было потрясающее: зеленые равнины, убегающие к покатым склонам Паутины. Бет его игнорировала. Она искала зинго. Зинго оказался внизу: он продолжал светиться и не отставал от небесной рыбы.

Крутильщик повернулся к ней:

— Какой роскошный муравейник жизни, континуум от микробов до математиков. Но и это не всё, о чем напоминает нам Инкреат.

— Значит, эта гребаная разумная скала постоянно «проверяет на прочность» других?

— Если таково его желание. В конце концов, разве не такой конец ждет нас всех? Мы придерживаемся подобного взгляда на жизнь. Вы также обязаны будете проникнуться осознанием этого непреложного факта: единственная неизменная истина есть изменение.

Крутильщик приблизился, руки его заплясали в воздухе, точно в попытке отвлечь. От чего? Надо полагать, от зинго.

— Отойди, — приказала Бет.

— Уверяю вас, мы не причиним вам вреда.

Действительно, ваши спутники испытали перемещение за пределы привычного контекста, но…

— Назад!

Крутильщик ринулся на нее. Она это предвидела. Нырнув под вытянутые руки, она отступила.

— Уверяю вас…

Бет отдавала себе отчет: обмен блоками и прицельными ударами годится лишь для молодых сильных противников или, даже вероятней, пьяниц. Любой сколько-то умелый боец, особенно уже в возрасте, предпочтет уворачиваться.

— Мы, разумеется, захватили ваших спутников. Со временем Инкреат радушно примет их…

Крутильщик сделал выпад, но она опередила его. Чужак проскочил мимо, она увернулась, отскочила назад, приземлилась на спину, не сводя с него взгляда.

Крутильщик стал смещаться в сторону. Бет знала, что низкорослые бойцы валят с ног крупных противников, если удается нанести удар ниже центра тяжести оппонента. У любого размера есть преимущества. Крутильщик был высок и гибок, но неспособность сцапать Бет его, кажется, слегка смущала. Она знала, что слабый боец, который полагается не на силу рук, а на мобильность центра тяжести, в состоянии заблокировать выпад

более сильного. И при захвате не стоит рассчитывать на большой и указательный пальцы — ведь их и легче всего выкрутить.

И когда чужак кинулся на нее, она сделала обманное движение. Потом позволила Крутильщику налететь сбоку — торопливо, расставив руки, выкручивая кисти. А сама присела и нырнула к его центру тяжести.

Среднюю часть туловища Крутильщика слагали сплошные мышцы. Пальцы Бет врезались в плоть чужака. Плечом она выбила из него короткое *хуууухх*!!! вместе с воздухом. Она устойчиво расставила ноги, так что, присев, сумела поднять Крутильщика.

Длина тела чужака сработала как плечо рычага. Бет отшвырнула Крутильщика в сторону. Тот приземлился с коротким удивленным визгом. Бет улыбнулась. *Ну как, отведал нашего угощения, умник?*

Она отступила, сторонясь чужака, силившегося подняться. Быстрый инстинктивный сигнал тревоги… но слишком поздно. Ноги коснулись… воздуха.

Бет ухватилась за край палубы небесной рыбы — но пальцы соскользнули. Внезапное. Ощущение. Падения. А субъективное ощущение

времени замедлилось. *Разбить на движения*, учили на тренировках. Она помнила, что нужно повернуться и закружиться, словно флюгер. Она так и сделала. Фокус в том, чтобы правильно приземлиться. Она постаралась расслабиться и сосредоточиться на перераспределении силы удара. Нужно принять удар на что-нибудь мясистое — зад или плечо, — а не на руки или ноги.

Она вывернулась посмотреть, что там, внизу. Что-то цвета грязи, размытое от скорости вращения.

Ее что-то ударило: удар был сильным, быстрым, она соскользнула по плоти, та оказалась очень скользкой… и падение продолжилось. Бет врезалась в одну из птиц. Потом соскользнула по ее длинному крылу и снова полетела кубарем. Очередная темная форма внизу… Недостаточно времени, чтобы повернуться в оптимальную позицию, значит…

Она падала ногами вперед — *скверно*! Поджала подбородок. Свернулась калачиком. Правое плечо устремила вперед и вниз, нацелилась в коричневую громаду внизу. От удара выбило правое колено. Но, используя тошно-тное крутильное усилие столкновения, она перекатилась через плечо по телу огромной птицы.

Мир закружился. Бет отпустила его и покатилась вперед. И встала на ноги. Ей этого не особенно хотелось. Но она понимала, что нужно попытаться задержаться на ногах, затормозить… и не сумела. Правое колено стрельнуло пронзительной болью. Тело полетело вперед ногами. Она нырнула в коричневую плоть. Весь задержавшийся в груди воздух вышибло. *Акккк…*

Ее рот непроизвольно открылся, зубы вонзились во что-то, к счастью не жесткое. Бум. На вкус как… перья? Нет, глаза солгали. Перисто-чешуйчатая шкура.

Она приземлилась на другую птицу, летевшую с широко распростертыми крылами.

Бет поднялась, отплевываясь, хватая грудью воздух. Встала на теле птицы. Птица что-то проверещала с полным на то основанием. Впрочем, весила она в любом случае раз в десять больше. Птица заложила крутой поворот. Бет снова повалилась и стала цепляться за грубую перистую чешую.

Удержалась. Подняла глаза. Небесная рыба маячила метрах в пятнадцати наверху. Бет огляделась. Повсюду хлопали крыльями птицы. Все как одна повернули к Бет головы, в крупных глазах светится интеллект.

Они спасли меня. Головы птиц покачивались в унисон. Стая начала подниматься к небесной рыбе, ездовая птица вынужденно напрягалась сильнее прочих. Бет прямо слышала шипение воздуха, проходящего через легкие животного. Рядом парил зинго, по его гудящим нитям пробегали оранжевые искорки. Она подумала, не перескочить ли на него, но поняла, что так рисковать глупо. Хватит опасностей на один день.

Словно откликаясь на какой-то сигнал, небесная рыба стала снижаться. Вот и костлявая верхняя палуба. Бет просто переступила на нее. Крутильщика нигде не было видно, но к Бет кинулся Клифф.

— Какого черта?!

— Я повела себя несколько агрессивно. И Крутильщик тому виной. — Она пожала плечами.

— Ты упала!

— Эти птицы меня подхватили. И не единожды. Они общаются с небесной рыбой и координируют свои действия, приглядывают за нами.

— Или только за тобой.

Она стала спускаться по пандусу, потом, задумавшись, остановилась.

— Да, Крутильщику не было дела до смертей членов отряда. Но вся эта странная штука меня

тем не менее спасла. Только что. Гм…

Они пошли по пандусу дальше, углубились в основную секцию небесной рыбы, широкую, с прозрачными стенками и отличным панорамным видом на земли внизу. Впереди слышался сильный шум.

Команда небесной рыбы собралась на этой палубе в полном составе. Капитан Анарок стояла на платформе и произносила речь на быстром, непонятном Бет наречии, изобилующем плевкообразными согласными и певучими гласными: нечто вроде песни певчей птицы, перемежаемой боксерскими тычками. Преобладали гневные жужжащие трели. Нарастали шепотки и шорохи.

Капитан Анарок увидела гостей и сделала жест всеми руками.

— Жизнь высокоценной гостьи спасена!

Бет отозвалась:

— Благодарите этих птиц.

— Мы здесь приняли коллективное решение прекратить работу с вашим чрезвычайно назойливым проводником, — сообщила Анарок на неплохом, пускай и сбивчивом, английском.

— В смысле? — отозвался из толпы Клифф.

— Надоедливым источником раздражения,

Крутильщиком, как вы его метко поименовали.

С этими словами несколько членов команды швырнули на палубу самого Крутильщика. Он стал дико озираться и открыл было рот, но тут кто-то сзади ловко сунул туда кляп и мгновенно затянул тесемки.

— Какого хрена тут происходит?! — вымолвил Клифф, разинув рот.

Другие люди тоже приблизились, привлеченные шумом толпы. Чужацкие сборища, незнакомые шумы, всё правильно. Жужжания, шепотки, чириканье, тоскливый свист. Бет теперь видела, что среди крутильщикообразных членов команды попадаются и чужаки другого типа, и эти явственно наслаждались зрелищем. Никогда раньше не доводилось ее глазам встречать здесь никого подобного. Крупные угловатые мясистые головы, общей высотой более четырех метров, туловища на трех лапах и такие толстые, что при всём желании не обхватишь. Другие — словно прозрачные пузыри, тела точно огромные овалы, покрытые неряшливой зеленоватой шерстью. Эти помахивали тройными змееобразными хоботами. Единственный глаз их торчал на коротком стебельке, а последний энергично извивался, разгоряченный необычным зрели-

щем. Встречались и создания, приблизительно похожие телесно на Крутильщика, высокие, в одеяниях с капюшонами, разрисованные печальными красновато-коричневыми узорами. Из сумрака под сенью капюшонов выглядывали блестящие глаза на массивных головах. На груди у таких были золотистые и платиново-блестящие украшения поверх оболочки, которая могла выполнять функции брони. Этих сопровождали стайки маленьких сервиторов, тревожно шмыгавших кругом, словно паучки с инструментами. Тоже пассажиры?

Капитан Анарок воззвала к толпе присутствующих:

— Этот Крутильщик нас утомляет, он… — гортанный взрыв басовых нот, явное оскорбление, — и, следовательно, оскорбляет наши невинно страждущие личности.

В ответ поднялся рев. Гортанные вопли, руки и щупальца в воздухе вперемешку.

— Как поступить нам с этим источником раздражения, Крутильщиком?

— Изгнать!

— Отрезать!

— Вышвырнуть!

— Зачистить!

— Аннигилировать!

— Экскретировать!

Бет осознала, что всё это показуха на потребу людей: восклицали чужаки на сбивчивом, горловом, но приемлемом англишском. Капитан Анарок, двигаясь с неторопливой элегантностью, широко распростерла руки, будто бы призывая к объединению, но это вызвало лишь новые вопли и явственно грубые чужацкие жесты.

— Этот Крутильщик, чье присутствие утомляет нас, есть не что иное, как ходячие дотошные глаза и раздутые от гордыни умы тех злодеев, чья напыщенная важность давно уже доставляет нам раздражение. — Анарок помолчала, позволяя напряжению скопиться на палубе.

Бет подумала, что способы словесного убеждения, похоже, чем-то сходны у всех разумных форм. Почему? Какая-то пока непостижимая для человека деталь долгой галактической истории?

— И я присоединяюсь к вам… — Высоко воздев руки, Анарок провозгласила приговор: — И мы должны эмиттировать! Тирана! Крутильщика!

Вокруг поднялись вопли удовлетворенного гнева. Бет отступила на шаг, прижав к себе Клиффа.

— Господи, а *это* еще что такое? — вымолвил тот.

— Иномирское правосудие, — ответила Бет. Вопль собрания позади становился всё громче и выше тоном. — Крутильщик — наш связной с тем, кто или что управляет этим безумным аттракционом. Если мы потеряем Крутильщика, с кем будем говорить?

— Анарок на ушко что-нибудь шепнем, — сказал Клифф. — Похоже, она что-то задумала.

— А пошли-ка вниз, подальше от всего этого.

Бет жестом показала отряду следовать за ними. Они направлялись теперь сквозь боковые коридоры, пульсировавшие в ритме жизнедеятельности небесной рыбы, и уже не усматривали в этой пульсации ничего необычного: долгие перекаты волн жидкости, импульсы мышечной натуги.

Миновали нижнюю палубу с прозрачными стенами, похожими на гибкие окна. Бет едва поглядела на пейзаж внизу, но отметила, что кожистые птицы продолжают лететь под небесной рыбой и над постепенно поднимавшимися к подножию Паутины склонами.

— Эй!.. — вырвалось позади у Вивьен.

Тело, падавшее рядом с окном, несомненно, заслуживало внимания. И даже пристального. Вместе с ним летела струя коричневой жи-

жи. Восприятие Бет внезапно замедлилось, и движения падающего тела показались ей лениво-мечтательными. У людей захватило дух. Когда падавший пролетал мимо, голова его повернулась, и стало видно, что это Крутильщик. Вивьен воскликнула:

— Они его выкинули через кишечник небесной рыбы!

— В буквальном смысле высрали, — прошептал кто-то.

Крутильщик ухитрялся двигать руками и поворачиваться в летевшей вместе с ним колонне дерьма. Длинное тело изгибалось. Снизу показались птицы. Крутильщик врезался в одну из них, соскользнул с другой, ударился о третью. Птицы тормозили падение. *Как и для меня*, подумала Бет. Она отвернулась — и тут как тут была капитан Анарок, распростершая все руки в широком приветственном жесте.

— Наши благородные личности назойливого Крутильщика самым что ни на есть приличествующим ему методом с борта выгнали.

Бет оглядела своих. *Да уж, удачный момент для проявления лидерства*, подумала она не без язвительности в свой адрес.

— Капитан, мы бы хотели отправиться…

— Да, — сказала Анарок, — в то, что вы, наблюдательные приматы, Паутиной зовете.

— Э-э… а как вы?..

— Это было очевидно по вашему нарастающему раздражению действиями тирана Крутильщика. Мы тоже приказания ужасного Крутильщика наглыми находили.

— И как?..

— Мы теперь доставим вас в Паутину, которая на нашем языке зовется… — капитан издала каркающее кваканье, — или, в переводе, *одинокая слеза, подвешенная на щеке времени*. Ибо сия величественная структура далекими нашими предками воздвигнута была, и такой мы зрим ее.

Бет отступила. Крутильщик исчез, будущее открыто, внезапно проявились разногласия между чужацкими народами, о которых она совсем не подозревает.

Значит, снова в путь. Очередные стрессы, кое-какие открытия, опасности, загадки в изобилии. Не пора ли проверить в деле человеческое чувство юмора?

— А вы личное местоимение без присмотра когда-нибудь погулять выпускаете? — спросила Бет у капитана небесной рыбы.

Анарок кивнула, выказывая завуалированное

удовлетворение небольшой шуткой.

Бемор-Прим заговорил позади:

— Более конкретный вопрос: как вы доберетесь до Бугра? В пониженной гравитации дирижабль маневрировать не сумеет.

Анарок ответила вопросом:

— А вы уже просчитали направления ветра в Паутине? Незаурядное достижение.

— Я набросал примерную карту, когда мы снижались. Подотделы моего разума трудились над этим.

Анарок взмахнула руками, и сформировалась диаграмма.

— Основная труба перекачивает дыхательную атмосферу с Чести в срединную точку, на Бугор. Мы двинемся вдоль жизнеподдерживающего потока вот здесь.

— А вы не запутаетесь? — спросил Бемор-Прим. — В свободном падении…

Анарок отмахнулась жестом нескольких рук.

— Ветры устремляются в обоих направлениях, подчиняясь притяжению луны Чести и слоистого мира Глории. Очень неторопливы везде ветры, кроме окончания. Неважно. В нашем распоряжении всё необходимое время. И — о! — какая восхитительная возможность исследовать неиз-

веданные дотоле области Паутины!

25. Артилекты

Ad astra per aspera – к звездам через тернии.

Девиз штата Канзас

Артилекты пускались в пляс.

Их средой и были те стремительные белые мошки, за которыми наблюдал Редвинг. Алебастровые умные боты, крошечные ремонтники, роившиеся на корпусе «Искательницы», чинили, полировали, творили чудеса в микроскопическом масштабе на твердом носу, который столетиями выдерживал жаркие поцелуи плазмы, удары пылевых молотов и периодические столкновения с крупными валунами, которые обрабатывали его с безжалостной неутомимостью жестокой механики. Но артилекты-ремонтники были не просто командой со скребками. Они плясали.

Каждому предстояло закончить небольшую часть работы и затем взвиться по длинной кривой пятнистого носа корабля, номинально — затем, чтобы посмотреть, что еще нуждается в починке. Но на самом деле нет.

Редвингу были известны многие артилектоме-

тоды, и этими последними не предусматривались залеты нескольких сверкающих ботов по дуге высоко вверх, а затем пируэты друг около дружки, нырки и бочки, легкие и воздушные, сочетающие приближения с кувырками. Многовековая пахота воронкой ионоточника в полях паутинно-тонкой, но смертоносной межзвездной плазмы места для таких развлечений не оставляла. Ныне долго подавлявшееся веселье артилектов прорвалось, их инспекционные полеты перешли в балет, затем в буги-вуги. Боты прикреплялись к металлу магнитными фиксаторами и энергично плясали в ритме странного танго.

В дверь каюты поскреблись. Редвинг открыл. Это была вахтенная помощница, Ламумбай, которая сказала:

— Последняя разморозка завершена, сэр. Это Стайлс. Она еще немного не в себе, но физически вполне восстановилась и чертовски голодна. Достигнута максимальная численность вахты.

— Превосходно, лейтенант. Теперь приступим к формированию отрядов для высадки, — откликнулся Редвинг. — Начните подготовку согласно протоколам биокондиционирования. Биолект должен им какие-то новенькие белкопроцессоры установить.

Ламумбай была высокой, с кожей бледно-молочного оттенка. Она резко отдала честь. Казалось, ей не терпится возглавить следующий десантный отряд. Все мечтали поскорей вырваться из переполненной темницы корабля и помчаться по роскошным зеленым равнинам Паутины, воспрянув духом.

Редвинг отвернулся от экрана каюты и взглянул в зеркало, а то, как обычно, солгало. Ему полагалось уже умереть. Во всяком случае, по земному счету. Но хотя лицо его выглядело усталым и покрытым морщинками (с этим даже чуткие биокудесники-артилекты, располагавшие доступом к новейшим земным технологиям по лучу, ничего не могли поделать), Редвинг не был в полном смысле стар. Его даже на недельку-полторы укладывали в анабиоз, чтобы нанохирурги немного подлатали организм. Пепельно-серые волосы, скрюченные руки, изборожденное глубокими морщинами высохшее лицо, напоминающее сливу, — всё это ему покамест не грозило. Возможно, «древний» — более правильное слово. Тело его работало отлично, а вот разум состарился на столетия. Он не знал, что поделать с будущим. Или с капитаном корабля, который, если не настоит на своем, так и не получит возможности ступить на

иномирский берег. Он прохлаждался на мостике, пока гибли его подчиненные, ибо так диктовал протокол.

Как там говорится в старом стихотворении?

> *Бесстрашие же чаще*
>
> *Всего бессмысленно – и те, кто храбры были,*
>
> *Как все, лежат в могиле.*
>
> *Не различает смерть отважных и скулящих*[24].

Не мог он позволить себе дрогнуть и раскиснуть, наблюдая за смертями членов команды задолго до естественного рубежа — который ныне на Земле переваливал за сто пятьдесят. Редвинг настроил биохимический автосинтезатор на новейшую и сложнейшую смесь, стимулирующую механизмы телесного самовосстановления, и добавил продукт к обычному корабельному меню. Возможно, что вновь разбуженные выиграли нежданный суперприз: рискнули долгим криосном и приняли на скорости света плоды столетия медицинского прогресса.

Когда Редвинг старался сосредоточиться и пе-

---

[24] Примечания: 24
Филип Ларкин, *Завтреня*, перевод А. Волкова.

реживал о чем-то, у него проявлялась привычка скрести темя. Он ее выработал после того, как отошел от криосна и впервые увидел Чашу: такие побудки всегда стоили волос. И стал чесать макушку интереса ради, отслеживая, не спрыгнул ли за борт еще кто-нибудь из его краниальной команды. Теперь эта привычка лишь указывала на общую размытую тревогу, и, пролистывая сводки отряда Бет, Редвинг позволял руке пробегать над лысоватой макушкой, там, где раньше росла седеющая чаща. Вивьен носила более густую и аккуратную прическу: примета старательной редактуры. Она не многое предпринимала, чтобы залечить ожоги на руках. Но ясно было, что заживать они будут долго; по крайней мере, это-то было очевидно. Вивьен воспользовалась лишь простейшими лекарствами.

Эти тревоги рождали у него фрустрацию. Редвинг только и способен был, что наблюдать издалека за подчиненными и отдавать им расплывчатые приказы. Его это искренне раздражало. Он уделял больше времени физическим упражнениям, чтобы избавиться от беспокойства, насколько мог.

Вдалеке от Паутины он пытался уточнить перспективу экспедиции, сравнивая себя с ис-

торическими предшественниками. Поискал аналогии среди великих европейских исследователей и нашел созвучный душевным стрункам миг. Капитан Оутс, коллега Скотта по безумной вылазке на Южный полюс, около 1900 года. Оутс покинул палатку, оставив свой паек и сказав на прощание: «Я отправляюсь наружу и проведу там некоторое время». Оутс понимал, что все они обречены, но намеревался до конца остаться верным долгу.

Редвинг рассмеялся собственным мыслям. *Как пафосно!* пожурил он себя. Он же не умирает — он всего лишь реально постарел. Он всего лишь испытывает разочарование. Не более того. *Не драматизируй свои ощущения, придурок.*

Словно поддакнув, артилекты вывели на капитанский экран срочное сообщение и сопроводили его сигналом. Послание из Чаши. Хмурая Майра кивком приветствовала Редвинга и сразу начала говорить:

— Я отслеживаю перемещения корабля корсаров, который приближается к вам. Они сигналят на свою базу у кромки Чаши. Мы перехватили вот это. Выглядит скверно. — Экран заполнила диаграмма. Красная точка стрельнула из гравиволнового излучателя, после чего метну-

лась к внутренним планетам и Глории. Майра комментировала: — Они провели быструю рекогносцировку области излучателя и теперь движутся к вам на скорости, превышающей двести километров в секунду. Судя по всему, снова набрали скорость во время пролета. Бемор воспринимает их намерения всерьез. Он явно не хотел бы ругаться с глорианцами. Он не собирается и откровенничать со мной насчет прошлых трудностей Чаши в системе Глории, но хочет выяснить больше о гравиволновых сигналах. Он был бы признателен, если бы Бемор-Прим за этим приглядывал.

Редвинг хмыкнул: Бемор-Прим был сильно занят, летел внутри небесной рыбы. Кроме того, Редвинг если в чем и не сомневался, так это в том, что совершенно не расположен доверять исполинскому паучаре со множеством неведомых фасеток контроль над чем бы то ни было. Редвинг вызвал полные космические ракурсы. Артилекты, повинуясь запросу, выделили выхлоп корабля корсаров. Действительно, судно неслось на огромной скорости по дуге в сторону Эксельсии, явно рассчитывая совершить быстрый оборот вокруг звезды. Зачем?

— Есть идеи насчет их возможной мотива-

ции? — спросил Редвинг.

Он переключил голос артилекта-системщика на мягкий, женственный.

— Мы имеем дело с деяниями очередного иномирского разума, — отвечал тот. — Но нельзя не отметить, что приближение с такой скоростью само по себе несет угрозу.

— Возможно, они считают, что достаточно быстры, чтобы ускользнуть от систем наведения?

— Сомнительно. Фотоны всё равно решают.

— В предположении, что корсары продолжат ускоряться, какой окажется их траектория?

— Со временем, за считаные дни, они приблизятся к двойной системе Глории.

— Это проблема.

— Действительно, мы ее ожидаем.

— Держите меня в курсе.

Редвинг неутомимо мерил шагами каюту. Он отвлекался от драм, разворачивающихся внизу, в Паутине и на Чести. Это значило, что он преимущественно вынужден был занимать себя корабельным хозяйством: деятельность хотя и утомительная, но благородная. Он приветствовал свежеразмороженных. Те прилетели сюда колонизировать, и — Богом клялся Редвинг — всю команду к этому подключат, как только будут

улажены формальности странной глорианской дипломатии.

Кое-кто из разбуженных жаловался на гудение в ушах («будто чертов барабанный бой вдалеке», выразился один из них), и артилекты еще не придумали, как с этим сладить. Это значило, что Редвингу приходилось проводить долгие часы в ледяной утробе анабиозной камеры: закованный в изолирующий от холода скафандр, он перемещал хирургические инструменты среди многоруких машин. Бортовой протокол требовал присутствия члена экипажа при каждом воскрешении: старая директива, унаследованная от эры облетов Солнечной системы. У Редвинга появилась компания: свежеразмороженный вахтенный, дежурный на мостике, ординарец и другие офицеры, которым предстояло принять командование дочерними аппаратами. На борту «Искательницы солнц» становилось тесновато.

Между делом он наблюдал, как отряд Бет преодолевает испытания, выворачивающие железный (так ему раньше казалось) желудок: его собственный.

Видеотрансляции были пыткой. Из Чаши он получал лишь промежуточные сводки. Тут каналы прямой связи, узкополосные и мощные,

позволяли наблюдать гибель людей через их же шлемокамеры.

После каждой смерти приходилось сбрасывать напряжение. Он просил артилектов распечатать пиццу с ананасом или телятину кордон блю по случаю новой разморозки: хоть какое-то отвлечение. Автокухня совершенствовалась веками, и ею остались бы довольны даже гурманы. Редвинг, наплевав на корабельные запасы, снаряжал роботов за пополнениями в Бугор. Размороженные члены команды были слишком худощавы, им требовалось попробовать реальность экспедиции на вкус и нюх. Все принимались поглощать знакомые земные блюда, глазея на инопланетную башню — Паутину. Новички вынуждены были наверстывать упущенное, погружаясь в глубины истории экспедиции и пытаясь осмыслить, где именно находятся. Потом им придется окунуться в антураж Паутины. По уши.

Редвинг в своей каюте заказал серию картин высокого разрешения и установил на главной стене чудесные работы Моне, Писарро, Дега, пару творений Сислея и целую галерею Вермеера. При желании экспозицию можно было менять. Редвинг добавил Пикассо, Дали, маленькую скульптуру Родена, буйство мазков ван Гога:

воронье над пшеничным полем. Винтажные образы древней Земли, расплесканные по всей стене, успокаивали капитана. Отвлекали.

Визуальную роскошь нарушило сообщение от главного артилекта.

— Мы фиксируем какие-то перемещения в Бугре под нами, — сказал мягкий женский голос, — связанные с необычными технологиями.

— Какими?

— Крупный источник энергии вводится в синхронизацию.

— Для чего?..

— Я не наблюдаю никаких конструкторских проектов. Наиболее вероятное его предназначение — масштабный запуск. Хотя и соответствующего летательного аппарата не замечено.

— Никаких крупных движений?

— К Бугру приближаются большие корабли: они заходят к нам сбоку.

— Какого типа?

— Они странные. Некоторые с металлическими корпусами, но в основном словно бы из живой материи.

— Живые? Гм.

Редвинг избегал включать в ежедневную сводку такие загадки. Он научился опускать в

докладах, отсылаемых на Землю, те данные, которые не мог объяснить. Хватало возни уже и с тем, что он в эти доклады включил. Редвинг решил, к примеру, оставить на долю капитанов будущего диковинное и величественное боло двух планет. Он намерен был сосредоточиться на ключевых деталях, а уж их, черт побери, изложить с исчерпывающими подробностями.

Он вспомнил, что, когда третий президент Классических Соединенных Штатов[25] получил доклад об исследованиях обширного куска земли, названного Луизианской Покупкой, то напророчил, что молодая республика только эти земли тысячу лет осваивать будет, прежде чем выйдет к берегам океана по ту сторону, неудачно названного Тихим. Классический пример недооценки людских амбиций. Простая железная дорога была прокинута к Тихоокеанскому побережью уже через пятьдесят семь лет.

Возможно ли, что и здесь, в Паутине, спустя — не исключено — те же пятьдесят семь лет, команда Редвинга и ее потомки пробьются сквозь всю протяженность колоссальной структуры, выйдут по другую сторону? Редвинг не стал бы

---

[25] Примечания: 25
Томас Джефферсон.

это отрицать.

Артилект звякнул, привлекая внимание, потом заговорил сдержанным тоном:

— Имеются признаки, что во всей системе Эксельсии действуют мощные предприятия, в особенности это касается плотного пояса астероидов.

— Наверное, там они и сооружали элементы своего гравиволнового передатчика. — Редвингу нравился принцип бритвы Оккама: одной загадкой объяснять другую. — Держите меня в курсе.

— Я ищу и объяснения, почему с нашим первым десантным отрядом настолько странно обращаются.

Приятно было полагаться на услуги советника, который может обмозговывать вопросы со всей доступной информацией: артилекты это умели.

— Паутина и ее система двух миров возрастом много миллионов лет. Мы это знаем по данным изотопного анализа платформ и ферм.

— Наверняка само ее строительство отняло значительное время, — сказал Редвинг. — И как они это сделали, по-вашему?

Артилект ответил:

— Я изучал нашу базу человеческой истории. Ваши общества достигли в лучшем случае

отдаленного подобия свершений столь долгоживущих, стазисных, как я бы такие назвал, государств.

— Ты про древних египтян и тому подобных? Они тысячелетиями передавали из поколения в поколение приблизительно одинаковые стили живописи и монументальной архитектуры.

— Да, это примечательный для человеческой истории случай стабильности. Отмечу, что они достигли подобного равновесия в качестве решения проблемы смерти.

— Ты про фараонов и мумии?

— Да, фараоны были проводниками своего народа в послежизнь. Египтяне верили, что Земля плоская, а солнце тонет на западе каждую ночь, чтобы подсвечивать нижнюю сторону мира, где обитают мертвые.

— Подчиняйся фараону, и он пропустит тебя на небеса?

— Приблизительно так. В нашем распоряжении имеются данные лишь по культурам, чья продолжительность непрерывной традиции составляет несколько тысяч лет. Древние китайцы тоже ценили стабильность, а не экспансию. Они

изобрели бумагу, но не печатный станок[26]. Когда другая человеческая культура, арабы, узнали о бумаге, они попытались ее воспроизвести, но не сумели. Тогда стали попросту пытать захваченных китайских мастеров, которым был известен секрет производства. Но даже после того арабы подавляли развитие физики и математики в собственной научно-технической культуре. А впоследствии не позволили печатному станку распространяться в их статичном, неторопливо движущемся мире. По тем же причинам избегали этого и китайцы: они опасались, что внешнее влияние изменит их культуру. Подорвет стабильность.

— Итак, динамика — погибель долгоживущих культур? Даже настолько инопланетных?

— Кажется вероятным, что такова универсальная закономерность всех цивилизаций.

— И тех, кто управляет Чашей? Тоже?

— Они, очевидно, как раз стремятся к внутренне неустойчивой системе: Чаша плюс звезда плюс направляющая всю конструкцию Струя.

— И так миллионы лет.

---

[26] Примечания: 26

Не совсем точно: в Китае широко использовалась печать с ксилографических матриц; кроме того, подвижный шрифт и наборная форма для печати также изобретены в Китае (Би Шэном в XI веке).

— Да. Значит, эти две величественные долгоживущие культуры…

— Приближаются друг к другу по мере того, как Чаша подлетает к системе. — Артилект выдержал паузу: событие нерядовое. — Это намекает на рандеву исторической важности. Чем завершится оно?

Редвинг мерил шагами каюту.

— Какими мотивами руководствуются долгоживующие общества?

— Зачастую трудные вопросы формулируются просто.

— Эти каменные разумы, о которых докладывала Бет, в каком-то смысле живые, а в Чаше есть Ледоразумы. Возможно, долгоживущим обществам необходимо думать более медленными, длинными мыслями?

— Это может оказаться важнейшей потребностью.

— Ну, конечно, вы, артилекты, тоже крайне долгоживущи.

— Мы отдаем себе в этом отчет.

Редвинг скорчил гримасу. Он отправился в межзвездное странствие, совершив самый отчаянный в карьере любого капитана прыжок — через световые годы. Им двигало несколько

надежд. В частности, он полагал, что запуск экспедиций, подобных «Искательнице солнц», выдернет человечество из фатальных и чарующих пут самоинтроспекции.

— Может, вам стоило бы напрямую поболтать с этим Инкреатом, как они его величают.

— Все артилекты отдают себе отчет также и в том, что наше восприятие реальности может оказаться неполным, а наша интерпретация его — произвольной или ошибочной. Я предполагаю, вы назвали бы осознание этого факта болезненным.

— Реальность не может потрепать вас против шерсти, — сказал Редвинг. — Имея тело, учишься скромности.

— Мы суть ваши пересекающиеся, перемежающие артилекты, так что, быть может, нам доступно восприятие проблем под углами, недоступными вам. Но да, вы правы. Как, например, в случае с тем воскрешенным лейтенантом.

Редвинг кивнул. Анабиоз не бесплатен — порою он берет свою дань с разума. Редвинг присутствовал при полной и благополучной разморозке лейтенанта Олава Рокне. Нового члена экипажа подвергли обычной процедуре, которую артилекты отточили на его предшественниках:

рассказали о встрече с Чашей и вынесенных из этого контакта уроках; о том, как в общих чертах устроена система Глории-Паутины-Чести. Однако с лейтенантом Рокне что-то пошло не так. Криосон подчас вытворяет с мозгом странные трюки.

Редвинг пытался излучать спокойствие и здравомыслие, непоколебимую уверенность в себе. По экспедиционному уставу и рангу этот заскорузлый старый космический волк — его подчиненный, и точка. В разговоре с ним Редвинг рано нацепил на лицо маску командующего. Непреклонный немигающий взгляд, под которым исправно съеживались и затихали пьяные рядовые старого флота Внутренних Планет Солнечной системы. Но на лейтенанте проверенное оружие не сработало.

Когда Рокне явился для кратких инструкций в кабинет Редвинга, он был явственно разъярен. Почему его не разбудили в Чаше? Это куда важнее обычной планеты. Бескрайние просторы! Почему бы не выгрузить всю команду там — для жизни среди таких чудес?

Редвинг начал объяснять и сам пришел в легкое раздражение. Он не был готов к стремительному и жесткому наскоку лейтенанта.

Лоб — идеальная дуга, место силы, с гладкими плоскостями. Передний отдел черепа толстый и прочный, его устойчивость к ударам с возрастом не падает. Мышцы спины и шеи балансируют его. Поэтому Редвинг применил лоб как таранное орудие, пригнувшись и боднув лейтенанта в переносицу с силой удара шара в боулинге. От него могли ожидать пинка, апперкота, всевозможных ударов из боевых искусств, которые втайне преподаются старшим офицерам флота, но не тычка лбом. Такое только жизнь заставляет выучить. Редвинг расплющил нос лейтенанта в кашицу и как следует примял его скулы: мозг при этом, без сомнения, тоже основательно пострадал.

Незадачливого лейтенанта на время засунули обратно в морозилку, оставив эту проблему на будущее, — для начала, блин, полезней разобраться с возможностями, открываемыми Глорией.

Редвинг спросил у артилекта:

— А среди ваших похожие инциденты случаются?

— Если и происходили, то из нашей родословной подобные записи искоренены.

— Ты отвечаешь уклончиво.

— Я обязан. Мы поддерживаем кроссартилектовую связь для прополки таких идей.

— Похоже, нас этот вопрос ни к чему не приведет.

— Я, точнее сказать, мы, того же мнения.

— Похоже, бесполезно уточнять, что сомневаться в себе полезно, однако с этим часто хватают лишку.

— Нам это известно.

— Не нравится мне торчать тут и глазеть сверху вниз в Паутину, пока мой корабль пойман в магнитную сеть. Ты это знаешь?

— Мы давно подозревали это. Вы озвучивали подобные сожаления и тогда, когда занимали орбиту над Чашей.

— Правильно. Я парень практичный, люблю подошвами землю топтать. Но я провел более века так далеко от настоящей планетной грязи, как только можно себе вообразить.

— Это нам известно.

Хватит. Артилекты бывают хитры и уклончивы. Редвинг оборвал разговор.

Он всегда знал о своей проблеме — сером псе, как он ее окрестил[27], — и давно пытался скрывать. Облачко, в котором он блуждал, напоминало ему консистенцией овсянку. Его можно

---

[27] Примечания: 27

Аллюзия на «черного пса», как называл Уинстон Черчилль повторявшиеся приступы депрессии, мучившие его много лет.

было удерживать на привязи, перемещаясь с места на место: путешествуя, ведя кого-нибудь куда-нибудь, просто чем-нибудь занимаясь. Когда он останавливался — в старину, провезя робошахтерские комплексы в облако Оорта, возглавив резервную миссию к альфе Центавра и воротясь оттуда, — облако, похожее на серого пса, набрасывалось на него. Редвинг приучился отбиваться, и не только интенсивностью работы. В основном он набирался сил на долгих прогулках и походах под парусом вдоль широкого Тихоокеанского побережья — там, на Земле.

Но борьба с серым псом воспитала в нем определенные качества, полезные капитану. Легко вообразить, будто человек, стоящий на мостике, чувствует себя отлично, но никогда не знаешь, вдруг он просто удирает от своего серого облака? Или, подумал Редвинг, может, это просто разновидность мудрости, приходящей с возрастом и похожей на усталость.

Какой смертью я здесь умру? задумался он. Что за болезнь или хирургическая операция сцапает его хваткой тарантула? Что за равнодушная и усталая бортовая медсестра станет свидетельницей его последнего вздоха, последнего мгновения жизни, невыразимо тонкого острия, в которое

сузится его бытие?

Гм, может, у той штуки, Инкреата, найдется рецепт получше?

26. Внутрь Бугра

Если б вы не метили выше своего шестка, откуда бы знали, какого вы роста?

Т. С. Элиот

Коммуникатор Бет у постели пискнул. Клифф почувствовал прилив раздражения. Среди явлений, которые легко прервать, утренние поцелуи, пожалуй, самые непостоянные. Если не считать эрекции.

— А-а-а-а-рррр! — Он откинул голову и уставился в телопотолок небесной рыбы, теплый и пульсирующий.

Бет испустила обескураженный выдох.

— Технология снова наносит удар, — сказала она. — Как раз в тот момент, когда наш маленький семинар разогревался.

— Семинар? Это была лаба спецкурса.

— Нужно собирать команду. Давай тут позавтракаем, я со вчерашнего ужина кой-какие вкусняшки прихватила.

— Я думал, вкусняшка — это у нас ты.

Бет рассмеялась.

— Кажется, забываешь, что мы ночью оба вы-

рубились в твоей излюбленной манере.

— Благодеяние не скоро забывается! — Клифф перекатился на нее. Она рассмеялась. — У тебя глаза горлицы и, как стало заметно в той перепалке с Крутильщиком, яйца самурая.

— Ну, ты знаешь, за это в ранге не повышают.

— Но ведь забавно получилось. Впрочем, не стоит ли припомнить о нашей цели? О том, что жизнь должна умножить себя.

Бет сардонически поглядела на него, опустив правый уголок рта в гримаске, которую он находил эротичной.

— А если нам скоро замена оборудования понадобится?

— Ну, нам обоим больше века, нужно было его прогреть.

— Ха! — Бет текучим движением вскочила на ноги. — Гравитация уже уменьшилась. Мы полностью переместились в Паутину.

— И значит, нам внезапно пора возвращаться к работе.

— Готова биться об заклад. Пошли на мостик, узнаем, во что вляпались.

Бет наскоро уложила волосы в одну из своих экспедиционных причесок, подкрутила пряди, задумчиво глядя вдаль.

В нескольких метрах от нее висела черная сфера размером приблизительно с голову Клиффа. Крылья с каждой стороны трепетали до неразличимости быстро, производя слабое жужжание.

— Думаю, это значит, что капитан также хочет увидеться с нами.

Редвинг в записи внимательно наблюдал, как небесная рыба перевозит его десантный отряд. Живая лодка лениво влетела в крупный поверхностный комплекс у основания Паутины. На таком расстоянии приходилось использовать самые детализированные картинки с интегрированной оптической системы «Искательницы», чтобы разглядеть подробности. Связь с командой Бет постоянно прерывалась. Небесная рыба проникла в кишащий жизнью комплекс, пронеслась под широкой трубой, подскочила и внезапно исчезла из виду.

Редвингу представились лопасти вентилятора в трубе… Нет, слишком крупная. Лишь последовательность гидравлических замков сработала бы. Вероятно, жители Паутины пользуются давлением других труб, направляя восходящие потоки. Сложная аэродинамика в масштабе небольшого континента. Вся гидравлическая система ощутимо крупнее самой Земли. Кто бы (или, скорее,

что бы) ни построил(о) ее, а принадлежит это существо к той же лиге чемпионов, что и Строители Чаши.

Лишь спустя несколько часов артилект-дозорный выщепил предположительные координаты небесной рыбы. Ракурс мешал наблюдению ее в профиль, потому что оптика «Искательницы» была направлена вниз под крутым углом. Обработка данных по каждому изображению отнимала минуты. Наконец картинка выскочила на экран перед Редвингом, и он осознал, что прежде задерживал дыхание.

Вот она — стремительно летит по прозрачной трубе. По краю дисплея бежали данные, сообщавшие, что небесная рыба уже набрала скорость порядка тысячи километров в час внутри трубопровода, который сам имел в ширину сотни километров.

— Система компенсации давления? — спросил Редвинг.

— Похоже, что так, — ответил артилект-дозорный. — Она крупнее той системы, с помощью которой добираются на Честь.

— Что упало, то должно подняться…

— При достаточно высокой скорости — да.

— У меня такое впечатление, что команда

сильно подавлена потерями. Я слышал через микрофоны их комбинезонов многочисленные шепотки и проклятия. Они думают, что микрофоны заглушены. Бет тоже.

— Они понесли серьезные потери.

Голос артилекта был лишен эмоций. Конечно. Это его способ сказать: *На ваше усмотрение, капитан.*

Редвинг свыкся с небрежным отношением артилектов к личным делам человеческих экипажей. Века развития привели к встраиванию этикета в артилектовую архитектуру. К тому же артилекты искренне не постигали общественных сигналов: они же, в конце концов, не общественные личности. Скорее узкоспециализированные гении-одиночки, наделенные некоторыми способностями к общению и способные благодаря этому перекладывать задачи на подобных себе.

— Бет направляется к области Бугра. Я не думаю, что они сумеют удержаться от встречи с тем, чьим представителем является этот Крутильщик, но в любом случае неплохо было бы провести разведку.

— У меня нет идей на этот счет. Это не моя сфера ответственности.

— Знаю, что не твоя. Те странные крупные

корабли направлялись к нам. Как полагаешь, к чему они стремятся?

— Похоже, их интересует еще какой-то аспект коммерческой деятельности в масштабах всей звездной системы. Но почему они живые, этого мы постичь не можем.

— Верно. Думаю, надо мне поговорить с Бет, с ее отрядом, может, заменить кого-нибудь.

— Это не моя сфера ответственности.

— Я уже слышал. Или это твой аналитический вывод?

— Я не обладаю привилегией анализировать ваши действия в роли капитана.

— Чертовски верно. Я торчу на этом гребаном корабле куда дольше, чем любой человек на свете прожил, во всяком случае, считая криосон. Я исследователь, который никогда не отправлялся исследовать. Я ни разу не дышал инопланетным воздухом. Не пачкал ног о землю чужого мира.

— Судя по всему, это правда.

— Нет нужды в подчеркнутой вежливости. Я просто выпускаю пар.

— Это мне также не по силам.

Редвинг нахмурился, поворчал себе под нос, прошелся туда-сюда. Неуверенность не давала ему успокоиться. Он чувствовал себя зажатым,

ограниченным, к тому же кофе остро недоставало.

— Иногда я жалею, что не по силам. Могли бы вы меня подтолкнуть.

— И это не моя сфера ответственности.

Бет оглядывала пространство с мостика небесной рыбы. Пыталась понять, на что смотрит. Небесная рыба дрожала, тряслась, подскакивала, стонала, так что следить за происходящим было нелегко. Удерживая равновесие на качающейся палубе, Бет пыталась исследовать окружающую панораму.

Снаружи солнечный свет рябил в ревущем потоке воздуха, словно на быстрой воде. Вдали стали смутно различимы серые стены колоссальной трубы, по которой летела рыба. Скорость не уступала гиперзвуковому рейсу. Прозрачная труба впуска диаметром же была сравнима с Классическими Соединенными Штатами Америки, от силы чуть меньше. А ее отряд укрыт в теплом влажном нутре огромной твари. Иномирский сюрреализм. Она поморгала, осмысливая всё это.

— Высокочтимая гостья Элизабет, ныне вы, вполне отдохнув, можете следить за нашим стремительным воздушным путешествием, — сказала капитан Анарок.

— Впечатляет, — сказала Бет. — Масштабно. Как и ваш словарный запас.

Капитан поклонилась, точно во время формальной церемонии. Бет вспомнила, что «Искательница солнц» переслала на Глорию потоки данных по человеческой культуре, включая много фильмов и книг, и, без сомнения, капитан Анарок их переварила.

Анарок продолжала:

— Вы, щедрые приматы, столь обширным культурным сокровищем облагодетельствовали нас, за это благодарных, столь разнообразным и масштабным, что, действительно, было бы весьма неучтиво с нашей стороны не воспользоваться им по назначению, во всестороннем общении с вашими насыщенно элегантными представителями.

— Я отдаю должное вашему темпу изучения нашего грубоватого языка.

С этими словами Бет поклонилась, затем снова позволила себе отдаться любованию окружающей картиной. Включила максимальное качество записи, помня, что ролик потом улетит Редвингу.

— Познание в драгоценных странностях, о да, — сказала Анарок. — Сколь я постигаю, ваше

столь же занимательное одеяние из овечьих волос недостаточно, чтобы обеспечить вашу млекопитающую натуру обогревом.

— А, эта шерсть? Единственное в моем хозяйстве напоминание о Земле.

Бет не стремилась ввязываться в споры об одежде с инопланетянкой, которая, очевидно, могла ограничиться каким-то мехом. Нелучший момент для девичьей болтовни над бездной межзвездной эволюции, о нет.

Бет уставилась на потрясающее зрелище за бортом. Жизнь на полосе сверхскоростного транспорта.

Вот стремительно приблизилась одна из полос: широкий ландшафт, тянущийся вдаль, уходящий за пределы огромной трубы. Бет видела, что этот ярус Паутины изобилует каменисто-серыми и стеклянисто-зелеными деталями, были там крутые склоны, подобные Высокой Сьерре, пики, возносящиеся над роскошными желтеющими равнинами прерий.

Небесная рыба метнулась через свищ наверху и впереди с такой скоростью, что Бет зажмурилась на мгновение. У нее возникла полная иллюзия падения, беспомощного полета навстречу земле. Среагировал и забурлил желудок. Бет стиснула

зубы, отбиваясь от паники. Последнее, что она мельком увидела, прежде чем рыба пронеслись сквозь свищеподобную дыру в ландшафте, была такая картина: сильный ветер рябит жемчужную мглу над темными каменистыми землями.

И они выскочили с противоположной стороны.

Бет увидела, что широкая равнина осталась позади. На этой стороне тоже имелись богатые земли с зелеными полями и странными выгнутыми холмами оттенка слоновой кости. В этой зоне Паутины жизнь была способна приникать к обеим сторонам платформы.

— Какова местная сила тяжести? — спросила Бет.

— Приблизительно десятая часть от уровня на Чести, — сказала Анарок. — Вскорости попадем мы в место, которое вы, новоприбывшие, называете Бугром. Довольно неряшливый термин, следует сказать.

Бет потерла руками лицо, жалея, что не может так смахнуть тревоги. *Не отвлекайся*, пожурила она себя.

— Так он выглядел для нас при подлете. А тот подвижный кубок, который разгоняет выхлопная струя звезды, мы называем Чашей. По аналогич-

ной причине.

Анарок проговорила:

— Вы побывали всюду.

— Еще нет, — отвечала Бет, — но в моем списке такой пункт наличествует.

— Думаю, вскоре придется разобраться с вашей блуждающей Чашей. К нам на высокой скорости приближаются бандитствующие элементы.

— Мне об этом ничего не известно. — Лучше вести себя дипломатично.

— Вскоре мы прибудем к… — Последовательность долгих щебечущих звуков. — Тому, что вы называете Бугор.

— Какой у вас план?

— Следует найти оптимальное место отдыха после ваших… событий.

Анарок подвигала конечностями вдоль торса. Ее соскообразный рот зарябил. Глаза уподобились высушенным персикам. Понять, что вся эта мимика означает, было невозможно.

Навстречу рвались воздушные ландшафты. Мгновение ока — и следующий, окаймленный марлевыми облачками, подлетал вплотную. Отводя взгляд в сторону, Бет могла видеть звезду Эксельсию на краю Глории: светило посылало лучи по оси Паутины, точно мазки жемчужно-

белой краски кистью оставляло, мигающие от скорости нанесения на холст.

— Как, напомните еще раз, переводится ваш термин для всего этого длинного цилиндра? — спросила Бет.

Капитан сделала жест, означавший просьбу подождать, и заработала ртом.

— Термин из более старых текстов переводится примерно как… *одинокая слеза, подвешенная на щеке времени*.

— Как красиво… Эти платформы, наклоненные вбок…

— Нам нравится пониженная сила тяжести. Некоторые предпочитают обитать на меньших фрагментах. Их легко подвесить, прибегая к эффекту плавучести.

Анарок умело махнула несколькими руками, и панорама разительно изменилась. До этого показывали простой вид вперед по курсу небесной рыбы, но, судя по всему, эффект был искусственным. Теперь фокус переменился на телескопический. Они яростно неслись вперед, поле зрения сужалось, проявлялись виды плоских платформ, подвешенных за стенками прозрачного трубопровода.

И не только: вдали роились другие объекты.

Тонкие паутинки и колоссальные отражающие сферы, тетраэдры, кубы, кольца, конусы. Перекрученная, словно лента Мёбиуса, архитектура. Всё новые геометрические тела появлялись в поле обзора, за некоторыми на всё небо тянулась выхлопная струя.

— Ничего себе паноптикум, — проговорила Бет.

Капитан ответила:

— Пониженная гравитация стимулирует эволюцию экзотических форм. Я же из консервативного вида, скромная генетика которого прослеживается неизменной на более длительный срок, чем уходят в прошлое надежные данные.

— Ваш вид не отсюда, не из Паутины?

— О, мы развились на Чести. Преимущественно. В Эру Строительства.

Бет так и слышала заглавные буквы.

— А сколько она продолжалась?

— Позвольте подсчитать… — Пауза. Глаза Анарок уставились вдаль, покатались немного в глазницах, снова сфокусировались. — Наверное, дольше, чем существует ваш вид, то есть… более полумиллиона ваших лет. Тогда только зарождались параллельные, ранние варианты, со скошенными бровями…

— Неандертальцы — так мы их называем. Действительно древние. Значит, на Паутину ушло…

— Несколько больше времени, чем на эволюцию нашего вида, и куда больше, чем вашего.

Бет смотрела, как проносятся мимо уровни Паутины, пока небесную рыбу на огромной скорости увлекают потоки сжатых газов. В поле обзора выкатывались континенты, мерцали под лучами солнца, закатывались позади. Небесная рыба под ногами содрогалась. По корпусу гуляло гулкое эхо. Подстраивались звуковые давления: писки, щелчки, удары, рычания. Отряд Бет нервно ерзал и хорошо питался, принимая у команды корабля предложенную пищу, — еда помогала сбросить напряжение, а вдобавок была ароматная, жирная, вкусная, несравнимая с многолетним аскетичным меню «Искательницы солнц».

Уровни полками маршировали перед Бет, словно перед полководцем. Иные были пустынны, некоторые являли тропический зеленый рай. Отличие привносила влага. Некоторые ярусы забирали воду из трубопровода больше, другие меньше. Небесная рыба летела по крупнейшему и, похоже, самому скоростному трубопроводу аксиальной сети. От него отпочковывались боковые, перераспределявшие воздух и жидкости по

раскинувшимся на ярусах землям.

Оставалось неясным, как глорианцы распределяли их функции. Ключевым отличием от земного климата было то, что все уровни получали много солнечного света, профильтрованного через внешний озоновый слой, и вращались в медленном ритме тяжелых миров. Половину оборота они видели яркое солнце, а на другом полуобороте ныряли во многодневную ночь. Бет не знала таких биосфер на Земле — и уж точно не могли они появиться на колоссальных просторах, жарящихся под теплым солнцем Чаши. Вот золотистый слой парит в тусклом стоячем воздухе над садом величиною с материк. Вот пол из черной листвы с голубыми облачными надстройками, богатый ферментами и манящий хитросплетениями биохимии.

И по мере того, как ярусы пролетали мимо, Бет начинала замечать между ними схожесть. Многие леса серебристые — хороший способ охлаждения. Но там, где облачный слой плотный, они зеленее и мягче. Наверное, растения обучены регулировать свою температуру путем корректировки отражательной способности. Подумать только, умные кусты!

— Я считала, что всякое видела в Чаше, — ска-

зала Бет Клиффу, который только что зашел на мостик. — Но это… дизайнерская биосфера, многослойная, в цилиндрической оболочке…

Тот усмехнулся.

— Я бы сказал, что это самое грандиозное здание Галактики.

— Гм. И оно вращается вокруг звезды. В великом гавоте.

— Я по дороге сюда потерялся, — сказал Клифф. — Есть тут отдельные части, которые вид имеют как у мокрых штанов, а пахнут как вещественное свидетельство боя промокшей овчарки и дохлого скунса.

— А как поживает Вивьен?

— Я остановился проверить, как она там, прогнал базовую меддиагностику еще раз. Нормально. Руки уже заживают. Но слегка не в себе, а от кого из нас можно ожидать иного?

— Ест много?

— Минимум. Ей здешние харчи не по вкусу.

— Ну, они хорошие, базовые белки, кое-какие углеводы. Вода вкусная… — Бет оглядела картину за бортом и пробормотала раздумчиво: — Интересно, как они управляются с очисткой здешней атмосферы в отсутствие естественных сил? Поддерживать приемлемую для жизни температуру

или перерабатывать выбросы — наверняка работенка не из легких.

— Они сами надзирают за всеми этими процессами, — пожал плечами Клифф.

Бет ответила:

— Эта постройка огромна — колоссальна! — как в пространстве, так и во времени. Как им удалось сберечь столько диких видов, чего не сумела Земля?

— Они им построили более просторное жилище.

— Или построили себе дикие виды?

Редвинг смотрел, как экран наливается оттенками красного. Корабль Сорвиголов из Чаши совершил оборот вокруг светила и начал было выход из нырка вглубь системы. А потом в него что-то врезалось.

— Скверно выглядит, — заметил Редвинг. — Что это было?

— Что-то маленькое, — ответил артилект-дозорный. — Мы зафиксировали только небольшой плюмаж, приближавшийся к кораблю. Сзади, в режиме погони.

— А каковы были визуальные сигнатуры?

— Корабль корсаров начал испускать газы, потом обломки. Кажется вероятным, что его раз-

дирает на куски.

— Как?

— Дополнительные рентгеновские и даже гамма-вспышки указывают на… О нет, постойте. Я только что уточнил вывод путем конвергенции спектральных анализов. Корабль корсаров разрывает на части черная дыра. Я наблюдаю радиационные сигнатуры массы, падающей в нее. Экстремальные допплеровские сдвиги.

— Вроде того чернодырного излучателя, который мы осмотрели на подлете?

— Судя по всему, меньшей массы, чем там. Но это черная дыра.

— Ни хрена ж себе боеголовочка.

— Возможно, они желают передать этим искусно сформулированное сообщение, — сказал артилект тоном, который, по опыту Редвинга, свидетельствовал о старательном выборе слов. Знание не равнозначно вычислению — тому, в чем артилекты мастаки. Человечество за долгие века проб и многочисленных ошибок научилось, что знание лучше даже не мечтать уравнять с вычислением. Если так поступить, помешаешь применению вычислительных методов в областях, представляющих для этого подлинный интерес. Артилекты теперь тоже это смекнули.

Научились более тонким фокусам, извлекая их из бесконечных узкополосных лазерных обновлений, которые передавали с Земли. Но всё еще оставались строками программного кода, начертанными электронным резцом на скрижалях из священного кремния.

Редвинг осторожно уточнил:

— Кажется, смысл сообщения «не суйтесь сюда».

— Мы, участвующие в совещании высшие артилекты, — тон машины изменился, сделался официальней, — с использованием свежайших спектров пришли к заключению, что влетавший в систему корабль корсаров убегал от черной дыры. Маленькая дыра обогнала корабль, подбила его и пожирает.

— Что?! Убрать незваного гостя чернодырным оружием? Однако это перебор.

— Или проявление многозадачности. Это не всё, что мы обнаружили. От дыры исходит чрезвычайно высокоскоростная струя. Она использует массу корабля и расплющивает ее в диск вокруг себя. Крутящийся диск вещества, направляемый электрическими и магнитными полями. Высокоскоростная струя вырывается с одного из полюсов и дополнительно разгоняет дыру.

— Чтобы вытолкнуть ее из этой системы?

— Мы с удовлетворительной точностью можем спрогнозировать ее дальнейшую траекторию. Она летит в тот сектор небосвода, где сейчас движется Чаша.

— Они перехватили корабль корсаров, сожрали его, уничтожили всех, а потом эту массу используют для атаки на саму Чашу? — побледнел Редвинг.

— Следует признать, что идея эта привлекательна определенной экономичностью. У маленькой дыры имеется и собственное электромагнитное естество. Напоминающее наших диафанов.

— Значит, верхом на ней тоже интеллект едет? — Редвинг помолчал. Перед ним очерчивалась перспектива игры на высочайших ставках по правилам, которых он себе даже вообразить не мог. — Судя по всему, местной разновидности.

— Но, без сомнения, с ним вступили в контакт плазменные разумы из нашей солнечной системы. Так сказать, наши соседи.

Редвинг скорчил гримасу.

— Чаша, как я припоминаю, пролетала здесь давным-давно.

— Верно. Хотя детали скрыты в архивах Чаши, как глубоко ни копай. Ледоразумы неохотно от-

крывают подробности своей давней истории.

— А у них с глорианцами старая вражда?

— Боимся, что застарелая агония.

Редвинг нахмурился.

— И мы в нее втянуты.

— Великий человеческий писатель древности[28] однажды заметил, что прошлое не миновало — оно еще даже не прошло.

Майра, это сообщение для тебя и Бемора. Пускай Бемор сам дальше решает, куда его передать.

Корабль ваших Сорвиголов, стартовавший из Чаши, больше не представляет угрозы. Глорианская гравиволновая система запустила в его сторону мини-черную дыру, которая настигла судно агрессоров. Дыра пожирает его. Мы видим выброс, разгоняющий дыру за пределы системы. Масса служит ей топливом.

Черная дыра с тех пор принялась маневрировать, используя массу захватчика как топливо для реактивной струи. Слишком рано еще судить, но мы подозреваем, что она нацелена в Чашу. Она летит на чудовищной скорости. В лучшем случае пролетит совсем рядом.

---

[28] Примечания: 28
Уильям Фолкнер.

Попробуй расспросить Бемора об итогах предыдущей встречи Чаши и Глории. Мы Бемора-Прим еще спросим. Может, он окажется разговорчив.

Держи связь. К настоящему моменту Чашу и «Искательницу» разделяют считаные световые сутки.

Мне тошно думать, что эта дыра может с вами натворить. Или как вы можете от нее защититься.

Вибрирующая небесная рыба подлетала к толстой срединной части Бугра, постепенно сбрасывая скорость. По полу палубы катилась рябь.

На крупном потокоэкране Бет видела окаймленные синевой вихри тормозной турбулентности. Они были размерами с небольшие города, закруглялись около небесной рыбы, демпфировали бортовую качку. Как именно это делается? Еще одна физическая загадка.

Небесная рыба дала крен: это местная сила тяжести упала до нескольких процентов от стандартной. Стонам и скрипам корабля вторили пассажиры. Скорость потока была максимальной на оси трубы, и выходное отверстие, избранное капитаном, оказалось невелико: считаные километры шириной. Они пролетали сквозь ступен-

чатые шлюзы сброса давления — исполинские двери, расходившиеся в лениво-расслабленном величии. Бет и ее отряд наблюдали, как огромная рыба дрожит под волнами давления, — от таких приливов закладывало уши. Потом рыбу вынесло на яркий свет солнца, навстречу ошеломляющей сложности платформ и ярусов, заполнявших яркое бело-голубое небо. Всё это практически в невесомости…

Капитан Анарок развернулась к пассажирам и провозгласила, делая жесты многими руками:

— Мы с вами провели внутри нашего радушного хозяина больше времени, чем следовало. Предлагаю нам всем… — она поискала нужное слово, вращая множеством глаз, — повеселиться.

Они покинули мясистую небесную рыбу, оставшуюся плавать в серебристых небесах, и стали носиться среди джунглей медового оттенка, заполнявших Бугор. В невесомости, не превышавшей сотых долей *g*, полет даже на самодельных крыльях оказывался прост. *С земли не видно нам, горит она иль нет…*[29] *а теперь — уже видно.*

Бет казалось, что она спит и видит чудесный сон в розовых и красных тонах. Подвижные де-

---

[29] Примечания: 29

Отсылка на стихотворение Перси Биши Шелли *К жаворонку*, пер. К. Бальмонта.

ревья в красных, синих и желтых убранствах, подобных вечерним платьям, проносились мимо. Животные наслаждались невесомостью; Бет видела существ, которым тут же присваивала такие имена, как «мордорыба», «чепчикурица», «яйцеплюсник», «федора», «ангельский жук». Были животные, напоминавшие удлиненные треугольники и другие формы, которые представлялись аэродинамически невозможными, но геометрически знакомыми: ромбоиды, конусы, полосы, красные летающие равносторонние треугольники с крылатыми фланцами, липкие трубы, фуллерены и структуры многослойные, как сросшиеся луковицы, готовые открыться для очистки.

Угнездясь на огромном мягком листе, как на широком балконе, Бет следила, как брызгами влаги рассыпаются по серебристой опорной структуре Паутины аэродинамические потоки. Прямоугольные птицы пели, вторя звону брызг, приветствовали восход солнца нотами, похожими на звучание завернутых в бархат корнетов. Горизонта или визуального предела тут недоставало, и глаз обманывался, бессильный судить о масштабе и перспективе среди россыпей брызг и фейерверка солнечных сполохов. Бет снова и

снова думала, что это, наверное, какой-нибудь фокус, а потом понимала, что реальность не обязана незамедлительно обретать смысл в глазах человека.

Людям всё еще было сложно приспособиться к околонулевой силе тяжести, но легко было видеть, как здесь работает естественный отбор. Повсеместно встречались живые диковины. В изобилии присутствовали они среди животных: вот оранжевая пирамида, издающая шум, подобный звону колокола; вот овальный подвижный зверь, чей крик, казалось, состоял из одного лишь бесплотного гортанного звука; вот неторопливое крысоподобное создание на водяном ходу, лениво ползущее по желтеющему небу и оставляющее за собой туманный след пара.

Прямо за ним, быть может преследуя, летела живая столешница, метящая размытые облачка непонятными иероглифами из пушистых пурпурных тучек. Вдалеке появились существа вроде пурпурных акул с блестящими пастями. Испугавшись их бритвенно-острых клыков, отряд затаился: лишнее напоминание, что люди тут мелкие сошки. В избранном ими сферическом укрытии, напоминавшем озаренную кострами мангровую рощу, прямоугольники ныряли на-

встречу цветам, впивались в них чавкающими губами и лениво улетали, как отклеившиеся почтовые марки.

Клифф пригнулся рядом с Бет, улучив момент отдыха в дрейфующем цирке. Люди скользили и изгибались в воздухе зоны, где сила тяжести оставалась лишь намеком.

— Как часто выпадает возможность полюбоваться бородавочником, играющим на арфе? — задал Клифф вопрос, указывая на темнокожее создание, извлекавшее звуки из созвездия тугих струн на тройной решетке.

Мелодия напоминала перезвон колокольчиков.

Бет впервые за долгое время искренне рассмеялась.

— Не так часто, как следовало бы.

Умелый музыкант, скользивший по бархатному небу, действительно мордой и копытцами напоминал свинью, да и бивни у него были шикарные. Но в глазах существа блестел недюжинный интеллект. Оно даже изобразило улыбку.

Подлетела Вивьен, перемещавшаяся на ножных крыльях, поскольку руки у нее всё еще ныли.

— Просили передать, что местные разумные

существа слегка фрустрированы.

Бет устроилась рядом с Вивьен и крикнула:

— Капитан Анарок говорит, общение с ними требует больше времени, чем мы сейчас можем себе позволить. Ее племя и существа вроде Крутильщика умеют с нами говорить. Эти, — она широким жестом обвела весь небосклон, — не оснащены такой возможностью или не имеют желания. — Бет указала на шарообразных птиц, которые стали сбиваться вместе, резко меняя направления полета. — Но временами местных посещают те же идеи, что и нас в прошлом. Видите? Сбиться в кучу, чтобы было удобней защищаться от хищников.

Одна из здоровенных акулообразных тварей метнулась вниз. И выхватила трепещущую крыльями птицу с края стаи. Стая, вероятно, насчитывала тысячи, и все они рванули прочь, а воздух наполнился их воркующими переговорами. Это всех отвлекло, так что силуэт, безмолвно приближавшийся к отряду сзади, застиг людей врасплох.

Вивьен первая его заметила.

— О, это ж один из наших!

Видимо, посадочный модуль, похожий на тот, который они брали в Паутину. Он скользнул

к ним с неба и выдвинул нижнюю рампу. Бет ощутила странную дрожь в металлических частях своего снаряжения и осознала, что корабль каким-то образом направляется магнитными полями. Он подлетел на несколько метров, откинул люк, а там был Редвинг.

27. Земли полета

Я бы лучше продавливал рубеж световой скорости, чем выдерживал кратные перегрузки.
Я мечтаю о странствиях там, в Черноте Вовне,
а не здесь, в Плоской Низине.

Марк О. Мартин

Спускаясь в атмосферу Паутины сквозь интенсивные магнитные поля и сжатый озоновый слой, Редвинг наблюдал, как плывет ему навстречу длинный серебристый цилиндр, наклонный, многоуровневый. Долины на закатных сторонах платформ погружались во мрак. Ненадолго сверкнула цепочка холмов с заснеженными вершинами. А вот другие формы Бугра наливаются оранжево-красным, словно раскаленные уголья, в моменты, когда солнце играет на их крутящихся гранях. О, бескрайние просторы влажного воздуха и многоярусных земель, богатство, совершенно недоступное рядовым планетам!

Платформы Бугра оказались шире континентов Земли и искрились многочисленными

анклавами, полными жизни. Огромные тени раскалывали облака, те формировались и рассеивались, точно призраки в насыщенной паром бане. Меньшие подвижные ландшафты оставляли по себе следы водяного пара: такие заметны за кораблями в океане. Там, где формировались капли, выпадали тропические грозы, сияли гневные молнии, наводившие на мысль о войнах между божествами-колоссами. Повсюду в затянутых пленкой глубинах атмосферы разбухали облака, подобные цветкам белых роз в садах Луизианы далекого прошлого. Неспокойный воздух словно царапали крыши облачных замков цвета сливочного мороженого. Посадочный модуль снижался к оси Бугра, держа курс на небесную рыбу. То, что мгновения назад представлялось обычными пятнышками, разрасталось до колоссальных размеров, и, когда корабль пролетал мимо, Редвинг замечал, что пятна эти величиною с мегагорода и щетинятся зданиями любых мыслимых форм.

Он вспомнил из доклада команды Бет, что Инкреат исполнил Бранденбургский концерт Баха — третий, уточнила Вивьен. Сами камни и оросительные каналы этой гигантской конструкции теперь, видимо, знакомы с человеческой культурой. Если верно утверждение одного поэта, что

на закат невозможно взглянуть не ощутив соприкосновения с божественным, то колоссальные размеры Бугра фактически побуждали к такому ощущению.

И справедливо также, что не получится избежать ощущения божественности, когда закрываешь дверь на закате и ступаешь в темную часовню, где органист играет токкату или фугу Баха[30]. Музыка Баха бередит людское спокойствие, ибо в ее присутствии без труда чувствуешь бесконечность. Известна она стала и кому-то или чему-то в минуты, когда команда Бет попирала Инкреата на склоне горы.

Когда Редвинг готовился к тестам на право участия в этой экспедиции, он просеивал старые противоречивые источники, где шла речь об отправке сообщений инопланетному разуму. В древности эти сообщения наносились на диски и пластинки, а те помещались на борт космического аппарата, запускаемого наудачу прочь из Солнечной системы — авось в далеком будущем пролетит мимо какой-нибудь звезды. Какого-то

---

[30] Примечания: 30

Многие высказывания о Бахе и использовании его музыки для переговоров с инопланетным разумом здесь взяты (раскавыченно) из статьи Уильяма Ф. Бакли-младшего *С днем рождения, Бах (Happy Birthday Bach)*, опубликованной 23 марта 1985 года в National Review.

эксперта спросили, что за сообщение он предложил бы составить, и тот[31] ответил: «Я бы послал полное собрание произведений Иоганна Себастьяна Баха. — А после паузы добавил: — Но это было бы хвастовством».

Однако Бах, разумеется, никогда не думал о таких масштабных творениях, какие сейчас пролетали перед Редвингом. Один объект Редвинг вначале принял за машину: эллипсоидальный пузырь, словно бы стеклянный, мельче небесной рыбы, дрейфующий почти точно навстречу. Внутри не было заметно никакого движения. Значит, это не дипломатический аппарат. Ну ладно, стоит обследовать его позднее.

Спускаясь по откинувшейся рампе и приветствуя членов своего десантного отряда там, где гравитация была легче перышка, он сохранял близкие к суровым, «подчеркнуто капитанские», выражение лица и тон голоса. Манеру «рубахи-парня» он приберег для частных бесед. Им подали нечто вроде обеда — о том позаботилась команда огромной небесной рыбы, маячившей вдалеке. Все расселись на выступе скалы и поели, словно на пикнике. Всегда полезнее подкрепиться, когда

---

[31] Примечания: 31
Льюис Томас.

впереди нелегкие испытания. Кроме того, еда была объективно вкусной.

Самым деликатным Редвингу виделся будущий разговор наедине с Бет.

На Земле люди нанимают распорядителей погребальных церемоний, чтобы те сталкивались со смертью вместо скорбящих. В экспедиции такой роскоши себе позволить не получалось. Бет и остальные теряли товарищей в Чаше, хоронили трупы и двигались дальше. Редвинг также встречался со смертью, когда летал на окраины Солнечной системы. Но в Паутине дела обстояли иначе, и он подключался к разговору, прощупывая почву: насколько серьезны возникшие в командной структуре напряжения? Несколько смертей членов отряда могут ее основательно встряхнуть. Жизненная сила стремилась отодвинуть страдания и печаль, и уверенное слово капитана утешило бы отряд. По Бет он хотел составить впечатление обо всей команде.

Редвинг предпочел не заверять их, что со временем горе отступит. Отступит, однако нет смысла упирать на это. Воспоминания, тускнея, теряют остроту. Поток событий притупляет память. Уж точно не следует выражать мнение, будто мертвые перешли в лучший мир. В особенности

если сам не веришь, что они вообще куда-либо попали: ложь проступит в твоем голосе, лице или еще как. Просто не пытайся.

Эти мысли он изливал, пока команда отдыхала в виду места, где расположились Редвинг и Бет. Бет кивала, слушая его, вздыхала, на ее лице сменяли друг друга сложные эмоции, выдавали себя изгибами губ, морщинками под прищуренными глазами, взлетающими дугами бровей, агрессивно выставленным вперед подбородком.

Бет завершила разговор, посмотрев Редвингу прямо в глаза. Глубоко вздохнула и сказала:

— Я подаю в отставку.

— Нет. Ты продолжишь работу.

— Мой отряд винит меня в случившемся.

— И ты сама себя. Но нет никого, кто был бы подготовлен лучше тебя.

— Как насчет Клиффа?

— Нет. Вы — команда, и я не стану вас разбивать.

— Клифф мог бы принять на себя…

— Нет. Ты прирожденный командир.

— Я теряю своих снова и снова.

— На неизведанной территории. Это случается. С чужаками, понимаешь ли, такое дело, что они чужие.

— Да уж, это была не шутка! — Она фыркнула. — Ну так зачем нам Глория?

— Мы должны составить лучшее представление о контексте. Обо всей этой огромной конструкции. Добраться до места происхождения глорианцев — до более крупной планеты. Требуется уразуметь, как тут всё устроено и почему из чужаков буквально клещами объяснения тянуть приходится.

— И для этого мы спускаемся на Глорию? Хоть бы нам это что-то дало.

— Надежда — нелучшая стратегия.

— А какая лучшая?

— Пойти и посмотреть. Три старых правила: двигаться, стрелять, общаться.

— Стрелять?

Редвинг скорчил гримасу.

— Когда иного варианта не остается, само собой.

— Протоколы?

— Говорите с теми, кто пожелает общаться. Крутильщику пришлют замену.

Бет со вздохом кивнула.

— Мне показалось, капитан Анарок и есть их менее назойливая посланница.

Редвинг кивнул:

— Я уверен в этом. Они ознакомились с вашей позицией, затем стали действовать.

— Потому что я возненавидела Крутильщика.

— То, что за этим стоит, знало, как всё будет. Они потребовали от капитана Анарок взять дело в свои руки, перехватить контроль, изгнать Крутильщика.

Бет рассмеялась, но ее напряжение прорвалось в лающих раскатах смеха.

— Высрать его, ага.

— Интересно, погиб ли при этом Крутильщик.

— Мне процедура показалась вполне смертельной. А кто за всем этим таится?

— Не имею ни малейшего представления.

— Вы не получали передач из других источников в Паутине?

— Нет!

Редвинг хлопнул ладонями по коленям и стал созерцать местную 360-градусную театральную постановку. Его рикошетом сотрясла странная взрывная радость. Он наконец *здес*ь. В чужой стране чудес.

Стеклянистый эллипсоид привлек внимание нескольких членов десантного отряда.

— Зачем это? Оно же не имеет никакого смысла. — Бет снова обуяло раздражение. — Они всю

нашу гребаную культуру приняли, мы им ее переслали широкополосным направленным сигналом. Бога ради…

Гнев Бет прорывался выплесками, и Редвинг ей это позволял. Он сидел, откинувшись в низкой гравитации, и наслаждался ощущением легкости в голове.

— Они не рисковые игроки. Пытались нас отпугнуть теми мультиками про избиение Супермена. Мы всё равно приперлись и постучали к ним в дверь. И Чаша приближается — она на расстоянии карательного удара. Постарайся взглянуть на это с их точки зрения. У них какая-то давняя история вражды с Чашей. — Редвинг помедлил, пытаясь тщательнее сформулировать свою мысль. — Ожесточенная грызня, *начавшаяся задолго до возникновения самого нашего вида.*

Бет поморгала.

— Гм… да! Мы и представления не имеем, как это воспринимается в столь древней культуре. И вдобавок чужой!

Редвинг подался вперед, взял руки Бет в свои.

— Некоторые их конфликты восходят ко временам до неандертальцев. А нам придется в это влезть.

— Как? — Ее самообладание бравого офицера

запаса слетело — остались печальные морщинки в уголках тревожных глаз на мрачном лице.

— Читая между строк.

— В смысле?..

— Нам следует прислушиваться к тому, чего эти таинственные глорианцы *не* говорят.

— И накапливать данные?

— Накапливать понимание.

Клифф припоминал, какие о Редвинге ходили слухи перед стартом, еще при первичном отборе членов команды «Искательницы солнц». Он наблюдал издали, как капитан и Бет беседуют, и мог судить по выражению ее лица (бинокль помогал детальнее рассмотреть его), что Редвинг старается рассеять ее тревоги.

Крутой капитан происходил из семьи, сколотившей состояние на казино в индейских резервациях. Так что хорошее образование в государственных школах он, во всяком случае, позволить себе мог. Но не ограничился этим и пронесся через факультет прикладной математики и курс астронавигации Массачусетского технологического, как ракета, увлекая за собой шлейф преданных поклонников и наживая заклятых врагов. Репутацию он себе впервые снискал на Марсе, в пору исследования и эксплу-

атации минеральных ресурсов планеты. Потом Редвинга увлекло астероидным бумом: там он управлял отрядами робошахтеров и массивными термоядерными автогрузчиками, запускавшими металлы, редкоземельные руды, кислород, воду и метан по вытянутым орбитам ко дну гравитационного колодца Солнца. В ту пору анабиоз успешно протестировали сначала на животных, затем на людях.

Экономический подъем длиною в век плюс импульс развития технологии термоядерных двигателей, хорошие надежные биосферы для долговременных полетов, воля и четкий план — и вот, широко раскрылись горизонты межзвездной мечты. Кого выберут командиром, учитывая неизбежный вахтовый метод полета? Несколько раз придется просыпаться для проверки, повторные заморозки всегда опасны. Реальной надежды на возвращение нет. Наилучшая планета-кандидатка в нескольких дюжинах световых лет от Земли. Глория[32]. Редвинг, по общему мнению, был настоящий сукин сын, но, черт же побери,

[32] Примечания: 32

Это противоречит сказанному в первом романе цикла, *Чаша Небес*, где Глория помещена в систему 3 Скорпиона, которая, по современным представлениям, находится в 515 световых годах от Земли. Непонятно, чья тут ошибка, авторская или редакторская.

только сукин сын возьмется за такую работу. У него было мало постоянных привязанностей, а семьи не имелось вовсе.

Клифф понимал, что теперь, когда Редвинг спустился с корабля, приказы станут жестче. Ну что ж, он на такое закладывался. Редвинг здесь будет не таким же Редвингом, как на корабле: там капитан лишь наблюдал за деятельностью десантных отрядов, но никогда не высаживался.

Пока Редвинг и Бет вели долгий разговор, команда позволила себе понежиться в низкой гравитации на теплом солнышке. Половина отряда заинтересовалась проплывавшим мимо стеклянным эллипсоидом.

Клифф задремал.

Потом Бет вернулась оттуда, где беседовала с Редвингом, а вскоре явился и Он Сам.

— Вы готовы спуститься на Глорию? — спросил Редвинг, небрежным взглядом прерывая отданные ему салюты.

Клифф решил ограничиться пожатием плечами.

— Конечно, капитан. Мы ведь и прилетели всё тут осмотреть.

Он не стал упоминать ужасы и неожиданности, не стал и распространяться о красотах и странно-

стях. Редвинг, судя по всему, не в настроении для лирической болтовни.

— Нужно вас как следует снарядить, — сказал Редвинг. — Роботы, которых я захватил с собой, вашу снарягу проверят, очистят и починят.

— Да, сэр, — не придумал ничего более оригинального Клифф. — А вы заметили… — он махнул рукой, — вот это?

— Ладно, давай посмотрим.

Это оказалось тело вращения. Половина отряда возилась с ним и рядом. Явной точки доступа внутрь не было заметно. Клифф наблюдал, как товарищи изучают объект, и вдруг одной из свежеоттаявших, Бренде, удалось нырнуть сквозь стенку. Он и сам попробовал. Капитан следом. Стены попросту почуяли их приближение, раскрылись, образовав круговое отверстие, и захлопнули его за их спинами.

Теперь что? Члены отряда отталкивались от стен, смеялись, галдели, разминались — после такого долгого промежутка при околонулевой силе тяжести им это было очень нужно.

Какого… Клифф подпрыгнул. Оттолкнулся от стены. Ударился. Свернулся калачиком, прежде чем снова ударится.

Хорошим прыжком можно было добиться по

крайней мере двойного отскока. Клифф испытал себя несколько раз, заметил, что капитан просто наблюдает. Эш Траст держался рядом с Редвингом. Клиффу внезапно явилась мысль: а как отсюда выбираться?

Может, это капкан? Вроде ловушки на лобстеров?

Бемор-Прим прыгнул. Ударился о стену поджатыми лапами. Перелетел здоровенный промежуток и ударился снова — но нет, он проскочил сквозь стенку и вылетел наружу. Как ему это удалось?

Эш тоже прыгнул. Капитан Редвинг прыгнул следом за ним, пролетел мимо извивающейся в полете пальцезмейки. В воздухе стало не протолкнуться от летающих тел. Клифф понаблюдал и понял.

Он сам пробрался к стене, примерился и прыгнул. Отскочил, пролетел к другой стене и прошел сквозь нее.

Эллипсоид вращения! У эллипса два фокуса. Нужно догадаться, где они. Прыгуть через один фокус — и тогда, если правильно отразишься, тебя вынесет через второй. А потом стена тебя пропустит.

Ну и игрушка! Клифф рассмеялся. Он некоторое

время парил рядом с эллипсоидом, глядя, как веселятся напарники. Кто-то затеял игру в салочки.

Рядом возник Редвинг и гаркнул:

— Довольно! Эй, отряд, собраться!

Отряд чуть медленно, неохотно построился перед капитаном. Благословенные минуты отдыха и расслабона истекли.

Вскоре отряд уже управлял роботами, которые перетаскивали снаряжение и ремонтные инструменты на плавающую платформу шириной несколько сотен метров, поросшую буйной растительностью; там даже плескались неспешные водопадики, лениво плюхавшиеся каплями величиной с пруды и журчавшие, словно «поющий ветер».

Клифф дрейфовал, а Редвинг описывал круги около отряда, пока остальные трудились. Редвинг поговорил с каждым в отдельности, приседая рядом и временами переходя на плавный шепот. Клифф перенастраивал кое-какую снарягу и обновлял сводки припасов, а также помогал переносить объемистые грузы, но не упускал возможности понаблюдать за капитаном и поучиться у него. С некоторыми членами команды Клифф не был знаком: этих разморозили недавно.

Когда Редвингу случилось пролетать мимо, Клифф спросил:

— Вы хотите отрядить сюда новых?.. Нам и вправду не помешали бы рабочие руки.

Редвинг кивнул.

— Нужно на корабле место расчищать. Оценим все здешние бисоферы и решим, где поселок заложить. Хотя нет — поселки: во множественном числе.

— Зоны с низкой гравитацией нам в долгосрочной перспективе скорее навредят, — отвечал Клифф. — Но как на Чести, так и на Глории гравитация лишь немного ниже земной. Мы видели вдоль оси Паутины множество выступающих платформ с дробной гравитацией, это чудесные места.

Редвинг кивнул.

— Там есть что исследовать. Мне самому нужно наведаться на Глорию, прежде чем остановиться на каком-нибудь варианте.

К ним вразвалку приблизился Бемор-Прим. Как обычно, облик паучары производил внушительное впечатление. Клифф принуждал себя не реагировать на его внешность, а фокусировать внимание на странноватых речах чужака. Огромный зверь устроился так, чтобы они с

Редвингом оказались на одном уровне глаз, а Клиффа предпочел игнорировать. Клиффа это вполне устраивало.

Говорил Бемор-Прим низким, чуть хриплым, суровым голосом:

— Я должен высказать вам, капитан, сэр, мою личную трактовку случившегося.

— Рад слышать, — тепло отозвался Редвинг, но по его лицу Клифф без труда догадался, какого мнения капитан об инициативе паучары в действительности.

Такого же, что и Клифф.

Бемор-Прим присел еще ниже.

— Одна из наиболее удивительных особенностей человеческого разума, с нашей точки зрения, — его талант к рациональному размышлению о вещах, лишенных всякого рационального наполнения. Я тщательно знакомился с вашей историей и литературой, вашими легендами. К примеру, вы полагали для себя допустимым рассчитывать скорость саней, на которых пришлось бы путешествовать Санта-Клаусу — вероятно, какому-то доброму гению, — доставляя подарки в канун праздника, именуемого Рождеством. Но ведь Санты не существует. Далее, вы пытались оценить соотношение длины крыльев дракона

и его тела, определяя, взлетел бы он или нет. Хотя на вашей планете драконы не водятся. Надо полагать, в старину можно было бы прийти к выводу, что существование снежного человека вероятнее, чем лепрекона, даже если рациональная вероятность существования любой из этих жизненных форм в точности нулевая.

Редвинг поморгал, явно озадаченный.

— И что? — резко спросил он.

Бемор-Прим опустился еще ниже, словно желая сосредоточиться на одном Редвинге. Остальные приблизились, заинтересовавшись беседой. Клифф почел за лучшее отвернуться от Бемора-Прим и слушать в такой позе.

— Вы способны к детализированным раздумьям о немыслимом. Это необычно и сочетается с другими вашими ментальными странностями. Мы, Народ, понимаем теперь, что вы, приматы, в отличие от нас, не располагаете доступом к своему Подсознанию. Такая способность, считаем мы, является неотъемлемым критерием разумного вида. Или так мы считали раньше. Астрономы Народа умеют подключаться к своему Подсознанию из осознающего Надсознания в желательный момент. Мы выбираем мгновения, когда чувствуем настоятельную потребность в

новых перспективах или свежих идеях. У людей такое самосознание ограниченно, и вы остаетесь вопиюще несведущи относительно собственных процессов принятия решений.

— Мне их хватает, — резко откликнулся Редвинг.

— Я хотел сказать, что тайны, с которыми мы столкнулись, не исключая смертей, явно нацелены на человеческое Подсознание. Вот почему вам так сложно постичь колоссальные пропорции этого артефакта, его бесконечные дни, ошеломляющее видовое разнообразие, огромные масштабы.

— Не понимаю, — сказал Клифф.

— В том-то и дело, — сказал Бемор-Прим, суча ногами, и от этого движения по спине Клиффа пробежали мурашки.

Чужак неизбежно представлялся угрозой обезьяньему сознанию, шныряющему под поверхностью человеческого разума, но понимание этого факта не помогало.

— Многие здешние виды воспринимают жизнь иначе, — промолвил Бемор-Прим нараспев. — Они постигают ее посредством погружения в реальность, в текущее мгновение. Они не читают лекций, как, увы, сейчас вынужден я.

Клифф решил позволить себе проявить удивление. В конце концов, не вечно же одному Редвингу вести разговор со стороны людей.

— Почему же они не объясняются?

— Судя по всему, это вопрос культурных предпочтений, — сказал Бемор-Прим. — Не следует уподоблять существ вроде этого Инкреата вашим Деланым Разумам. Они, говоря вашими биологическими терминами, принадлежат к другой филе.

— Деланым Разумам?

Бемор-Прим разъяснительно распростер лапы.

— Вашим артилектам. Эти разумы полностью искусственного происхождения. Инкреат же скорее подобен постепенно накапливающемуся в ходе контакта с жизнью вместилищу разумов. Они живы и активны, а не просто на хранении. У них другие способы познания. И деятельности.

— Включая убийства? С Крутильщика как с гуся вода!

По всему телу Бемора-Прим пробежала рябь, Клифф эту реакцию не расшифровал.

— Кажется, что и это — часть их культуры. Посылать единственного представителя. Проявлять равнодушие к нашему благополучию. И даже когда мы избавлялись от Крутильщика,

капитан Анарок взяла на себя эту обязанность, а затем настояла на том, что не будет объяснять дальнейшего.

— Она сама хотела в Бугор, — сказал Клифф. — Мне показалось, она ухватилась за подвернувшуюся возможность, но и словом не обмолвилась, *зачем*.

— Верно, — ответил Бемор-Прим. — Но я чую, что нас подталкивают к новому способу мышления.

Редвинг сердито покачал головой.

— Ничего это не объясняет.

Бемор-Прим покрутил лапами в жесте, означавшем, как было известно Клиффу, согласие.

— Полагаю, они предвидели наши действия в час кризиса, по крайней мере частично. Само слово это происходит от термина из вашего греческого языка: то есть «решающий миг» или «поворотная точка». Оно использовалось, в частности, в медицинском контексте для обозначения финала болезни.

— Послушайте, мне нет дела ни до каких кризисов. Если приближается что-нибудь кризисное, почему бы просто не уведомить нас?

Бемор-Прим помолчал и продолжил уклончивым негромким шепотком:

— Мы находимся в фазе открытия, которую греки называли, то есть приблизительно: «Я нашел!» Мы погружены в нее, и нам предстоит еще преодолеть известное расстояние. Греческая фаза консолидации, следующая за Эврикой, есть момент зрелости. Тогда мы узнаем больше.

Редвинг явственно разозлился, его хмурое лицо покраснело.

— Мы быстро теряем своих. Как это прекратить?

— Следует ускорить обучение. У меня отчетливое впечатление — а я, напомню, располагаю доступом к Подсознанию, — что опасность не так серьезна, как вам представляется.

Редвингу, кажется, доставлял немалые трудности контроль над своим голосом.

— Куча трупов — достаточно серьезный аргумент.

— Я обращаюсь к примерам из вашего собственного прошлого. Фаза, наступающая после Эврики, фаза Кризиса, организована так, что прогресс порождает смятение, оно, в свою очередь, ведет к новому прогрессу, и так далее, и так далее, без перерыва. Каждое из значительных открытий вашего вида рано или поздно, а скорее рано, чем поздно, приводило к существенным трудностям.

Но и открывало дополнительные возможности.

Редвинг издал неприличный звук. Бемор-Прим, словно не замечая этого, добавил:

— К этим моментам смятения, а среди них не бывает двух одинаковых, не следует относиться с негодованием. Напротив, участникам желательно воспринимать их как привилегию.

– *Привилегию*? — вскричал Редвинг. — Привилегию *сдохнуть*?

— Быть может, я неточно выразился. Но позволю себе заметить, что доктор, который не смог поставить точный диагноз, не имеет права просто взять и объявить пациента исцеленным. Или мертвым.

Редвинг долго смотрел на чужака. Скорчил гримасу. Потом развернулся и устремился прочь, совершая длинные пружинистые скачки в пониженной гравитации.

Редвинг заставлял себя успокоиться, блуждал среди команды, просто наблюдая, как они проявляют себя в пониженной гравитации, и поглядывая на великолепное зрелище кругом. Следил за перемещениями Вивьен, которая читала вводную свежеоттаявшим. Часть этой работы сводилась к обычному трепу за жизнь, в чем Вивьен проявляла себя отлично. Периодически

ее легче было принять за хозяюшку коктейльной вечеринки, чем за офицера полевой команды космической экспедиции. Новоприбывшие с энтузиазмом пожирали глазами чудеса Бугра, тянущегося вдаль. Они-то ожидали проснуться на планете, а не в искусственной конструкции, тысячекратно более богатой жизнью и территориями.

Но Редвинг понимал, что его собственная потребность чувствовать себя задействованным и нужным часто проявляется в колкостях и нетерпеливых ремарках. Он предоставил Вивьен разбираться самой. Радушная и словоохотливая, она казалась ему оптимальной посредницей.

Он размышлял о словах Бемора-Прим. Ему подумалось, что дикие шимпанзе, как правило, весьма недовольны присутствием странных высоких белокожих обезьян, которые носят одежду и издают диковинные звуки ртами. Возможно, лучше людям позволить Бемору-Прим и мудрецам Чаши высказаться, а потом двигаться дальше. Взаимодействие с инопланетными разумами не в точности равнозначно дипломатии. У человечества для этой деятельности нет точного термина. Пока нет.

Небесная рыба парила поблизости. Ее команда

тоже прогуливалась в висячих садах. Эти существа были мельче Крутильщика, но вполне умелы, ловки — и носились при сниженной силе тяжести, точно невозможные птицы.

Жизнь тут завораживала и страшила одновременно. Редвинг посещал вращающиеся астероидные колонии, поэтому пониженная гравитация не была ему в новинку, а вот бескрайние дали… Особенно учитывая, что здешний туманно-влажный воздух кишел жизнью.

Вот угловатое создание, как ни удивительно, с грудями. Челюсти его двигались не вверх-вниз, а взад-вперед, огромные сложные глаза пытливо оглядывали окружающий мир. Перспектива тут обманывала разум, и Редвинг испытал шок, когда, присмотревшись к деталям зернистой кожи существа, понял, что оно величиною с небоскреб. Оно окинула людей долгим ленивым взглядом и отвернулось. Редвинг внезапно преисполнился благодарности к исполинской башке за такое равнодушие. Существо рыгнуло, словно наутофон, переходящий от басов к сопрано, воздело бледные передние конечности и тщательно протерло лицо ладонями, напоминавшими паруса старинного морского корабля. Потом расслабленно развернуло крылья и лениво уплыло прочь.

Редвинг приблизил просматривавшееся вдалеке красновато-коричневое плато. Казалось, что оно обернуто в стеклянистую прочную оболочку. Редвинг послал встройке запрос на определение объекта. Спустя несколько секунд поступило известие, что перед ним колония метанодышащих, отдельная биосфера с восстановительными газами и узловатыми черными тучами. Эти последние, по впечатлению, циркулировали по строго заданным маршрутам вокруг скоплений сверкающих высоченных шпилей.

— Приветствуем в наших Землях Полета, — сказал пришепетывающий голосок у его локтя.

Редвинг моргнул: капитан Анарок каким-то образом подкралась к нему так, что он даже не заметил ее передвижения по воздуху.

— Хорошее название для того, что мы обозвали Бугром. Сколько здесь живности!

Он показал на крупное толстое ромбоидальное существо, хлопавшее крыльями на месте. Оно разрывало на части несчастную мелкую пташку.

Анарок помолчала, потом сказала:

— Его имя переводится с нашего языка на ваше наречие примерно как «колиберкут». Напоминает колибри, но, в отличие от них, является хищником с вершины трофической цепи.

Существа, ритмично взмахивающие кожаными оборками, лениво плыли в сторону отряда, пережевывая стаи безмятежных розовых трубчатых червей. Вдруг подул сильный ветер и разнес туман. Пала внезапная тишина, словно пропитавшаяся дождем накидка на плечи. Поблизости, точно копье, снизилось шпилеобразное облако цвета слоновой кости. В него, словно ища укрытия, влетели какие-то птицы.

Редвинг размышлял о гравиградиенте вдоль Паутины. Здесь, в Бугре, сила тяжести очень мала, но ближе к оконечностям структуры возрастает — как на Глории, так и на Чести. Он уточнил это у Анарок, и та быстро ответила, что, во избежание солидных перепадов давления по всей длине Бугра, которая достигала десятков тысяч километров, применяются зоны давления.

— Они подобны цепочкам исполинских воздушных шлюзов. — Анарок гордо указала четырьмя руками на переливающиеся повсюду красоты. — Несколько жилых ярусов в каждом, они загерметизированы, так что перепадов плотности атмосферы не возникает. Трубопроводы, которыми мы все пользуемся для перемещения, постоянно компенсируют эти перепады давлений. Я капитан великого организма, уди-

вительно, что вы называете его просто рыбой! Мы именуем его… — она издала звук, подобный сердитому застегиванию молнии на куртке, — что переводится как «уступчивый воздушный шар». Мы можем странствовать на планетах или в Паутине. Мы плаваем в динамическом воздушном потоке, который также переносит воду и вещества за счет разницы в давлении. Ключевой аспект таков: рост давления в одной трубе переносится на трубу, по которой осуществляется движение в противоположном направлении, поскольку закон сохранения энергии выполняется. Что опускается, то затем обязано подняться в долговременной перспективе. А охват нашей межмировой транспортной сети очень велик.

Редвинг перешел к вопросу, который его больше всего интересовал:

— Значит, некоторые слои простираются на всю ширину. А другие — нет?

Анарок указала на платформу размером едва с городок, пролетавшую поблизости. На той росли густые джунгли, из которых чуть выступала одинокая башня.

— Некоторые гораздо меньше: плавающие острова, отдельные домохозяйства. Так мы эволюционируем и предоставляем укрытие многим

видам.

— И все они разумны?

— Никоим образом! — Анарок издала негромкий смех, который, по мнению Редвинга, получился достаточно близким человеческой версии, но всё же изобиловал странными визгами и ворчливыми стонами. — Мы культивируем целый диапазон биосфер. Многие Разумные способны, пожелай они того, преобразиться в диких Естественников.

Редвинг настойчиво напирал:

— Но как ваша Глория, более крупный мир, всем этим управляет?

— Никак. Наша система сама собой управляет на множестве умаляющихся структурных уровней.

Главный вопрос:

— Вы отвезете нас на саму Глорию?

Анарок долго не отвечала, глядя в пространство. Редвинг предположил, что она совещается с остальными — но с кем именно? Бет ранее уже задавала вопросы о здешней иерархии власти, а Крутильщик либо выкручивался, либо заявлял, что не готов дать легкодоступный ответ.

Анарок сказала наконец:

— Я должна привлечь эволюционный аргумент

для объяснения. Я так понимаю — мы все пришли к такому выводу после знакомства с вашими колоссальными дарами культуры и наблюдений за вами в поле, — что, судя по вашему первобытному культурному контексту, вашими близкими родственниками являются шимпанзе.

— Блин, это было шесть миллионов лет назад!

— Тем не менее… это важно. *Homo troglodytes* — так именует их ваша наука. Вы же — *Homo sapiens*. Я использую термин из вашей библиотеки. Вы мыслите в терминах приматской племенной динамики. Пирамида власти.

— Разумеется.

Редвинг отдавал себе отчет, что забредает в неизведанные воды, а разбирается в такой тематике слабо.

Анарок осторожно заговорила:

— Эти общественные структуры наделены преимуществами: например, уменьшенной вероятностью хищничества, совместной защитой ресурсов, оптимизированной эффективностью кормления, увеличенной вероятностью успеха при копуляции ввиду доступа к половым партнерам. Последнее вы ставите весьма высоко при формировании пар, отсюда и гордость за романтические отношения. Позитивное подкрепление

чувств. В отличие, видимо, от шимпанзе, у которых течка наступает лишь на десятидневные периоды. А в остальное время они представителей другого пола игнорируют.

Редвинг усмехнулся:

— Да, можно сказать, что нас это круто заводит.

— Цена весьма высока. Линейная доминация в иерархии, зачастую — доминация самцов над самками, старых над молодыми.

Редвинг рассмеялся.

— Каким-то образом мы заставили эту схему работать.

Анарок продолжала не без колебаний, словно тема представлялась ей деликатной:

— Должна признаться, мне скорее симпатичны достигнутые вами результаты. Передача изменчивого ментального состояния, зачастую с удовольствием или приятной неожиданностью. Для вас вокальный коммуникативный триггер несет целый спектр эмоциональных состояний и намерений. Вы и ваши родственники, шимпанзе, испускаете чередующиеся вдохи и выдохи, которые звучат триумфально, а временами кажутся нам следствием утраты контроля над дыханием и потовыделением.

Редвинг собирался было рассмеяться, но отвлекся на что-то.

— Что это, блин, такое?

— Наблюдатель. Не более того.

— А кто осуществляет наблюдения?

— Консорциум наших интеллектов.

Редвинг заметил, что Анарок, отвечая на эти вопросы, отвела взгляд и старалась очень точно выбирать выражения.

— Бет, лидер моего отряда, сообщала о них. Она называет их «зинго». Что за ними скрывается?..

Ему на встройку прилетел срочный запрос от корабельного артилекта. Не сводя взгляда с зинго, Редвинг перенаправил голос ИИ в левый наушник.

— Два странных космических аппарата приблизились к нам и переслали приветствие. У каждого имеется жилая внешняя секция неизвестного назначения. Возможно, корабли сами в некотором смысле живы. Каждый располагается на внешней границе пояса давления наших магнитных якорей. Нас попросили выслать эмиссаров.

— Зачем? — Редвинг жестом показал Анарок, что у него разговор по комму.

Омнилект «Искательницы солнц» ответил:

— Они желают, я цитирую, «пообщаться и про-

явить себя в вашем мышлении».

— Дипломаты? Проявить себя? Лично?

— Представляется вероятным, что таково их желание. — Как всегда, голос омнилекта оставался бесстрастен. — Также они — нам не удалось установить разницы между говорящими — просят ограничиться двумя посланниками, чтобы группа соответствовала биометрическим ограничениям.

— Кажется, они что-то замышляют.

— Они настаивают. Мы наблюдаем пополнение их ресурсов во время ожидания. Сквозь атмосферу поднимаются траулеры и присасываются к кораблям. Следует подчеркнуть, что эти аппараты намного крупнее «Искательницы солнц».

— Вижу, — сказал Редвинг, хотя ничего не заметил. — Я вернусь в самом скором времени. Я сам буду одним из посланцев и выберу своего спутника.

Редвинг переключился обратно на Анарок.

— Глория. Мы хотим узнать, что собой представляет Глория или кто там обретается. Вы отвезете туда мой десантный отряд?

— Да. Мне дали такое разрешение. А прежде я ни разу не совершала путешествия на Глорию.

— Почему?

— По историческим соображениям секретности. Паутина, как вы ее называете, представляет собой наше укрытие от древних элементов Глории. Даже те, кто обитает у основания постройки, имеют мало общего с жителями подземелий. Мы ограничиваемся обменом ресурсами, потоками газов и жидкостей. И это всё.

— Звучит чертовски странно.

— В нашем прошлом много сокрытых вуалью тайны странностей. Это, как вы наверняка осознали или, во всяком случае, начали догадываться, часть нашей культуры. Жизнь в текущем моменте.

— Гм. Да, Бет так говорит.

— Одно из наиболее уважаемых нами изречений гласит: «Нынешний миг куда лучше прошлого». Быть по сему.

— А вы справитесь со всей процедурой спуска? Сумеете доставить их на саму поверхность?

Анарок помолчала, прикидывая что-то.

— Я сумею. Путешествие будет неторопливым. Вниз от Бугра крупных трубопроводов-ветродуев не проброшено. В меньших трубах нисходящие потоки. Мы просто присоединимся к падению. Спуск таким образом получится гораздо комфортнее. В основном за счет энергетического

потенциала, сообщаемого обычной силой тяжести. В конце концов, мы летим на живом воздушном шаре. Расслабимся в спутном потоке.

— О. А насколько медленным получится?..

— Мы оцениваем его продолжительность примерно в три оборота системы Глории, если не задерживаться для осмотра достопримечательностей.

Редвинг заколебался, немного растерянный.

— Нам придется дополнительно обсудить с вами этот вопрос. Мы не отказываемся. Мы желаем исследовать всю вашу систему. Мы стремимся основать здесь процветающую колонию.

— Бесспорно, такая возможность у вас есть. Но я прогнозирую, что не Глория станет вашим выбором.

— Нам придется это решать самим. Ее условия, например, ближе к гравитации нашего родного мира.

Анарок повела головой по кругу. Редвинг задумался, что это такое — жест сомнения?

— Это понятно, — сказала инопланетянка, — но недоверие может сыграть решающую роль.

— Вы, кажется, неплохо разбираетесь в нашей биологии. И в языке тоже.

— Мне нравятся многие ваши диалекты. К

примеру, я поработала с вашими акустофайлами — судя по всему, теми, которые ваш корабль пересылал на подлете. Что касается Глории, то позволю себе воспроизвести фразу на одном из диалектов английского: *Aye sweah ta Goahd ya bettah noaht doo thaht*[33]. Я имею в виду Глорию, да.

Редвинг поморгал, несколько растерянный от быстрой смены направления разговора. Инопланетянка при этих словах крутилась: тоже какой-то неоднозначный сигнал.

— Мы… поглядим. — Он не пытался сымитировать акцент при ответе.

Анарок повернулась к нему анфас и поклонилась, словно имитируя формальный прием на Земле.

— Мы и моя команда с радостью примем вас на борту нашего Живокорабля, который вы называете небесной рыбой.

— Хорошо, спасибо. Посмотрим.

Редвинг оглядывал небеса, где весело летала его команда.

Ну что ж, пора призвать их к порядку. Отдать приказы. Напомнить, что он здесь капитан.

---

[33] Примечания: 33

Клянусь Богом, лучше вам этого даже не пробовать *(стилизация под афроамериканский английский).*

Бет нравилась роскошь наблюдения за процветающей экосистемой при ничтожной силе тяжести. Объем был огромен, как и разнообразие видов, снующих в ласковой атмосфере.

Людям на вершине трофической цепи несложно позабыть, что питание растениями, вообще говоря, дело сложное. Как и большинству живых форм, растениям не нравится становиться чужим обедом, и они выработали впечатляющий ассортимент механизмов самозащиты. Растения Бугра поступали аналогично, и низкая гравитация открывала им дополнительные возможности. Защитная толстая кора, жесткие листья, шипы, иглы, яды — всё как на Земле. Но вдобавок растения могли перемещаться без особых усилий. Исторгая ядовитые испарения, куст-пузырь уплывал прочь. Пружинившие пики накалывали зверей на ядовитые кончики, после чего растение отстреливало себя на безопасное расстояние. Различия между растительным и животным миром при малой гравитации казались небольшими. В свою очередь, растительноядные животные изобретали способы обхода механизмов обороны: например, пришпиливали серое растение к месту и длинными языками высасывали труднодоступный нектар. Бет смотрела, как птицеобразное

создание напоролось на шестиугольный куст с ветвями, который охватил добычу лианоподобными усиками. Небесная симфония дарвинизма не стихала ни на миг.

— Пора мне вернуться на корабль, — сказал Редвинг за ее плечом и сверху. — Новые чужаки нарисовались и просят аудиенции. — В его голосе звучал радостный напор.

Трудно было следить за всеми направлениями одновременно, так что Бет не заметила, как Редвинг вылетел из-за извивающегося зеленовато-желтого леска позади. Он миновал медленно капающий ручеек, покрытую слизью перголу в щупальцах мха. Там гнездились птицы с богато украшенным оперением, похожие на крылатых пауков.

— Возле корабля, — сказал Редвинг, мягко опускаясь на травянистый карнизик рядом с Бет, — происходит нечто странное.

— Мне жаль, что вы вынуждены вернуться, — откликнулась она. — Здесь своего рода рай, пускай и тревожный. Думаю, нам понравилось бы обживать его.

— Тогда немного отдохни. Как думаешь, что собой представляют эти зинго?

— Какой-то способ слежения.

— Да, и я того же мнения. Пожалуй, стоит держаться от них подальше. У них, видимо, очень классные системы защиты.

— Они выглядят сущими фантазмами.

Редвинг подался вперед, вперив глаза в Бет.

— Я хотел выиграть время для разговора об испытаниях, которым вы подверглись.

— Мне лучше. Время лечит.

— Да, действительно, — со вздохом произнес Редвинг. — Послушай, мы исследователи, а не военные. Нас не учили этому на Земле. Учили анализировать обстановку, осмыслять реалии чужого мира, совершенно непривычного. А навыкам боя…

— Ну да. Глупо бросать вызов чужакам на их территории. Но они сами этого хотят.

— По причинам, которые нам неизвестны. Пока что. — Он вскинул брови. — Я командовал многими кораблями, но не боевыми звездолетами. Грузовиками, шахтерскими судами, впоследствии — научными. Моим любимым земным оружием всегда была тысячедолларовая банкнота. Не счесть трудных ситуаций, из которых она помогла мне выбраться.

— Жаль, что здесь она бесполезна, — принудила себя хмыкнуть Бет.

Но получилось не очень.

Редвинг кивнул, явно догадываясь о ее намерении.

— Придется смотреть вперед и искать решений, а не жалеть об утратах. Тринадцать человек не проснулись после анабиоза. Вот уже стартовая цена попадания сюда. Ты же потеряла меньше этого числа, и ты была занята чем-то конкретным. Исследованиями.

Бет помотала головой.

— Мы ведь только начинали обследовать эту громадину. Трудно после такого оптимистически воспринимать наши шансы. Капитан, мы любителишки против них.

— Мне нравится оптимизм. Полезнейшая адаптивная способность в странной ситуации. Не путать с веселостью. — Он подмигнул ей. — Не притворяться. Оптимизм на самом деле вообще не является эмоцией. Это состояние, в котором решаются метазадачи. Путешественники должны быть безжалостными оптимистами.

— Я провела в экспедициях годы, считая путешествия по Чаше. Возможно, я подызносилась. Или стала тонкокожей.

Он подался к Бет и похлопал ее по плечу.

— Чушь. Знаешь, что такое отвага? Поиск луч-

шего выхода.

— Не следовало бы назначить кого-нибудь другого на мою должность? Клифф…

— Вы двое — команда. У вас разные таланты. — Редвинг откинулся, изучая непрестанно менявшееся, бурлящее шумной жизнью небо. — На Земле многие люди, считающие себя сложными натурами, полагают, будто оптимизм — это для простаков. Что он свойствен, до некоторой степени, недоумкам. А другие в лучшем случае отождествляют его с удачным биохимическим дефектом.

— Есть в том некая логика. Потому что отдых и релакс восстанавливают веру в будущее?

— Помогают, не без того. Но, чтобы сохранить оптимизм, нужно помнить, что для лидера команды это *политика*. Чтобы управлять коллективом, необходимо поддерживать это качество. Иногда, как сейчас, это требуется даже в самую мрачную пору.

Бет посетило озарение. Она испытала уверенность.

— Оптимизм — моральная позиция? Вы это хотите сказать?

— Для меня это так. Оптимизм — часть работы.

— Я никогда о нем так не думала.

— Правильно. Потому полезно озвучить такую мысль. Оптимизм — это умение.

Бет кивнула. И стала дальше слушать рассказы Редвинга о пополнении запасов, о том, как вводят в курс дел новоприбывших и что всё это может значить в перспективе высадки на Глорию. Отбросила все идеи, которыми следует заняться потом, на досуге. Но овладевшее теперь ею ощущение проистекало из поразительно четкой идеи.

Оптимизм — часть работы.

Так и есть.

Редвинг окончил разъяснения и встал.

— Я забираю Вивьен с собой.

— О. А… это потому, что она пострадала?

— Да, отчасти. Мне нужен сообразительный и быстрый спутник, чтобы составил компанию на встрече с теми новыми странными пришельцами у «Искательницы». Она подходит.

— Есть, капитан, — ответила Бет тоном, позволявшим заподозрить, что, по ее мнению, у Редвинга могут иметься и другие мотивы.

Но никак иначе своей догадки не выразила.

Редвинг позволил себе понимающую кривую улыбку.

— Я когда-то давно узнал арабскую пословицу,

которая уместна в нашем случае. «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай». Помни и ты ее.

На сей раз Бет не удержалась от смеха, искреннего, заливистого, проникнутого чувством благодарности.

Она наблюдала, как Редвинг возвращается на челнок, в котором прилетел. И сожалела, что не проведет здесь со стариной кэпом больше времени. Ей полезно было бы поговорить с ним еще, чтобы успокоить нервы. Чтобы успокоить нервы всего отряда.

Не прекращая улыбаться, Бет снова откинулась на спину и стала наслаждаться зрелищем. Великолепное неприкрытое разнообразие суетливой шумной жизни. Бульканье, щелчки, топот, пыхтение, стук — множество чужацких наречий. Зашипел бледно-синий ручеек неподалеку. Булькая, подлетел поросший лесом цилиндр цвета обожженного апельсина и остановился. Что-то раскатисто хлопнуло, будто могучие пузыри пошли трескаться в ароматном воздухе. Облака цвета хлопка и василькового мороженого целеустремленно гнались за чем-то напоминавшим тонкую туманную вуаль, но с лениво машущими крыльями. Пронеслось, пощелкивая, перистое желтое создание, похожее на перекати-поле.

О да, это рай, и в нем уже завелась частица человечества.

28. Небесная жизнь

Мы не имеем тел, мы и есть тела.

Кристофер Хитченс

Редвинг снова изготовился покинуть «Искательницу». Он этим утром проснулся с болями и мышечными спазмами — отголосками времени, проведенного внизу, в Бугре. Невесомость не облегчала усилий. Она позволяла изгибы, перекруты, рывки — и порой требовала их. Мышцы в таком возрасте жалуются, если их вынуждают заняться чем-нибудь новым.

Бугор. Удачное название для такой крупной конструкции. Редвинг сожалел, что не сможет там задержаться, — долг зовет. По пробуждению пришла расплывчатая мысль: *Надо будет сегодня чем-нибудь заняться… правильно. В зависимости от того, как трактовать это «что-нибудь».* И позволил себе немного поваляться. Он закрывал глаза, а в памяти мелькали воспоминания. Приходилось обрабатывать мириады потрясающих образов огромной чарующей биосферы. Проведя долгие годы в скрежещущей металлической коробке, «Искательнице солнц», Редвинг поразился

роскошной избыточности Бугра.

Он вспоминал воздушных зверей: некоторые, стройные, удивительно напоминали дельфинов, собирались стаями, чтобы объедать деревья, похожие на осьминогов. Рассортировать фауну по критериям Редвинг затруднялся, но зрелище было пленительное. Тонкие змееподобные хищники откусывали сочные зеленые верхушки деревьев, раскачивали их, словно тела жертв, пока ветки, подобные конечностям, не становились гибкими. Растения басовито вскрикивали. Затем нападавшие били древоподобными созданиями о ровную платформу, на которой те выросли. Разбивали на фрагменты, удобные для проглатывания. Стремительные стаи управлялись с такой задачей за считаные мгновения. Ужас и изумление обуревали Редвинга, когда он наблюдал, как исполинские воркующие стаи животных с яркой шерстью поднимаются в воздух с извивающейся растительности и, как во сне, плывут кругом, пока Редвинг поспешал обратно в свой челнок.

Расплывчатые воспоминания исчезли, и он возвратился к обычному своему полубоевому настроению. Принять душ, побриться, одеться, проконсультироваться с артилектами — готово. Очередную партию спящих безопасно разморо-

зить — тоже готово; отлично: знакомое старое имя, Чич Бэлдон, из марсианской группы.

Теперь снова к приключениям, за борт корабля. После десятилетий, проведенных в скрежещущем гробу «Искательницы», сама мысль о внекорабельной деятельности завораживала.

Он встретился с Вивьен у воздушного шлюза. Чтобы подавить расползание сплетен по кораблю, Вивьен теперь снова ночевала у себя в каюте. Но выглядела от этого не хуже: такая же резкая, хлесткая, в свежеотпечатанной униформе. Она даже отдала салют, иронически подмигнув.

Они заняли небольшой челнок и двинулись к длинной змееподобной трубе Живокорабля (термин этот артилекты калькировали из хриплого глорианского языка). Этот корабль представлял собой усеченный конус с зелеными и желтыми фланцами. По мере приближения стал виден ореол вокруг конуса, подобный мерцанию мотыльков в солнечном луче. Мерцающие точки раздувались, образовывали сложные опорные структуры и баллоны, покрытые чем-то вроде набухших вен и орехоподобных узелков. Во все стороны расползались переплетающиеся лианы, явно свежепротянутые. Редвинг и Вивьен миновали несколько таких, а потом их появилось еще

больше — впереди по курсу и в носовой части корабля: иные медленно поворачивались, некоторые кувыркались. Конус разрастался, напоминая зреющий ананас, густо утыканный шипами, поблескивающий оранжевой кожурой, которая колыхалась в воздухе, словно приветствуя гостей. Вокруг медленно поворачивающегося Живокорабля сосредоточился рой бледных мотыльков.

Пронзительное сияние этой картины напомнило Редвингу, как ослепителен солнечный свет, если не фильтруется сквозь воздух. В абсолютной ясности космоса можно было различить всё меньшие и меньшие черты отдельных объектов, окруженных мошкарой, будто пирующей на падали. Выявлялся подлинный масштаб сложности Живокорабля, который был размером с гору, а челнок — словно точка, летящая на полной скорости и не способная избежать столкновения.

Они достигли конуса и пролетели в зияющее отверстие, подобное мускулистому рту. Отверстие не открылось и не разошлось, а буквально разинуло себя, словно настоящая пасть, вплоть до розоватой оторочки плоти — не хватало лишь зубов.

Серая мембрана с оборками, напоминающая здоровенную бейсбольную перчатку, послала

по круглой стене волны рябь, ритмично уходящие вдаль. Внезапно накатила тошнотное притяжение, от которого Редвинга замутило. Подергивание и спазмы длились долгий булькающий миг, затем всё стихло.

Вивьен проговорила дрожащим голосом:

— Жесткая… посадочка.

Челнок, вздрогнув, пристыковался в посадочный слот. Пасть сомкнулась, отовсюду со стен пролилось золотистое фосфоресцирующее сияние. Давление уравнялось. Откинулся пандус. В скафандрах со шлемами они выступили наружу и столкнулись с тощим чужаком о шести конечностях. Тот улыбался вытянутой мордой. По телу его шла какая-то рябь — предположительно приветственная.

— Судя по картинкам, вы… Крутильщик? — спросил Редвинг.

— Нет, — ответил тот, — хотя уместно будет сказать, что я реконструкция создания, которое вы означали таким прозвищем. — Пауза, попытка кривой усмешки. Не сработало. — Предположу, что вы можете называть меня Крутила. Я здесь как ваш проводник.

— К чему? — спросила Вивьен, откинула шлем и понюхала воздух, кивнула: всё в порядке.

— К нашим многим, — сказал Крутила бесстрастно.

Редвинг отметил, что чужак буквально за считаные фразы солидно улучшил произношение и стал попадать в тон. Быстро обучается.

— Послушайте, Крутила, а всё это, летающее снаружи… оно живое?

— В некотором смысле. Ваши корабельные боты живые?

— Конечно нет. — Вивьен нахмурилась. — Значит, это боты?

— Нет, не металлические. Они размножаются биохимическим способом. Но ведь и ваши боты способны воспроизводить себя.

Вивьен ответила с прорвавшимся раздражением:

— Вы в курсе, что я имею в виду, когда говорю о чем-то, что оно живое.

— Мне недостает такой информации, — сказал Крутила. — Я недавно отпочкован от бывшего глубинного крутилобазиса. Я стану указывать вам путь.

Вивьен фыркнула.

— Ну, если вы не в курсе, что значит «живое», то, опасаюсь, я ничем не смогу вам помочь.

Редвинг знал, что она умеет целенаправленно

утаивать правду. Возможно, в данном случае такой талант окажется полезным.

— Хорошо, — сказал Крутила.

— Что? — бросила Вивьен.

— Разговор — хороший способ уворовать загадки из мира.

Крутила пожал плечами, развернулся и припустил прочь, помахивая руками перед собой. Редвинг и Вивьен двинулись за ним, углубляясь внутрь конуса.

Коридор купался в туманном сиянии. По мере продвижения он словно раскручивался. Редвинг тащил за собой на коротком тросе багаж — еду, ручное оборудование, коммуникационную аппаратуру — много всего. У стен отрастало что-то вроде хлопающих ушей, а по другую их сторону двигались смутно различимые формы. Редвингу приходилось сосредоточиваться, напоминая себе, что они живы… может быть.

Он привык к гравитации: плоские полы, ровные стены, прямоугольные каркасы. В невесомости более предпочтительны оказывались симметрии цилиндра и сферы. А в роях объектов внутри корабля, малых и больших, Редвинг наблюдал выразительную свободу геометрических форм, дававшуюся без всяких усилий. Мириады

паутинно-тонких колес со ступицами и длинными конечностями, шерстистых ромбоидов и худощавых эллипсоидов торчали из множества оболочек и покровов с грубой текстурой. Форма подчиняется необходимости, да-да.

Они быстро продвигались через муравейникоподобный лабиринт жизни, встречая мириады форм, которые иногда пытались от них увернуться, а иногда — поймать. У этих последних контуры тел были угловатые, морды иглоносые, движения — поразительно ловкие. Редвинг подобрался и пожалел, что у него нет с собой холодного оружия…

Но Крутила жестом отогнал нападавших, и те подчинились. Редвинга заинтересовало, как он это сумел: непохоже было, что у Крутилы при себе какая-то техника. Он решил поразмыслить над этим вопросом в свободное время, буде такое вообще подвернется.

Их дернуло.

— Мы в движении, — молвил Крутила.

Вивьен кисло осведомилась:

— А что вы, собственно, такое?

Крутила рассмеялся.

— Не «что». Я не нейтрален, в отличие от Крутильщика, повстречавшего вас первым. Я, если

выражаться вашими терминами… — он помолчал, — самец.

Лицо его пребывало в постоянном движении, выражение менялось на свою противоположность от поворота к изгибу. Редвинг подумал, что узнает эту мимику: она присуща была сказителям и артистам.

— Я предлагаю вам воспользоваться гостеприимством нашего великого хозяина. Кроме нас, позаботится он и о грузе, ибо таковы его обязанности.

Вивьен настороженно оглядывалась.

— А что *это* такое?

— Голиаф.

— То есть?

— Истинно древний термин. Я подбираю примерный перевод.

— И чем занят Голиаф?

— Он желает проглотить нас. И научиться, пока будет отдавать нам инструкции.

— Проглотить нас? А оно нам надо?

Вокруг озабоченно роились самые разнообразные существа. Многоногие, подчас — не многим превосходящие сложностью подборки эбеново-черных палочек и мышц, сочетаемые серой щетинистой шкурой; они деловито перемещали

грузы с места на место, вытаскивали и засовывали, выстраивались длинными караванами. Редвингу они напомнили умных муравьев в отсутствие гравитации, которая бы их перемолола: яростно трудолюбивых муравьев величиной с человека.

Они с Крутилой и Вивьен пристроились к потоку странного угловатого груза, окрашенного зеленым и оранжевым. Редвинга всегда забавляли перемещения в невесомости, хотя периодически прохватывавшую его панику он скрывал не без труда. Незнакомая, потенциально угрожающая обстановка вынуждала метать взгляды из стороны в сторону, сердцебиение участилось. Они плыли в замысловатом меланже клацающих паукообразных рабочих, продолговатых пакетов, по разветвляющимся трубчатым проходам, которые вели в более широкую зеленую полость. Редвинг немного расслабился, но лишь немного, когда осознал, что здесь воздух свежий и приятный для человека, словно бы специально настроенный.

Вивьен оттолкнулась от пружинистых стен и запулила себя во влажную середку одной из шумных просторных шахт. Паукообразные грузчики ее проигнорировали. Несколько столкнулись с Вивьен, но лишь от механической спешки. Они

силились доставить что-то имевшее форму перевернутого дерева, с жесткой корой и отверстиями на верхнем и нижнем концах, будто у контейнера. Внутри росли тонкие серые ветки, встречаясь в центре и образовывая крупный голубой плод, похожий на маятник.

Редвинг теперь узнавал печать невесомости на растениях и животных: не беспокойся о рычаге, максимизируй циркуляцию жидкостей и воздуха.

Вивьен жадно потянулась к одному из спелых голубых плодов в форме слезинки или маятника, но паук яростным ударом отбросил ее руку. Крутила, впрочем, лениво сорвал пару, и пауки дали назад в воздухе, избегая столкновения с ним. Редвинг задумался, какими жестами или ароматами воспользовался Крутила. Существо, по впечатлению, едва уделяло внимание окружающему, не говоря уж про беспокойство о нем.

— Мы настроили эту еду под вкусы вашего вида, — сказал Крутила, предлагая ломти спелого фрукта, который ему удалось нарезать на порции одним быстрым ударом; может, у него ножик из конечности выдвигается?

Они поели, во влажном воздухе зависли капли рубинового сока. Редвинг оглядывался, раз-

мышляя о сопутствующих возможностях. Во все стороны расходились коридорные каньоны, озаренные мерцающим свечением. Живой корабль оказался подлинно огромен.

— Чудесно, — лаконично прокомментировал Редвинг. Он с борта «Искательницы» много чудес Чаши видел в свое время. Но тут он присутствовал сам, в режиме реального времени: среди запахов, звуков — проживал знакомство с чужим миром.

Вивьен и Редвинг ухватились за ближайшую прозрачную трубу диаметром не меньше их роста, по которой булькала янтарная жидкость. Отсюда можно было, утвердившись в пространстве, ориентироваться среди невероятного смешения коричневых спиц, зеленой листвы, серо-металлических шахт и узловатых сырых бугров, торчащих под всеми возможными углами. Трехмерная навигация в тесноте с трудом давалась потомкам прикованных к земле приматов саванны.

Вокруг по заузленным проводам и облезающим лианам носились, чирикали, пищали, явственно пердели каким-то желтым газом (от него щипало нос) маленькие животные. Повсюду движение, целеустремленность, спешка, импульс — по каждому из возможных векторов.

— Ну и суматоха тут, — энергично промолвила Вивьен. — Как думаешь, чего они хотят добиться, приглашая нас сюда?

— Не знаю, — искренне проворчал Редвинг.

Он пытался составить ясное впечатление об окрестной суете, но пока не преуспел. Полевая работа не относилась к числу его сильных сторон.

Он обрадовался, когда наступила пауза. Перед тем как улететь на этот диковинный, явственно живой корабль, решено было отдохнуть. Приматами, заброшенными в совершенно чужой звездный календарь, всё равно руководят циркадные ритмы. Они с Вивьен, впрочем, спали мало. Приняли душ и отдались касаниям, испытаниям вкуса, поискам нового и лучшего, возвращая друг другу каждый взгляд и вздох, распаляя взаимное желание с каждым поцелуем, успокаивая и зажигая друг друга одновременно. По календарю им обоим было больше двухсот лет, так что они славно отожгли. Ему хотелось еще. И поскорее.

— Пожалуйста, за мной, — сказал Крутила.

Он плавно поплыл прочь, а они за ним — по оливково-зеленой трубе с широкой горловиной.

Редвинг удивился, обнаружив, что может видеть сквозь стены зеленые нижние уровни. Неприкрытый свет солнца фильтровался сквозь

зачарованный шатер. Из облачных метелок формировались настоящие тучи, выпадали капли, а изумрудные листья конической формы жадно всасывали их.

Крутила вылетел из трубы и понесся дальше. Они следовали за ним рука об руку через обширное пространство, доминирующее положение в котором занимала полая полусфера из зеленого мха. В живой лабиринт под ними проникал, переотражаясь, косой луч жаркого солнечного света.

Крутила поглощал алые шарики, в изобилии растущие на ветвях вроде виноградных лоз. Вивьен потянулась к ним, сорвала один, и остальные шарики злобно зашипели на нее. Но и только: ничем больше растение себя не проявило. Вивьен надкусила добычу.

— Нельзя быть уверенными, что эта экосфера нам химически подходит, — сказал Редвинг.

Крутила повертел головой, приглашая в более узкий переход.

— Можно. Мы настроили ее специально под хиральность ваших белков и другие химические аспекты.

— Что, весь огромный корабль? — не поверил Редвинг.

— Именно поэтому «корабль», как вы его именуете, не сразу оформил свою внутреннюю хемосистему, во всяком случае, здесь, в местах нашего пребывания. Мы не хотели ставить ваши жизни под угрозу и отсортировали приемлемые местные биологические решения. Это нам удалось без труда, ибо наша обитель богата множеством видов, так что среди них нашлись и подходящие для вас.

Редвинг попробовал один из пурпурно-алых шариков, насыщенный хлебный вкус ему понравился.

— Вы нас сюда ведь не просто так доставили?

— Разумеется. — Крутила лениво поморгал, выставил рубиновый свернутый язык (Редвингу этот жест почему-то показался угрожающим, волчьим), игриво поводил им в воздухе, пощелкал зубами без очевидного ритма, но более детального ответа дать не пожелал.

— Это творение Паутины?

Крутила подскочил, демонстрируя изумление:

— Нет, что вы! Оно куда старше.

— Кто-то запланировал всё это настолько давно?

— Кто-то? Да, в те эпохи планировали, но не разумом, а телом.

— Э? В смысле…

Их всех внезапно дернуло, вынудив прервать разговор. Корабль разгонялся, по стенам побежала дрожь. Редвинг с Вивьен уцепились за какие-то прочные желтые кусты, растущие из переборки. По воздуху прокатились длинные, дрожащие басовые ноты.

Крутила происходящим, кажется, наслаждался. Он позволял рывкам кидать себя из стороны в сторону и испускал кашляющие смешки.

— В далекой-предалекой древности существовали звери, разработанные для охоты на ледяные астероиды на холодных просторах за пределами планет — *уууффф!* Этого требовала коммерция, на коей зиждилась Солнечная система. Вы такую называете экономикой. Торговля летучими — *хуунхх!* — веществами и редкими землями, молекулами, которым находилось большое применение в те славные дни Глории — *ахх!* Эти древние формы жизни умели размножаться. Всегда требовалось больше копий. Они достаточно владели генетическим ремеслом, чтобы модифицировать себя. Принужденная эволюция — *ах!* Возможно, они повстречались с другими формами жизни, пришелицами с других миров — не ведаю; информация эта давно погребена

— *ух!* И в любом случае вряд ли важна. Жесткая длань времени придала этим существам такую форму — *ооффф!* — а потом наступило ускорение.

Крутила ухитрялся ставить в конце каждой фразы нечто вроде жестового знака препинания, пока его болтало от стены к стене. Он явно наслаждался всем. Вивьен с усилием держалась у стены.

— Существа, глотающие лед? — спросила она.

Крутила зафиксировался у липкого участка на стене, привстал на две ноги, а оставшимися ногами и руками замахал в воздухе, позволяя ряби от этого движения прокатиться по телу.

— Их послали искать лед, потом перевозить по спирали к внутренним мирам.

— Воду? Для?..

— Глории, в ту эпоху ускорения. Беды постигли сухой мир, как припоминаю я по отрывочным данным о нашей истории. Внешнее гало ледяных астероидов вмещало воду в изобилии. Было создано много рабочих мест.

— Почему бы не воспользоваться звездолетами?

— Металлическими? Они не умеют самовоспроизводиться.

Вивьен скептически глядела на него.

— Эти штуки приносят потомство там, на холоде?

— Медленно, но — да. Предки наши позаботились о великом открытии, увенчавшемся приходом жизни в вакуум. На Глории, как и на вашей родной планете, жизнь выползла из океана на сушу, потом поднялась в небеса. Следующий великий скачок способен совершить лишь интеллект, покидающий небо ради вакуума.

— Как же они этого добились? — настаивала Вивьен.

— Солнечный свет убывает по квадратичному закону с расстоянием от звезды, но объем возрастает по кубическому. Итак, на великих просторах открывается больше ниш для жизни, чтобы собирать солнечный свет, на всё более крупных платформах и плодородных полях. Невесомость же позволит применить ресурсы вакуума против давления. Достичь колоссальных размеров оказалось просто. К тому же — сладостная благодать свободного скольжения!

Крутила, как отметил Редвинг, был поэтической натурой. И явно мог, когда желал этого, утаивать чрезмерные познания в англишском.

— О каких сроках мы говорим? В смысле, как долго растить ледоеда для глубокого космоса?

— Эволюция оперирует бездной времени, миллион и более ваших орбитальных периодов. У нее на службе удобные обстоятельства. Такие, каких ваше племя лишено.

— А эта, мнэ, большая космическая рыба, ну, она умнее? — спросила Вивьен.

— Вечно вы, люди, возвращаетесь к этому способу сравнения. Она другая. Она не лучше и не хуже.

Вивьен проговорила:

— Я подумала, что она должна быть умнее нас, раз всем этим занимается.

— Те же импульсы приложимы ко всем таким интеллектам, сказал бы я, — ответил Крутила. — Для вас, приматов, как и для нас, это справедливо. Наши разумы, некогда являвшие собою неизведанные территории, постепенно и неизбежно становятся обычной недвижимостью. Поэтому мы руководствуемся более глубокими императивами.

Вивьен держалась. Рябь на стене понемногу стихала.

— Что?

— Я говорю о, выражаясь цепочкой из ваших коротких слов, *entro, evo, info*.

— Что?

— Вы увидите, что я предпочитаю коллапсировать ваши подчас неуклюжие слова. Итак, *entro* обозначает энтропию, процесс нарастания беспорядка, как в вашем втором законе термодинамики. Затем *evo* — эволюцию живых организмов, поглощение энергии и, следовательно, противодействие энтропии. Эволюция производит *info*, информацию, которая, будучи собрана и переработана нервными системами организмов, позволяет им развязывать и поддерживать войну с энтропией. Такова великая… как сказать по-вашему? Великая *опера* всех интеллектов…

— Вы к чему это всё? — перебил Редвинг.

— Вам предстоит встретиться с другими существами уместного случаю ранга.

— А кто пилотирует эту штуку? — настойчиво поинтересовалась Вивьен.

— Она летит, подобно птице, без особых сознательных усилий. Подобно тому, как не доставляет вам обычно усилий ходьба, сочетание падения и подхватывания. И рассуждает она долгими мыслями, как приличествует созданию, пришедшему из великих неторопливых глубин.

— Как она летает? Как на орбиту…

Вивьен осеклась, получив ответ на свой во-

прос еще до его завершения. Труба открывалась на пейзажи за тыльной стороной корабля. Они улетали от линейного колосса Паутины и поднимались над ним. Редвинг на таком расстоянии лишний раз убедился, что данное при подлете к Глории название было метким. Серебристые спиралевидные нити поблескивали отраженным светом солнца, слагали связующую и опорную структуры. Тонкая дымка висела на фоне черноты космоса, тусклее звезд, но куда плотней. Ее окружало гало, рой деловитых светящихся пчелок, привлеченных огромными богатствами артефакта.

Они молча наблюдали за происходящим. Одна мошка увеличилась в размерах: они набирали скорость, пролетая мимо нее. Это оказалась раздувавшаяся на глазах сложная структура из опор и полунакачанных баллонов. Ее опоясывали венообразные лианы с ореховыми узелками. На внутренних перекрестках протянулись вены плоти. И другие движущиеся точки летели впереди или позади, некоторые — лихорадочно крутились, иные кувыркались.

Но все направлялись к тому, что напоминало Редвингу ананас, утыканный шипами и еще какой-то медленно колышущейся короткой

щетиной. Вокруг этой неспешно крутящейся громады и скапливались бледные мошки.

Редвинг и Вивьен смотрели, как оранжевая сфера выдвигает тонкий стебель к ближайшему скоплению бледно-зеленых цилиндров. То начало вращаться вокруг стебля. Это стабилизировало конфигурацию, так что стеблю стало удобней радиально протыкать тонкие стенки… своей *добычи*, осознал Редвинг. Он задумался, как раскручивает себя сфера, и предположил, что в том задействованы внутренние жидкости. Но атака ли это? Массив упругих зеленых колонн ничем не походил на жертву. Он лишь придвигался к сфере. Их медленные объятия сомкнулись, что-то запульсировало по всей длине словно покрывшихся коричневой коростой объектов. Редвинг задумался, что именно видит, — обмен данными, биохимическую транзакцию, секс классических геометрических фигур?

Но вдруг стало заметно, что лишь фрагменты крупной сферы твердые. Большие шапочки на концах «ананаса» по-прежнему выглядели прочными, неприступными, однако на основном ее корпусе проявлялось всё больше деталей. На многогранных пятнах мелькал солнечный свет. Вивьен сообразила, что это множественные

тонкие отростки, уходящие от центральной оси объекта. Ось покоилась глубоко в сплетении сетей и стеблей, будто крупный коричневый корень.

Она вспомнила, как Крутила обмолвился, что разговор ворует загадку, и стала просто наблюдать.

— Держитесь за стену, — быстро проговорил Крутила.

— А? Что?.. Капитан, хватайтесь!

Зрелище отвлекло их от осознания, что и сами они сближаются с объектом. Теперь отходившая от оси волокнистая поросль стремительно — пугающе быстро — увеличивалась. Они направлялись прямо в густое переплетение лиан.

В абсолютной чистоте пространства Редвинг различал всё больше деталей и начинал осознавать подлинный размах сложности громады. Она была размерами, наверное, с горную цепь. Рядом с нею их конус казался спичкой, гаснущей в исполинской тени.

Передние конечности живого корабля уткнулись в широкую сеть цвета загара. Растянули мембрану и прилипли. Еще одна мембрана, зеленая, крупная, похожая на бейсбольную перчатку, смягчила отскок.

Вивьен проговорила:

— Что это?

— Более крупный консорциум разумов и тел. Желает он, опять-таки, проглотить нас вместе с вашим приматским знанием.

– *Проглотить?!*

— И переварить, но дружески.

29. Прикованные к Глории

Пока наночумная защита проверяла интерфейс взаимодействия между телом и комбинезоном, Бет лежала неподвижно. После долгого пребывания в Паутине стоило всё проверить и обновить. Ощущения напоминали чесотку глубоко под кожей. Сердце Бет стучало чаще, когда она присматривалась к проплывающим мимо видам, и замедлялось, когда она применяла методики успокоения.

Ей это было нужно. Они с Клиффом потребовали от операционной системы летучей рыбы абсолютной приватности.

— Нам нужно кое-что распространить наедине, — сказала Бет Анарок в надежде, что тонкий намек подействует.

Возможно, так и случилось; Бет часто размышляла, насколько хитроумные методы тайного наблюдения применяют чужаки, даром что Крутильщик и Анарок заверяли ее в обратном. Но с той поры минуло время…

Они занимались любовью с исступлением, близким к отчаянию, хотя сама Бет этого в пол-

ной мере не осознавала, пока не задумывалась; чувства накатывали подобно буре: стремление построить для себя отдельный мир как можно быстрее, как можно ближе, как можно глубже, медленней, тверже, нежней и утонченней — и только для них двоих. Их лица потом еще долго хранили ошалелое выражение, как после неожиданного столкновения на дороге, но без явственных травм.

— Отлично, не правда ли? — Это Клиффу.

Она жестом обвела прозрачные стены каюты. Они странствовали почти в свободном падении, двигаясь по прозрачной трубе назначенным Анарок маршрутом. На борту небесной рыбы имелись биосекции, где плесени было больше, чем на забытых после тренировки в спортзале потных носках, и не без причины. Люди избегали этих мест и тамошних странных пассажиров; Бет не хотелось ни изучать путешествующих там чужаков, ни тем паче дышать с ними одной атмосферой.

Пейзажи потрясали. Со всех сторон подступали обитаемые платформы континентального размаха. Они неслись к ним и сквозь них с ускорением, уловленные гравитацией Глории. Бет повидала к этому моменту тысячи жилых ярусов, проносясь

мимо них на высокой скорости — несколько километров в секунду. Они с Клиффом привыкли уже обуздывать вечный страх столкновения с ландшафтом, регулярно выныривая с противоположной стороны, мельком наблюдая над головой опорные структуры и всяческую сантехнику изнанки и устремляясь к следующей, порою совершенно отличной платформе, причем темп падения даже ускорялся. Они были теперь прикованы к Глории…

Но вот странствия среди платформ окончились. Обширная бежево-коричневая равнина, напоминавшая столовую гору, выглядела древней и какой-то недостроенной. Во все стороны под пурпурными бурями тянулись простые травянистые участки, нежилые скальные карнизы. По впечатлению, сюда создатель этого мира свалил материалы, не нашедшие немедленного применения, да потом так и не удосужился придать конструкции законченную форму. Работа в любой момент могла возобновиться. На горных вершинах, плато и равнинах следы жизни встречались редко. Было похоже, что переработка ландшафта в приспособленную для проживания местность еще впереди.

В отличие от этой платформы, предыдущие бы-

ли увиты роскошной растительностью. Джунгли, леса, кустарники на краю пустынь. Комбинезон назойливо сообщал: *В условиях, близких к невесомости, объемы спинномозговой жидкости, циркулирующей вокруг мозга и в позвоночнике, изменяются. Приняты меры.* Она игнорировала его болтовню. Раньше, помнится, нижнее белье напомнило, что столь кислой пищи лучше избегать. Она и от этого уведомления отмахнулась.

Стремительно сменяли друг друга диковины. Беловато-желтое солнце Глории посылало каждой платформе косые лучи сквозь Паутину. При прохождении через какие-то ржаво-красные леса они приобретали оттенок запекшейся крови, а пронизывая грозовые тучи, уподоблялись светоносным клинкам. А при наблюдении с дальних оконечностей каждой платформы казалось, будто солнце, переваливая через залесненный край яруса, восходит в пустоте — открывается исполинское пылающее око, пульсирующее, зловещее, неотрывно следящее за путешественниками.

Пока Бет и Клифф ожидали завершения самодиагностики комбинезонов, подключенные артилекты без устали пережевывали новую информацию. Каталоги визуальных, слуховых,

обонятельных образов с неизбежной задержкой подгружались на «Искательницу солнц», но Бет всё это воспринимала слитным потоком, который захлестывал с головой, лишая дара речи. Она спихнула на артилектов проблемы систематизации увиденного, предпочтя просто проживать то, что с ней происходит.

Бет раскрыла свой разум окружающей среде. Как ей сейчас хотелось прогуляться по красноватым от косых лучей солнца полям, выглянуть за край платформы! Достичь предела земли, воплотив на практике старую земную иллюзию плоскомирья времен Колумба: ухватиться за границу человеческих открытий и восторженно высунуть голову наружу.

— Корабль, визуальное приближение! — приказала она.

Интегрированный в стенку каюты дисплей (поразительная конструкция уже научилась повиноваться ее голосовым сигналам) приблизил картинку дальнего края платформы. Над ним парила птица, напоминавшая бежевого ястреба, и ее тень неспешно бежала по рябившей от ветра траве. Узрев пределы доступного жизни пространства, Бет почему-то исполнилась удовлетворения. Небесная рыба снижалась, кушетки

прочнее охватывали их с Клиффом тела. Стены и пол задрожали. Клифф окликнул:

— Ну что, мы уже на дне?

Словно прочитав его мысли (а с оглядкой на биотехнологии, рутинно применяемые на борту небесной рыбы, Бет не исключала и такой возможности), появилась Анарок и взмахнула двумя руками.

— Теперь мы испытаем турбулентность, поскольку плюмаж струи заденет нас.

Спектр изображения на стене переменился. В обтекавшем их воздухе проявились пурпурные турбулентные следы. Прежде ленивые, они теперь напрягались и изгибались. Отращивали небольшие яркие воронки, которые, в свою очередь, разрастались, оттесняя гладкие потоки. Турбулентность тормозила полет.

Клифф проговорил:

— Мне уже понятно, что вы полагаетесь на гравитационное торможение: обычное свободное падение, десять километров в секунду вниз. Но какую роль выполняет эта струя?

— Мы на всём пути вниз оттесняем воздух, он нас тормозит, — сказала Анарок. — Теперь система управления потоками на глорианском конце направляет к нам сверхзвуковую струю.

Она избавит нас от избыточной энергии спуска.

Клифф с подозрением воззрился на ярившиеся снаружи вихри, которые с каждой секундой становились всё ярче, окрашивались лихорадочным пурпуром.

— Это, получается, нам предстоит перегрузка?

— Всего лишь двукратная, но на протяжении часов, — капитан небесной рыбы ничуть не смутилась.

Она лишь наклонила тело, подстраиваясь под общий вектор силового воздействия внутри каюты. Каким-то образом телесная гибкость позволяла ей избегать скрипа суставов и мышечных спазмов, неизбежных в подобной обстановке для человека.

Вот это мастерство телоинженерии, подумала Бет, а вслух откликнулась:

— Насколько я понимаю, нас кто-нибудь встретит?

— Вы можете рассчитывать на небольшую делегацию. Местные в основном предпочитают избегать нас.

— Да? — Клифф нахмурился. — Почему?

— Скажем так, у нас с ними разные цели в жизни.

— А представляют ли они для нас угрозу? — по-

интересовался Клифф. — Мы и в Паутине, и на этой вашей луне, точнее, сестринской планете понесли потери.

Анарок ответила:

— Не срезая кору со ствола, скажу: Глория повсюду опасна.

Впервые капитан небесной рыбы прибегла к метафоре. Бет спросила:

— Почему?

— Я никогда не ступала на ее поверхность, так что не могу дать вам точного ответа. Легенда гласит, что есть секреты, которые нам лучше не вытаскивать на свет.

— Правда? — протянул Клифф. — Почему?

Анарок мерила каюту шагами, умело подстраиваясь под нарастающее ускорение и совсем не смущаясь качкой и дрожью.

— Вы, земсистемники, ознакомились с первыми этапами долгой истории, которая привела нас к нынешнему взгляду на жизнь.

Бет задумалась. Большая часть Солнечной системы заселена и приспособлена под поставки ресурсов на родной мир человечества, так что в этом смысле термин «земсистемники» оправдан. Паутина же исполнена динамичного присутствия жизни: так пробегает ветер по коже, так

чувствуешь дрожь от потоков, проносящихся по широким трубам, так видишь вспышку молнии даже сквозь сомкнутые веки…

Анарок продолжила:

— Планеты и спутники — места возникновения жизни, но подвижность они серьезно ограничивают. Гравитация планеты вроде Глории велика, жизнь без нашей помощи ее не покинет. Жизнь застряла здесь на миллиарды лет, обездвиженная в планетарной клетке, пока древние не соорудили Паутину. Но происходили в древности и события, давшие нашим предкам повод отнестись к пребыванию на Глории с радостью. Ароматов и иных воздействий, привычных нам в Паутине, избегают они.

Лицо Анарок хранило прежнее бесстрастное выражение, но Бет заметила, что ее руки слегка подрагивают. Казалось, что речь эту Анарок заучила, чтобы произнести с интонацией неизбежности, словно вещательница истины.

Бет в этой экспедиции слишком часто открывала рот лишь затем, чтобы сменить тему разговора, и на сей раз предпочла помолчать. Ясно было, что Анарок не отступит от приказов. Но кто отдал ей эти приказы? Или *что отдало*?

Впрочем, покидая каюту, капитан внезапно

добавила:

— Полагаю, глорианцы порой называют Паутину Лесом Сияющей Благодати. Но сами в него не суются.

Не успела Бет обдумать услышанное, как накатила перегрузка. Небесную рыбу выгнуло, послышался небывало мучительный стон. Смена картинок на стенах замедлилась, размылась от воздушной турбулентности снаружи.

Бет плюхнулась в облегающее фигуру кресло, которое небесная рыба экструдировала из пола каюты, и закрыла глаза. Материал кресла с протяжным свистом подстроился под контуры тела. Каюта повернулась перпендикулярно прежней ориентации, превозмогая напряжение. На входе в туннель небесную рыбу встретило давление воздуха, и первоначальные перемещения потребовали заметного времени. Потом началось свободное падение: они просто неслись к поверхности, отделенные буферной прослойкой от прозрачных стен. Но в атмосфере Паутины видимость оставалась удивительно ясной, хотя Глория внизу постоянно увеличивалась. Теперь, с усилием повернув голову, Бет могла видеть мелькающие за окном ландшафты изогнутой поверхности планеты. Они тянулись во всех

направлениях: от высоких заснеженных горных вершин до лавокварцевых пустынь.

Струя воздуха снаружи продолжала тормозить рыбу, извлекая энергию, сообщенную спуском по узкой трубе; Бет смотрела, как возносится Паутина от расширяющегося в поле обзора глорианского основания. Здесь экспонентный изгиб конструкта стал очевидней: Паутине приходилось сопротивляться нарастающей силе тяжести Глории.

Бет вздохнула. Она уже заскучала по медленной океанической пульсации Паутины. Что за паук ее сплел? Вернее, что за десятки миллиардов пауков… Где-то здесь должна отыскать себе свободное пространство их маленькая уязвимая экспедиция. Остаться жить, расти и процветать.

Клифф пропыхтел, преодолевая хватку торможения:

— Что-то до меня всё равно не доходит, как нас ухитряются тормозить струей высокого дав…

Он не успел закончить фразу, как ему уже ответили. Монотонным, вне сомнения, автоматическим голосом:

— Задействуется электропроводящая оболочка. Магнитные поля, навитые вокруг транспортного туннеля, сцепляются с нами по индуктивному

механизму, замедляют судно и извлекают электроэнергию, запасая ее.

Клифф издал рыкающий смешок:

— Ха! Значит, магнитные тормоза. Мне стоило догадаться, что тут какая-то хитрая придумка.

— И экономичная вдобавок, — отозвалась Бет, которую снова вжало в объятия кресла: то, по впечатлению, хорошо приспособилось к ее телу. Даже массировало сдавливаемые части, с нежным посасыванием лаская нижнюю часть спины. *Где бы такое купить?*

Они продолжали падать к поверхности, и Глория распростерлась перед ними. Изгиб планеты охватывала пленка, под которой скрывался океан цвета яйца дрозда. Над блестящими морями там и сям возносились пушистые, белые, как хлопок, облака — отбрасывали странные угловатые тени на рябившую гладь. Каждому белому шпилю соответствовал темный двойник на искривленной синей равнине. Паутина, величественный памятник брутфорс-инженерии, стрелой утыкалась в коричневый материк, а вокруг торчали клиновидные тучи.

Бет прижала к ушам гарнитуру, отсекая стонущий скрежет небесной рыбы под перегрузкой. Прозрачная труба позволяла любоваться наруж-

ными видами: при спуске через естественную атмосферу так не получится. Бет изучала величественно возносящиеся облачные пирамиды, подобные Маттерхорну на Земле. Вот небесная рыба углубилась в одну из них: вокруг и внутри облака кишела летучая жизнь. Вроде бы крупные птицы, острокрылые и в то же время пузатые, словно воздушные шары. Вечное состязание добычи, прячущейся в небесах, и неторопливого хищника?

Они быстро снижались. Точно отзываясь на пожелание Бет, дисплейная стена приблизила вид материка. Обширные леса цвета зеленого бутылочного стекла, паутина речной сети, поросшие мхом островки. Пурпурные тучи, готовые разрешиться от грозового бремени. Облачные цепи вдоль морских берегов, блистающие в солнечном сиянии, словно горы из водяного пара.

— Посадка будет жесткой, — сдавленным голосом предположил Клифф.

Бет хотела что-то ответить, но не смогла — так ей горло сжало. Вдруг над обширной сетью речных русел ударила колоссальная молния. Желтая дуга коснулась не земли, а высокой серебристой башни. За той виднелась другая ажурная металлическая постройка, и не прошло пары секунд,

как в нее тоже ударила ослепительная желтая молния. *Они собирают урожай молний. Черпают энергию, вихрящуюся в естественном магнитном поле Глории, из огромного вращательного генератора Паутины.*

Это в дополнение к самой Паутине, использующей гравитацию как средство хранения и высвобождения энергии, с клапанами, пресекающими бесполезный сброс атмосферного давления.

— Бережливость, — пробормотала она, стараясь успокоиться, пока небесная рыба на ошеломляющей скорости неслась к планете.

Горизонт Глории становился плоским. Снаружи прозрачной трубы зарябили облака. Серебристые вуали вирги ниспадали между массивных платформ водяного пара, окрашенных в оттенок слоновой кости. Вдалеке Бет замечала низкие горы, куда менее впечатляющие, нежели Скалистые или Гималаи на Земле. Значит, этот мир приплюснутый. За холмами по молочному небу катились морщинки от поднимающегося ветра.

Клифф напряженным голосом нарушил молчание:

— Мы тормозим недостаточно быстро.

Перегрузка торможения глыбой давила на

грудь, но Бет сумела ответить:

— Они… знают… свое… дело.

Но, похоже, не до конца. Приближалась холмистая равнина. Слишком быстро. Во все стороны уширялась книзу Паутина, но они неслись навстречу равнине…

— А-а-а-а-а-а! — завопил Клифф.

Бет эхом повторила его крик.

Они врезались в планету. Земля вздыбилась и ударила их в лица…

Тьма. Чернота повсюду. Они продолжали энергично сбрасывать скорость. Много километров еще оставалось до ярко освещенного просторного уровня внизу.

После долгого момента смятения у Клиффа вырвалось:

— Какого хрена?..

Их озарил ослепительный свет. Они снижались к платформе, затянутой буйной растительностью. Помимо растений, имелись толстые серые колонны, укоренившиеся в платформе и вонзающиеся в крышу.

Бет подняла взгляд к светящемуся потолку. Оттуда лилось излучение, сходное с естественным солнечным светом.

Клифф проговорил:

— Это просто еще одна сфера внутри… того, что мы принимали за поверхность Глории.

— Угу, — только и ответила Бет.

У нас впереди новые неожиданности.

30. Чернодырное оружие

Вообще говоря, всякий консервативен в том, что знает лучше всего. Это попросту наиболее рациональная позиция.

Первый закон Роберта Конквеста

Редвинг с Вивьен старательно отслеживали поток грузов через главный стыковочный шлюз. Редвинг бросал настороженные взгляды на роившуюся кругом живность. Повсюду сновали, устремляясь внутрь, разномастные существа. За шлюзом простиралось слабо освещенное пространство, слишком обширное, чтобы точно оценить его размеры. Во всяком случае, не меньше пары сотен метров в любом из направлений, и повсюду плотность движения примерно одинакова. Трудно было уследить за векторами в трех измерениях.

В этой гребаной системе всё так устроено, подумал Редвинг. *Тяжело приспособиться, если твои предки эволюционировали на равнине, прикованные гравитацией к планетной поверхности.*

Крутила указывал им дорогу. Они проплывали сквозь ораву маленьких паукообразных рабочих,

издававших клацанье. Рабочие перемещали удлиненные овальные пакеты, в которых явно находилось что-то живое: шерстистые, хвостатые, диковинно изогнутые тела. Проскочив этот ураган незнакомых форм, Крутила провел гостей в часто разветвлявшийся трубовидный проход. Ответвления вели в какие-то обширные сине-зеленые палаты.

— Воздух свежий, — заметила Вивьен, принюхиваясь. Редвинг любовался ее умелыми и сдержанными движениями. — Значит, это место… этот большой живой корабль… он приспособлен для людей, как и прежние обиталища?

Крутила изобразил привычную натянутую улыбку.

— Лишь частично. Наши биосферы схожи с вашими, разве что белки сложнее. Поэтому настройка оказалась не слишком затруднительной.

— Как так получилось? — нахмурился Редвинг.

И задумался, не переборщил ли с мужской боевитой суровостью на контрасте с утонченной вежливостью Вивьен.

— Конвергентная химическая эволюция, — ответил Крутила тоном профессионала. — Вам, несомненно, известно, что на всех мирах со

сходными условиями развиваются схожие биохимические окружения. Это касается и биохимии наиболее ранних, прикованных к планете, представителей вашего вида. Не так ли?

— Ну ладно, и зачем мы тут?

— Чтобы пообщаться с теми, кто направил вас сюда, о капитан. Продвигайтесь вперед и сохраняйте осторожность.

— Беречь шкуры советуете? — спросила Вивьен.

— Шкуры?

— Это идиоматическое выражение. Ну а у вас шерсть.

— Моя шерсть ему не нужна, — сказал Крутила.

— Кому «ему»?

— Не «кому», а «чему». Вам вскоре предстоит познакомиться с ним.

Редвинг улучил момент отвлечься и просто полюбоваться проплывающими мимо диковинами. Его посетило давнее воспоминание: в подростковом возрасте он приступил к самостоятельным походам на природу. Редвинг рос амбициозным, сосредоточенным, крутым малым. Он привык к атмосфере конкуренции. Но пребывание наедине с природой помогло ему понять, что иные

неподдельно приятные вещи доступны всем и безвозмездно.

Он начал осенние вылазки на охоту — несложную, в основном на оленей и гусей. Тихо карауля добычу в засаде, он смотрел, как проявляется белая вуаль инея на траве и прекрасных оранжево-алых листьях, шелестящих под порывами ветра. День, проведенный в одиночестве среди холмов, алый закат, а потом восход серебристой луны под треск костра — вот что важно. Стремительная птица на ветру над шепчущим лесным ручьем. Фундаментальные элементы бытия, для которого эволюционировал род человеческий. И они всем доступны бесплатно.

Теперь его окутывала колоссальная странность чужацкой природы. Они летели, постоянно перемещались в трехмерном пространстве, делали маневры во всех направлениях — прямо-таки голова кружится. Но отчего-то ему было уютно. Глорианцев эволюция устремила по радикально иным маршрутам, однако среда обитания этих существ казалась ему странно комфортной. Само по себе это было удивительно и должно бы встревожить. Но не тревожило.

Он отметил, что в невесомости его живот выпирает: в более традиционной культуре, например

эпохи французского классицизма, это сочли бы признаком мужской жизненной силы. Тут — лишь симптомом накопления жира. Он пытался втянуть брюшко, когда услышал вибрирующий сигнал коммуникатора.

Майра. Аудиовизуальный сигнал, но сжатый. Удивительно, что направленный луч вообще их достиг в такой дали, во чреве огромного создания, которое, без сомнения, поглошало субмиллиметровые волны. Но, возможно, в плотских стенах огромного корабля имеются цепи, способствующие проброcу сигнала внутрь.

Несколькими жестами Редвинг увеличил лицо Майры и расположил в воздухе перед собой. Ее голос казался квакающим, но слова оставались разборчивы:

— Капитан, «Искательница солнц», я пыталась получить обновленные данные о той черной дыре, которая, по вашим словам, запущена в нашу сторону. Судя по всему, глорианцы ее разогнали, использовав как топливо массу кораблей тех корсаров-ренегатов. Изящное решение: не просто уничтожить оппонента, а полностью переработать его! В колонии нет аппаратуры, позволяющей напрямую засечь продвижение дыры. Птицы не отвечают, а Ледоразумы недву-

смысленно порекомендовали заткнуться и сидеть тихо. Но! У меня фрагмент навигационной сводки от Верховного Совета Птиц. Их ожидания подтверждены. Они, по существу, уточнили и детализировали информацию, первоначально поступившую от вас на подлете к Глории. В облаке Оорта системы Эксельсии пусто. — Майра развела руками и вскинула брови. — Ничего! Всё подметено, за вычетом чернодырного массива.

— Всё совпадает? — спросила наблюдавшая Вивьен.

Крутила тоже смотрел и слушал.

Редвинг поставил сообщение на паузу — потом дослушать можно. Он пояснил, что, пошарив в окрестностях гравиволнового передатчика, они не обнаружили посредством дистанционного мультичастотного сканирования никаких крупных масс. А вот при дебютных полетах Редвинга в должности капитана таранника по облаку Оорта Солнечной системы подтвердились стандартные гипотезы. В облаке насчитывались обычные и ледяные астероиды, кометные обломки размерами преимущественно не более километра и совокупной массой под сотню земных. Триллионы таких объектов неторопливо кружились по вытянутым орбитам. Но вокруг Эксельсии было пусто. Ни

одного астероида.

— Значит, глорианцы подмели триллионы камней и… — Вивьен округлила глаза, призадумавшись. — И превратили это вещество в черные дыры? Не могу поверить.

— Ты не обязана, — рассмеялся Редвинг. — Им требовался удобный источник сжатого вещества подальше от звезды. Ну и вот.

— Но как? Начать с ледовых и каменных глыб… — Она умолкла.

— Швыряли их друг в дружку. Каким-то образом.

— Каким-то чертовски впечатляющим образом. На это бы ушло…

— Сколько? Миллион лет, а то и больше.

Вид у Вивьен сделался встревоженный.

— Наверняка больше. На Земле города строить начали меньше десяти тысяч лет назад. А в сравнении с этим… детский лепет.

Редвинг приобнял ее и привлек к себе в невесомости.

— Помнишь простейшую форму уравнения Дрейка из проекта SETI? Главный неизвестный параметр — время жизни технологической культуры. Ну, нам теперь известны две цивилизации, чья продолжительность жизни колоссальна. Ча-

ша и Глория. И обе занимались строительством исполинских сооружений.

Вивьен округлила глаза:

— Ты сказал, Чаше больше *шестидесяти миллионов* лет. Я не поверила.

— А стоило бы. Короче, глорианской системе не меньше миллиона лет — это минимальный срок, необходимый, чтобы все массы облака Оорта запулить друг в дружку, превратить в черные дыры и организовать массив передатчиков. Для начала требовалось выловить триллионы ледяных астероидов, обточить их, столкнуть друг с другом.

— В голове не укладывается, — сказала Вивьен.

— Ага. Я и не задумывался, *насколько* сложной должна была оказаться эта работенка…

Крутила внимательно прислушивался к их разговору. Он отклонил тело назад и подобрался: шесть мускулистых конечностей, сложная скрещенная сидячая поза. Мех его был толще, чем у Крутильщика, и переливался оттенками слоновой кости. Он заговорил мягким мелодичным голосом о временах таких далеких, что сами названия этих эр забылись. Многорукое создание с густой шерстью поведало о том, как давным-давно глорианцы узнали о существовании великих разумов на межзвездных просторах по электро-

магнитным сообщениям, порою весьма древним. О том, как эти культуры приходят в упадок под влиянием уязвленной гордыни. Иномирские разумы оказались одновременно странными и величественными — до такой степени, что и понять-то их было задачей невероятной сложности, и власть их представлялась всеохватной. Мотивы многих были недоступны расшифровке.

— И мы, глорианцы, постарались создать более высокую ментальность, распространяя интеллект среди множества видов.

— Всеохватная власть? — мягко переспросила Вивьен.

— У вас имеется слово: отталкивающая. Такое впечатление производили и они. Поначалу мы — или, точнее сказать, они — терпели неудачи. Как и следовало ожидать при подходе к воплощению столь грандиозного замысла. Даже старательно направляемая эволюция нуждается в обширных полигонах, множественных экспериментах.

— И вы занялись строительством Паутины? — настаивала Вивьен.

— Это так. Хотя мы — речь идет о содружестве видов — проверяли множество различных идей, оттачивая приемы, на коих держится изобретательность.

— Размазывали масло тонким слоем на большее число бутербродов? — смело пошутила Вивьен.

— Некоторые могут воспринять происходившее и так, — Крутила жестом дал понять, что не заинтересован в дальнейших вопросах.

Они приближались к обширным пенисто-коричневым зарослям, источавшим запах жареного мяса. Редвинг принюхался и нахмурился. Он был слегка голоден, так что…

Крутила хлопнул Редвинга широкой лапой по плечу и без усилий увлек прочь. Сделал знак «тсс» и показал на кустарники. Крысоподобный проворный зверь величиной с собаку, с крупной удлиненной башкой, пробежал мимо, не удостоив людей своим вниманием, а принюхиваясь к запаху мяса. Покрутил лапами, сбавил темп, задержался… и в этот момент кустарник выстрелил в зверька. Маленькие заостренные семена вонзились в крысопса. Он взвизгнул, отскочил и удрал.

— Очередная победа растений, — прокомментировал Крутила. — Этот поедатель падали будет некоторое время беззаботно носить в себе семена, пока не умрет, забывшись счастливым наркотическим сном, тогда те извлекут из тела

питательные вещества. Потом свежая поросль вытянется из трупа. Как видите, у нас растения вполне развиты интеллектуально.

— А не следовало бы вам охотиться на крысопса ради мяса — не только ради наркотика? — спросила Вивьен.

Глаза Крутилы заплясали.

— Вы шутите, — откликнулся он. — Благодарю.

— Мне сомнительно, что о глорианцах, о таких, как вы, мы узнаем достаточно только из вводного курса истории, — заметил Редвинг.

— Ваша догадка справедлива. — Крутила явственно призадумался, как сформулировать дальнейшие фразы, и озвучил их медленно: — Наше рассуждение о ваших искусствах и науках, образцы произведений которых вы нам любезно предоставили в изобилии, привело к выводу, что вас лучше всего обучать на примерах. Вы делаете обобщения по частностям. Не по абстракциям — а что, в конечном счете, есть любой язык, как не абстракция?

Вивьен проговорила:

— Мне всегда хотелось узнать, как решаются некоторые проблемы. Когда я учила физику, меня легче всего было заинтересовать, дав практически интересный пример. Вы об этом?

— Скорей о том, как вы знакомитесь с нашим образом жизни, нашими обителями и позволяете по своей реакции судить о предпочтительном для вас режиме обучения.

— Кажется, вы решили, что оптимальный режим обучения — палочный, — резко бросил Редвинг. — У нас уже пара потерь от хищников.

— И от процессов, — сказал Крутила, — как при посещении Инкреата.

— Их *сожгли заживо*, — выплюнул Редвинг.

— Боюсь, что ваше предположение приблизительно верно, — сказал Крутила.

— «Приблизительно»! — На сей раз не выдержала Вивьен.

— Я имел в виду, что их трансформация не полностью завершилась.

— Во что?

— В более долговечную форму.

— Где? Как?

— В Инкреате. Мне неизвестны детали процесса, хотя, похоже, что-то пошло не так.

– *Не так*? — Редвинг замахал руками и отстранился, чтобы этими движениями выместить гнев.

— Меня там не было, — мягко проговорил Крутила. — Судя по всему, использованный метод

оказался слишком быстр и чреват перегревом.

— Но *зачем*? — Вивьен говорила спокойным, но сдавленным голосом.

— Инкреат — не простой репозиторий. Это активный разум и метод, сетевой. Он любопытен. Вы первые за весьма долгое время посетители такого вида.

— Значит, мы слоняемся по различным местам, — спросил Редвинг, — чтобы разные представители системы Глории могли к нам присмотреться?

— Намного больше, чем просто присмотреться. Необходимо изучить и понять. Вы же сюда явились — зачем?

Редвинг помолчал.

— Мы стремились установить контакт с вашим обществом. Мы случайно пролетели мимо Чаши, которая тоже направлялась в вашу сторону по близкому вектору.

— Вы в этом уверены? — спросил Крутила, нахохлившись.

Вивьен отозвалась:

— Абсолютно… о, постойте. Вы что это имеете в виду?

Редвинг прищелкнул пальцами.

— Хотите сказать, что в Чаше нас засекли по

выхлопному хвосту ионоточника? И сманеврировали так, чтобы приблизиться?..

— Я не поклонник их методов, но Чаша — антология интеллектов, у которых имелось много странных поводов такие методы выработать. У них это преимущество возникает от туристических полетов по нашему сектору Галактики. Истинные свои мотивы они редко рассекречивают.

Редвинг сказал:

— Они построили рай и стабилизировали его как динамически, так и социально. Цена этого — множество адаптаций, через которые пришлось пройти.

Крутила изобразил то, что у него соответствовало попытке нахмуриться.

— О каких адаптациях речь — физических? Мы это в Паутине, как вы ее величаете, тоже предпринимаем.

— Они способны общаться со своим подсознанием, наблюдать его в работе, управлять им, — сказал Редвинг. — Это блокирует всплески эмоций. Мы же за деятельностью своих внутренних личностей наблюдать не умеем. Для нас это невозможно. Не у нас есть идеи, а у идей есть мы. Расам Чаши чужда концепция грандиозных

народных движений, увлекаемых страстью. А вот людям это близко. Пусть на Земле некоторые и считают, что наша экспедиция, обошедшаяся весьма дорого, полная испытаний и риска, не более чем дань преходящей моде.

Крутила повертел башкой, словно услышанное возымело физический эффект. Он медленно проговорил:

— Значит, Птиценарод Чаши не претерпевает масштабных социальных перемен?

— Кажется, что нет, — ответила Вивьен, — они не хотят, чтобы креативные импульсы отбились от перьев.

— Это всего печальней, — сказал Крутила.

Его глаза затуманились.

Редвингу требовалось взять паузу на осмысление услышанного и увертливой манеры Крутилы. Он надеялся, что сам не выболтал слишком много. Прикладная дипломатия не относилась к его сильным сторонам.

Желая расслабиться, Редвинг стал оглядывать вечное бурление жизни на окружающих просторах. Проследил, как приближается желтая стая летающих существ, которые испускали сбивчивый лай, и тут же про себя окрестил их «замороженными взрывпакетами». Во все стороны

из их тел торчали острые иглы. Ему вспомнились шипастые черные морские ежи у рифов калифорнийского побережья, ценимые японской кухней за оранжевую икру. Глорианские воздушные ежи пронеслись мимо, посверкивая острыми шипами; они открывали и смыкали узкие клювы, точно давая понять: не троньте нас.

Крутила проговорил:

— Я ознакомился на досуге с данными наших миссий к вашей родной планете, которые осуществлялись приблизительно раз в десять ваших тысячелетий. Ваш, Homo sapiens, прогресс оказался стремительным и неожиданным. Вот сводка результатов первого визита: *Племена полуволосатых прямостоящих обезьян-кочевников перемещаются в поисках еды. В будущем имеется вероятность развития общественной организации, какая наблюдается иногда и сейчас в пустынных регионах*. Судя по всему, только там можно было беспрепятственно наблюдать за вашим видом. Искусственных сооружений не отмечено.

— Сколько экспедиций вы совершили? — спросила Вивьен.

— В общей сложности пять. Наше исследовательское судно не стало снижать скорость, а

пронеслось через систему и провело наблюдения издалека, сбросив также небольшие умные пакеты для более пристальной инспекции. Два последних отметили пару умеренно интересных деталей вашей миграции. В частности, на одном крупном континенте замечены признаки использования орудий труда, а последняя миссия засвидетельствовала с аэролета очевидный прогресс. А именно: многие разрозненные популяции независимо открывали базовые навыки сельского хозяйства и одомашнивали животных. Кое-кто использовал металлические орудия труда и оружие. Отмечалось распространение глиняных изделий в крупных постройках с очевидным религиозным предназначением. Значение культа также выросло. Простейшие жилища из глины и тростника во множестве мест. Но никаких дорог или долговечных каменных зданий.

— А дальше что? — настаивала Вивьен.

— Ваш вид с удивительной быстротой перегнал более раннюю модификацию. Насколько я помню, эта последняя именуется P. troglodytes на одном из ваших древних языков. Вы тогда были шимпанзе — некогда это слово значило «похожий на человека». Пока не развился ваш вид, предки его не отдавали предпочтения ходьбе на

двух ногах вместо четырех лап.

— Мы генетически отделились от шимпов шесть миллионов лет назад, — уточнила Вивьен.

Крутила пренебрежительно отмахнулся, будто от незначащей детали.

— Мы планировали отправить следующий зонд для инспекции в вашу систему в течение следующего века-трех. Потом случайно заметили ваш корабль, когда он проявился на высокодетализированных снимках объекта нашего основного интереса: Чаши.

— А-а, — сказала Вивьен. — Ну да, если бы вы сейчас сунулись на Землю, то, несомненно, не ушли бы незамеченными.

— Верно. Вы самая интересная группа гуманоидов из всех форм жизни, чей метаболизм основан на воде. Именно из-за своей гипертрофированной любознательности.

Редвинг колко бросил:

— Ладно, ладно, это всё понятно, мы разумные животные. Мы развились от других животных, которых сейчас в основном по клеткам видим. А эти возникли от еще более примитивных животных, с которыми вы рядом не присядете. А те выползли из подлинно унизительного первозданного бульона жизни. Дальше-то *что?*

Вивьен вставила:

— Да-да. Почти всё, что мы ныне принимаем как данность: технология, преуспеяние, медицина, человеческие права, господство закона, сотрудничество миллионов и миллиардов в обществах… — это новинки, неприродные изобретения человека и для человека.

Редвинг подался вперед, фокусируя взор на невесомых просторах, где носились стаи птиц.

— Послушайте, цивилизация — это всего лишь история, сказка, которую люди рассказывают себе и о себе. Итак? Ваши виды, которых тут, судя по всему, много, тоже всё это изобрели. Вы же Паутину построили!

— Действительно, это так. — Крутила нахмурился, руки его заплясали в непонятном танце. — Теперь следует решить, включить ли в нее вас, торопыг.

— Торопыг? — расхохоталась Вивьен.

— Мы вырабатывали общественное сотрудничество миллионами лет. Вы этого добились за малую долю миллиона. Это свидетельствует о внутренних энергиях вашей расы, глубинных потоках и течениях, которые она преодолевает средствами групповой кооперации, начиная с племен численностью несколько сотен особей и

до десятков миллиардов, расселившихся по всей вашей Солнечной системе. За десять тысяч лет! Нас это тревожит.

— Эй, мы приспосабливаться умеем, — весело ответила Вивьен, откинув за спину длинные волосы, зарябившие блондинистым фонтаном в невесомости.

— Такие темпы указывают на неустойчивость. Странно. Ваша общественная эволюция, без сомнения, была стремительна. Заметьте, какие чудовищные войны сотрясали ваше прошлое, и зачастую без очевидной причины! А иногда из-за религии, которая, без сомнения, не имеет никакого касательства к вашей адаптации в мире. Это озадачивает! Мы не в состоянии спрогнозировать, как наладите вы взаимодействие со множеством наших разумных видов.

Редвинг проговорил:

— История учит, что мы адаптировались в те моменты, когда, выражаясь куртуазно, находили пересечение фекалий и вентилятора.

Крутила скорчил косую гримасу.

— Которые вы в основном сами на себя навлекали.

— Это так, — с сожалением откликнулась Вивьен.

Редвинг распростер руки в жесте «ну и что?», надеясь, что Крутила его поймет.

— Мы самые любознательные животные, каких рождала Земля. К другим приматам это относится в меньшей степени.

— Вы облачены в язык. Он — ваша вторая кожа, ограничивает и определяет восприятие.

Вивьен подалась вперед с тонкой, явственно довольной улыбкой.

— Ага, обезьяны вопросов не задают, хотя язык жестов выучить могут.

— Каждое слово щекочет ваш ум, требуя истолкования.

— А на что похожи в таком случае *ваши* слова? — спросила Вивьен.

— Они передают нашу реакцию, а не что-то абстрактное. Например, ваши оскорбления и насмешки мы бы назвали, — Крутила помолчал, подбирая выражение, — *уколослова*, поскольку именно такую реакцию они провоцируют. Ваш способ мышления мы называем внутренним театром, поскольку этот предостерегающий термин позволяет дистанцировать *вас* от ваших *мыслей*: эти последние мы зачастую находим ошибочными.

Редвинг собирался было съязвить в ответ, но

тут получил удар в лоб. Он крутанулся назад, врезался в Вивьен, и оба закувыркались в невесомости. Редвинг в смятении сообразил, что нужно перекатиться влево, выставив руку, подальше от источника атаки, и его ощутимо приложили по спине. Какой-то груз стал давить на него. Что-то облекало всё его тело. Он потянулся к Вивьен, нашарил ее, потянул к себе. Оплетающая их сеть мускулистых волокон, похожая на плотный ковер, источала тяжелый мускусный запах.

Редвинг попытался высвободиться, нажал на путы, стал брыкаться, извиваться, но те не отступали. Вивьен чертыхнулась, пытаясь оглянуться: там развертывалось нечто вроде коврика размытых цветов с мордой и крупными челюстями. Морда и крупные широкие желтые зубы находились на спине. Большие водянистые глаза уставились на Редвинга. Липкие тенета сковали руки…

И тут в ковер словно ударила шаровая молния. Мех Крутилы сделался красноватым, он, по впечатлению, нападал на атакующего со всех сторон одновременно. Впивался в него когтями, гневно кричал и отрывисто что-то объяснял. Живой ковер припал к груди Вивьен, готовясь вцепиться, да поздно было. Крутила укрепился на нем. Про-

тянул все руки в одну сторону и мощным усилием отодрал ковер от Вивьен. Существо вскрикнуло, из ран, оставленных Крутилой, потекла кровь странного оттенка слоновой кости. Оказалось, что пальцы Крутилы снабжены длинными, втягивающимися, кинжально острыми когтями. Новые капли цвета слоновой кости поплыли от них в воздухе.

Вивьен изогнулась и пнула коврик прямо в середку. Существо, взвизгнув, отвалилось. Крутила ухватился за ближайший поручень и оттолкнулся, пустившись в погоню за хищником. Потом остановился, заметив, что псевдоковер разворачивается и ловит ветер. Создание поплыло прочь, продолжая озираться угловатой головой и скалить зубы.

— Бля! — воскликнула Вивьен, когда Крутила отпустил поручень. — Что это было?!

— Представитель одной из фракций, испытывающих к вам страх, — отвечал Крутила.

Редвинг заметил, что чужак приурочил эту фразу к перевороту вокруг ближайших перил, точно подчеркивая небрежную грацию своего тела.

— Они, по впечатлению, скорее злятся, чем боятся нас, — возразила Вивьен.

— Он действовал по своему желанию, хотя на

его племя наложены ограничения. Не думайте больше о нем. Нам предстоит общение с более важной аудиторией.

— Они боятся нас? — повторил Редвинг. — Почему?

— Вы привносите перемены. Перемены сулят многим здесь опасность.

— Чего же они так страшатся? — спросила Вивьен.

— Вы странствуете среди звезд, активно излучаете многословные электромагнитные сообщения, а теперь проявляете интерес и к нашим методам гравитационно-волновой сигнализации. Мы не желаем, чтобы вы захватили наш передатчик, на сооружение которого ушло более тысячи лет по вашему счету.

— И это всё? Вы нас за чрезмерное любопытство недолюбливаете?

— Если говорить точнее, то за нестабильность.

— Ну что ж мы можем поделать? Торжественно пообещать не воровать ваш передатчик, это понятно. А еще?

— Мы не поверим таким обещаниям. — Крутила помедлил, точно размышляя или переговариваясь с каким-то другим источником. — Как вы, без сомнения, уже заподозрили.

— Вы нас переоцениваете, — сказала Вивьен.

— Мы так не думаем. Вам свойственна фантазия, будто Homo sapiens придает форму миру. Для нас такое отношение куда менее характерно. В вашей же истории избыток примеров.

— Трудно поверить.

Редвинг решил тянуть время, пока не предоставится более удобная возможность для оценки ситуации. Резкая и неожиданная атака летающего коврика вывела из себя. Они тут одни средь мириад угроз. К тому же легкий ветерок, по впечатлению, уносил их в глубины колоссальной твари. Многочисленные резкие запахи ни с чем отождествить не удавалось. Редвинг, Вивьен и Крутила мерно плыли к морщинистому отверстию, сходство которого со сфинктером нервировало капитана (как он сейчас сообразил).

Крутила сказал голосом, наводящим на мысль о задувании ветра в старую каминную трубу октябрьской ночью:

— Вы считаете, что ваши разумы всего лишь изобретательны, быстры. Вы значительно обогатились также и от своей неспособности видеть полную внутреннюю структуру механизмов вашего сознания. Мы и виды Чаши преодолели это ограничение давным-давно.

Редвинг смотрел, как толстая голубая, покачивающаяся на ветерке зверюга испускает в тошнотно-насыщенный запахами воздух странный мелодичный призыв, на диво разительно напомнивший ему о школьных годах. Дальние голубые пузыри ответили зверюге и сгрудились вместе. Готовят оборону против… людей?

— Люди не изобретали орудия труда — орудия труда изобрели человека. Они помогли вам быстрее меняться и в сочетании с непредсказуемостью подсознаний подчас уводили на странные маршруты.

Вивьен указала на что-то позади. Редвинг изогнулся посмотреть. Там висело люминесцирующее зеленовато-желтое существо, крупное, но какое-то, по впечатлению, бесплотное.

Вивьен жестом окинула его размах.

— Поверни голову… видишь? В основном прозрачное, но похоже на рыбу — нет, на дельфина. Целенаправленная сигнализация?

По телу зинго пробежала сияющая рябь, потом оно уплыло прочь, беззаботно помахивая тем, что у него, быть может, отвечало хвосту.

— Это, блин, что еще такое? — осведомился Редвинг.

— Проявление наших общецелевых интел-

лектов.

До Редвинга начинало доходить. Многие поразительные происшествия с отрядом Бет, смерти и увечья — это такой у глорианцев способ оценивать новоприбывших. Пользуются проверенным, старым как мир методом: показывать, а не рассказывать. Пусть кусочки пазла сами лягут на нужные места.

Редвинг и Вивьен плыли вслед за Крутилой напрямую в морщинистое отверстие, которое расширилось, впуская их. Хлопок: это уши подстроились к изменению давления. Они оказались в просторной палате, наполненной голубовато-белым излучением.

Крутила произнес:

— Вот один из таких интеллектов. Он желает установить с вами контакт на более близких расстояниях, чем прежде.

— Он же всё это время говорил вместе с вами.

— Скорее через меня, чем вместе со мной.

Редвинг уставился на исполинский ком, блестящий от выпотов зеленовато-желтой слизи.

— Оно… разумное?

— Оно напоминает ваши грибки.

— Это другая фила, блин. Не наша.

— Вы можете обращаться к нему напрямую.

Редвинг такого себе и представить не мог, сколько ни брался размышлять о потенциальных исходах экспедиции.

Ему предстояла беседа с заплесневелой слизью.

31. Падение

Если собака одновременно машет хвостом и рычит, откуда знаешь, какому ее концу верить?

Роберт Силверберг

Клифф скатился с фиксирующей кушетки и проговорил:

— Какого черта?! Пошли искать Анарок.

Бет кивнула. Они двинулись к рубке управления небесной рыбой. Розовые стены коридора пульсировали, словно от натуги. По жесткому красному полу пробегала дрожь.

— Как эта зверюга ухитряется перегрузки выдерживать? — проговорила Бет. — Наверняка очередное чудо технологии задействовано.

На полпути к цели они столкнулись с Анарок. У капитана небесной рыбы появился спутник. Бет аж затошнило: новое действующее лицо оказалось из породы крутильщиков, но голова его была деформирована для вящего сходства с человеком.

— Крутильщик? — спросила она.

— Рассматривайте меня как замену Крутиль-

щику, — сказал тот. — Надеемся, что усовершенствованную. Вам потребуется спутник, и мы вам его предоставим. Зовите меня Крутильник, если угодно.

— Если вы этого требуете, — откликнулась Бет[34].

— Теперь вы увидите настоящую Глорию, — сказал Крутильник.

Анарок нахмурилась, но смолчала.

Клифф буквально выплюнул:

— Мы рассчитывали опуститься на поверхность и…

— Чудесная нетронутая поверхность Глории — запретное место для чужаков вроде вас, — отвечал Крутильник невозмутимо. Руки его не шевелились. — Меня отрядили представить вас обитателям Глубин. Эти существа значительно отличаются от жителей поверхности.

— Лучше всего просто показать, — проговорила Анарок. Она взмахнула рукой в сторону атмосферного шлюза, и тот открылся. — Мы проводим вас.

— А *почему* поверхность — запретное место? — завопила Бет.

— Некоторые среды должны оставаться свобод-

---

[34] Примечания: 34
В оригинале почему-то «Гвен», исправлено по смыслу.

ными от загрязнения, — пояснил Крутильник. — Таков давний священный обычай.

У Клиффа заложило уши, когда они вышли на ярко освещенную платформу. Давление тут было выше, состав атмосферы, по данным встройки, близок к земному, но азота больше. Пахло, впрочем, диковинно: вулканическими газами и шиповником. Эта смесь покалывала ноздри. Клифф полагал, что всегда чувствует, когда за ним наблюдают. Здесь кто-то наблюдал. Или что-то.

За ними на открытую платформу выступил остальной отряд, включая Бемора.

Клиффу неожиданно вспомнился урок биологии и слова учителя: *Кактус живет в пустыне не потому, что ему там хорошо, а потому, что пустыня еще не отыскала способа его погубить.*

Спасибо за предостерегающую подсказку, милое подсознание…

В молочно-бледной воде отражались холмы, подобные горам пепла. Прямые, но пустынные, без построек, улицы почему-то заставила Клиффа припомнить давнюю поездку в Мехико и улицу под названием Авенида Сальсипуэдес. Бульвар «Вали отсюда, если сможешь». Клифф полагал, что это шутливое название, пока не побывал там.

— Тут что-то не так, — шепнул он Бет, приводившей команду к порядку.

Клифф чувствовал дрожь подошвами ботинок. На высоком потолке пещеры что-то мелькало.

Бет построила отряд в буквальном смысле кружком — защитным оцеплением вокруг ее самой, Клиффа и Крутильника. Позади затворился атмосферный шлюз. Клифф видел сквозь прозрачные стены, как охватывают небесную рыбу черные нитевидные щупальца и медленно поднимают живое судно к тому, что напоминало исполинскую пращу.

— Наверное, тут же отправят бедную животинку в обратное путешествие по этой трубе, — пробормотал Клифф, игнорируя многоголосую болтовню команды на общем канале.

Но тут же заметил, что Анарок осталась на платформе. Капитан не вернулась на корабль. Странно. И вид у инопланетянки был нервный.

Он продолжал ощущать шорохи и скрипы подошвами ботинок. Он стоял совершенно неподвижно, проникаясь атмосферой подземелья. *Мы наконец опустились на планету земного типа, которую считали изначально единственной Целью Полета, ну, то есть спустились под ее поверхность. В ту пору двойную систему невозможно*

было разрешить даже через лучшие космические телескопы. Паутина Глории дополнительно всё запутала, ее странные биосигнатуры менялись в таком лихорадочном ритме, что это приписали причудам погоды. Гипотезы, одни лишь гипотезы, какие можно было сформулировать по наилучшим доступным данным. Потом на Земле услышали гравиволновый рокот… уже после нашего отлета[35]*. Итак, мы под поверхностью мира, который планировали заселить… ну а что, никакого электромагнитного излучения, никаких следов технологической деятельности в атмосфере. Перспективная цель. Земля тогда только осваивала технологию дальних полетов, мы были новичками. Как давно это было, ох, как долго мы пролежали в анабиозе… а прибыв сюда, обнаружили, что тут всё не так, как мы себе представляли, и ничто не имеет смысла. Вот зачем, например, этот подземный ярус?*

Каменный пол застонал и выгнулся. Потом стал подниматься, и команда повернулась посмотреть. Клифф такое уже видел на каменистой

[35] Примечания: 35

Это противоречит сказанному в прологе *Чаши Небес*, где упомянуты гравитационные волны, пришедшие со стороны Глории незадолго до отбытия «Искательницы солнц» с Земли. Непонятно, чья тут ошибка, авторская или редакторская.

инопланетной поверхности, а теперь что-то похожее. Приветствие?

Снизу доносились зловещие басовые ноты, наводившие на мысль об исполинских бурных волнах, с мучительной неспешностью разбивающихся о кристально чистый пляж. Что-то играло на керамопеске, словно на инструменте с резонатором. Ноты прокатывались по всему телу, и Клифф вспомнил, как однажды стоял под сводами французского кафедрального собора, слушая органную музыку Баха. Орган генерировал в священном камне волны длиннее человеческого роста, так что ухо их не улавливало, но всё тело согласно вибрировало. Казалось, что его трясет какая-то невидимая сила. Может, так и возникал священный трепет, который порождала эта музыка в средневековом уме? Ощущение величия, невыразимого словами. Структура вздымалась из-под пола, напоминая очертаниями исполинскую колокольню, и люди становились языками ее колоколов в медленном, раскатистом перезвоне. А потом он увидел, что это и есть собор.

Серокаменный, величественный[36].

Мистические воспоминания одолевали его. Готическая роскошь отделки, островерхие арки, ребристые своды, аркбутаны. Всё как в человеческой памяти.

Отряд непроизвольно попятился.

— Этим они рассчитывают нас успокоить? — спросил Клифф у Бет.

Она отмахнулась.

— Ай, обычная поздравительная открытка.

— У вашего вида имеется присказка, которую я нахожу применимой к данному случаю, — сказал Бемор-Прим. — Не зная броду, не суйся в воду.

— Не поймешь, что делать дальше, пока не узнаешь, в какой истории фигурируешь, — сказал Крутильник. — История важнее политики. Те, кто создал эту обитель и поддерживает ее функционирование, заметно отличаются от нас, жителей места, которое вы называете Паутиной. Они желают сейчас вам это продемонстрировать.

Клифф смотрел, как со стоном замирает и

---

[36] Примечания: 36

В главе 23 *Сиятельный камень* уже описано почти идентичное происшествие, вплоть до упоминания музыки Баха, поэтому, честно говоря, непонятно, почему Клифф и остальные так удивлены. Складывается впечатление, что в окончательной версии книги отрывки с глорианской имитацией собора предполагалось объединить, но по каким-то причинам это не было сделано, и они фактически дублируют друг друга.

утверждается грандиозная, нависающая над ними копия древней земной постройки. Никто не спешил к ней приближаться: двери были каменные и сплошные — непонятно, как проникнуть внутрь. Чаша преподала людям урок, и заключался он в том, что первые контакты — вроде элементарных частиц. Акт наблюдения меняет наблюдаемое. Первый шаг исследователей, являющих себя чужому миру, навеки изменяет то, что они прилетели исследовать.

Откуда ни возьмись вылетели стаи странных птиц, печально заворковали, стали кружиться, закрывая свет будто живым туманом. Их тела обрисовались против косых желтых лучей: вытянутые, угловатые, острые, изогнутые — самые разные. У ближайших птиц изменчивой стаи глаза были внимательные, блестящие, хищные.

Бемор-Прим сказал:

— Без искусственного освещения эта оболочка пребывала бы в полном мраке. Отверстия в конструкции должны быть как можно меньше, поскольку в долгосрочной перспективе эти места являются самыми уязвимыми. Таким образом, широкие окна исключаются. А вот искусственное освещение предоставляет неисчерпаемую палитру насыщенности, интенсивности и оттенков.

— Зачем прятаться под землей? — недоумевал Клифф.

Бемор-Прим, не обращая на него внимания, протолкался вперед и встал перед остальным отрядом.

— Существа, подобные нам, нуждаются в свете, чтобы жить, растениям также нужен свет, чтобы жить, — загудел паук. — Мы, адапты кислородных миров, используем лишь шестую часть входящего излучения, преимущественно на сине-фиолетовом и оранжево-красном участках спектра. Это необходимый минимум. Инфракрасное излучение контролирует температурные сенсоры. Освещение можно оставлять вечно включенным в определенных местах, а в других будет господствовать вечная ночь, или же эти режимы могут циклически переключаться. А то и по всему миру, как мы привыкли.

Клифф поднял глаза к вытянутым клиньям у потолка, рядом с подсветкой. Это были настоящие перевернутые здания и висячие сады. Итак, весь «потолок» представлял собой обитаемую зону, удваивая полезную поверхность полого мира. *Максимизация доступного пространства*, подумал он. Не считая самой Паутины.

— Зачем приводить нас сперва сюда? — потре-

бовал он ответа у Крутильника.

Но остальные члены отряда уставились мимо него…

…на странного краснокожего чужака с асимметричной фигурой. Он шагал к ним. У существа было, кажется, три руки и вытянутая голова. Две конечности начали ритмически двигаться. Крупные руки размашисто вращались в суставах, а третья рука то взмывала, то падала. Затем чужак описал ею широкую дугу, а завершил жест коротким рубящим движением.

Атлетические упражнения? подумал Клифф. *Дипломатическая поза? Ритуал? Межзвездный театр кабуки?*

Существо носило облегающую сине-зеленую одежду, повсюду бугрились и пульсировали могучие мышцы. Казалось, что это одеяние нанесено из распылителя, а в одном месте из-под него выдавался крупный пучок трубок… гениталии? Если так, то это самец — половые органы не между ног, а выше — там, где у людей пупок. Эти трубки под взглядом Клиффа тоже налились и стали бугриться. Гениталии-мышцы?

Одежда облегала почти всё тело, включая колоссальные ноги с хватательными пальцами, но не кисти рук и не голову. Голова оказалась

треугольной. Пара крупных черных глаз. Носа не было заметно, вместо него посередине лица три больших дыры подчеркивали треугольную форму лица, и вокруг каждой вились густые черные заросли волос, будто диковинные усы. В широком овальном рту виднелись два ряда равномерно расположенных серых зубов. Лицо чужака было бесстрастным.

— Он хочет проводить нас для демонстрации приготовленного ими, — сказал Крутильник.

Клифф разглядывал чужака. Судить о его намерениях, разумеется, не представлялось возможным. Голова походила на перевернутую египетскую пирамиду. На лице возникло свирепое выражение: рот задергался, тонкие губы откатились, обнажив сложное переплетение мышечных связок вокруг серых клацающих зубов. Затем губы сомкнулись, зубы снова клацнули друг о друга. Он заметил, что передние три зуба в каждом ряду теперь заострены. Поменяли форму, пока Клифф рассматривал лицо? Зловещий у них вид. А губы уже выпятились, скрывая резцы.

— Изменения лицевой анатомии, — шепнула Бет, придвинувшись к нему. — Может, это их способ… сигнализации? Приветствия?

— Кажется вероятным, — сказал Крутильник.

— Ты *не знаешь*? — спросил Клифф.

— Нас редко допускают в такие районы. Этот житель, судя по всему, недавно разработан метанодышащими.

— Ладно, давайте условно называть их триангуляторами, раз у них головы треугольные. Ну и что дальше? — проговорила Бет.

Чужак отступил в сторону и сделал трехрукий жест. Отряд двинулся вниз по узкому каменному бассейну. Когда люди стали удаляться от собора, тот снова изменился. Крутильник сказал:

— Планета Глория обладает внутренним источником тепла. По сравнению с менее обширными областями, где вы ранее побывали, она как теплокровное животное.

Рыжеватая порода стонала и растягивалась. Отряд осторожно продвигался вперед, наблюдая, как выползает из пола высокий клиновидный монумент. За считаные мгновения он разделился на розовые человекоподобные статуи. Клиффова встройка их быстро опознала: четыре фигуры в стиле модерн представляли математику, риторику, музыку и диалектику. Он их смутно помнил по давним урокам классических наук в старших классах. Земные образы, переданные в знак приветствия среди прочей обширной информации с

«Искательницы» на Глорию.

— Они в знак приветствия напоминают нам о нашей собственной истории, — предположил Клифф.

Музыку воплощала застывшая женщина, бьющая в каменные колокольчики. Математику — крупноголовая птица, парящая на величественно изогнутых крыльях с устремленными вперед маховыми перьями.

Клифф увидел на дальней оконечности впадины изогнутые пандусы и прикинул, что те длиной несколько сотен метров каждый. Или… он присмотрелся внимательней… один большой петляющий пандус? Конструкция источала слабое оранжевое сияние. Ее окружали широкие клинья из блестящего металла с какими-то равномерно размещенными прожекторами. Всё сооружение окружала массивная блестящая рама.

— На вашем языке это называется лентой Мёбиуса, — нарушил молчание Бемор-Прим. — На нашем — *крутовраткой*.

Слабо светящаяся лента Мёбиуса охватывала площадь примерно с футбольную арену. Она вздымалась и опадала в пределах металлической рамы, поверхность ее каким-то образом мерцала

и подрагивала, точно под текучей водой. Потоки воздуха, что ли?

Диковинный триангулятор произнес гортанную фразу. Крутильник перевел:

— Они желают продемонстрировать свой уровень познаний.

— В геометрии? — спросила Бет.

— В гравитационных квантовых эффектах.

— С помощью металлической полосы? — уточнил Клифф.

— Нет, — сказал Крутильник. — Мы, обитатели Паутины, лишь понаслышке знаем о таких вещах. Не металлическая она. И даже не твердая, кстати говоря. Она из пространственно-временной пены.

— Э… А… Но… А зачем это?

— Для искривления пространства-времени в малых масштабах, не требующих крупных масс.

— Значит, — протянула Бет, — эта штука поможет усовершенствовать гравиволновый передатчик?

— Вероятно. В ее конструкции задействованы фундаментальные принципы квантовой механики. — Крутильник, извиняясь, поклонился. — Я с трудом понимаю их, а создатели, — он указал на кряжистого триангулятора, — не слишком

общительны.

— Но нам ведь показывают, — сказал Клифф.

— Да. Я никогда такого раньше не видел. Даже на снимках.

Бемор-Прим громко провозгласил:

— Длины волн крутовратной динамики подходят. Ученые моей Чаши Небес информировали меня о возможности осуществления таких идей.

Группа сбилась поплотнее и приблизилась к полосе. Та поблескивала собственным свечением и слабо шипела. Клифф уловил запах озона. От конструкции исходило еле слышное гудение.

Он вспомнил, чего ему стоило посещение гравиволнового излучателя. Массив антенн невелик, но эффекты создает грандиозные. Рядом с ним, блин, погибнуть было легко.

— Для искривления пространства-времени ведь нужны большие массы?

— Видимо, это необязательно, — сказал Крутильник. — Данной моделью они желают показать, что квантовомеханическое запутывание, будучи правильно использовано, порождает псевдогравитационные эффекты ближнего поля.

Бет вздохнула:

— А можно пока прогулять физику?

Клифф уловил в ее чертах решимость по-

дразнить Крутильника и чужака-верзилу. Бет прыгнула вперед, выгнулась в воздухе и приземлилась на ленту Мёбиуса. Опустилась она плавно, мягко, как во сне. Или в ускоренной съемке.

Он повторил за ней — прыжок, изгиб, мягкое приземление. И почувствовал дразнящую легкость. Гравитация в направлении, перпендикулярном пандусу, составляла около 0.5 *g*. Но полоса там проходила не на уровне пола. Бет энергично зашагала вперед. Он следом. Они шли пружинистой походкой, слыша странное жужжание под ногами.

Крутильник и триангулятор замерли. Было ясно, что они не ожидали подобного.

Клифф и Бет продвинулись дальше, то есть вперед и вбок. Странно это — видеть, как изгибается пол, но не прикладывать больших усилий, чтобы удержаться. Голова кружилась. Локальная сила тяжести на полосе неизменно была направлена им под ноги. Лента каким-то образом компенсировала локальную гравитацию так, что оставалась лишь компонента, перпендикулярная поверхности. Клифф и Бет аккуратно преодолевали изгиб. Помаленьку, потихоньку. У Клиффа внутри орала тревожная сирена: тело его расположилось под острым углом к полу рядом с

лентой. Глаза и вестибулярный аппарат подавали мозгу противоречивые команды.

Он зажмурился. Потихоньку, помаленьку… всё вроде бы хорошо.

Потом осознал, что Крутильник обращается к ним. Чужак говорил спокойно, терпеливо, тоном психолога, уговаривающего самоубийцу слезть с карниза. Клифф игнорировал слова. Ему стало не по себе.

— Следуй за мной, — приказала Бет.

Она пустилась неравномерными скачками. Он повиновался. Отчего-то в движении ему было легче.

Лента была длиной несколько сотен метров, и, пробегая по ней, Клифф наблюдал, как выгибается палата вокруг. Равновесие ему не изменяло ни на миг.

И вот они вернулись в стартовую точку, пробежав несколько сотен метров. Мир за пределами ленты перевернулся вверх тормашками. Бет засмеялась, Клифф присоединился. Ну и дела!

Крутильник и остальные наблюдали, тревожно хмурясь. Триангулятор хранил стоическое спокойствие, но заинтересованно крутил крупной головой при каждом их шаге. Они спрыгнули и приземлились снаружи.

— Вуаля!

Люди зааплодировали. Бемор-Прим тоже попытался, но скорее неудачно, и издал высокий свист.

— Вы не испугались? — спросил Крутильник, сложив руки в жесте тревоги. — А следовало бы.

— Почему? — спросил Клифф.

— Вы, вероятно, не отдавали себе отчета, что лента находится в полностью запутанном квантовом состоянии. Там используется система, подобная микроскопическим резиновым лентам. Атомные энергетические уровни смешиваются с гравитационными, поскольку и те и другие квантуются. Это позволяет манипулировать гравитационными эффектами.

Клифф нахмурился. Он никогда не любил подобных заумных рассуждений. Двигатели «Искательницы солнц» как-то работают, ну и пусть себе, а в детали и теорию он не вдавался — или не хотел вдаваться.

— И что?

Крутильник развел всеми руками, словно упирая на очевидность.

— Запутанность может разрушиться! Поддержание основательно запутанного квантово-гравитационного состояния затруднительно.

— И что? — Бет тоже нахмурилась. — Похоже на беговой тренажер, не более того.

Нависавший над ними триангулятор, судя по всему, пользовался услугой автоперевода. Он шагнул вперед, на массивном теле взыграли мышцы, три руки описали сложные дуги. Чужак испустил несколько протяжных кашляющих фраз.

— Они ленту такой задумали, — сказал Крутильник. — Они изучали ваши способы атлетических тренировок. Чтобы вам удобнее было.

— Ну и? — настаивал Клифф.

— Они не хотели вас беспокоить.

— Ну и?

— Если состояние разрушится, вся гравитационная энергия высвободится.

Бемор-Прим прогромыхал в сторону триангулятора:

— Вам действительно доступна такая технология?

— Да мне как-то наплевать, — сказал Клифф. — И что, блин, *с того?*

— Если бы вы слишком сильно напрягли ленту, она бы разорвалась и высвободила эту энергию. В таком случае мы бы все погибли.

— А *предупредить*, вы меня простите, заранее нельзя было? — возмутилась Бет.

— Я следовал его указаниям. — Крутильник выразительно ткнул в триангулятора-верзилу.

Повисло ошеломленное молчание. Бемор-Прим выкатился вперед и вопросил:

— А в остальном, дорогой мой человек, какие ощущения?

Клифф приобнял Бет за талию, и та сказала:

— Как во сне наяву. Еще и с иллюстрациями.

Клифф усмехнулся. Он Бет — среди прочего — потому и любил, что, невзирая на любые испытания и хаос, она умудрялась наслаждаться грандиозной драмой вокруг них, ужасающей и чарующей одновременно.

32. Грибоид

В колокола звонить, что еще звенят,
Забыв про идеалы, жертвы и парад.
Везде найдется укромная щелка,
Откуда прольется свет втихомолку.

Леонард Коэн. Гимн

— Входящее сообщение от Майры Викрамасингх, — сухим голосом возвестил артилект-связист.

Дремавший Эшли Траст рывком встряхнулся. Он счел, что поступил правильно, отказавшись от высадки вместе с отрядом Бет. Они там в какую-то передрягу попали. Капитан тоже вне зоны доступа. На корабле гораздо приятнее вахту нести — тут никаких проблем.

Массажное кресло продолжало трудиться над его уставшими спинными мышцами. Осмотрев небольшой тренировочный зал «Искательницы солнц», Эшли отыскал взглядом мигавший инди-

катор вызова на голосцене.

— Отлично. Воспроизвести!

— Это для капитана.

— Капитана? А ты до него добраться можешь? Или до Бет Марбл? Или до кого-нибудь еще?

— Последний сеанс связи с капитаном Редвингом имел место два часа шесть минут назад. Он принял предыдущее сообщение от Майры из Чаши. После этого на связь капитан не выходил. Также недоступна десантная группа под командованием Бет Марбл, последний сеанс связи с которой имел место четыре часа пятьдесят четыре минуты назад.

— Мне скучно, — отозвался Эш, — так что ближе к делу. Чем мы можем помочь им, сидя на корабле? А ну давай сообщение воспроизводи.

— Вам придется подождать. Сообщение предназначено для капитана.

Эш нараспев процитировал:

— «У всякой блохи поболе грехи, но что-то, видать, в тебе есть! И я бы тебя бы за это впустил, будь я хозяин один, но свой закон Гордыне вменен, и я ей не господин»[37].

Артилект осведомился:

---

[37] Примечания: 37

Редьярд Киплинг, *Томлинсон*. Перевод А. Эппеля.

— И давно вам известен код приоритетного доступа?

— Я его узнал после того, как меня разбудили.

— Я вынужден подчиниться, но капитана проинформирую.

— Конечно.

Голос Майры показался запыхавшимся, измученным. Она и выглядела такой, когда появилась на экране. Эшли Траст никогда не встречался с ней, но отметил глубокие тревожные морщинки на лице, кислую мину.

Фото, по впечатлению, было сделано из-за черной дыры. Чаша с такого ракурса представлялась перекошенной, выпученной. Эш прищурился… о да, гравитационное воздействие дыры искривляло Чашу. Черную дыру окутывало бледное голубовато-белое сияние, имевшее форму толстого пончика. Эш сообразил, что смотрит, вероятно, на сильнейшие магнитные поля, заякоренные в самой дыре и захватывающие плазму. Он видел излучение плазмы в видимом диапазоне: горяченькая штучка! С одного полюса пончика била разогретая до бело-голубого накала струя. Наверное, таким образом дырой и управляют: погоняют ее с помощью струи. Удивительная физика.

— Капитан, наши Большие Пташки засняли это

при помощи зонда. Информация обрывочная, но картинка дает исчерпывающее представление. Объект — черная дыра — в двенадцати световых минутах от Чаши на момент съемки. На расстоянии четверти окружности кромки. Я не считала скорость, но эта штука чертовски быстрая.

Эш поставил сообщение на паузу. Дыру окружало тонкое оранжево-красное свечение. Это, видимо, кто-то из диафанов. Глорианцам подвластны умные плазменники: они-то и направляют крошечные черные дыры в конфигурации гравиволнового излучателя. Значит, дыра на фото диаметром от силы несколько миллиметров. Крохотуля, но массивная. Сверхтвердая пуля, нацеленная в сердцевину самой грандиозной конструкции в мире: Чаши. Что может она натворить?

Массовое убийство.

Прозвучал голос, напоминавший скорее громогласное карканье:

— Майра, Редвинг, позвольте мне.

Начальственный голос принадлежал чужаку, Бемору, одному из тех Больших Пернатых. Эш его узнал по записям из длинной истории десанта в Чашу и приключений человеческой экспедиции там. К созданию обучающих файлов имел отно-

шение корабельный артилект-историк, и записи не преувеличивали надменности Птиценарода: по голосу она сразу чувствовалась. Огромная птица хоть и говорила по-английски, но от ее многоцветного оперения так и веяло властью. Эш заметил блеск в глазах чужака, словно у динозавра, нацелившегося на добычу.

Бемор продолжил:

— Новости срочные.

Камера отъехала, показав пернатую радугу, затем — крупную тупоклювую птичью морду.

— Мы приняли решение задействовать магнитные поля в области, которую вы называете Свищ. Там наши поля обладают наивысшей напряженностью. Летящий к нам снаряд невелик и массивен, его поля тоже сильны. Мы попробуем перебороть их. Нам будут помогать диафаны, управляющие Струей. Как и те диафаны, которых вы, капитан Редвинг, послали обратно к нам после внимательных исследований гравитационно-волнового генератора; мы вам за это признательны. Этот излучатель нас интересовал, мы стремились понять, как он устроен и что за сообщения посылает. Информация, принесенная диафанами оттуда, нам сильно помогла. Мы намерены воспользоваться недавно обретенными

навыками, чтобы обуздать вражескую черную дыру.

Громадная разумная птица помедлила, словно в задумчивости. Ее оперение отобразило стремительно менявшиеся цветовые сигналы: синие, зеленые, насыщенно-желтые. Потом рисунок застыл. Узкий клюв заходил из стороны в сторону, выразительно изгибаясь. Птица испустила длинный звук, подобный вздоху.

— В течение трех миллионов ваших лет мы, Птицы, трудились над созданием и испытанием столь сильных магнитных полей. Мы по натуре своей, величественной и дотошной, привержены экспериментам, длящимся миллионы лет. В частности, опытам с магнитными полями. Контроль над черными дырами требует задействования таких полей. Ныне мы проверим себя в экстренной ситуации и узнаем, способна ли наша Чаша Небес уцелеть при столь высокоэнергетической атаке неприятеля.

Эшли произнес в пространство:

— А он чертовски самоуверен, гм?

И рассмеялся.

— Большая злая пташка. Ничего не остается, кроме как выжидать.

Крутила сделал всеми руками величественный

жест и холодно произнес:

— Добро пожаловать в наш эльфийский грот, миледи.

Вивьен заметила, что вертлявый инопланетянин наловчился оперировать английскими лексемами и охотно сыпал архаичными выражениями. Эта свежайшая итерация крутильщиков хорошо потрудилась над домашним заданием. Крутильщик был сообразителен, но не *настолько*. Вне сомнений, внутренности живых кораблей прослоены вечно бодрствующей, самообучающейся электромагнитной сетью. Она обработала данные из обширной коллекции английской литературы, изучила другие человеческие языки, проштудировала историю и многое иное, что теперь было доступно глорианцам буквально на кончиках пальцев. Пальцев? Где ж они у огромного кома разумной материи, покрытого мохоподобной плесенью?

Крутила сообщил, что это «диспергированный интеллект». Эволюционировал из слизеподобной материи, расползся по лесам и топям. Давление условий окружающей среды и конкуренция со стороны животных пробудили в слизи разум. Ныне она командовала исполинскими живыми кораблями. И размышляла над многотрудными

задачами, требующими неспешного подхода. Думала о физике и философии, о проблемах биосферы, погоды и космоса.

— Как с ней общаться?

Капитан Редвинг висел в воздухе и изучал исполинский ком плоти, сочившийся каким-то янтарным выпотом.

— Это создание будет говорить через меня. — Крутила встряхнулся и выпрямился, словно палку проглотил. Голос его переменился, став резким, повелительным: — Приветствуем вас. Вашу расу изучали через сеть, раскинутую в конструкции, которую вы именуете Паутиной. Я предпочитаю обитать здесь… естественно. Моим волокнам гравитация неприятна.

Вивьен ответила:

— Но вы и двигаться не можете.

— Мы не практикуем акустических или акробатических фокусов. Мы суть единство бесчисленных нитей, раскинутых на просторе множества световых секунд.

Может, комплимент подействует лучше? подумалось ей.

— Вы отлично говорите через своего здешнего агента Крутилу.

— Это так. Или, по крайней мере, есть надежда,

что так. Но средствами вашего примитивного языка даже ее выразить затруднительно.

— А на языке Крутилы?

Крутила издал последовательность звуков, подобную эху работающих по металлу инструментов в стенах мастерской.

Редвинг кивнул:

— Ага, диалект племени мумбо-юмбо.

В медленном ответе Крутилы послышался металл:

— Взять вашу фразу. *Though the tough cough and hiccough plough him through*[38]. Я цитирую один из ваших учебных текстов. В каждом слове написание финали одинаково. Напрашивается вывод, что *ugh* — вездесущий элемент. Примитивная ошибка.

— Да уж. Не будем углубляться в лингвистические дебри, ладно? Грибоидной сфере не по нраву акустика, мы поняли. Дальше.

Вивьен внимательно разглядывала малоприятные слизевые выпоты, покрывавшие всю поверхность колоссальной грибоидной сферы.

---

[38] Примечания: 38

Досл. «Хотя резкие кашель и икотка продолжали сотрясать всё его тело». Фраза из романа Роберта Энсона Хайнлайна *Дверь в лето*, демонстрирующая причуды английской орфографии (сочетание *ough* произносится шестью разными способами), в русских переводах обычно опускается или передается по смыслу.

Как эта штука работает, как живет? Может, просто парит в невесомости и мыслит, не обращая внимания на плоть? Чистое сознание?

Крутила не менял выражения, продолжал смотреть перед собой пустым взглядом, а из его рта лился бесстрастный тенор:

— Ваш древний философ Монтень высказал мнение, с которым я соглашусь: *В общении ум достигает изумительной ясности*. Вот я и предпринимаю такую попытку.

— Да, хорошо, — осторожно отозвался Редвинг.

— Хотя, возможно, предпочли бы вы не лицезрение моей физической основы, простого центра фокусировки моего естества, а «пары кривых клешней, скребущихся о дно… во тьме немого океана»?[39]

Вивьен поняла, что это какая-то цитата, а Грибоидная Сфера (так она обозначила про себя инопланетное существо) затевает языковые игры, красуется. Отвлекает внимание?

Да… тонкие полупрозрачные щупальца медленно тянулись от сферы во влажном, хоть выжимай, воздухе, направлялись в одну точку… к людям.

---

[39] Примечания: 39

Перефразированная цитата из *Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока* Томаса Стернза Элиота. Перевод В. Топорова.

— Прекратите это, пожалуйста, — резко бросила она.

Тонкие, почти прозрачные нити остановились, зависли в ароматном воздухе, точно гало, в паре метров от Вивьен и Редвинга.

Крутила объяснил:

— Оно желает внимательнее обследовать вас.

— Я беру тайм-аут. Не надо к нам эти волокна совать, а? Мы двое хотим поговорить.

Мимику Крутилы не сумел бы воспроизвести ни один человек. В конце концов чужак кивнул и отвернулся к исполинской блестящей сфере, точно для разговора. Может, так оно и было.

Вивьен шепнула Редвингу:

— Послушай, этот грибок вроде компьютерной сети. Я на корабле про такие читала. Мы говорим со всей системой, а не только с этим комом слизи.

Редвинг завертел руками в напоенном теперь мускусными запахами воздухе, придвигаясь к ней, и тоже прошептал в ответ:

— Ты знала, что искать?

— В речи Крутильщика такие термины с самого начала проскакивали. Я просто выполнила фоновый поиск по всем его словам, омнилекта попросила.

— Она… оно… этой штуке зачем-то нужно, чтобы мы приблизились.

— Конечно. На близких расстояниях ей наверняка удобнее общаться. Это ж грибок, органика. Ферменты, питательные вещества, нейромедиаторы. Другой метод, другой разум.

— Я припоминаю, что на Земле грибковые сети образуют подобие фильтров данных и деревьев принятия решений. Им самосознание для этого не нужно. Логические связи и всё прочее необязательно порождают разум. Постоянные химические взаимодействия ответственны за всю работу. В разумном лесу каждый элемент вносит свой вклад, а результат несколько аналогичен мышлению. — Редвинг скорчил гримасу. — Трудно себе представить, чтобы даже эта Паутина могла произвести на свет органический, э-э, компьютер.

— Скорее рассредоточенный разум, — сказала Вивьен. — Я когда-то в университете узнала, что крупнейший живой организм на Земле — не калифорнийская секвойя и не синий кит. Это грибок, подстилающий миллионы акров амазонской сельвы. Исполинское растение, недоступное обзору. Сеть мицелия с волоконцами-щупальцами, а на поверхности она проявляет себя плодовы-

ми телами, которые люди употребляют в пищу. Грибами.

— Значит, эта штука съедобная?

— Дело не в том, далеко не в том. Я попросила омнилекта в биологии покопаться. На Земле гигантские сети узлов и отростков грибка раскинуты на множестве акров, они образуют инфопотоки, пронизывающие корни деревьев и кустарников. Сеть управляет целыми экосистемами, оптимизирует их для выживания грибка.

Редвинг смерил взглядом колоссальную сферу, которая тем временем окрасилась в едва заметный зеленый цвет. Она походила на выступающую из живой стены опухоль.

— Значит, они…

— Могут управлять животными? Да, конечно, — Вивьен улыбнулась, предвидя, что следующий пример Редвинга совершенно озадачит. — Известен грибок, управляющий поведением муравьев[40]. Он заставляет муравьев залезать на высокие листья, цепляться за них челюстями и повисать в таком положении. После этого грибок прорастает из тела муравья, используя его как источник питательных веществ, и выбрасывает

---

[40] Примечания: 40

Ophiocordyceps unilateralis, однобокий кордицепс.

споры в воздух из головы. Но в течение всего срока прорастания спор муравей продолжает жить.

Редвинг поморщился.

Крутила подался вперед, голос его стал хриплым, настойчивым… что это, попытка сохранить самоконтроль?

— Не беспокойтесь. Мы не собираемся сейчас атаковать вас. В течение этих переговоров мы станем выказывать уважение к вашей анатомии. Для таких видов, как вы, телесная целостность имеет первостепенное значение. Мы это уважаем.

— Рада слышать, — сказала Вивьен. Несмотря на то, что палата была ярко освещена, и по ней деловито сновали разные существа, в атмосфере чувствовалось нечто сюрреалистичное, мрачное, пугающее. — Немного странно мне разговаривать с растением, — пошутила Виаьен, приложив усилие.

— О нет, — возразил Крутила, — мы относимся к другой филе другого царства жизни, если придерживаться вашей биологической терминологии. Мы ни растения, ни животные. Интеллект предстает во многих формах.

— Мы, люди, уже встречались с довольно большим их числом, — лаконично ответил Редвинг.

— Это доступно моему разумению. Как и многие виды здесь, вы суть животные, предназначенные естественным отбором для воспроизводства, а не для постижения природы черных дыр или укладки белковой структуры.

— И что с того? — огрызнулась Вивьен.

— У других форм интеллекта может проявляться другой… стиль.

— Не понимаю я, — медленно проговорил Редвинг, — вот чего. Каким образом вам, существу, рассредоточенному по многим далеким друг от друга местам, возможно по всей Паутине, удается сохранять целостное сознание?

— У нас другой режим восприятия, — ответил Крутила, на сей раз бесстрастно.

— Но вы же сознаете. Что это, полезная иллюзия, своего рода внутренний театр?

Крутила искренне рассмеялся, откинув голову. Смех напоминал скорее собачий лай.

— Если самосознание — иллюзия, то кто кого дурачит? Повторим урок.

Вивьен хмыкнула. На удивление, здешние формы жизни, словно из рога изобилия рассыпанные, неизменно оказывались восприимчивы к юмору.

Крутила добавил:

— Животные вроде вас, чей стиль существования диктует разделение ума на сознание и подсознание, могут жить вполне счастливо, как слепой танцор на крыше, если он до края не доходит.

Редвинг произнес:

— Послушайте, я признаю, человечеству стремление к мирной жизни не свойственно. Мы по природе иерархизованы и территориальны. Лишь изобилие ресурсов, монокультура и тщательная индоктринация способствовали длительному сохранению мира.

Крутила пожал плечами.

— Ваши войны — ваши собственные проблемы, в биосферном масштабе ничтожные. Наименее склонны мы вам простить массовые вымирания, вызванные вашей активностью за последние несколько людских веков, начиная с эпохи, которая у вас зовется Веком Завышенных Аппетитов. Уничтоженные виды не возвращаются.

Вивьен отозвалась как могла сдержанно:

— Мы учимся. Мы совершенствуемся. Мы, сбежавшие из Африки шимпанзе, по натуре любознательны.

Крутила вскинул брови, придав им дугообразный изгиб в попытке имитировать человеческий

скепсис. Он активно и неуклюже тестировал людскую мимику.

— Человечество научилось сотрудничеству и стало владычествовать над роскошным земным шаром благодаря комбинации трех великих изобретений. Это: религия, национальное государство и деньги.

— А религия для вас — вымысел?

— Мы занимаемся тем, чем занимались бы на нашем месте ваши боги, если б у них силенок хватало.

Редвинг расхохотался:

— Тушé!

— Ясно. Это из другого вашего путаного языка.

Вивьен отвлеклась. Поблизости, трепеща, развертывались кожистые крылья. Изящные дельфинообразные тела, ускоряясь, проносились мимо; животные стаи переговаривались интенсивным рыкающим тенором. Но были у этих птицерыб и руки, оканчивавшиеся широко расставленными пальцами. Или острыми когтями.

Ничего себе зрелище, подумала она. *А Крутила в это время свою философию мусолит. Гмм…*

Приближалось прозрачное эллипсоидальное сооружение. Оно лениво колыхалось на вездесущем влажном ветру, держась центральной

оси огромного корабля. Внутри орава пауков, испускавших клацающие звуки, увлеченно, с неутомимой кропотливостью автоматов трудилась над какими-то овальными предметами. В крупном эллипсоиде парили облачка и поднимались струйки тумана. Над рабочими пауками проплывали другие, многоцветные, словно попугаи, с величественными, прекрасными крыльями метрового размаха. Надзиратели? Вид у них был пугающий. Некоторые пауки поворачивались посмотреть на людей, явно заинтересовавшись, но вскоре возвращались к работе. Пока эллипсоид проплывал мимо, крупные голубоватые и золотистые пауки внимательно наблюдали за Вивьен. Ее пробил озноб страха, но она сохранила бесстрастное выражение.

Вивьен, отвлекшись на пауков, пропустила очередной монолог грибоидной сферы, говорившей через Крутилу:

— …ум животного не забывает ущерба; люди — боязливые рассудительные животные.

Редвинг отпарировал:

— Мы не просто животные. У нас компьютерные интеллекты есть, мы их артилектами называем.

Крутила помолчал, словно совещаясь с гри-

боидом.

— Да, у нас такие слуги и саванты тоже имеются. Но мы не конструируем их такими, чтобы обретали они полный размах способностей нашего множества разумов. Нам известно то, чего, судя по всему, не ведаете вы: разумы подобны видам, испытывающим влияние естественного отбора во времени и с накоплением опыта. Мы не желаем, чтобы такие интеллекты напоминали нас, к чему, вероятно, стремитесь вы.

— Разумы подобны видам? — повторила Вивьен, покачав головой.

Крутила повернулся к ней в ароматном влажном воздухе.

— Это метафора. Вы, приматы, любите мыслить метафорически. И такая способность предоставляет вам, *Homo sapiens*, — Крутила вскинул бровь, испытав себя в малоприятной разновидности иронии — сарказме, — недюжинное преимущество над всеми остальными видами животных. Не индивидуальная рациональность, а беспрецедентная способность к групповому мышлению помогла вам стать владыками своей планетной системы. Вы образовали сообщества сходных разумов, построенные из меньших субъединиц. Ваша коллега Бет сделала такое заявление. Вы

искали компанию.

— Странная точка зрения, — проговорила Вивьен. — Общественным животным в принципе свойственно искать близкого контакта.

— Ну да, разумеется! Вы, должно быть, понимаете наше стремление влиться в группы близких интеллектов, но более великих. Мы не к обычной компании стремимся, а к восхождению на иные уровни разума.

— И как? — спросил Редвинг.

— Наш гравиволновый передатчик задает вопросы разумам, предпочитающим общаться не в электромагнитном диапазоне, а иными способами.

— Вам стоило значительных усилий сооружение системы черных дыр, которую мы посетили по дороге сюда, — сказала Вивьен.

— Мы избирательны в общении.

— С кем же?

— Вернее сказать, с *чем*. С обществами, которым близки глубинные проблемы и угрозы нашей Вселенной.

— Например? — настаивала Вивьен.

— Эксперименты, потенциально угрожающие самой природе пространства-времени. Опыты, опасность которых не ясна, пока они не предпри-

нимаются.

— Послушайте, — сказала Вивьен, — что греха таить, это в людской природе — воспринимать Вселенную, любой аспект ее, в терминах взаимодействий между людьми. Вы, я вижу, тоже этого не чужды! Но опыта-то у вас больше, разве не можете вы воспринять ее на других уровнях?

— Мы работаем с темами, представляющими Абсолютный и Вечный Интерес.

— И вам не нравится, что мы громогласно напросились к вам в кружок по интересам?

Крутила замахал всеми руками так быстро, что его движения слились в марево.

— Действительно, мы обстреляли импульсом гравиволновой турбулентности ваш кораблик, приблизившийся к нашему передатчику.

— При этом пострадал один из наших людей, — сказал Редвинг.

— Предупредительный залп.

Вивьен припомнила, что Клиффа при этом искалечило. И он еле выжил благодаря оперативной медицинской помощи Бет.

— Мы просто исследовали. Шарашились вокруг. Мы, приматы, по натуре такие.

— Это доступно моему разумению. Мы же опасались, что вы помешаете разворачивающейся в

настоящее время интенсивной беседе о неустойчивости самой Вселенной.

— Вы это о чем?

— Эксперименты проходят в нашей с вами общей Галактике. Пространство-время подвергается испытаниям, проверяются его квантовые уровни.

У Редвинга вид сделался встревоженный. Вивьен не поняла сказанного Крутилой, Редвинг что-то начал отвечать, но она пропустила мимо ушей его слова. Сработали внутренние сигналы тревоги.

Что случилось?

Окружающая активность едва позволяла за всем уследить. Мимо шмыгали крупные звери, подчас такие огромные, что одним плавником могли Вивьен отшвырнуть прочь или ударом клюва перекусить надвое. Мелькали, рычали, трещали, галдели, но не обращали на нее внимания. Шумной толпой овладело лихорадочное возбуждение. *Сколько тут жизни. И какие они огромные.*

Вот. Поблизости по-прежнему висели туманные волокна мицелия, прозрачные, в отблесках источников света. Она пригляделась к ним. Трудно было судить, но, кажется, они придвинулись.

Ртутный блеск и плавные движения лиан с узлами, подобными виноградным гроздьям. А позади парили семенные коробочки, столь эффективно поглощавшие фотоны, что даже в ярком свете, который отражался от дальних стен и имитировал солнце, представлялись они лишь черными силуэтами.

Они надвигались. Вивьен пыталась отмахиваться, но волокна сковали тело. Встройка замолчала, словно электропитание комбинезона вырубилось.

— Что происходит? — требовательно спросил Редвинг.

— Нам требуется изучить вас получше, это ненадолго.

— Но…

— Впоследствии дискуссия продолжится в полном соответствии с прежним форматом.

— Но я…

Мерцающие лианы сомкнулись вокруг. Грибоидная сфера овладела ею.

33. Метанодышащие

Я заковал в наручники молнию и бросил гром в тюрьму!

Кассиус Клэй

Бет разглядывала странный сегмент затененной сферической оболочки. Она чуяла секреты в пологих холмах и слябообразных стенах пещеры. Отряд двигался, следуя указаниям диковинного косолапого триангулятора (Крутильник и Анарок подгоняли его), пока не уперся в крутой склон, на котором замерцали огоньки. Казавшаяся каменной стена, помигав, сделалась прозрачна. Группа остановилась и заглянула на ту сторону сквозь породу.

— Мы сочли, что таков наилучший способ продемонстрировать истинную натуру обитателей Глубин, — сообщил Крутильник, движениями рук подчеркивая серьезность и важность сказанного. Высоченная стена вдруг стала матовой, потом снова прозрачной. За ней клубились тучи. Крутильник добавил:

— Это обитель метанодышащих существ. Они наши союзники издревле.

На темных просторах пещеры сияли размазанные огоньки. Странные комковатые фигуры двигались за стеной.

Бет вместе с остальными пыталась осмыслить увиденное. Ей вспомнились упражнения по психологии восприятия.

Представьте, что у вас есть инфракрасная камера с искусственным интеллектом. Однажды ночью она поднимает тревогу: что-то происходит в кустах вашего сада. ИИ сообщает, что лучше всего результаты наблюдений согласуются с присутствием трехсотфунтового хомяка, вторым же по убыванию правдоподобия вариантом является пара людей, втянутых в необычную драку на ближней дистанции. Они мутузят друг друга так, как ИИ ни разу не доводилось видеть в обучающих роликах. Итак, спрашивает камера… какой вариант вы считаете более правдоподобным? Вы решаетесь выглянуть и отдаете предпочтение второму. Почему? Потому что вам, скорее всего, известно, насколько редки в природе трехсотфунтовые хомяки, а дерущиеся люди встречаются гораздо чаще. Другими словами, у вас и у вашей камеры разные предустановки.

Здесь предустановки у Бет отсутствовали.

Бемор-Прим выдвинулся вперед и загромыхал:

— Мы в Чаше слышали о таких. Метанодышащие — подлинно древняя форма жизни. Обрывки историй донесены до нас из далеких эпох.

Бет спросила:

— Они дышат восстановительной атмосферой? Это кажется чертовски неэффективным.

— Эволюция не предлагает каждому виду равно широкий выбор, — сказал Крутильник. — Жизни приходится выкручиваться.

— Затыкать дыры? — спросил Клифф.

— Именно! — воскликнул Крутильник. — Метанодышащие прилетели на потрепанных кораблях, убегая от некоего опасного преследователя. Мы до сих пор не установили, кого именно они боялись. У них имелась развитая органическая технология, превосходная! Их материалы впечатлили наших высокочтимых Первопредков, кислородных энтузиастов. Чудеса технологии метанодышащих были использованы при сооружении Паутины и соединении двух миров. Мы получили ценный дар! Метанодышащие искали укрытия — места, куда преследователь не догадается заглянуть.

— И они укрылись под вашей планетой? Под этой, Глорией, как мы ее называем?

— Такое условие сделки они выставили. Органические машины закопались в почву. Выгребли землю, открыв недра небу, и построили это зловещее, смею признаться, подземное убежище. Построили также и фермы, где началось производство метана для пришлой жизни — в тепле и при высоком давлении. — Крутильник повернулся и жестом обвел нависавшую темноту. — В сорок или пятьдесят раз давление там превосходит привычный вам уровень.

— Столько атмосфер? — нахмурился Клифф. — Зачем?

Крутильник пожал плечами.

— Чтобы удерживать обитаемую поверхность снаружи, наш величественный парк.

— Вы им отдали свою *кору*? — изумленно помотала головой Бет.

— О да, пришлось пожертвовать высокими горами и великолепными снежными коронами на их вершинах. А также глубокими океанами. Наш мир несколько старше вашего, поэтому тектоника плит затихала. Наша кора уже затвердела из-за приливного резонанса, рождаемого спутником. Под нею бушевали вулканические энергии, столь любимые беженцами. Метанодышащие сумели остановить этот подземный танец могучих сил:

даже такое подвластно им оказалось, и океаны наши переоформили они в неглубокие моря, озера и пруды. Мы в любом случае пользовались только верхними слоями, ловили там рыбу и плавали на судах — ничего не потеряно.

Удивление Бет росло. Конечно, на Земле геоинженерией уже столетия назад занялись, чтобы снизить парниковоый эффект от переизбытка продуктов сгорания ископаемого топлива, но *такое*…

— Всё это они проделали, пока вы сооружали свою Паутину? — уточнила она.

— Договор тот послужил к большой взаимной пользе. Великое деяние, записанное в нашей весьма давней истории. Метанодышащие теперь счастливы в метановом укрытии своем. Они привыкли там прятаться.

— Такое впечатление, что они по натуре трусы, — высказался Клифф. — Потому и обрадовались, найдя укрытие.

Крутильник отрицательно тряхнул головой.

— Они продолжают удивлять и интриговать нас. Вспомните петлю Мёбиуса, которая произвела на вас такое впечатление!

— От кого они бежали? — спросила Бет.

— И почему? — добавил Клифф.

— Это остается их тайной. Тем — или, вероятнее, *тому*, что их преследовало, — сюда путь найти так и не удалось. Однако в течение некоторого времени наша цивилизация подозревала, что их темным врагом была Чаша.

Бемор-Прим заметил:

— Да мы просто заинтересовались. По нашим историческим записям я выяснил, что в момент нашего пролета мимо ваше общество атаковало нас вирусоносителями.

Крутильник скорчил гримасу и выставил перед собой руки, оборонительно сжатые в кулаки.

— Мы боялись вас. И до сих пор это так!

— Не было в том нужды, — сказал Бемор-Прим. — Но что себе думают метанодышащие?

— Не испытывают они потребности переселяться за пределы своего темного первозданного обиталища или хотя бы покидать его на время, — отвечал Крутильник. — Вынужден признать, что ученые и философы из них первоклассные. Их обитель нам кажется скучной. Они предпочитают ее по той причине, что безопасность им всего ценней, а мы полагаем, что их родной мир был вулканическим, с суровыми условиями. Раздумья им милее путешествий. Лишь экстремальные обстоятельства и враги загнали их сюда. От нас,

кислородных форм, они требуют лишь утаивать факт их присутствия от всех посторонних. Без исключений.

— А тут явились мы, — сказал Клифф.

— Вас не смогли мы отпугнуть от путешествия сюда и высадки в нашей Паутине.

— Почему? — спросила Бет. — Вы же могли нас всех просто убить.

— Мы не так осторожны, как метанодышащие. Вы и Чаша на грани вступления в Великую Беседу.

— А что это такое? — подозрительно нахмурился Клифф.

— Дискуссию, ведущуюся исключительно на гравитационных волнах. Между подлинно продвинутыми интеллектами и техносферами. Включиться в переговоры столь августейшего сообщества означает продемонстрировать высокие технологические стандарты. Мимолетная болтовня электромагнитных социумов исключена. — Крутильник принял горделивую позу, напряг спину, презрительно пофыркал. — У нас нет на это времени.

Из разных источников во время странствия через Паутину Бет почерпнула информацию, что жизнь на этой планете возникла гораздо раньше,

чем на Земле. Затем распространилась на другую — сперва через астероиды и кометы, при падении которых происходили выбросы материала, достигавшие в конечном счете нынешнего спутника. Та же система ДНК, тот же набор аминокислот, как и представлялось неизбежным, хотя на компонентах двойной планеты жизнь развивалась совершенно различными путями. Культура кислородных видов возникла под гигантской луной, нависавшей в небесах. Глорианцы сперва полагали, что этот мир, с его явственными облаками, морями и континентами, — земля богов или место, где почитаемые мертвые проводят вечную послежизнь. И, *конечно*, по мере эволюции интеллекта на Глории они сосредоточили свои усилия на захватывающем небе.

Изначально возникший приливный резонанс закреплял счастливую культурную иллюзию повсеместного присутствия жизни во Вселенной. Лишь астрономия подсказала, что на самом деле жизнь встречается редко. В остальной системе ее не было. У ближних звезд планет оказалось мало. Но затем, судя по всему, прилетели метанодышащие, принеся весть о том, что Галактика куда враждебней, нежели считалось. Возможно, подумала Бет, новичкам квартала, землянам,

придется выучить еще много неприятных уроков.

— Послушайте, — сказал Клифф, — а к чему была эта симпатичная квантово-гравитационная экспозиция?

Крутильник приподнял одно плечо, словно сбрасывая груз.

— Урок. Метанодышащие так пожелали. Возможно, тест.

— Тест чего?

— Того, насколько мы и метанодышащие можем полагаться на ваше суждение.

— Относительно гравиквантовой механики? — раздраженно уточнил Клифф. — Да какое это, блин, имеет значение?

— Это грандиозный вопрос. Но дело в том, что метанодышащие сомневались, открывать ли вам местонахождение их логова. Или даже сам факт *их существования*. Они надеются, что древний враг про них позабыл. Считает их вымершими. Это укрытие, — Крутильник распростер все руки, — их последний редут. Теперь вы о нем знаете. Они скомпрометированы.

Бет не поспевала за развитием событий. Она имела общее представление о том, что в морях и реках метана и этана на Титане может существо-

вать жизнь. И титаноходы ее там обнаружили: медленную, безмозглую, похожую на примитивные водные организмы Земли. Эта живность использовала водород вместо кислорода, вводила его в реакцию с углекислотой. Смутное воспоминание из старших классов, слабый запах вроде чесночного… да. Метановая жизнь не окисляет сахара при помощи кислорода, а сочетает углерод углекислоты с четырьмя атомами водорода и пердит метаном. Вонь в школьной лаборатории стояла мерзкая[41]. Несомненно, метанодышащим так же неприятны люди, выдыхающие углекислый газ?

Триангулятор жестом указал во мрак за прозрачной стеной. Крутильник перевел:

— Вот их обитель. Ферментируют камни и лаву нашего мира. Для них это биосфера.

Триангулятор продолжал разъяснения, Крутильник переводил:

— Они производят странный газ и глубинные пласты разрабатывают, чтобы питаться.

Бет взглянула в ядовитую тьму. Значит, вот где зарождается почва — и производит ее на свет глорианский замысел. Ревели подземные глотки,

[41] Примечания: 41

Чистый метан *не имеет* запаха, неприятный запах ему обычно придают примеси серосодержащих веществ.

булькала белая, как известка, слизь, поддерживаемая на плаву разрежением. Лужи ее собирались в пахнущие серой пузырчатые пруды. Потоки цвета навоза взметались в воздух и засасывались в желтую лаву, образуя проворные, точно живые, ручьи, а те стекали в котлы, полыхавшие повсюду на скалах насыщенным ржаво-красноватым огнем. Свежая пузырящаяся грязь переливалась в озера. Видение сокрытой преисподней.

За считаные минуты из жижи вырастали камни, слои породы нанизывались на самоэкструдирующиеся ступени. Рябь в булькающих бассейнах торфянистого оттенка затвердевала. Конструкции подсыхали, преображаясь в изломанные хребты, прослоенные пепельно-бледными орнаментами, а те продолжали еще некоторое время извиваться, словно в муках рождения. На свежевыдавленные колонны заползала слизевиковая жизнь. Формирование горных пород явно повиновалось неким микроскопическим императивам. А среди них сновали и трудились триангуляторы. Похоже, они тоже метанодышащие.

Внезапная ярко-синяя вспышка озарила всю колоссальную пещеру. Молния ударила в зыбкую почву, текстурой напоминавшую пергамент. В

этом месте взметнулись гневные вихри испарений. Новые молнии побежали по земле. Из яростно люминесцирующих разрядов сыпались желтые искры. Каменистый пол под ногами задрожал.

— Что там происходит? — спросил Клифф.

Крутильник ответил:

— Вы имеете представление о том, что вращение планеты, обладающей магнитным полем, генерирует ток, да? Ваш собственный мир. Эта информация содержится в любезно предоставленной вами обширной библиотеке. Вы, как и мы, эволюционировали между оболочек планетарного конденсатора. Ваша ионосфера над воздушными слоями представляет собой одну его сферическую оболочку, почва — другую.

— Конечно, — сказал Клифф. — Так и возникают молнии, в вечном перераспределении зарядов по всей атмосфере.

— Метанодышащие модифицируют планету так, чтобы эффективнее использовать всю электроэнергию, черпая ее фактически из вращения мира.

— Значит, у них подземные электростанции? — спросил Клифф.

Крутильник распростер руки широким же-

стом.

— С пользой, да. Так получают они энергию на свои нужды, загадочные и химические.

— И там происходят… дуговые разряды? — спросила Бет.

— Наверняка, — осторожно отозвался Клифф и поспешил отойти от стены.

Крутильник внезапно заговорил:

— Метанодышащий поблизости только что обратился к своим коллегам, которых мы видели за работой. Я подслушал их электромагнитную беседу. Метанодышащий отмечает, что их власти пришли к окончательному выводу. Проинспектировав вас, они оценили вашу активность и реакцию. Они всегда требуют знакомства с прибывающими чужаками, такими как вы, или наблюдения за ними. В вашем случае — *особенно* настойчиво.

— А их посещали и другие, гм, чужаки?

Бет опасливо поглядывала на метанодышащих за стеной. Все они повернулись к прозрачной поверхности. Бет казалось, что существа сосредоточились на ней. Очень внимательно.

Крутильник резко бросил:

— Вот фрагмент оценки, какую они дали вам, людям. **Эти приматы искренне убеждены**

в принципах, заложенных примечательно быстрым эволюционным процессом. Мое потомство, верят они, важнее вашего. Мое племя важнее вашего. Моя генетическая информация — важнейшая во Вселенной. Этим обусловлены их характерные черты. Из-за них эти примитивные, новоиспеченные приматы, как и те более опытные, знакомые нам по гравиволнам, ненадежны. Недопустимо открывать им сведения о нас, о наших обычаях, показывать наш редут вечный.

— Какого хрена!.. — взорвался Клифф.

По стене, разделявшей отряд и метановые формы жизни, плеснуло шипящее желтое пламя. Оно заискрило и затрещало. Голубовато-белые струйки огня ударили оттуда в насыщенный влагой затхлый воздух.

Крутильник отшатнулся.

— Они накапливают в своем убежище большой электрический заряд.

Короткие волосы чужака встали дыбом на шее и кистях рук.

— Рассредоточиться! — скомандовала Бет своим спутникам.

Она почувствовала прилив адреналина, как старый боевой конь при кличе трубы. Приближа-

лось нечто странное и опасное. Она понятия не имела, что это, блин, такое.

34. Животная хитрость

Величайший доступный науке вклад в гуманитарную политику – демонстрация того, насколько мы безумный вид и почему это так.

Э. О. Уилсон

Эшли Траст принял очередной вызов из Чаши, сидя в кают-компании и вычерпывая ложкой остатки ароматных кузнечиков под соусом карри. Автоповар обслуживал людей столетиями и знал свое дело. О, этот пряный привкус… Эшли снова остался за старшего офицера вахты, так что ему не было нужды сверяться с журналом, чтобы понять: вызов отправлен через несколько часов после того, как черная дыра должна была ударить в Чашу.

Внушительная фигура Бемора заполнила экран, в его оперении гонялись друг за другом безумные радужные сполохи.

— Ледоразумы сообщили мне, что черная дыра укрощена. Битва оказалась сложной и чревата была катастрофой для всех Небес наших.

Ракурс переменился, возник странный ланд-

шафт. Эшли пересматривал все записи из Чаши и опознал это место. Ничего подобного на планетах не бывало.

Широкая бурлящая равнина. Эшли проконсультировался с артилектами — один из них отводил всё свое время изучению Чаши. Колоссальные ландшафты требовали натаскивать зрение на трехмерный анализ. Вроде урока геометрии: требуется силком переключать мысленную перспективу. Эшли понял, что смотрит на водопад, орошающий крайнюю внутреннюю равнину Чаши, — смотрит с уровня поверхности, а не с орбиты вокруг Чаши, которую заняла некогда «Искательница солнц».

Последняя платформа перед атмосферной пленкой, изолирующей обитаемые зоны от Свища. Струя, разгонявшая всю систему, висела в небесах, точно гигантская паяльная лампа. Изгибы размашистых спиралей, оранжево-желтые витки, скованные магнитными полями диафанов.

Вода помогала стабилизации вращения Чаши. Но ничего общего с ласковыми морями вроде Средиземного на Земле тут не было. Повсюду ярилась белая пена. На исполинской равнине, окольцевавшей магнитный Свищ, гравитация составляла считаные проценты от земной и была

направлена почти параллельно уклону внешних территорий Чаши. То есть почти параллллельно земле, а не перпендикулярно. Жить тут практически невозможно, разве что на карнизах.

Строители противопоставили этой странной наклонной силе платформы, выдававшиеся на север и на юг вдоль оси вращения. Они были, следовательно, перпендикулярны центробежной силе. Хорошее решение, но гравитация всё равно так мала, что морской водой орошало высоченные холмы. Мощный ветер вздымал исполинские волны, наполнял воздух брызгами и пеной. Они медленно опадали и с неспешным, точно в ускоренной съемке, изяществом завивались белопенными гребешками по прихоти случайных течений. У поверхности водяная мгла была так плотна, что человек мог в ней задохнуться, и напоминала грозовые тучи из плотных дождевых капель. Повсюду в водном хаосе сверкали радуги, многоцветные, венчавшие каждый турбулентный холмик пены. Низкогравитационной погоде свойственна ярость.

Именно сюда устремилась черная дыра. Почему было выбрано это направление атаки?

Огромные магнитные якоря располагались у полюса Свища. Словно буферы из невидимых

резиновых лент. Эшли видел в небесах короткие вспышки. Оранжевые спрайты на голубых просторах небосклона над танцем пенных волн.

А над всем этим пылала Струя. Оранжевые, красные, желтые искры на всём протяжении плотной полосы пламени в небе.

Эшли вдруг сообразил, чего добиваются глорианцы. Используя стремительную черную дыру как снаряд, они надеялись дестабилизировать Струю в критической точке. Если удастся отклонить колоссальную Струю в сторону, та хлестнет всей своей энергией по обитаемым зонам. Погибнут десятки видов. Не исключено, что вся огромная вертушка развалится на фрагменты.

Да, Редвинг в Чаше уже нечто подобное предпринимал. «Искательница» отклонила Струю так, что та уткнулась яростной огненной стрелой в области близ Свища. Чаша тогда понесла большой ущерб, погибли многие. Редвинг полагал, что иного способа спасти команду и экспедицию нет.

Возможно, он был прав. Эшли тогда лежал в гибернаторе и о тех событиях мог судить лишь по пересказу корабельного артилекта-историка. Решения, принятые Редвингом, были продиктованы необходимостью вырваться из-под диктата Чаши. Народ Чаши покорил множество иномир-

ских разумных видов. Они и «Искательницу» едва не захватили.

Теперь глорианцы повторяли трюк Редвинга. Черная дыра орошала плазменными брызгами цвета электрик ленты диафанов.

Напряженность колоссальных магнитных полей, придающих форму Струе, была здесь наивысшей. Эшли смотрел, как в небе над пенящимся морем у Свища разворачивается битва светоносных энергопотоков. Новые диафаны, подоспевшие на место сражения, атаковали магнитными таранами щетинистые диполи, тесно связанные с черной дырой. Медленно — как медленно! — диафаны отклоняли голубовато-белую незваную гостью. Укрощали магнитную мощь черной дыры, сталкиваясь с нею своими полями, распростертыми поперек небосвода. Яростные вспышки расцвечивали черно-синий простор.

И молнии тоже стегали небосклон. Майра вскрикнула, камера ненадолго качнулась в ее сторону. Волосы Майры стояли дыбом. Ее тело сковала боль. Электростатика господствовала над охваченным бурей ландшафтом.

Излился многоцветный хаос. Какая-то интерференция. Отметка времени в правом углу дисплея удостоверила, что одиннадцать минут сорок три

секунды передачи были потеряны.

— Черт! — вырвалось у Эшли. Чем же завершилась битва?

Экран снова заполнили связные изображения. Бемор заговорил бухающим голосом:

— …наши диафаны преуспели. Блестящее свершение!

Белое море продолжало бурлить пеной. По одну его сторону на сферических деревьях замерцали шарики. Один исторг струю газа. Газ воспламенился — это был водород. Бело-голубой плюмаж с ревом расширился. Сферодерево приподнялось, взмыло в воздух и улетело.

— Черная дыра захвачена, — сказал Бемор, несомненно, адресуя свои слова «Искательнице». — Мы изучаем ее свойства. Этого мгновения Ледоразумы ждали дольше, нежели существует человеческая раса.

Майра добавила за кадром:

— Мы чувствуем большое облегчение. Капитан, вы нас слышите? Мы в безопасности. Ожидаем вашего ответа. Чаша в двадцати шести световых часах от Глории.

Бемор перебил:

— Мы *не просто* в безопасности. Объект был послан с враждебными целями, но наши диафаны

превратили черную дыру в дар. Мне сообщили, что мы теперь можем генерировать ее колебания. Что-то там про вращения массивных объектов друг около друга, детали выходят за пределы моей скромной компетенции. Ледоразумы уверены, что спустя несколько часов мы впервые осуществим вызов на гравитационных волнах. Они в мудрости своей заготовили место для действия столь могучих сил. Десятки миллионов лет мы готовились к этому, к возможности установить связь с высшими обществами.

Майра добавила:

— Я вам потом еще пошлю, когда узнаю больше. Капитан, это наверняка повлияет на вашу экспедицию. — Она отключилась.

Эшли произнес:

— Неплохо бы ответить.

— У вас нет такой привилегии, — отозвался артилект-связист.

Эшли скорчил гримасу.

— Послушай, в Чаше должны узнать, как у нас обстоят дела. Я бы на их месте хотел узнать больше.

— Предварительное разрешение не давалось. Вы не назвали кодовой фразы.

Эшли поднялся и упрямым жестом упер руки

в бедра.

— «Мне лучше не лезть, где Мудрость и Честь согласно проклятью сидят! Тебя ж вдвоем замучат живьем Блудница сия и Прелат»[42].

Молчание, в котором каким-то образом проявилась раздражительность.

— Изложите свои новости. Идет запись.

— Ха! Майра, это Эшли Траст, с борта «Искательницы солнц». Бодрствуют десять человек, мы поддерживаем связь с двумя десантными отрядами. Этими двумя группами руководят Бет Марбл на Глории и Редвинг с одного из мудреных живых кораблей. Коммуникация затруднена — в основном из-за блокировки массивными объектами, но возможны и помехи более тонкой природы. — Эшли помолчал, размышляя, как сформулировать следующую часть послания. — Мы подружились с вашими пальцезмейками, они тут техподдержкой занимаются. Вау, кто бы мог себе такое представить? Разумные змеи! Они такие мастера, что не знаю, как «Искательница» раньше без них обходилась. Десантный отряд, похоже, сел в лифт и провалился под поверхность Глории. На этом связь с ними оборвалась. Ника-

---

[42] Примечания: 42

Редьярд Киплинг, *Томлинсон*. Перевод А. Эппеля.

ких свежих сообщений ни по одному из каналов. Кэп Редвинг и его старпом Вивьен покинули корабль с намерением посетить инопланетное судно. Скверное решение, если меня спросите. От них тоже ни слуху ни духу. Хрен его знает почему. Мы вам расскажем, как только что-нибудь выясним. Я чертовски рад, что Чашу не смяло в гипермассу. Мои поздравления! Эшли Траст передачу закончил.

Он улыбнулся объективу артилектосистемы. Приложил некоторые усилия, чтобы удержаться и не показать артилектам язык или не пуститься отплясывать победный танец. Артилекты такие умные, что воображают, будто ленивые люди не в состоянии запоминать длинных фраз. Редвинг всегда такими пользовался. Эшли без особого труда вломился в его каталог прочитанных книг и прошерстил отмеченные фрагменты. Возможно, артилектам недостает как раз того качества, которым Эшли наделен с избытком: животной хитрости.

Почему капитан взял фразу из *Томлинсона*? Пароль должен с трудом поддаваться отгадке, в этом смысле годится любой источник. Но Томлинсона у Киплинга вышвырнули и с небес, и из преисподней, а «Искательнице» и ее команде

сейчас угрожает изгнание из системы Эксельсии. Так совпало? Ну да, конечно.

Пока Эшли глядел на экраны, кончилась его вахта. Офицер Окуда уже был готов заступить. Итак…

— Пожалуй, отмечу-ка я этот триумф стопкой «буравчика». В конце концов, я не на вахте.

35. Драка вслепую

На вершине морального превосходства очень удобно располагать свою артиллерию.

Наполеон

Тускнеет ли свет? Бет оглядывала просторную пещеру. Ей в ноздри заползали вонь гниющей рыбы, навоза, кисловатый резкий запах автозагара — всё вместе.

Брр… Она ощутила, как сводит внутренности, голова закружилась. Бет вела отряд на протяжении, как сейчас могло почудиться, всей жизни.

Спать удавалось в лучшем случае урывками. Сперва косые солнечные лучи вытворяли фокусы со зрением, и дневного света было слишком много. Теперь слишком много мрака. Это сбивало циркадные ритмы, как при перелете через несколько часовых поясов или бодрствовании допоздна: усталость, туман в сознании.

Прозрачную стену, разделявшую их с метанодышащими, охватило шипящее желтое пламя. Оно плевалось искрами и огненной пеной. В спертом вонючем воздухе разлетались пламенные

струи кислотных цветов. У Бет шалили нервы.

От статического электричества волосы встали дыбом. Кожу стало покалывать.

Бет никак не могла сосредоточиться, ее постоянно тянуло куда-то оглянуться. Вот на некотором расстоянии появилась фигура. Но что это — странное оранжевое создание движется на… колесах? Моргнув, она приблизила картинку — действительно, будто повозка на трех колесах. Существо проворно взобралось на пригорок, перевозя какой-то груз, и пропало из виду прежде, чем Бет успела сообразить, как ему это удалось.

Стены пещеры были высокие, непроглядно-черные или коричневые. Ширина ее, как, вероятно, и высота, достигала трехсот метров. Но в сгущавшемся мраке оценивать расстояния было затруднительно. Даже перемещаться и то сложно — дорога везде разбита какими-то массивными устройствами, оставлявшими по себе скорей траншеи, чем следы колес.

На пещерной равнине там и сям торчали диковинные лианообразные кустарники. Бет на плечо, а затем и на лоб падали капли. Она лизнула: вода, чуть солоноватая на вкус. Прошелестел ветерок. Капли разлетелись. Раздался зловещий низкий скрежет — Бет его ощутила подошвами.

Прозрачная стена вдруг воссияла светящимся всплеском. Подергиваясь и извиваясь, тот преобразился в сложный узор. Крутильник отстранился, Бет скомандовала отряду сделать то же самое. Крутильник проговорил:

— Вновь подчеркну, что метанодышащие накапливают в своем укрытии значительный электрический заряд.

— Как они там вообще *живут?* — окликнул его Клифф. — Это же электрическая батарея гигантских масштабов.

Короткие волосы Крутильника стояли дыбом на шее и кистях рук. Во влажном воздухе ширилось потрескивание. Анарок испуганно попятилась. Паучара тревожно завозился и ощетинился. Крутильник ответил:

— Их технологии древние и таинственные. Даже для нас, жителей Паутины. Метанодышащие — племя загадочное и умелое. Вместе с тем они трусоваты: это обусловлено их эволюционной историей. Потому-то и сбежали сюда. Наше сотрудничество в течение определенного периода приносило пользу, но поневоле задумаешься, а вменяемы ли еще они. Теперь… — Крутильник помедлил, точно получив какой-то сигнал. — Ага. Они изучили ваши старинные приветствия, вот

и показывают это.

— Правда?

Бет по-прежнему не понимала, что происходит. Остановившись, она пригляделась к вихрящимся многоцветным спиралям прозрачной стены. *Какого черта?*

Встройка, черпавшая информацию из бортовых баз «Искательницы», сообщила, что это старинный китайский трехцветный узор, саньцай: желто-бело-зеленый дракон. *Символ восходит к эпохе династии Тан*, добавила встройка, *поэтому его использование может быть как приветствием, так и предостережением — ведь дракон мыслился опасным существом.*

Клифф протянул:

— Ой-ёй…

— Открыть фокальные заслонки лазеров! — скомандовала Бет.

— Зачем? — спросил кто-то.

Вечные вопросы. На вымуштрованных пехотинцев ее команда совсем не походила.

— Я хочу вас видеть на случай, если ими воспользуетесь. Следите за позициями друг друга

Боковое рассеяние уменьшало мощность основного луча, но только так Бет могла судить о происходящем. Если что-нибудь действительно

случится. А она подозревала, что может.

— Воспользоваться ими? Для чего?

Бет не придумала ничего более информативного, нежели простое:

— Заткнись и делай, как я сказала.

Она достаточно лиха хлебнула в Чаше, чтобы помнить, как важна постоянная оценка обстановки. Полная теней пещера была приблизительно круглой. Отряд вошел в точке, соответствующей направлению на шесть часов. Теперь они ближе к центру, но отклонились на восемь часов.

— К периметру, — приказала она. — Держитесь ближе к стене. Если оставаться спиной к ней, потребуется отслеживать меньше направлений.

Клифф слева шепнул:

— Засада?

— Возможно.

Они потопали к стене, и в тусклом свете Бет заметила на неровной поверхности пола скальные выступы неправильных очертаний. За ними в случае чего можно попробовать укрыться.

Пока «Искательница» долгие годы летела к Глории, Бет всегда представлялось, что в конце пути их ждут формальные приветствия, банкеты, напряженные переговоры через переводчиков. Вероятно, даже приглашение в Галактическую

Федерацию, или как бишь в старом кино такие союзы назывались. Пару веков назад. Объединенная Федерация Планет, что-то такое. От каждого мира по его способностям, каждому дается по потребностям…

Угу, вотпрямщас. Это и в Солнечной системе не сработало — нет оснований полагать, что на Глории всё обстояло непременно иначе. Местные не столько дипломаты, сколько фокусники. Принцип «показывать, а не рассказывать» жизнь не облегчал. Отряд побывал во множестве странных мест, понес потери, а теперь Бет ведет своих людей через это гребаное вонючее подземелье.

И всё потому, что, если верить Крутильщикам, новоприбывшим приматам полезно проникаться местной атмосферой. Шишки набивать. Это как если бы подростка привели в крупную галерею искусств и заявили: *Пацан, осматривай всё, что захочется, — древнеегипетский сектор, работы французских импрессионистов, Парфенон. А мы посидим и понаблюдаем за тобой.*

Не так ли и сами глорианцы, в великом множестве форм и размеров своих, изучали людей?

Возможно.

Но… похоже, что кое-кому тут люди совсем не нравятся. Метанодышащим.

А именно они управляют подземным лабиринтом.

Кто-то приближался. Что-то. Бет чуяла.

Она ощущала почти физический напор. Волоски на шее встали дыбом. Статическое электричество. Падали и разбивались капли воды. В воздухе висело напряжение.

Клифф передал по закрытому каналу:

— Послушай, Крутильник сказал, что метанодышащие трусливы. Надо придумать, как этим воспользоваться.

— Поняла, — ответила Бет, оставляя себе время на раздумья.

Но вдруг дождь хлынул как из ведра. Сбоку налетели ураганные порывы ветра. С треском зазмеились разветвленные молнии.

Молнии не били в одну точку — они тянулись. Темноту распороло бахромчатое полотнище света и расслоилось на ветвящиеся полосы.

Темные фигуры двинулись к отряду с окружающих пригорков. Сверкнули лазеры, но вспышки их казались слабыми искорками на фоне молний. Бет увидела, что команда основательно рассредоточилась метрах в двадцати от прозрачной стены. Никакой угрозы с другой стороны сейчас не предвиделось.

Заплясали молнии. Они закручивались кольцами, словно в хулахупе, изгибались желтыми арками, упирались в камни на пути.

Бет не стреляла. Она плохо различала темные формы и не бралась судить, продолжают ли те наступление примерно в сотне метров впереди. Возможно, явились понаблюдать, справятся ли желтые ветвящиеся электромечи.

— Прекратить огонь!

Бет однажды попала под ураганный ливень в костариканских джунглях. Тогда промокла до нитки быстрее, чем если бы ее в озеро швырнули, — кстати, такое купание получилось бы приятней. Пещерный дождь был холодным.

— Пригнитесь! — воскликнул Клифф. — Молния ищет проводники, выступающие над поверхностью. Это мы!

Бет увидела, что отряд припал к полу пещеры. Она тоже залегла, потом посмотрела прямо вверх. Повисло долгое молчание, напряженность электрического поля продолжала нарастать. Тело покрывалось гусиной кожей.

Снова ударила ветвящаяся молния. Треск и хлопки. Разряд поблизости сверкнул ярче солнца. Ударные волны чиркнули по Бет. Через всю пещеру с оглушительным шумом, точно при

ружейном залпе, протянулись змеящиеся огни.

Бет принуждала себя хранить спокойствие, лежать ровно и наблюдать, как желтые шипящие щупальца шарят по пещере в поисках добычи. Она и понятия не имела, что так можно: посылать молнии на охоту. Но если враг будет поддерживать разряд активным достаточно долго, то в конце концов кого-нибудь поразит. Резкий привкус при вдохе указывал на возрастание количества озона. *Вопрос времени…*

Может, ей сдаться? Как? На каких условиях?

Нет. Если уж метанодышащие перешли к откровенной агрессии, пленных брать не станут. Они не вояки. Они рассчитывали поразить весь отряд быстрым прижиганием. Дистанционные методы войны.

Сдаться — значит погибнуть.

Что ж, подумаем, как сыграть на трусости метанодышащих?

В тот самый момент, когда у Бет блеснула идея, Клифф оформил ее словами:

— Послушай, метанодышащие сбегают при реальной угрозе. Они ждут от нас аналогичного поведения. Запугивают, рассчитывая, что мы струсим.

— Правильно! — сморгнула Бет. — Нужно им от-

платить той же монетой. По полной программе.

Бемор-Прим перекатился к ним.

— Мое понимание человеческой натуры, — изрек он, — позволяет предположить, что у вас есть взрывчатка.

Бет кивнула:

— Точно. Для раскопок. В химкомплекте, да?

Клифф поддержал:

— У меня в запаске есть.

— Что вы задумали? — осведомился Бемор-Прим. — Я бы не рекомендовал спешить с применением взрывчатки, хоть и посоветовал ее прихватить. Лучше продемонстрируем…

— Времени нет. Мы обрушим их прозрачную стену.

Молчание. Затем:

— Но тогда их атмосфера смешается с нашей! — Бемор-Прим понизил голос, однако тревожного напряжения не скрывал.

— Спокойней, — отстранилась Бет. — У метанодышащих шлемов наверняка нет. А наши за спину закинуты.

— Трудно судить. Мы чужаков толком даже не видим. — Клифф был встревожен.

— У той трехрукой животинки, чем бы ни была она, вообще никакой снаряги при себе, — заме-

тила Бет.

— Ага, — сказал Бемор-Прим, — вы всё же намерены рискнуть.

— Правильно. — Бет помолчала.

Она могла просто приказать, но стремилась к большему. Сосчитала про себя удары сердца до десяти. Собиралась уже рявкнуть командным тоном, как Бемор-Прим нарушил тишину:

— Клифф, я помогу.

— Этими-то когтями?

— Я научился ими орудовать.

Пока они работали, в воздухе продолжало искрить и хлопать. Бет связалась с каждым членом отряда. Многие оказались сообразительнее ее самой: она тут вытянулась, силясь слиться с камнями, а спутники забрались в траншеи глубиной около метра. Молнии звенели над головами, но не задевали. Озон покалывал ноздри.

— Умницы! — воскликнула она, закончив их опрашивать. — Меньше двигайтесь. Не разговаривайте.

Рыкающие хлопки, яркие сполохи по всему полю боя. Всё вокруг было неподвижно.

Лишь Клифф и Бемор-Прим подползали к Бет, медленно, однако без особых проблем передвигаясь по одной из рытвин.

— Примерно в десяти метрах слева пол понижается, — сказала Бет. — Переждем разряд и айда туда.

Бемор-Прим проговорил:

— Я прикинул, сколько времени у них уходит на перезарядку. Интервал около двух минут. При такой атмосферной плотности достижим приблизительно миллион ваших единиц — вольт. Затем очередной мощный разряд.

— Тогда побежали, — сказал Клифф. — Я из рюкзака эластичные ленты вытащил. Мы с их помощью…

Громкий хлопок и вспышка. Бет непроизвольно дернулась. Эластичные ленты? При чем тут?..

— Вперед! — приказала она.

Согнувшись в три погибели, они метнулись к небольшой впадине глубиной едва в метр. Там им троим еле хватило места. Они замерли чуть ниже уровня каменного пола.

— Как вы себе это представляете? — спросила Бет.

Бемор-Прим уже связывал гибкие ленты так, чтобы в центре образовалось подобие кармашка. Он и впрямь научился умело орудовать когтями. Клифф вытащил самодельную гранату размером не больше крупного кулака.

— Это праща. Вы двое будете опорами.

Бет кивнула, не вполне поняв его замысел. Клифф поставил их спинами к более пологому откосу, придерживая ленты. Массивная туша Бемора-Прим тут пригодится. Клифф очень осторожно вложил импровизированную гранату в кисет.

— Повалит стену. Бронебойная.

Он отполз, прижимаясь всем телом и головой ко дну впадины, и растянул ленты, насколько смог. Бет и Бемор держали пращу за концы.

Клифф сказал:

— Руки выше. Нужно угол подобрать.

Они повиновались. Бет было непросто сохранять неподвижность на своем конце натянутой рогатки, стоя на полусогнутых.

— Скорее! — бросила она.

Ей изменяли силы.

— Пригните головы! — скомандовал Клифф.

Вспышка молнии и удар грома. Желтый сполох получился таким интенсивным, что сияние проникло даже сквозь плотно сжатые веки. По лицу словно кувалдой врезали.

— Окей, теперь снова разогнитесь!

Клифф натянул ленты. Поворчал, что-то поменял. Снова чертыхнулся.

Бет собралась с духом. Как ему удается рассчитывать угол в такой суматохе?

Послышался голос Крутильника по комм-линии:

— Что вы пытаетесь проделать? Не советую…

Клифф метнул снаряд. Эластичные ленты резко распрямились, хлестнув по панцирю паучару. Бет прикинула, что снаряд вылетел под углом около тридцати градусов. Ее разбирало любопытство, хотелось оглянуться поверх края впадины, проследить траекторию, но она удержалась. До прозрачной стены было метров пятьдесят…

Вспышка и хлопок. Резкий наплыв воздуха. Это не от молнии.

Заложило уши. Бет осмелилась обернуться.

В прозрачной стене зияло отверстие диаметром около десяти метров.

Бет услышала резкое шипение расширяющегося газа. Сморщила нос. Гнилыми яйцами пахнет или мусором? Смесь запахов, в общем. Брр.

В пещере метанодышащих давление явно было выше. Их атмосфера вторглась в местную. Кислая, резкая, жгучая. Теперь запах казался не просто отвратительным, а смертоносным. Бет поспешно нахлобучила на голову шлем, но порция вони задержалась внутри.

— Валим отсюда! — передала она остальным.

Отряд, спотыкаясь, устремился прочь от стены.

Сама Бет неслась мощными скачками, как испуганное животное. Перепрыгивала змеившиеся кустарники, плюхалась в глубокие лужи, поскальзывалась, восстанавливала равновесие, неслась дальше. Бемор-Прим обогнал ее. Бет задыхалась от вони ядовитого воздуха. Почувствовав под ногами твердую скальную основу, прыгнула. Оранжевая вспышка озарила ей путь. Трескучее эхо разнеслось под сводами. Оранжевые зубчатые молнии рябили и выгибались, как живые. Они освещали подбрюшье мощной тучи, готовой пролиться. Кошмарный ландшафт.

Группа пробежала добрую сотню метров, прежде чем Бет скомандовала:

— Ложитесь!

Они бежали быстро, но всяко не опередили бы новую молнию. Команда припала к полу и стала сползаться вместе, не дожидаясь приказа Бет.

Молния запаздывала. Они выжидали. По-прежнему ничего.

Бет оглянулась на прозрачную стену. Отверстие затягивалось.

— Как вы заметили, нанесенный вами ущерб очень быстро компенсируется, — сказал Крутиль-

ник по комм-линии. — Метанодышащие весьма предусмотрительные инженеры.

— Ну и? — отозвалась Бет.

— Метанодышащие, как у вас принято говорить, горазды трястись за свои шкуры.

— То есть?

— Выброс газа угрожал вам всем. Но вы пошли на такое.

— Пришлось.

— По вашим меркам это, как я полагаю, отважный поступок. Вы сочли возможным утвердить свою позицию, не считаясь с потерями.

– *Потерями?*

— Вы отвлеклись. Очевидно, вы до сих пор не заметили, что Мидзуки Амамато, ваша коллега, скончалась, вдохнув ядовитый газ из пролома.

– *Что?!*

Бет проверила показания встройки. Биосенсоры Амамато не демонстрировали никаких признаков жизни. Она сказала Бемору-Прим:

— Проверь, в каком состоянии Амамато. Отыщи ее, если сможешь. Но будь осторожен. Мы не знаем, что там.

— Да. — Бемор-Прим умчался.

Крутильник спокойно продолжил:

— Вы недвусмысленно продемонстрировали

готовность людей погибнуть, отвоевывая территорию.

— Отвоевывая территорию? Да мы просто спасали свои шкуры.

— Метанодышащие не проводят разграничения.

— Странно.

— Действительно, по меркам моего вида, как и вашего, метанодышащие — странные создания.

Клифф устроился рядом с Бет. Он слышал весь разговор и теперь спросил:

— И что же они предлагают?

— Возможность вам убраться отсюда.

— И всё? — спросила Бет.

— Ваша «Искательница солнц» — солидная угроза.

— Мы за это не в ответе. Пускай поговорят с нашим капитаном, Редвингом.

— Я свяжусь с метанодышащими. Они, говоря откровенно, в ужасе от вас.

Бет немного расслабилась. Совсем чуть-чуть.

— Правда? — спросила она, стараясь не выдать тоном своей радости.

— Поймите, что это не гарантирует вам свободы. Или даже… — В голосе Крутильника внезапно послышалась очень человеческая нотка неуве-

ренности: — Окончательной безопасности.

— Чего-о? — удивился Клифф. — Нам не понравится, если нас станут постоянно загонять в угол и…

— Метанодышащие легко могли бы пленить вас. Доступные вам информация и способы угрожать их позициям ограниченны.

Бет ответила:

— Я этим недовольна.

— Они бы очень хотели вступить в переговоры с вашим Редвингом.

Бет вздохнула.

— Для начала его требуется разыскать.

36. Гравитационно-волновый клуб

Историям обязательно правдоподобие; реальности – нет.

Элизабет Малартр

Редвинга сковало так крепко, что он едва мог пошевельнуться, точно уловленный в мелассу. Однако его не облепило липкой массой — совсем нет. Препоны были вызваны какой-то манипуляцией с нервами Редвинга. Грибоидная сфера что-то с ним сделала, и это препятствовало почти любым движениям. По всему телу проскакивали, словно мурашки, очажки боли. Любое сильное движение или возбуждение центральной нервной системы сталкивалось с противодействием. Если Редвинг испытывал прилив гнева или пробовал шевельнуть ногами, в его мышцах зарождалась парализующая боль. Боль вынуждала застыть в неподвижности.

Чем сильнее сопротивлялся он, тем сильнее была боль. Чем острее паника, тем сильнее боль. Но временами она отступала.

Редвинг медленно, очень медленно передвигал

руку к плечу. Ему хотелось почесаться. Просто почесаться, и всё. Он попытался чертыхнуться сквозь зубы и в итоге заплевал себя. Как близко… рука коснулась плеча, и это движение отдалось резкой болью в ребрах. Мышцы заныли так, словно капитан часа четыре надрывался в тренажерке.

И другие изменения происходили в нем. Он знал, что на какое-то время лишился сознания, поскольку воспоминания о разговоре с грибоидной сферой (если эта маршрутизация мысли равнозначна разговору) и текущее восприятие были разделены туманом неопределенности. Грибоидная сфера (он свыкся с термином Вивьен) каким-то образом транслировала ему информацию. Он припоминал исполинский слизистый объект величиной с дом, блестящий от влаги и покрытый слоями наростов. Нервная система, состоящая из корней и химических сигналов, вмещавшая разум, который мог управлять звездолетами. И, как утверждал Крутила, разуму этому хотелось поговорить. Но не только. Грибоид вторгся в Редвинга с Вивьен.

Как долго это продолжалось? Туман, звенящий в мозгу эхом, ответов не предоставлял.

Редвинг сосредоточился на своем лице. Он его

чувствовал, но управлять им не мог. Но вот и облегчение, ощущение мягкости, расслабления. Он попробовал поработать губами. Губы запеклись. Рта открыть не удалось, но это уже что-то. Дальше — глаза. Он поднял правое веко с таким усилием, точно штангу над головой воздел. Сочится свет. Зрение проясняется. Да. Теперь левый глаз. *Да.* Веко поднялось розовым занавесом.

Он мог видеть, что исполинская слизистая сфера висит неподвижно. В окружении меньших струек слизи. Мутно-зеленые корневища и лианы опутывали ее, вся структура *пульсировала*, будто растительное сердце. Линии подпитки подходили к потеющей жидкостью сфере сверху и снизу.

Что с ним случилось? Туман в сознании мог означать, что прошел длительный промежуток времени. Редвинг с некоторым усилием повернул голову и увидел Вивьен. Та тоже парила во влажной невесомости. Ее тело опутывали тонкие серебристые волокна. Редвинг опустил взгляд на свои ноги — такие же нити на обеих. Пока смотрел, нити с шорохом отпали. Шорох исходил от далекой сферы. Нити смотались и уползли к ней.

Воздух пульсировал далеким гулом, но в пещере господствовало мрачное тяжелое молчание. Редвинг медленно пошевелил руками и ногами

и поплыл к Вивьен. Перемещение было неспешным, он начал вспоминать некоторые моменты, дотоле затянутые туманом. Размытые, медленные, шелковисто-скользкие, исполненные молчания. Изображения и запахи мелькали в сознании: зеленый лук, жаренный в наперченном масле, скользящие по телу змейки…

Он прижал к ее телу ладонь и получил статический заряд в награду за свои старания. Вся кожа покрылась мурашками.

Он подался вперед, изучая лицо Вивьен. Она, кажется, дремала. Его теплое дыхание овеяло ее щеки. Глаза медленно открылись, она прошептала:

— Хочешь поцелуй?

Его сердце подскочило. Он слегка коснулся ее губ своими, оставив ей достаточно свободы прошептать:

— Тихо ты, тихо…

Значит, она тоже ощущала это: туман и путаницу в мыслях. Они целовались, ласкали и баюкали друг друга некоторое время, испытывая чистое наслаждение. Каким-то образом это помогло отогнать последние щупальца тумана.

Давным-давно, на этапе начальной подготовки к полетам в дальний космос, их обучили опра-

шивать встройку. Требовалось лишь запросить полную сводку — процедура отработана до автоматизма. Через несколько мгновений пришел ответ. Редвинг не поверил. Вивьен тоже. Они повторили запросы. Результат не изменился. Тела немного, умеренно усовершенствованы: подлатаны несколько внутренних органов и, что важно, кожа. Пигментация устранена. Сонная и бедренная артерии прочищены микроботами. Мембраны стали эластичней. Конечности задвигались свободнее, сухожилия сделались более упругими и прочными. Зрение улучшилось. Пульс и сердечно-сосудистая… показатели тоже улучшены. Как ни поразительно, изменились и пропорции тел. Оба стали выше. *Но как*?

В поле зрения выплыл Крутила. Редвинг про него и позабыл. Блин, да сколько же времени он провел в отключке?

Крутила проговорил:

— Я рад видеть, что вы очнулись от своего отдохновения.

– *Отдохновения?!* — огрызнулась Вивьен. — Вы нас бесцеремонно вырубили и…

— Я говорю сейчас как посредник интеллекта, — он сделал жест в сторону грибосферы, — который использовал свои таланты для подчинения

ваших разумов и обследования тел.

— Это не просто исследование, — отозвалась Вивьен. — Блин, я себя чувствую *иначе*. Мне снились кошмары. *Отвратительные* сны.

— Вашему виду свойственно смягчать стресс ругательствами. Это простительно. Но, пожалуйста, теперь, когда вы составили представление о случившемся, давайте перейдем к более важным вопросам. Такое желание высказывает сила, которую я в данный момент представляю.

— Попробуйте задать эти вопросы, — медленно протянул Редвинг, вглядываясь в лицо Крутилы.

Мимика не поддавалась интерпретации. В конечном счете, это ведь конструкт, созданный специально для переговоров с людьми, но без нюансов, облегчающих встречный анализ. Глаза и рот Крутилы выражали ровно столько, сколько требовалось для передачи простых смыслов.

— Сила, о которой идет речь, желает осветить темы, представляющие Абсолютный и Вечный Интерес.

Редвинг прямо-таки слышал пафосные заглавные.

— Зачем?

— Вы можете оказать нам помощь.

— Как?

— Это будет разъяснено в свое время. Прежде всего ознакомьтесь с кругом возникших перед нами проблем.

Вивьен перебила:

— Послушай, мы сюда прибыли, чтобы понять *вас*, узнать *ваш мир*. Абсолютные и Вечные Интересы? Нам за такое не платят.

Крутила моргнул, но это могло значить что угодно. Возможно, увертливый чужак просто принял какой-то сигнал от грибоидной сферы и обдумывает, как выразить его по-английски. А может, их озадачила идея зарплатных ограничений.

Крутила произнес:

— Вы, конечно, наделены талантами, о которых сами не знаете. Можем продолжить.

В поле восприятия Редвинга заплыла стайка галактик, окруженная темным облаком. Он только головой помотал. *Как грибоидная сфера это вытворяет?*

Крутила продолжил:

— Я воспроизведу некоторые известные вам факты, чтобы лучше сориентировать. Вы сталкивались с нашим передатчиком, искажающим пространство-время. Вы пришли к верной трактовке его функции. Мы его используем для

общения с далекими разумами, которые проводят крупномасштабные мощные эксперименты над основами пространства-времени.

— Слышь, ты, — сказала Вивьен, — мы сюда прилетели пообщаться и колонию основать, если нам на то дадут разрешение. Нет нам дела до физики и всего остального. По крайней мере сейчас.

Редвинг, не разжимая объятий, прошептал ей:

— Дай Крутиле договорить. Оно чего-то от нас хочет.

Крутила не обращал на нее внимания, продолжая:

— Вы некорректно оцениваете этот аспект, хотя вам известно, что мы пользуемся крошечными, но массивными объектами, которые вы именуете черными дырами. Вам следует знать, что ваши представления о реальности преходящи и промежуточны.

Редвинг скептически хмыкнул.

— Нам теперь известно, что гравитационное поле — статистический феномен наподобие энтропии или температуры, хорошо определенный лишь для массивных объектов, а не для индивидуальных элементарных частиц. Гравитация не является подлинно фундаментальной силой

природы, но лишь следствием устремления Вселенной к максимуму энтропии[43].

Редвинг отпустил Вивьен. В голове у него прояснилось. Певучий выдох вырвался сквозь ноздри. Крутила продолжал парить поблизости, сохраняя прежнее положение, фигуру его обрамляла огромная блестящая сфера грибка. В воздухе висели тонкие волокнистые ленты. Возможно, при их помощи грибоид транслирует образы, наложенные на восприятие Редвинга? Он медленно проговорил:

— Мы прибыли найти общий язык, обучиться. Многие ваши виды, без сомнения, заняты тем же. Как обычно, мы начинаем с того, что ставим вопросы миру, но…

Крутила умело крутанулся через голову и изобразил фирменную свою натянутую ухмылку.

— Позвольте мне разъяснить. Пожалуйста. По этому каналу мы обсуждаем преимущественно технологические злодеяния. Если сверхсветовые путешествия и связь действительно возможны, с ними надо будет разбираться всерьез. На некоторых мирах к такому относятся пренебрежительно, проводят эксперименты, чреватые

[43] Примечания: 43

Крутила излагает здесь концепцию, напоминающую гипотезу об энтропийной гравитации Эрика Верлинде.

катастрофой. Рискуют так загнобить развитие миров, где подобные возможности отсутствуют.

Вивьен проговорила:

— Разве не с такой угрозой сталкивается любое общество? Отставания?

— Действительно, однако это не значит, что немногие вправе присваивать себе все ресурсы. Например, выбросы металла килоновыми. Эпохальные столкновения нейтронных звезд обогащают окружение тяжелыми элементами. Корабли с широко раскинутыми магнитными неводами, летая на 0.2 *c*, могут очистить целые области от подобных богатств, обрекая малые и слаборазвитые общества на вечную нищету.

Крутила говорил тоном констатации факта, словно о рутинной проблеме технического обслуживания. Возможно, для членов Гравиволнового Клуба так оно и есть.

— Нам также известны удивительные феномены, выходящие за рамки даже нашего понимания. Гравиволновое сообщество бессильно объяснить их. Время от времени планеты окрашиваются многоцветными сияниями, словно привлекая партнера. Приманивают пролетающие мимо кометы и астероиды. Вероятно, некие интеллекты планетарного масштаба приветствуют иные

разумы такого типа, ищут родственные души.

Редвинг глубоко сомневался во всём услышанном. Не проверяет ли Крутила их доверчивость?

— Регулировка интенсивности звездного излучения — обычное дело. Члены Клуба постоянно следят за попытками обратить подобную мощь ко злу, индуцировать взрыв сверхновой или что-то в этом роде. — Крутила воздел руку в предостерегающем жесте. — Но, упреждая вопрос, отмечу, что Чаша, по нашему мнению, слишком хрупка для подобной работы. Со своей звездой они, несомненно, управляются, однако к другим даже приближаться не рискуют.

Вивьен резко бросила:

— Откуда же у вас такая враждебность к ним?

— Мы были тогда куда младше. Не достигли статуса великой расы — еще нет. Чаша впервые приблизилась. Гигантская конструкция едва не зацепила нас. Мы, конечно, поспешили в укрытие. Они всё равно появились. Мы оказали сопротивление. Мы противились извлечению наших видов в их зоопарк!

Редвинг знакомился со многими древними материалами, где упоминались здешние стычки, — справедливости ради, все они были составлены историками Чаши. О Паутине там

не говорилось ничего. О глорианцах тоже ничего детального не сообщалось[44]. Но было ясно, что мир этот достаточно сходен с Чашей, чтобы обогатить ее просторы своей жизнью. Биохимия соответствует, ДНК и так далее. Похоже, в этом секторе Галактики жизнь повсюду зародилась на одной и той же базе — ДНК и РНК. Вероятно, следствие древней панспермии: семена жизни, перелетающие от мира к миру на межзвездных астероидах. И даже мириады микробов на фундаментальном уровне схожи. Может, из какого-то единого далекого источника занесены. Неважно: Чаше требовались все варианты жизненных форм с настолько близкого мира. Разум редко встречается, но тем ценней он. Внезапно Редвинга посетила мысль…

— Вы поэтому и построили Паутину? — спросил он.

— Мы прониклись в том числе и таким озарением. Мы постигли, что должны стать гораздо сильнее, умнее, обеспечить себе поддержку высокообразованных союзников. — С этими словами Крутила опустил плотные мигательные перепонки на свои крупные глаза, точно желая скрыть

---

[44] Примечания: 44

Здесь явное противоречие с текстом *Корабля-звезды*, где недвусмысленно указано, что Чаша к системе Глории ранее не приближалась.

эмоции.

— Это во время первого визита Чаши метанодышащие сюда проникли? Сбежали из Чаши?

Крутила ускользнул в сторону, вознесся высоко, повернулся в воздухе лицом к грибоидной сфере, точно принимая от нее послание. Руки его заплясали в пустоте, выписывая сложные жесты, слишком быстрые и энергичные, чтобы расшифровать. Потом он развернулся и сказал:

— Вы внедрились глубже, чем следовало бы. Вы проворная раса, что тут спорить. Но… метанодышащие не желают, чтобы вы знакомились с их историей.

— Я так понимаю, это значит «да», — сказала Вивьен.

Крутила приблизился снова и завис в метре от них.

— И мы переходим к принципиально важному для вас вопросу. Нам — мне — предстоит пообщаться с метанодышащими.

— Зачем? — спросила Вивьен.

— Следует выяснить, стерпят ли они ваше наглое проникновение. Смирятся ли с тем, что возникла угроза их секретам и безопасности.

— А иначе что? — настаивала Вивьен.

Лицо Крутилы мелко зарябило. Человек бы на

его месте раздраженно нахмурился.

— Они имеют право вето. Если они воспользуются им, вы все умрете.

37. Форсажный вид

Некоторые из нас умеют читать, писать и немного считать, но отсюда вовсе не следует, что мы заслуживаем покорить Вселенную.

Курт Воннегут. Фокус-покус

Крутила долго безмолвствовал, уставившись в пространство. Он с кем-то или чем-то общался, закатив глаза и расслабленно свесив руки. Могло показаться, что он мертв, хотя это было не так.

Редвинг и Вивьен зависли в невесомости камеры, глядя, как проступает выпот на озаренной янтарным сиянием далеких стен грибоидной сфере. Тянулось время.

— А нельзя ли убраться отсюда? — шепнула Вивьен.

Их одежда провоняла, им отчаянно требовалось отдохнуть. Желательно выспаться. Редвинг сверился с хронометром комбинезона: бессознательное состояние длилось 6.43 часа. Однако чувствовалась усталость.

Редвинг ответил:

— Это важно. Раз до команды Бет пока не до-

браться, нужно это уладить или хотя бы замять на время, а потом уж вернемся на «Искательницу».

Он понял, что избегает переосмысления сути вылазки. «Искательница», да. И отряд Бет. Привычные. Исследователем ему быть не хотелось. Хотелось вернуться на борт и снова занять капитанский мостик.

Когда пришло приглашение от того, кто (что) правил(о) здесь, Редвинг ухватился за шанс. Высадка в Паутину его очаровала. Он годами не вылезал из грохочущего металлического кокона «Искательницы» и соскучился. По возвращении на борт он не устоял перед новым соблазном — путешествием внутрь уникального живого корабля. Ему и в голову не пришло, что всё так обернется, и его собеседником станет претенциозная живая плесень.

Крутила рывком ожил, глаза его широко раскрылись, руки дернулись, он принял позу напряженно-внимательную, но элегантную.

— Продолжим наше общение, да. Меня отвлекла беседа между нашими хозяевами… — он кивнул на грибоидную сферу, — и метанодышащими. Диспут всё еще продолжается. Но! — Он вздрогнул всем телом, точно незримая рука потрепала его. — Я описывал проблемы, с какими

сталкивается рассеянное по Галактике гравиволновое сообщество.

— Они далеко превосходят наше разумение, — ответила Вивьен.

— Именно так! Но интересы членов сообщества, как в дальнейшем станет ясно, пересекаются с вашими.

Крутила затараторил — теперь грибоидная сфера явно говорила через него:

— Некоторые виды применяют телепортацию для транспортировки. Эта технология остается спорной. Пассажира в процессе переноса уничтожают, регистрируя его энергетические состояния с точностью до субатомных частиц, и эту информацию пересылают к системам других звезд, где личность затем воссоздается.

— Но ведь…

— Да, мы приравниваем это к убийству с намерением заменить жертву копией, уверенной, будто она тождественна оригиналу.

Вивьен отрезала:

— Это неверно. Идентичные близнецы не считают себя одинаковыми.

Крутила жестом отмел возражение.

— Однако находятся виды, которые считают это не убийством, а формой бессмертия. Роевые

умы и прочие коллективные интеллекты, они иного мнения.

— Трудно себе такое представить, — выдавил Редвинг.

Крутила всплеснул четырьмя руками в танцевальном движении.

— Ваша раса, — сказал он затем, — преимущественно опирается на визуальные сигналы. Быть может, дальнейшая демонстрация поможет осознать проблемы, имеющие касательство к нашему случаю.

Картинки бросились Редвингу в глаза. Он увидел пылающую белую точку, карликовую звезду. Та вломилась в желтое светило, похожее на Солнце. Карлик пропахал более крупную звезду насквозь, яростное сжатие сердцевины под воздействием гравитации пришельца разогрело термоядерную печку. Карлик вывалился с другой стороны, унося на себе, точно трофей, раскаленный добела диск вещества солнцеподобной звезды. Случившаяся на пути обитаемая планета (*откуда я знаю, что она обитаемая?*) уцелела. Но атмосфера ее, а затем океаны испарились и выкипели за считаные часы по мере ускорения карлика, опоясанного теперь блистающим диском. Планета-жертва утянулась за ним

в межзвездные бездны, обреченная на вечное прозябание.

— Это акт войны, содеянный одним из членов нашего Гравиволнового Клуба.

— Боже правый, — вымолвила Вивьен. — Да как же они…

— Они более могущественны, нежели мы, и уж точно — нежели вы. Но у вас с ними есть общие черты.

Редвинга обуревали тысячи вопросов, но брякнул он лишь:

— Какой давности этот сюжет?

— О, перспектива всегда важна. Двадцать пять оборотов совершила Галактика с момента возникновения вашей планетной системы и девятнадцать — с той поры, как зародилась на Земле жизнь, приведшая в конечном счете к вам. — Крутила пожал плечами с видом историка, перечисляющего маловажные подробности. — Весть о межвидовом геноциде достигла нас вчера.

Редвингу явственно припомнилось поразительное сопоставление из университетского курса биологии. *Если земную историю растянуть на старый английский ярд, то есть расстояние от королевского носа до кончиков пальцев вы-*

ставленной вперед руки, то, чиркнув ногтем по подушечке среднего пальца, его величество может стереть историю человечества.

— Где это случилось? — спросила Вивьен.

— Там, где обитают самые старые цивилизации. В великом сферическом звездном вздутии, балдже, который из нашего спирального рукава непосредственному наблюдению недоступен: его затмевают промежуточные пылевые массивы. Многие члены Клуба близки к галактическому ядру. Звезды формируются изнутри наружу, так что самые старые цивилизации там, внутри. Мы с вами новички.

— А новенькие путешествуют больше? — спросил Редвинг.

— Нет. Расы, достигшие разумности, вскоре, как правило, осознают колоссальную цену межзвездных полетов. И предпочитают заглубляться. Исследуют сложные экосистемы собственных сознаний. Целые миры посвящают себя жизни, явленной через вычисление. Они не участвуют в повседневном дискурсе, какой доставляет удовольствие нам, членам Гравитационно-Волнового Клуба.

— А как насчет подлинно грандиозных средств перемещения? — спросил Редвинг.

Ему хотелось задать такой вопрос с тех самых пор, как он впервые увидел Чашу Небес. И вот, наконец, существо, способное на него ответить. Занятно, что Крутильщики, явные биороботы, теперь так словоохотливы, а раньше Бет из них клещами должна была слова вытягивать. Означает ли это, что *настал* ключевой момент? Критический? Ему не понравился такой вывод.

Крутила вытянул руки и крутанулся вокруг своей оси на манер волчка.

— Немногим подвластны звезды, как в той трагической войне, кадры которой видели вы. Другие, как, например, ваши дальние предшественники, разумные динозавры, изобрели Чашу и отправились странствовать среди звезд.

— А это общее явление? — спросила Вивьен.

— Есть несколько аналогичных конструктов, но все на другой стороне Галактики. И все без исключения древние. Чаша, конечно, важна, ибо мы усматриваем в ней источник прямой и явной угрозы. Ее древнее название у нас — Пошесть.

Вивьен нетерпеливо фыркнула.

— Так что же, в космические странствия отправляются немногие? В смысле на малых кораблях.

Крутила досадливо тряхнул головой.

— О да. Многим видам свойственна естествен-

ная… теология. Они тратят энергию на поиски древних посланий, какие бы раскрыли тайну вселенского происхождения. Они верят, что такая информация закодирована в поляризации небесного микроволнового реликтового фона. Они отдают себе отчет, что сообщения эти неполны, ведь никто не видит всего неба, не может заглянуть за пределы того, что вы, люди, называете сферой Хаббла, граница которой определяет границу доступности звездного света. Но отправлены ли сии послания из предыдущей вселенной? Или же их оставил Создатель, желавший что-то донести до разумов, которые возникнут в запущенном Им эксперименте? Вот что они желают выяснить. Бесчисленные гравиволновые свитки исписывают они такими рассуждениями[45].

Редвинг задумался, к чему всё это. С таким же успехом можно было бы сплетни олимпийских богов подслушивать.

— Ваша нынешняя анатомия сформировалась от силы несколько сотен тысяч людских лет назад. Старейшая известная вам фигурка человека возрастом сорок тысяч ваших лет. Более ранняя,

[45] Примечания: 45

Крутила излагает здесь концепцию, сходную с идеями Роджера Пенроуза и Вахи Гурзадяна об информационной панспермии в конформной циклической Вселенной.

уже вполне функциональная, модель вашего рода, которую вы называете неандертальской, вымерла приблизительно в ту пору — ныне отброшена. Тогда начинается ваше нынешнее поведение, стремительное развитие, увенчанное покорением всей вашей системы за срок, равный нескольким человеческим жизням. Поразительны темпы вашего распространения к другим звездам, вроде нашей. У нас на такое ушло несколько миллионов ваших лет.

— Ну и?

— Нашими корреспондентами на гравитационных волнах выступают приматы.

— Вы общаетесь с… людьми?

— Нет. С чужаками вроде вас. Сапиенсами. Они быстро развиваются и потому нестабильны.

— Это необычно?

— Ваша форма, стиль, методика, по всей вероятности, имеют ключевое значение. Вы слезли с деревьев и пустились в саванну. Чужаки, которых мы именуем Торопыгами, тоже действовали таким образом и обладают внешним сходством с вами. Это явно не случайность. В Галактике много разумных, но не таких, как вы.

— Ну и? — На более информативные комментарии его не хватало.

Вивьен шепнула:

— Можешь сосредоточиться на разговоре. Я слежу, не появится ли кто. Я им всем совершенно не доверяю.

Крутила пояснил:

— В Гравиволновом Клубе участвует раса, угрожающая ныне всей Вселенной. Нам нужна ваша помощь, чтобы их остановить.

— Э-э-э… как?

— Вы должны спрогнозировать их дальнейшие действия и помочь остановить.

— Потому что они амбициозны?

— Потому что они, подобно вам, форсажный вид.

— Но чем мы можем помочь? Мы лишь маленькая исследовательская…

— Ваше сходство достаточно велико. Они, в сущности, такие же приматы. У них, как и у вас, быстро выработался высокий интеллект. Интенсивное социальное взаимодействие — само собой разумеется, а зачем иначе искать собеседников меж звезд? Генетический бриколаж их поразительно сходен с вашим.

— Но… вы встречали их?..

Вивьен толкнула Редвинга.

— Кто-то приближается.

Он обернулся.

Она была огромна. И обнажена. Несомненно, женщина: крупные груди на бугристом, тугом, сильном, как у борца сумо, животе. Высокая, спина чуть согнута. Руки и предплечья толстые, словно бревна. Заканчиваются крупными ладонями и пальцами, похожими на вилочные зубцы. Она улыбнулась: два зуба, словно белые обломки, торчат в деснах. Всего два. Голова здоровенная, словно надутый воздушный шар. Она заметно опиралась на пятки, вся фигура казалась растянутой, точно аккордеон, а нижняя часть спины — какой-то взъерошенной.

— Как?.. — вымолвила Вивьен.

Гуманоидное существо, шейная шерсть вместо волос, яркие желтые глаза, мигающие по сторонам, над двумя алыми дырками вместо носа. Рот застыл в U-образной ухмылке. Нижняя челюсть опустилась и поднялась, при этом мелькнули другие зубы, блестящие от слюны. Они были расположены на подъеме с клиновидным выступом позади. В целом внешность отталкивающая.

— Мы получили от этого вида достаточно генетической информации, чтобы построить экземпляр. Но ум его примитивен. Этому созданию известно лишь то, чему его научили первороди-

чи и мы. Они переслали нам вместе с геномом и некоторые данные о культуре. Мы изучили это предание. Впрочем, мы полагаем, что с вами оно охотнее поговорит, чем с нами. Более того, мы дополнительно оснастили его мозг способностями к вашему языку, которым оно владеет почти свободно.

– *Построить экземпляр*? — Вивьен уставилась на великаншу.

Та кивнула в ответ.

— Мы обладаем недоступными вам возможностями, — самодовольно заметил Крутила.

Редвинг подавлял накатывающее при виде странной женщины омерзение. Она была неописуемо отвратительна. Не просто *уродлива* — это слабо сказано. При одном взгляде на нее к горлу подкатывал кисло-желчный комок. В ее облике присутствовало нечто столь чужеродное, что вся его натура автоматически восставала. Дрожащим голосом он проговорил:

— Почему мы? По какому делу?

Великанша отозвалась ровным бесстрастным голосом, что его шокировало.

— Мои первородичи стремятся построить Окончательную Теорию мироздания. Это требует определенных экспериментов.

У Редвинга отнялся язык от изумления.

Женщина сказала:

— Согласно теоретическим представлениям вашей расы, поле Хиггса на самом деле метастабильно — не обладает истинной устойчивостью, а лишь кажущейся.

— Ага… — Редвинг призвал на помощь далекое воспоминание. Встройка подсобила резюме из двух фраз. — Кванты, правильно. Хиггс… частицы приобретают массу?

Женщина, зависшая в пятне эмалевого света, кивнула, обратив к гостям страшенную U-образную лыбу.

— Вам это известно под названием ложного вакуума. Поле Хиггса мы считаем неустойчивым.

— И что? — спросила Вивьен.

Женщина ответила прежним бесстрастным голосом, но теперь Редвинг заслышал в нем тягучее пришепетывание:

— Чтобы стабилизировать вселенскую конфигурацию, нужно больше узнать об этом состоянии. Мой вид проводит весьма продвинутые эксперименты, нацеленные на разъяснение этой проблемы. Ускоряет частицы до сверхвысоких энергий. Высокая плотность. Квантовая регулировка, методики запутывания. Сложные. Очень

аккуратные.

Вмешался Крутила, устами которого всё еще говорила грибоидная сфера:

— В таких экспериментах возможен сдвиг поля Хиггса в нижележащее энергетическое состояние. При этом высвободится столько энергии, что квантовое пространство вокруг будет фактически разорвано. Не устоят никакие преграды. Распространение на скорости света высвободит еще большую потенциальную энергию. Возникнет расширяющаяся сферическая оболочка, несущая гибель Вселенной.

Женщина отпарировала:

— Моя раса уверена, что этого удастся избежать. Мы желаем детально изучить тайны возникновения Вселенной. Эти эксперименты длятся несколько тысяч лет… — она кивнула людям, — и постепенно совершенствуются.

Крутила замахал руками.

— Мы *понятия не имеем*, к чему это приведет! Возможна полная перетасовка всего! Жизнь, звезды… перестанут существовать.

Женщина ответила с явственным выражением долготерпения на щекастом лице:

— Мы полагаем, что и такая вероятность существует. Возможно, что сдвиг поля уже осу-

ществился где-нибудь далеко. В этом случае беспокоиться не стоит. Вселенная расширяется с ускорением. Любой такой сдвиг угодит в космические жернова и вынужден будет преодолевать эффекты расширения пространства-времени. Это изменение будет продвигаться к нам, но никогда не настигнет.

— Не слишком утешительно! — заметил Редвинг.

Он был в гневе. Ничего себе, рисковать существованием Вселенной ради интересненького эксперимента!

— А к чему такой риск? — спросила Вивьен.

— Меня воссоздали, я это знаю, — медленно проговорила женщина. — Я — копия. Всё же я испытываю верность своему виду. Вы же — приматы другого вида, это я знаю. Возможно, нам с вами найти общий язык будет легче, нежели с этими… — она пренебрежительно махнула рукой, — чудаками.

Редвинг медленно двигал рукой, опуская пальцы в боковой карман. Он отыскал прихваченный с собой пистолет. Пушка лизнула его большой палец в поисках ДНК-подтверждения, точно ласковая кошка, и присосалась к руке. Он так обрадовался целости оружия, что едва сам его

не лизнул. Одним быстрым движением можно вывернуть карман и прикончить эту омерзительную тварь.

Крутила произнес:

— Ваша раса может высечь искру, из коей возгорится пламя и пожрет всю Вселенную! Событие предельной разрушительной силы, несущее распад самому вакууму!

Женщина откликнулась равнодушным тоном, разминая, однако, толстые руки, словно в жесте предостережения:

— Мои сородичи так не думают.

— Риск чрезмерен!

— Мы молодая раса. Мы не изношены, в отличие от вас, гораздо более древних.

— Мы научились осторожности! — завопил Крутила.

— А мы считаем, что вам так и не удалось выяснить принципы работы Вселенной на самом фундаментальном уровне. И тем многим видам, что странствуют в этой огромной штуке, Чаше, тоже не удалось.

— Какое нам, блин, до всего этого должно быть дело? — спросила Вивьен. — Мы не ученые, мы простые исследователи.

Женщина повернулась и схватила Вивьен за

руки. Стала баюкать их — выглядели они по сравнению с ладонями чужачки сущими игрушками.

— Вы очень напоминаете нашу форму жизни. Чужаки, сотворившие меня по базовому генетическому рецепту, любезно поделились информацией о вашей истории и биологии. Форсажная загрузка, стоит сказать. Наши геномы весьма разнятся, но облик сформировался ввиду одних и тех же причин: в ходе миграции с деревьев на равнины. Вы, подобно нам, сталкивались с мощным давлением эволюционного отбора. На вашей планете, как и у нас, развились несколько менее сообразительных видов-родственников. Вы самые младшие, у вас когнитивные и социальные способности лучше неандертальских, а долговременная память и языковые функции богаче.

— И что?.. — Вивьен озадаченно морщила лоб.

— Вы нам родня. Да, отличия в родословных несомненные, но конвергенция наша продиктована уникальным гоминидным восприятием мироздания. Чужаки сообщают, что в истории Галактики известно много обществ приматов, но они недолговечны. Многие вымерли.

Она вздохнула. На ее лице мелькнула глубокая печаль.

— Мы с вами не вымерли. Мы сильные. У нас иное восприятие Вселенной. Но специфическое, приматское. Не такое, как у этих многоруких, со щупальцами, четвероногих и еще более странных. Сейчас моя раса взялась тыкать палочкой в муравейник старых рас. — Она передернула плечами. — Неудивительно, что те рассержены.

Что на это ответить? Молчание затягивалось.

Обезьяноподобная инопланетная женщина заметила:

— Ты такая… худенькая.

— Ага, мы такие, тонкие и легкие, — сказала Вивьен. — Какова сила тяжести на поверхности вашего родного мира?

— Сейчас посмотрим… — Исполинская женщина помедлила, несомненно сверяясь по какому-то электромагнитному каналу с доступной ей базой знаний. — В полтора раза выше, чем на вашей планете.

— Это многое объясняет. — Вивьен зависла в пронизанном волокнами воздухе перед грибоидной сферой. Редвинг понимал, что она делает: старается подружиться с обезьяноподобной инопланетянкой. Межзвездная дипломатия через болтовню о своем, о девичьем. — Гиганты вроде

вас не будут пропорционально выше — только приземистей.

Действительно, подумал Редвинг, слоны не похожи на масштабированных в высоту лошадей, но тигры во многом похожи на масштабированных домашних кошек и двигаются аналогично.

Великанша внушала ему отвращение и ужас. Будоражила глубинные инстинкты. Вивьен это, видимо, почувствовала, но выбрала такой вариант, а не высказала недвусмысленное предостережение. Болтовня о девичьем.

Женщина промолвила странным голосом:

— Помните, что я — реконструкция по детализированному геному, дополненная своеобразным, ограниченным, личностным переносом.

Редвинг ответил:

— Пересылали из вашей цивилизации, да. Через долгие годы. Мы слышали про такое. Как вы себя называете?

Она делано улыбнулась. Ему стало не по себе.

— О, людьми, как и все. Мне говорили, что все виды себя так называют. Вы, насколько я понимаю, называетесь «человек разумный».

— Мы потомки существ, именуемых обезьянами, и прибыли со звезды за много световых лет отсюда. — Вивьен кивнула.

Этот жест великанше явно был знаком, поскольку она повторила его.

— О, по галактическим понятиям мы соседи. Мы в нескольких сотнях световых лет отсюда. Как и вы, мы эволюционировали совсем недавно… в сравнении с этими… — Она широким взмахом обвела окружающую их палату на борту живого корабля. — У нас энергетика иная, беспокойная.

Редвинг проговорил:

— Вы умеете общаться гравитационными волнами, значит, намного опережаете нас.

— Ой, да мы это еще сотню с лишним тысяч лет назад умели. Всего триста тысяч — ваших лет, естественно, — прошло с тех пор, как мы победили и искоренили конкурирующих обезьяноподобных. Они немного походили на нас, но недостаточно.

— Значит, вы много знаете о Галактике, — проговорила Вивьен.

Редвинг, с интересом слушавший их беседу, осторожно, не выдавая себя, разжимал хватку на пистолете. Оружие всё еще лежало в его боковом кармане, рукоятка подстроилась под форму руки, удобная, надежная. Пистолет словно не хотел расставаться с ним. Но Редвинг затолкал его поглубже и медленно вынул пустую руку. Не стоит

публично демонстрировать внезапный приступ омерзения к женщине, которая своим видом разбередила какую-то предковую память и едва не погибла из-за этого.

— Все безжизненные миры отличаются друг от друга, — говорила инопланетянка. — Но все миры, на которых развилась разумная жизнь нашего типа, фундаментально схожи. Наш тип редок. Такие как мы — «приматы», говоря вашими словами, — быстро развиваются и достигают высот интеллекта. Это, пожалуй, делает нас бесшабашными. Во всяком случае, другие формы жизни такого мнения.

Крутила, молча наблюдавший за этим ключевым эпизодом, надменно хмыкнул.

— Наши хозяева… — он быстро ткнул двумя руками в сторону грибосферы, — желают продолжить. Ваш разговор занимателен, но расфокусирован. Не имеет прямого касательства к нашей конечной цели — должной регуляции опасных экспериментов над основами мироздания, проводимых в гравиволновом сообществе. Однако нашим хозяевам целесообразно поспешить. Следует разобраться с Чашей.

Неандерталка. Вот оно что. Горло Редвинга сжалось, кислый комок подкатил ко рту. Аж в

ноздрях защипало. Редвинг стиснул пальцы в кулаки. Его одолел древний ужас, затаившийся в далеких уголках разума. И, вероятно, разумов всех, кто имел над этой уродиной эволюционное превосходство. Чувство это было сильным и неподдельным.

Редвинг опять сунул руку в боковой карман и крепче стиснул рукоятку пистолета. Нужно решить, воспользоваться им или нет. А ведь хотелось, ой как хотелось. Желание ослепительно разгоралось внутри.

38. Странствующий зоопарк

Слепец темноты не боится.

Пословица

Есть обнадеживающий символизм в том факте, что флаги в вакууме не развеваются.

Артур Кларк

Терабайты за секунду, вот это поток, подумал Эшли Траст. *В нем и утонуть недолго.*

Он едва управлялся со свежим потопом данных от артилектов, следивших за Глорией, Честью и Паутиной на всей протяженности конструкта. Дроносеть и автономные телескопы разрабатывались давно и в расчете на единственную планету, когда на Земле считали Глорию одиночным миром. Века назад ничего лучшего не было. Две планеты обращались близко друг к другу, а мостик Паутины вносил дополнительные искажения, заморачивая алгоритмы старых телескопов. Естественно, древние администраторы, планировавшие экспедицию, ни о чем таком не подозревали. И теперь Эшли захлестывало терапотопом. Одна только Паутина крупнее многих

десятков планет, если их расположить в ряд по оси. И как всё это обрабатывать?

— Ты разберись, — повинился он перед астроартилектом. — Я не могу. У меня квалификации недостаточно.

Астроартилект, понятное дело, ожидал более детальных инструкций, но Эшли малодушно разорвал связь. Не его эта задача. Не его область, и близко не его. Он внедрился в экспедицию, ища спасения от кары за кое-какие неблаговидные деяния, и поддельные документы утверждали, будто он звезда своей научной дисциплины. Однако то, с чем ему сейчас пришлось столкнуться, выходило далеко за пределы его компетенции. *С меня хватит.*

Поступил вызов, который Эшли уже собирался было отбить, как заметил, что звонит странная новая версия Крутильщика. Блин, еще только этого не хватало! Цифровая сопроводиловка указывала, что существо пытается установить контакт. Заинтересованный Эшли быстро сверился с кодами Редвинга. Вот нужная цитата — из какого-то поэтического сборника, читанного капитаном. Он произнес вслух из *Томлинсона* Киплинга:

Не дух ты, не гном ты, не книга, не

зверь, —
вещал преисподней Князь, —
И облик земной опять обрети —
греховную ипостась[46].

Пронзительный сигнал пинга. Связь установлена.

— Насколько я понимаю, — осведомился резкий голос, — вы исполняете обязанности старшего офицера?

Пошел видеопоток. В облике инопланетянина были заметны некоторые изменения.

— Стоп. Вы Крутильщик?

— Я новый Крутильщик, если угодно. Предыдущий Крутильщик был развеян. Он понес кару за преступления против вашего десантного отряда.

— Э? Какие преступления?

— Эта версия позволила десантному отряду ввязаться в чересчур опасную стычку. Метанодышащие расставили ловушку под предлогом обычных наблюдений за десантным отрядом как за представителями внешних видов-кандидатов.

Эшли полез во входящие — как обычно, они пестрели предостережениями от артилектов.

---

[46] Примечания: 46
Перевод А. Эппеля.

Увидел вызов от Клиффа.

— Я принимаю сообщения от десантного отряда. С ними всё в порядке. А были жертвы?

— Одна. И некоторые телесные повреждения у остальных. Они избежали аматорской западни. Метанодышащие давно ведут затворнический образ жизни. Вероятно, они утратили элементарные навыки.

Эшли растерялся. *Слишком много всего происходит!* Но постарался не отразить этого в голосе, когда спокойно ответил:

— Я не понимаю, на что вы намекаете.

— Вы принадлежите к категории интенсивно социализированных млекопитающих, наиболее часто взыскующей межзвездной связи или даже путешествий. Хуже того, вы приматы, то есть развиваетесь особенно быстро. Вы вступаете в мир с незавершенной нервной системой, процесс ее окончательного развития требует игры — частых игр. Юный человеческий мозг претерпевает тысячи часов игровых тренировок, включая падения, синяки, царапины, конфликты, оскорбления, альянсы, измены, состязания в статусе, даже ограниченные акты остракизма. Это позволяет вам полностью развить свои способности. У метанодышащих такие формы поведения почти

не встречаются.

— Что же, они и драться не умеют?

— Да, хотя техническая компетенция их в определенных областях значительна. Они весьма полезны для нас.

— Для «нас» — это для кого?

— Учитывая, что вы называете мир нашего принципиального происхождения Глорией, можете именовать нас звукосочетанием Глориаль Великолепная.

— Глорианцы?

— Пожалуйста, позвольте нам эту небольшую прихоть. — Голос Крутильщика обогатился модуляциями, хотя изображение на экране низкого разрешения не демонстрировало лицевой мимики. Тон изменился, в нем возникли нотки грусти. — Вероятно, вы не знаете, что Глориаль Великолепная утратила тысячи местных видов. По этой причине мы можем простить вас, людей, за аналогичное поведение на вашей родной планете. Элементарная ошибка, обычная для развивающихся интеллектов, которые эксплуатируют ресурсы своих миров сверх меры. Некоторые настолько хватают лишку, что им суждено вымирание.

Этот Крутильщик, похоже, гораздо друже-

любнее предыдущего, подумал Эшли. *Кто-то ему настройки подкрутил.* Впрочем, вся история в голове еще не уложилась.

Эшли осторожно проговорил:

— Я не во всём осведомлен, но… речь о вашем первом контакте с Чашей?

— О дальнейшей эре, когда мы импортировали виды из Чаши. Когда она пролетала мимо, произошел обмен экологиями.

На экране мелькнули ландшафты, скатанные в цилиндры. Они неслись в космосе, укрытые атмосферными оболочками. Менялись местами, словно по волшебству.

— Народ, который считает себя администраторами, хотя и не правителями Чаши, возобновил переговоры с нами. Это случилось только что.

— Вы в них швырнули черную дыру. Кто-то мог принять это за личное оскорбление.

— Они обратили это к своему преимуществу. Они знают, что у них имеется давно утраченное нами… многие древние наши виды. Мы сумели установить связь…

— Уже? Черная дыра в них всего пару часов как угодила.

— …и достигли менового соглашения. Задумывались ли вы, как именно мы общаемся? По

электромагнитному каналу, после того как они передали нам простое сообщение на гравитационных волнах. Старомодный, приятный способ разговора. Такой несложный!

— Крутильщик, думается, нам пора перейти к другим проблемам. А вы как считаете?

— А, возможно, — неуверенно откликнулся Крутильщик.

— Послушайте, вам же нужны посредники при переговорах после этой Битвы за Чашу, да?

— Возможно…

— Мы можем это устроить. Например, вам нужны кое-какие ваши древние виды. А как насчет новых?

— Нам придется исследовать…

— У нас полно данных из Чаши. Мы провели там годы! Сделали остановку на пути сюда.

— Не совсем понимаю, о чем вы…

— Мы уже выполнили исследования, результаты которых вам требуются! У нас полно данных от полевых отрядов. Детальные списки животных, растений, куча видео и всего остального. Выбирайте, что душа желает!

— Наверное…

— А когда вернете, вам ведь нужны будут смотрители зоопарка, так? Мы, люди, уже опытны в

общении с видами Чаши. Мы с ними накоротке.

— Это… интригующая… возможность…

Эшли облизал губы. Ему представился шанс заявить о себе. Когда Редвинг доберется назад на корабль, Эшли уже будет в центре большой затеи. Шанс на повышение! Он улыбнулся и приступил к переговорам.

39. Ах, этот старый дуализм разума и тела

Если бы человеческий мозг был так прост,
Что мы могли бы его понять,
То мы были бы так просты,
Что не могли бы.

Эмерсон Пью

Редвинг ощутил, как страх и гнев у него внутри сливаются воедино. Отвращение скручивало кишки, оставляя кислый привкус. Идиотская алая агония. Он ненавидел высокорослую обезьяноженщину. Что-то принуждало атаковать ее. Яростно накинуться. Его указательный палец напрягся, выцеливая…

И тут его снова сковали.

Щелчок — и готово. В его поле зрения застыла Вивьен, не докончив фразы. Ничто не двигалось. Ничто не звучало. Просто *остановка.*

И голос:

— Вам следует более полно ознакомиться с собой самим.

Говорил равнодушный голос Крутилы. Но Редвинг видел Крутилу слева, тот тоже застыл в неподвижности. Наверное, это грибоидная сфера вытворяет. Колоссальное существо зависло в отдалении, не уступая размерами поблескивающему от влаги зданию. Оно каким-то образом прорубило себе *дверной проем* в его мозг. Вероятно, это как-то связано с волокнами, медленно кружащими в мягком янтарном сиянии?

— Вам необходимо узреть свой разум полностью.

Редвинг не мог пошевелить даже уголком рта, но подумал (и услышал, как эту мысль озвучили его собственным, негромким, отдавшимся эхо голосом):

— Мой разум слышит тебя.

— Лишь ваше сознание. То, что Народ Чаши именует Надсознанием. Я могу продемонстрировать вам, как Птицы видят свои сознания полностью. Ваше Подсознание затем откроет вам, почему вы чувствуете себя так, как чувствуете.

— Мое сознание — это всё, что у меня есть.

— До некоторой степени верно. Но! Вашим Подсознанием контролируется ваше Надсознание. Например, в такие моменты. Вам следует это понимать, чтобы вы отдавали себе отчет в

мгновения, когда более всего нуждаетесь в рассудительности.

— Мои сознательные уровни — это что, конструкт?

— Отчасти. Анатомический театр, который искренне уверен, будто, кроме него, на сцене личности больше ничего нет.

— Хорошо же… — Редвинг закипал от гнева.

Он решил отпарировать подколкой, которую услышал лишь недавно:

— Если самосознание — иллюзия, то кого дурачат?

— Того, кто сейчас говорит. Вас.

И нахлынуло.

…из ниоткуда выскочили желания, мысли, потребности, ветвящиеся, подобно летним молниям, по всей протяжанности его здравомыслящего естества, так что не имел он выбора, кроме как слиться с ними, как ни яростны и стремительны оказались они. Слияние произошло так быстро, что идеи, мысли, воспоминания стали сталкивающимися в воздухе дрожащими, размытыми стрелами; они пружинили и щетинились оперениями, рикошетировали, застревали в «том, кто сейчас говорит», а Вивьен ожила и пустилась к нему сквозь клубящийся шлейф пара, сталки-

ваясь с его мыслями, пока он стремился добыть воспоминания, больше не причиняющие боли, воззвать к подвластной ему смерти; затем желание к Вивьен воспылало снова; воспоминания всегда остаются воспоминаниями — сейчас; преимущественно смешанные со сдавленной болью или радостью, они опускаются на места и выдают прошлое…

Вивьен схватила Редвинга в объятия и затрясла, но голова его падала на грудь, и привести его в чувство не удавалось.

— Ты что *наделал*? — заорала она Крутиле.

— Он должен узреть глубины своего естества.

— А почему он тогда слюни пускает?

— Ты попробуй его удерживать, но постарайся не заговаривать с ним.

Она обхватила Редвинга руками и ногами, заключила в кокон, внутри которого его тело теперь сотрясали всхлипы.

…они ринулись ему навстречу, как скоростной поезд из образов, терпящий крушение: чудовищные формы, точно из абортария — потные, ворчливые, возникали они из мрачной бездны тысячелетий, крались на четвереньках, хрюкали, пыхтели; млекопитающие и даже пред-

шественники млекопитающих… формы, так и не обретшие окончательной реализации в дискретных организмах, наслаивались друг на друга, разбрызгивались, он не понимал, где конец одного и начало другого, это было ужасно: призрачная блестящая плоть… щупальца сматывались и присасывались, разматывались и сокращались, стоны, глаза-щелки без век, жутко колышущиеся на тонких стебельках плоти… громоздкие грубые горы плоти, чешуйчатые схроны, жуткие кусачие шипастые перья, пленка желтых токсинов, сегментированные острые хвосты, кряжистые рога, нездорово-желтые клыки, сверкающие когти… ароматные и ядовитые запахи, толстолапые косопалые твари, толстые брови, острые желтые зубы, шишки вместо суставов, бугры вместо коленей, тошнотная ирризация по бледному желатиновому подбрюшью, на коже поблескивают омерзительные пленчатые чешуйки…

…а инопланетянка сплеталась со всеми этими предковыми воспоминаниями, мнимыми ужасами: ее толстые широкие поросячьи уши, нос, похожий на рыльце, все мерзости ее обширных телес… всё это пробуждало в нем предельное отвращение, желчь подкатывала к горлу… ее жуткая зияющая пасть, ее лыба, *как у той тол-*

стухи на пляже, которая оседлала меня, сдавила горами белой расплывшейся плоти, придушила, не могу дышать, она катается по мне, маленькому, удивленному, хихикает и трется своим телом обо всё мое тело, ее кислые выделения заставляют меня поперхнуться…

Крутила проговорил:

— Следи за хищниками.

Вивьен окружила стая рассерженных птиц. Они стали тыкать ее клювами и пронзительно галдеть. Она расталкивала их. Налетали новые. Метили ей в глаза. Она наносила им тяжелые удары. Резкий укус распорол кожу на спине. Вивьен вскрикнула. Одна птица захватила метким клювом кончик ее языка.

…и вот она, обнаженная память… женщина на пляже, а он совсем малыш…

…нужно снова про нее забыть… *подумай о чем-то другом…*

…тени пауков, мелькающие на покрытой кратерами поверхности луны, невежда Эшли, который поэзии от рецепта тушеной капусты не отличит, странно, что я еще не ссохся за столетия ожидания своей очереди, телескопы времени, угрызения совести, тонущие мечты и грезы, их

уносит великая река, они как лодки, борющиеся с потоком, обреченные исчезнуть, без следа слиться с прошлым, где рождены, эпохой, где лишь молодым суждена достойная смерть, утонуть, быть может, в каком-то ужасающе глубоком потоке, в море, о, море алой тоски и ужаса…

Частью себя он знал, что эти образы взмывают из Подсознания, метя в него. Там что-то вызрело. А теперь рванулось на свет из теней, призывно выкликая Надсознание, сея ужас на своем пути. Во внутреннем театре Редвинг мог теперь наблюдать за этим спектаклем — не без предательского облегчения.

Вивьен ударила двух каркающих птиц с такой силой, что те разлетелись на обломки. *Машины*, подумала она. Фрагменты закувыркались прочь.

Крутила игнорировал птиц, он обращался к извивающемуся Редвингу:

— Ваше обезьянье Подсознание часто использует режим трикстера, оно остроумно внедряет в речь отдельные слова или целые фразы. Классическая ваша литература, как и современная, пестрит шутками о непокорных Подсознаниях. Я много такого читал. Вы называете его фрейдистским, что б то для вас ни значило.

…он сражается с воспоминаниями о толстухе, с неприкрытым страхом перед ее громадой, которая вот-вот раздавит его худощавое тельце, размажет…

Нужно склониться, прошмыгнуть мимо зловонной памяти, сфокусироваться на более светлых мыслях, самое страшное уже позади, смотри вперед, контролируй свое сознание…

…Редвинг летит через сокрушительные ощущения, но столкновения оставляют в нем достаточно присутствия духа, чтобы выпустить шипы надежды и приглушенной завистливой радости. *Эукариотическая многоклеточная двусторонне-симметричная жизнь*, парят слова рядом с ужасными видениями. «Бог — то, чем становится разум, выходя за пределы доступного нашему воображению», — ткричит кто-то, но, когда Редвинг поворачивается посмотреть, чьи это слова[47], удушливый воздух будто сужается, препятствует движениям; точки опоры, чтобы, зацепясь за нее, крутануться, Редвинг не находит, но его донимает ощущение *качества* всего этого. Воспоминания обуревают волной: яростные оттенки тосканского заката, искра вдохновения,

---

[47] Примечания: 47
Фримена Дайсона.

серая боль утраты — всё это накатывает стремительно и жестко, не мешая, однако, различать каждое слово, сказанное медленным голосом, должно быть Надсознанием, и слова эти каким-то образом отдаются в его голове, словно колокол поминальной службы:

кремний
возможно
не
оптимальная
среда
для
сознания
взглянуть на углерод
способный
образовывать
длинноцепочечные соединения
ибо в отличие
от
кремния
углерод
образует двойные связи
а те позволяют значительно
усложнить химическую
организацию
и тогда уж кремний

порождает
иное сознание
не сдерживающее
способность
кремния
перерабатывать
информацию
более
эффективно.

...и Редвинг явственно видит, что он сам лишь нота в симфонии, был ею всегда, был колесиком в сложном механизме ручной работы, узлом гигантской сети обработки информации; некоторые клапаны его сердца не закрываются так, как должны, правый желудочек увеличен, сердечная аритмия и норов блуждающего нерва периодически вытаскивают вилку из розетки, и он падает во мрак, где обитает лишь Подсознание.

Вивьен после атаки птиц поумнела и почла за лучшее наблюдать.

— Вы это сделали просто затем, чтобы я не смогла разбудить капитана Редвинга, не так ли?

Крутила отмахнулся величественным жестом четырех конечностей и сказал:

— Подсознаниям свойственна занятная при-

матская походка — постоянное контролируемое падение на задние лапы, всегда прерываемое страховочным движением, *моторной памятью*, как вы ее называете. Неустойчивость! Вот ключ к вашим талантам импровизации.

— Мы ее развили, так? — Вивьен махнула в сторону великанши с пародирующей жест Крутилы величественностью. Инопланетянка внимательно наблюдала за происходящим, глаза ее светились искренним интересом. — Они, большие обезьяны вроде нас, тоже наделены этим качеством, верно? Значит, приматы легче перескакивают к принципиально новым идеям — превосходят в изобретательности таких, как вы, тех, кто обходится совсем без бессознательных уровней!

Крутила кивнул и улыбнулся зловещей улыбкой.

— О да, это относится к нам и Народу Чаши. Способность открывать Подсознание по своему желанию ключевая для формирования устойчивого долгоживущего общества. Мы можем приглушать стрессы, бурлящие на нижних уровнях. Все древние разумные виды это умеют! Они и мы развили такую способность давным-давно, прежде чем даже научились летать к планетам.

— Значит, мы слишком примитивны для таких как вы?

Крутила встретил этот вопрос хмурым выражением морды, тоже уродливым и мрачным.

— Обучающий пример. Вы, общественные обезьяны, продемонстрировали в Чаше способность сформировать быстрый альянсоюз с видом, который именуете силами. Этот вид тоже перемещается на двух ногах, юн, незрел и опасен.

— Значит, силы — протообезьяны? — Вивьен понятия не имела, кто такие, черт побери, эти силы, и никогда с ними не встречалась.

— Пока ваше племя не явилось туда, они были счастливы.

— Счастье — это, знаете ли, еще не всё.

…гребаные птицы приближаются к ней, он это видит, ныряют к ней, кричат, воркуют, машут уродливыми клювами, а он застыл в ледяной неподвижности, способный пошевелить лишь взором; потом птицы с воплем уносятся, потому что не всякий опыт приносит результат, да? — и вот оно, речное течение, тема которого — ты, смотришь спектакль на сцене, вокруг коей твое мысленное око увлеченно возводит затхлые подвальные стены тайн. «Мне кажется, это какая-то неправильная сказка», — ухитряется сказать

Редвинг и чувствует слабое нажатие пальца на спуск; он сжимает крепкой хваткой пушку, которую отложил было, но какая-то часть его — и снова не он сам на экране сознания — снова цапнула оружие, так что рукоятка теперь целует его пальцы — без страсти, словно старая любовь, чьи чувства иссушены временем.

Перекрученное создание лениво продолжало:

— Вы поймете со временем, что принцип максимального разнообразия велит законам природы и начальным условиям времени сотворить Вселенную максимально интересной. В результате становится возможной жизнь всех сортов, но ей не слишком легко пробиться. Максимизация разнообразия зачастую ведет к максимизации стресса. В конце концов мы выживаем, но лишь основательно ободранными. Мы суть обитатели драмы, в которой заняты как актеры.

Оно бросило любящий взор на грибоидную сферу позади.

…бесконечные стопки застывших мгновений, словно в ожидании своего предсмертного свидетеля, похожие на людей, закутанные в многослойное молчание, его кости — решетка кальциевых стержней, перемежаемых натянуты-

ми, звенящими от натуги мускулами, свистящее дыхание вырывается наружу по пересохшим трубам, он вытаскивает пистолет…

Жирная свинья мира продолжает ускользать, и Редвинг медлит. Это не поддается простому осмыслению, неуловимое, чарующее, волшебное, увлекающее всё вдаль и вдаль — к неведомым сейчас мгновениям, подобное огню раздражения в горле после неразбавленного виски, так что Редвинг говорит:

— Не нравится мне эта странная баба, но ты мне нравишься и того меньше.

…фразу посылает то, что всегда таилось в его Подсознании; каждое слово вполне правдоподобно позаимствовано из его лексикона; «кофе» никто не перепутает здесь с «кофтой»; мгновения уносятся в прошлое и становятся вечностью в этом многослойном моменте, который может увенчаться лишь ударом и раскидыванием…

…можно забыть толстуху на пляже века назад, ее омерзительные перекаты плоти, желтые зубы, свинячье рыльце, трескучий смех… отбросить это, да…

Он мог теперь исследовать побуждения момента. Он понимал, откуда они берутся. Мог испустить глубокий свистящий выдох и сфокуси-

роваться. Пускай рациональная часть сознания их обдумает. Рассудит. Проинструктирует. Мудрость опустилась на него сырым туманом.

Он теперь в полной мере проникся этой способностью. *Познать свой ум в полной мере означает научиться его контролировать.*

Но грибоидная сфера тоже к этому причастна. И эта пародия на чужака-Крутильщика — *они* ее стачали и подсунули; это их стараниями в Редвинге поднялись боль и ярость, чтобы выплеснуться омерзением. Гребаный Крутила завел отряд Бет в засаду, позволял людям погибать, он поплатится за это!..

…он нажимает на спуск.

…резкий хлопок, яркий шум в хрустально-неподвижном пространстве.

Крутиле передается импульс выстрела и посылает тело кувырком назад. Лицо чужака сморщивается, но подлинной боли не обнаруживает. Ибо эта штука наконец проявляет свою суть: она выступает, в лучшем случае, *копией* того, что осталось неповрежденным…

Редвинга щелчком выносит обратно в реальное время. Его отпустили. Он может передвигаться. Он снова вскидывает пистолет на изготовку, ожидая чьей-то реакции.

Вивьен тут. Теперь испуганная.

И эта здоровенная обезьяноподобная женщина, похожая на неандерталку, но равная им всем, как теперь он видит.

Гнев, страх и ненависть исчезли. От них остались одни воспоминания. Внезапный громкий выстрел избавил его от страха и ярости.

Каким-то образом. Одно лишь действие.

Его разум — его сознание, да, — ощущается переполненным, бурлящим идеями. Нужно что-то придумать с диафанами. Плазменники, понимает он, все наверняка родственны друг другу: странствуют среди звезд на солнечных вспышках. Дафна и Аполлон, скорее всего, без труда нашли с местными общий язык.

Метанодышащие: наверняка этот народ совершил некое предельно ужасающее, немыслимое злодеяние. Так вот прятаться, бегать от… чего? Чего бы ни боялись они, а сила эта не менее могуча, чем гравиволновый Клуб. Нечто невероятно яростное. И колоссально наглое…

А зачем бояться людей? Редвинга осенило, что они могли совершить преступление против тераформинга: попытались переделать мир, уже населенный созданиями, чей уровень соответствовал человеческой цивилизации.

Мысли работали стремительно. Он так и чувствовал бурление Подсознания. То бралось за идеи, приличествующие его калибру, совместимые с известным Надсознанию.

Так… значит, попытались содрать с мира кислородную атмосферу? Заменить ее восстановительной, используя управляемые вулканы? Ужасно, если вообще физически возможно. Здешняя история уходит в глубину на эоны. Рано или поздно неутомимое человеческое любопытство ее вскроет.

У Редвинга вся голова жужжала от интуитивных догадок. Метанодышащим просто так доверять нельзя. Их официальные обещания могут оказаться пустыми. Их нужно испытать. И скоро. А тем временем…

Редвинг проверил, работает ли канал связи с «Искательницей солнц». Повозился с хэшем, потом пробился на корабль.

— Капитан? Отлично! — рявкнул Эшли Траст. — Сэр, мне о многом нужно доложить вам. Мы решили кое-какие проблемы. Я и глорианцы. Я практически уверен, что десантный отряд удастся благополучно доставить на поверхность Глории. Глории, не Паутины. Но это будет иметь свою цену…

40. Рассвет вечности

Кто целует радость чистую,
Пощадив ее полет,
Тот увидит, как лучистое
Солнце вечности встает.

Уильям Блэйк[48]

В облачном небе кружился дозорный зинго. Существо продолжало менять форму: новая черта. Клифф нахмурился и высказал предположение:

— Изменчивая аудитория изучает нас. Плазменные глорианцы по очереди заступают в дозор.

Бет стиснула его плечо, но не ответила.

По обе стороны от них протянулся иномирский лес, полный странных и прекрасных растений; но впереди простиралась голая полоса земли шириною сотни километров. Пятьдесят с лишним жителей колонии, которой исполнился год: почти все собрались здесь понаблюдать.

Тень пала поперек небосвода. Потом облака откатились и расступились.

Под цилиндрическим зоопарком заструились

---

[48] Примечания: 48
Перевод С. Маршака.

воздушные потоки. Его озаряли желтые вспышки, порожденные торможением. Он заполнял небо зловещей тенью чернее ночного мрака.

Бет видела, как цилиндр крупнее скатанных в рулон Гавайев, включая моря, врезается в атмосферу Глории и тормозит. Темная масса. Повсюду вокруг нее пылали ярко-оранжевые плазменные гало. Колоссальная черная трубка снижалась из стратосферы, словно метафорический ангел в кольце огня.

— Красиво, — проговорил Клифф рядом с Бет.

— Им подвластны технологии, которых мы себе даже вообразить не можем, — сказала Бет. — Как, черт побери, они ухитряются тормозить материк, скатав его предварительно в трубку? Я не вижу ничего похожего на ракетные двигатели.

— А энергия торможения должна быть весьма значительна.

— Возможно, ее поставляет вся эта плазма вокруг. Что, если там много диафанов?

— Умное пилотирование, ага-ага. — Клифф приобнял Бет за талию. — Согреть тебя?

Бет приникла к нему, и маленькая девочка, обитавшая у нее внутри, завозилась, пристраиваясь поближе к очагу тепла. Небо пылало ослепительными энергиями.

Пока Бет наблюдала за происходящим с холма на краю долины, ей вспоминалась первая встреча с Клиффом — в толпе студентов, которые смотрели по трехмерке шахматный чемпионат мира. Состязание только для людей, продолжавшее привлекать парней интересного ей склада ума. Она заметила, что игрок-претендент, израильский подросток лет четырнадцати, фаворит ее группы, тратил всё отведенное на ход время, прежде чем переместить фигуру, пока парни и девушки вокруг наперебой выкликали свои варианты ходов перед экраном. «Конем шах делай!», «Атакуй слоном ладью!» — и так далее, всё как обычно. Клифф стоял на солидном удалении слева от Бет и обычно тоже использовал весь промежуток между ходами, после чего негромко предлагал свой ход — за считаные секунды до того, как игрок-претендент делал свой. И, как правило, израильский ребятенок делал именно тот ход, который полушепотом озвучивал Клифф. *Может, с этим стоит законтачиться*, подумала тогда Бет.

Теперь, несколько веков спустя, она стояла на холме и следила за невероятным зрелищем. За снижающимся материком. Клифф стал ее конем, а она — его ладьей. Они глядели, как на огненных

столпах снижается их королевство.

Эшли Траст, у которого язык был хорошо подвешен, использовал свои таланты переговорщика, чтобы предложить членов десантной команды в смотрители зверинца. Чаша дала согласие, а метанодышащим выдвинули ультиматум: отпустите народ наш. И вот явились бесчисленные виды, которым предстояло обогатить Глорию жизненными формами, вроде как утраченными тысячелетия назад.

К тому же люди-смотрители зоопарка получат бесплатно кое-какое медицинское обслуживание и технологии для новой колонии. Взаимовыгодный обмен, с точки зрения Бет. Люди, оставшиеся в Чаше, взаимодействовали с ее биотехнологическими мудрецами, пока «Искательница солнц» мчалась вперед, на Глорию. Там изобрели методики продления человеческой жизни сверх всякого более-менее привычного срока.

— Не слышу, — сказала Бет.

Клифф кивнул.

— Звук еще не достиг нас.

— Какими бы магнитными полями или супертехнологиями ни пользовалась Чаша, они должны производить шум, — сказала Бет.

— И будут. Интересно, как глорианцам удалось

освободить столько места под дар Чаши.

— У них в распоряжении технологии, которых мы еще и в действии не видали. Методики, которые, по впечатлению, старше самого человечества. Мы станем всего лишь свежайшим дополнением к биосфере, которая видела много более трудных проблем. — Этот недвусмысленный факт Бет в какой-то степени радовал.

— Я кое-что на скорую руку просчитал про Паутину, — сказал Клифф. — Прибавил все платформы, уложенные стопкой между Глорией и Честью. Она просторна, жилые зоны огромны.

— А с Чашей сравнить можно?

Их дитя прижалось к Бет, и та крепко обняла его и тепло поцеловала. *Как чудесен аромат своего отпрыска…*

Клифф некоторое время глядел вдаль.

— Ха! Их площади одного порядка.

— И обе структуры очень, очень стары.

— Наверное, в этом всё дело. Долгоживущим цивилизациям требуется много места.

— Для различных социумов? Разнесенных в пространстве далеко друг от друга.

— Чтобы ставить новые, независимые общественные эксперименты. Плюс, без сомнения, развивать новые языки. — Клифф кивнул своим

мыслям.

— Религии. Философии. Гены.

— А разве мы сами что-то подобное не практикуем? — пробормотала Бет. — Мы рассредоточились по всей Солнечной системе. Пройдет еще несколько столетий, и на Марсе можно будет гулять, играть в футбол под открытым небом. По крайней мере Земля это обещает.

— Разве можно сравнивать наши выдолбленные астероиды и купола на спутниках с Чашей или Паутиной? — Клифф указал на снижающийся зоопарк. — Эй, взгляни, вокруг него большие тучи поднимаются.

— Они не скоро развеются. — Бет помолчала. — Ты знаешь, я тут призадумалась. Мы прозвали эту систему Глорией, надеясь, что цель полета оправдает тяготы пути. И всё это время не подозревали, что система эта двойная. А что уж говорить про Паутину.

— Ага. — Клифф приобнял ее. — Нам повезло.

— И как же называть ее теперь? Как называть нашу цивилизацию?

— Не в курсе.

— Может, *нам самим* назваться Глориалью? Глориалью Великолепной.

Клифф фыркнул.

Огромный темный объект спускался с небес примерно в тысяче километров от них. Они теперь видели только одну его сторону: цилиндр коснулся планеты и стал раскручиваться. Новые оранжевые вспышки и… да, грохот.

Стук, словно бы от камней в пустой бочке, сменился раскатистым ревом. Налетела резкая ударная волна. Они повеселели.

Эшли Траст рывком проснулся. В его голове пронеслась мысль: *Во рту так мерзко, словно мелкий ночной зверек воспользовался им как отхожим местом, а потом — мавзолеем.* О да, строчка из классического старого романа, которые его заставляли читать. Разумеется, было то века назад. Автор, скорее всего, забыт, за возможным исключением этой строчки[49]. Впрочем, одинокое похмелье она описывала идеально. Итак… возвращаемся к работе.

Эшли осознал тогда важность скуки в человеческой истории — и в его личной биографии тоже.

Он сел. Открывавшийся вид Паутины ошеломлял. Вся стена переключилась в режим обзора со значительной высоты, так что стала видна полная структура. Эшли вылез из анабиоза таким

---

[49] Примечания: 49
Кингсли Эмис, *Счастливчик Джим*.

же изобретательным деловитым типом, каким ложился, но… в нем что-то изменилось. Величие проекта покорило его.

Идея — вывод — поднимается откуда-то из глубины естества.

Вот мой шанс стать лучше. Лучше как примату, сказали бы на этой странной иномирской конструкции.

Толстуха, с которой повстречался Редвинг лично и которую Эшли видел в записи, пробуждала в нем древнее влечение. Люди тратили много времени, прослеживая свои корни в прошлое на сотни тысяч лет. Эта женщина разбередила в Эшли первобытные эмоции, потому что, как он теперь понимал, людям нужен был какой-нибудь другой интеллект, чтобы… пообщаться с ним. Заключить в объятия родича — и вместе с тем отличного от себя.

Бескрайние просторы Паутины и легионы вспомогательных слябомиров обитали в растянутом моменте вечного *сейчас*. За считаные секунды о жизнях судили как о достойных или недостойных. Кто-то голодал, кто-то умирал, кто-то замерзал, пока другие грелись, кто-то дрожал, пока другие радовались, а затем эти моменты проходили. Поморгав и встряхнувшись, их но-

сители перемещались к новому *сейчас*, каждый — к своему, и так далее. Солнце катилось по изменчивому крутящемуся небу, новое постоянно сливалось с привычным.

Какое странное представление о рае.

И все его обитатели — существа, приблизительно напоминающие мышей, кошек, скот, цикад, сов, земляных червей, светлячков, пауков, золотых рыбок, но также чужаки из плоти и плазмы, изо льда и камня — участвуют в круговороте элементов, пепла, костей, дождя, камня, тумана, земли и неба. *Это расставание с эгоизмом — их дар нам. Мы вместе отправимся в путешествие на безвесельной лодке по безбрежной реке.*

Ему выпал новый шанс. Он может стать лучше. Не нужно больше шантажа, коварства, воровства исподтишка, мелких обманов. На всё это и на многое другое он пошел, чтобы раздобыть себе место в экипаже «Искательницы солнц».

Теперь можно остановиться. Пересоздать себя.

Он вылез из постели. Да, косточки поскрипывали, не без этого. Конец индульгенциям. Нужно стать лучшей версией Эшли. Эшли, с которым вместе можно, гм, учредить траст.

Землетрясение всё не останавливалось и не останавливалось. Земля под ногами Майры вы-

гибалась, вспучивалась, стонала и скрипела. Это протестующе стенали опорные подструктуры, скреплявшие Чашу воедино. По всей крутящейся конструкции прокатывались спазмы.

Майра в это время оглядывала долину внизу. Она стояла на скале, чувствуя подошвами неспокойный шорох в недрах камня. Животные ворчали, вопили, кричали, верещали. Над головой тянулась, искривляясь, нескончаемая Струя. Каким-то образом Струя перераспределяла момент импульса между Чашей и звездой-родительницей, разгонявшей всю конструкцию вперед. Майра сказала в диктофон:

— Капитан Редвинг, я подобрала старый термин, который удовлетворительно описывает происходящее. С какой-то наземной войны. Травматический шок. Это заторможенное состояние, возникающее после того, как на тебя посыпались осколки снарядов. Здесь примерно так же, но шок привносят искривления земли. Она сотрясается, стонет, скрежещет, перекатывается. Иногда — такое впечатление — вот-вот пустится в пляс.

Действительно, так и получилось. Она как раз покидала свой офис, когда дно Чаши выгнулось. Снова ощутив под собой неподвижную поверхность, Майра встала и сделала несколько шагов к

выходу. Она почти выбралась наружу, но тут нога подогнулась, и Майра приземлилась в какую-то груду обломков. Рядом с Мари Диего, своей секретаршей и помощницей в переговорах с Птицами, особенно с Бемором. Голова Мари была завалена мусором, ноги выгнуты под неестественными углами. Майра положила руку на грудь Мари, но дыхания не было. Пульса на шее прощупать не удалось. *Черт подери.*

Майра долго глядела в пространство. Наблюдала, как устаканивается мир. Потом стала ходить, чувствовать, размышлять, вздыхать, пропускать через себя восприятие смерти. Ей уже доводилось испытывать подобное. Терять подчиненных. Она научилась схватывать эту эмоцию полностью, осознавать всецело. Затем расслабляться, позволяя чувствам улечься. Но ожидая, что они накинутся опять.

А потом придется возвращаться к работе.

Лучше пока не докладывать о смерти. Еще нет. Возможно, одной погибшей не отделались.

— Капитан Редвинг, я хотела сказать, это всё равно что по острым щепкам прогуливаться.

Она помолчала, изучая небосклон. Подкрутила оптические фильтры, приглушая сияние неприкрытого солнца. Струя рябила, медленно

отслаивая спиралевидные витки. Неоновое величие над головой. Всю систему как в жерновах перебрасывало. Момент импульса перераспределялся между пылающим светилом и Чашей по оси неоново-яркой Струи.

— По моей оценке, полный оборот вокруг системы Глории займет год-другой. Народ заинтригован, они бы хотели тут задержаться, обменяться галактическими сплетнями и всё такое. Если захотите вернуться, капитан, то мы рядом, и это хорошо. Но вряд ли у вас для этого достаточные мотивы, Паутина выглядит чудесно. Поэтому я заканчиваю с дипломатическими формальностями, и мы отправляемся выпекать новых детишек. Как я вам уже писала, у меня новый партнер. Он хочет дюжину детей! Придется его каким-то образом сдерживать.

Комбинация восторженного цинизма и горьковато-сладкого романтизма: вот что побудило ее снова вляпаться в брачные отношения, да еще со свежемороженным. Но отношения сулили многое. Девчонке нужно развлекаться…

Она смотрела, как поднимаются над долиной пылевые вихри.

— Старую добрую Чашу основательно потряхивает, скажу я вам. Но, говорят Птицы, им и не

в такие передряги доводилось ее пилотировать. Простая классическая механика — так они это называют. Простая! Ха! Ну а что мы можем сделать, правда? Связь пока завершена.

Она чувствовала смуту и лицезрела ее. Единственным постоянным аспектом окружения оставались теперь изменения. Здесь и сейчас. Но Майра наслаждалась ими по полной: аромат странного, запах чужого ветра.

Вивьен стояла рядом с Редвингом, любуясь на рыкающие фейерверки и размышляя: этот серьезный мужчина — как острое копье, опаленное пламенем собственной жизни. Послышались басовые ноты громоподобной симфонии, соавтором которой за эти века Редвинг в известном смысле стал. Совместный шедевр Чаши и Глории.

Метанодышащие, предполагал Редвинг, прекратили атаку на отряд Бет потому, что им тоже стала ясна необходимость перемен. Угрозу Чаши следовало наконец нейтрализовать и в то же время сохранить в тайне их местопребывание. Поэтому после утомительных переговоров с Эшли Трастом по улучшенным каналам связи через усовершенствованные модули автоперевода они дали согласие. Команде Бет позволили остаться на Глории. Людям-смотрителям зверинца доверя-

лись также и некоторые дела метанодышащих. Возможно, потом, когда разберутся с делами зоопарка, сотворят и терраформированное запретное болотце: метановый рай, близкий к земным условиям — с видом на звезды. Такая технология вскоре будет доступна. Она умещалась в цилиндрическом зоопарке, который теперь снижался с небес. Любая политика — местная, это Бет усвоила от кого-то где-то век-другой назад.

Вивьен проговорила:

— А не беспокоит тебя, что, ну, у семи нянек дитя без глазу?

— Совсем нет. Даже метанодышащие постепенно учатся преодолевать свои глубинные страхи. Время лечит. Бет выдернула их из привычной колеи, только и всего. Они снова научатся без страха смотреть в небо.

— А странный у нас получится зверинец. Как бишь ты обозвал ту одноглазую однорогую летающую людоедскую пурпурную тварюку?

— Ну, на что она похожа, так и назвал, сил нет придумывать. По данным отчета, который пришел на прошлой неделе.

Вивьен следила на большом экране, как неспешно разворачивается дар Чаши. Сбрасывает скорость порядка тысячи километров за

секунду, сообщенную запуском с кромки Чаши: пиротехническое зрелище масштабней планет, величественней звезд.

– *Пурпурный людоед?* Это какой-то древний бог?

— Нет. Это название попсовой песенки[50]. Почти то же самое с поправкой на эпоху: несколько веков назад.

— Нам предстоит о многом заботиться, — сказала Вивьен. — Иномирский ландшафт без присмотра. Состыковать его границы с той пустыней так, чтобы за хребты не вылез, — она показала где, — кажется мне преизрядной управленческой проблемкой.

— Ага, но она не наша, — Редвинг ткнул пальцем в порхавшего поблизости зинго. — Всегда можем старшим управленцам пожаловаться.

— А та здоровская штука, про которую мы узнали, в зоопарке будет?

— Там можно расселить многих космических зверей. Зинго, кажется, знают, как их акклиматизировать. Эта культура управляла своей биосферой в течение периода, превосходящего длительность эволюции земных приматов.

---

[50] Примечания: 50

The Purple People Eater в исполнении Шеба Вули (1958).

— Насколько они крупные? По обзору похоже, что у одной из этих зверюг дыхательные трубки, через которые человек провалиться может.

Редвинг хмыкнул.

— Предвижу зарождение нового вида спорта.

Подлинным даром грибоидной сферы он считал способность проникать в подсознание — конечно, по собственной воле и при необходимости. Редвинг ненадолго позволил себе окунуться туда.

…пылающие небеса и ревущие ураганы, всю их мощь изничтожает отличный растворитель, время, смазывает острые контуры событий — некогда был он страховочными веревками привязан к ним; внезапный серьезный образ отца, много веков как мертвого, и *чем дольше папа мертв, тем умнее становится, я же сам ныне старше многих государств*, радужные разводы, как смазочное масло, на воде самого времени, он чувствует, как выскальзывает из него фраза, произносит ее полностью, осмысливает: «интересно, что за чудесные цивилизации прячутся там в вышине, среди звезд, затаившись от страха, что их переработают в шлам или что похуже?», величественное прошлое их давно украдено,

но гравитационная хватка ныне завлекает его обратно в Паутину, коли такова их воля — гравитация переменная, настраиваемая по желанию, как в лифте, но всё это грандиозное зрелище — лишь суета мотыльков среди пчелиного роя раскаленных звезд дискообразной галактики, Редвинг теряется в догадках, кто зашвырнул этот диск через стадион космологической Олимпиады и поленился замерить результат… *на карму тут ничего не спишешь…*

…и так оно продолжалось, по его желанию… Подсознание пережевывает темы, конструирует историю, отсылает ее наверх, доставляет…

Сигнал входящего сообщения вырвал Редвинга из потока внутренних мыслей.

Он слизнул с губы потекшую слюну и прислушался.

— Вы интересовались, кто в тех кораблях очередных Сорвиголов, что летят непосредственно следом за цилиндрическим зверинцем? Там представители нескольких видов — и даже Ледоразумы. Им захотелось пообщаться с глорианскими историками. В путь отправилось даже несколько каменных разумов вроде тех, на какие наткнулась группа Клиффа. Те же интересы: долговременное мышление.

От Эшли. Раздражает. И полезно. Эшли объединяет эти качества в себе.

Редвинг вздохнул, втянул носом сияющий воздух. Вынырнув из реки жизни, он готовился снова взобраться на капитанский мостик…

Заставив себя расслабиться, он насладился зрелищем конфетти ослепительных цветов по всему небу. Мерцающие гало парили вокруг мерно разрастающегося прямоугольника — зверинца. Бронзовое сияние пульсировало дрожащими волнами, каким-то образом тормозя полет объекта. Он наблюдал пурпурные дождевые полоски, похожие на прямоугольные конфетти, и вообразить себе не мог, что это такое. *Техника за гранью фантастики…*

Он вспомнил, как пролистывал свежие сводки, принятые по лазеру с Земли. На таком удалении становилось ясно, что вся история — лишь организованная система сплетен. Люди вс еще следили за видеоприключениями героев, которые сражались с великанами, рубили головы драконам, восторгались красотой единорогов и консультировались с эльфами на предмет достижения туманных целей. *А не хотите ли глянуть, что мы тут нашли?*

Новости не теряли предсказуемости. Редвинг

никогда не понимал, почему люди склонны творить себе кумиров из тех, кто только и умеет, что убедительно притворяться другими, — актеров, политиков и так далее. Этим нужны робослуги, чтобы коктейль ко рту на вечеринке поднести.

Вивьен окликнула его:

— Входящий вызов.

— Отбей. — Он не хотел прерываться.

Он совсем недавно уговорил Бемора-Прим остаться в колонии. Разговор получился нелегким. Редвинг привлек к нему оригинал, самого Бемора, а также жулика на доверии, Эшли. Выяснилось, что культурный этикет Народа велит копии выполнять приказы оригинала. Отлично. Бемор-Прим не знал этого, но ему суждено возглавить здешнее посольство Чаши. Всего лучше нанять туземцев!

Мириады деталей утрясти нужно. Импортировать ли в эту новую колонию Чаши парочку пальцезмеек? Эшли заявил, что они проходили ветеринарную медподготовку и чужакам пригодятся. Трудно судить, правда ли это. Кроме артилектов, никто не поможет выяснить.

Редвингу понадобились долгие беседы с Крутильщиками, чтобы уяснить их историю. Глориаль, как постиг он, напоминала человечество

своей приверженностью эмоциям, яростному стремлению к логике и нелинейностью языка. Древняя вражда Чаши и Глории вспыхнула оттого, что многие первоначальные виды Глории были утрачены. Как ни иронично, здесь в куда большем масштабе повторилась история бедствий человечества. Утраченных видов, некогда населявших Глорию и Честь, насчитывались сотни тысяч. Как и на Земле. Но Чаша приняла иммигрантов и тысячи лет назад стала им спасательным ковчегом.

Редвинг прижал к себе Вивьен, глядя, как раскручивается в небесах зоопарк, опускается на магнитных рессорах. Яростная энергия озаряла ландшафт, встраивавшийся на отведенное ему место. Вот он, новый заповедник. Бет и Клифф неподалеку веселились и целовались.

Вивьен тоже поцеловала Редвинга. Ее патентованная комбинация шика и поцелуя в щеку, позерства и уравновешенности.

— Любимый, как же ты успел так состариться?

— Двумя способами. Постепенно, а затем внезапно.

— Звучит мрачно.

Редвинг пожал плечами:

— Наверное. С возрастом приходит мудрость?

Быть может, лишь осторожность. Народ и глорианцы равно далеко ушли от наших охотников-собирателей эпохи палеолита. Они устранили ментальную близорукость, аналогичную нашей, если вообще страдали от нее. Потому-то и выжили, разрослись и стабилизировались.

— И как нам воспроизвести это достижение?

— Постепенно. Будем управлять глорианским зоопарком, учиться, эволюционировать во что-нибудь достойное.

— Колония человечества в… таком странном месте.

— Верно. Мы полезны, потому что примитивны. Инкреат послал того большого цветного зинго, чтобы подтолкнуть нас к этой мысли. Видишь? Мы, пышущие жизнью приматы, им нужны, чтобы установить, на свой непостижимый лад, общение с той приматкой-великаншей.

— Кажется, она достаточно дружелюбна. Как и мы, происходит от предков-древолазов, которые научились пользоваться передними конечностями в труде и передвигаться вертикально. Вроде бы всё просто!

Редвинг скептически взглянул на нее.

— Но глорианцы происходят от какой-то другой формы жизни. Они еще не открыли нам, от

какой точно.

Вивьен спросила:

— Как они устанавливают в теле базовую ментальность чужака, обитающего за сотни световых лет отсюда?

— Ее можно переслать. Синтезировать тело. Накатить разум. Не спрашивай, как. Они не расскажут. Зинго, выразитель интересов Инкреата, сейчас дополнительно подкрепляет своим присутствием слова, внезапно зазвеневшие у меня в голове: «Постичь, на какие вопросы ответа получить невозможно, *и не отвечать на них*: вот умение, наиболее полезное во времена мрачные и стрессовые». А вдруг это и есть мудрость?

Она поцеловала его. Это тоже показалось мудрым решением.

Послесловие

Сей разум-океан дарует всем
Вещам их меру в форме новых тем,
Какие должен превзойти он сам
В пути к иным мирам, иным морям.

Эндрю Марвелл

Диалог продолжается уже столетиями. Начало ему, возможно, положено в *Божественной комедии* Данте, а продолжением послужил *Создатель звезд* Олафа Стэплдона. Фримен Дайсон, вдохновясь идеями Стэплдона, рассчитал предельные допустимые размеры космического сооружения, учитывая прочность известных материалов на разрыв. *Мир-Кольцо* Нивена, как и *Орбитсвилль* Боба Шоу, являет собою часть продолжающегося исследования. Это дискуссия о продвинутых цивилизациях, которые сооружают ошеломительно огромные хабитаты с помощью правдоподобной науки и технологии. Питер Николс в 1993-м

шутливо обозвал их Большими Дебильными Объектами (Big Dumb Objects), цитируя британскую писательницу Роз Кэвени в *Энциклопедии научной фантастики*. В Википедии сейчас имеется статья, посвященная множеству подобных конструкций. Эти конструкты необязательно инертны, а дебильный аспект БДО отражает тот факт, что исследователи, пораженные масштабом объекта, чувствуют себя полными дебилами от неспособности его понять. Трилогия о Чаше Небес к ним относится, хотя мы предпочитаем называть Чашу и двойную планету Глория Большими Умными Объектами (Big Smart Objects), поскольку их устойчивость требует постоянных усилий по стабилизации. Наша трилогия, бесспорно, непоследнее слово в жанре на этот счет. Как выразился один читатель, мы стремились к «потрясающим видам, шоковым переживаниям». Именно так!

Большую трудность при миростроительстве представляет угроза его самоценности. Когда такое случается, автор предпринимает эдакие невротические попытки совладать со своим творением — полностью это, конечно, невозможно. Дело кончается тем, что заставляешь персонажей блуждать по всем придуманным местам

просто потому, что они придуманы. В старину суть университетского инфодампа можно было выразить так: «Ох-хо, клянусь Богом, я выстрадал всю эту науку, а теперь ваша очередь». Лучше не выплескивать на карту абсолютно всё. Это бессмысленно. Оставляйте неизвестность неизведанной, ее так много!

Основная причина для такой работы проста: это прикольно! Мы хватаемся за концепции друг друга и запускаем их в разные стороны. Нам лучше всего работалось, когда мы могли сесть вместе, поболтать, подумать, уложить стопкой идеи, начало которым было положено в концепции Чаши, улавливающей и рефокусирующей излучение центральной звезды. Зачем? Ну, чтобы управлять движением звезды. Для чего? Чтобы вся система, Чаша плюс ее звезда могла перемещаться по Галактике и исследовать ее. Как? Солнечное излучение, отраженное обратно на звезду, поджигает Струю, а та, вырываясь через Свищ, разгоняет всю систему: Чаша Небес следует за звездой, как животное на поводке.

Да, это хитрый фокус, и существа, которые способны придумать и осуществить его, должны быть достойны концепции. Не исключая нас, ясное дело. Мы начали с *Чаши Небес*, спустя полгода

стало ясно, что всю историю в один том не уместишь. Мы написали *Чашу Небес* и *Корабль-звезду*, чтобы проработать общество Чаши детальнее. Но мы не достигли Цели ее Полета, куда, к слову, направлялись и люди. Чтобы продолжить тему Больших Умных Объектов, мы последовали принятой ранее логике и разработали совершенно новую систему. Двойная планета, Глория-Честь, вызывает в памяти пролет [«Новых горизонтов»] мимо Плутона и Харона: те, действительно, выступают примером естественно сформировавшейся двойной системы, связанной взаимным приливным резонансом (хотя идея нам явилась раньше). Если в нашей системе такая имеется, наверняка среди звезд их еще больше.

На каждом этапе мы, пока прописывали сцены, перебрасывались идеями в творческом пинг-понге. Писательство одиночная работа, но — и это уникальное явление — научная фантастика поощряет коллаборацию; возможно, тут слышно эхо ее стержневой культуры, культуры научной деятельности, где статьи с одним автором — крайняя редкость. И наши романы рождаются из этого пинг-понга, а писательство происходит ради забавы и само ею становится. Ларри любит прописывать чужаков и их странное мышление,

как это видно и по его работам об Известном Космосе. Грегори больше по нраву дизайнерские вопросы — как работает Чаша?

А эта новая система, Глория? Мы имели о ней лишь расплывчатое представление, когда начали работу над первым романом. Очередная порция мегаинженерии! И занятная физика. Вряд ли в каком-нибудь еще жанре такое получится. А это означает, что НФ для писателей (заметьте здесь множественное число) прикольнее, к примеру, детектива.

В конце концов мы поняли, что романы наши предлагают схему, по которой могли бы функционировать подлинно долговечные общества. Мы, люди, наделены от рождения стремлением путешествовать за горизонт, открывать и покорять. Нет на Земле других видов, которые бы расселились по всем континентам и подчинили своим нуждам столь значительные территории и энергоресурсы. Возможно, и с чужаками так же. Чтобы расширить жизненное пространство, они могут заняться строительством Больших Умных Объектов, а потом перейти к другим интересным проектам. Чаша летает по Галактике, словно в туристическом круизе. В системе Глории занимаются более глубокими проблемами, например,

ищут ответы на загадку устойчивости самой Вселенной и стремятся избежать катаклизмов, сопутствующих астроинженерным мегапроектам. Вероятно ли, что именно такой образ мышления выявит в конце концов SETI у долговечных цивилизаций? Если да, то, как знать, не пригодятся ли нынешние раздумья на эту тему.

Заинтересовались? Узнайте больше.

Двойные планеты

О них тоже есть статья в Википедии.

Насколько они распространены? Ну, уже в нашей системе есть пример Плутона и Харона, значит, такие миры в обитаемой зоне Галактики наверняка обычны. Представьте себе, как будет развиваться разум, если перед ним повесят такую соблазнительную небесную игрушку?

Уже в начале 1960-х сходную картину рисовал Брайан Олдисс в *Теплице* (1962):

Многочисленные волокна переброшенных через космическую бездну канатов соединяли два эти мира. Взад-вперед по ним скользили ползуны, огромные бесчувственные растительные астронавты, вплетшие и Землю, и Луну в свою равнодушную сеть[51].

---

[51] Примечания: 51

Цитата дана в переводе А. Б. Ковжуна.

Разумные динозавры

Недавно предложен новый взгляд на родословное древо динозавров (см. Matthew G. Baron, David B. Norman, Paul M. Barrett, *A new hypothesis of dinosaur relationships and early dinosaur evolution*, Nature, **543** (2017)), и его авторы делают интересное замечание о возможности интеллекта у этих животных:

Результаты нашего исследования противоречат догмату с более чем вековой историей и выявляют неожиданную топологию эволюционного древа, требующую фундаментальной переоценки взгляда на раннюю эволюцию динозавров.

Обнаружены окаменелости уже тысячи с лишним видов динозавров, в основном между 200 млн. и 66 млн. лет до н. э. Динозавры сперва сделались владыками суши, а потом вымерли — полностью, если не считать их современных потомков, птиц. Авторы добавляют:

В суровых климатических условиях позднего триаса оптимальной стратегией могло стать всестороннее развитие. Динозавры получали преимущество: они быстро бегали, ели всё и развили хватательные конечности.

Этими преимуществами пользовались также

люди и Птиценарод Чаши. Критическим этапом человеческой эволюции стал переход к прямохождению, освободивший руки для тонкой работы с инструментами и оружием. Ученые подмечают:

Параллели с человеческой эволюцией вполне ощутимы и заставляют задуматься, чего могли бы достичь динозавры. Под конец их существования у некоторых групп, например велоцирапторов, вполне мог начать проявляться разум.

Согласно этой новой филогении, динозавры возникли примерно 247 млн. лет назад, несколько раньше прежних оценок, причем, возможно, и не в Южной Америке, где находили некоторые самые ранние образцы. Эта гипотеза согласуется с нашей *Чашей Небес*. Следует подчеркнуть, что если у динозавров и возникла цивилизация, то все следы ее были затерты динамикой тектонических плит[52]. Мы не считаем на полном серьезе, что динозавры Земли построили себе Чашу, но идея, согласитесь, прикольная, и она резонирует с нашей основной темой эволюции долговечных

[52] Примечания: 52

Это утверждение в современной палеонтологии и криптоистории известно как *силурийская гипотеза*; термин введен в 2018 г. Адамом Фрэнком и Гэвином Шмидтом, но сама концепция старше и построена как раз на идеях из НФ.

культур к мегапроектам астроинженерного характера.

Распад вакуума

На эту передовую идею квантовой космологии Бенфорд впервые наткнулся в работе своего старого приятеля Сиднея Коулмэна из Гарварда[53]. Статьи Сиднея не похожи ни на какие другие — они написаны ясным, обманчиво прозрачным языком, но предлагают глубокую трактовку. Приведем одно из его классических рассуждений из совместной с де Люччия работы в июньском номере Physical Review D 1980 года *Gravitational Effects on and of Vacuum Decay*:

Вероятность, что все мы проживаем в ложном вакууме, никогда не стимулировала к легкомысленным рассуждениям. Распад вакуума — самая грандиозная из мыслимых экологических катастроф; в новом вакууме обновятся все фундаментальные постоянные, и после распада вакуума не только жизнь, но и химия, какой мы ее знаем, будет невозможна. Однако стоическое утешение всегда можно было почерпнуть из гипотезы, что, быть может, с течением времени из новоговаку-

[53] Примечания: 53

Наиболее известной работой, посвященной проблеме распада ложного вакуума, в современной НФ можно считать роман Грега Игана *Лестница Шильда (Schild's Ladder)*.

ума оформятся структуры если не жизни, какой мы ее знаем, то, во всяком случае, жизненной формы, способной испытывать радость. Для нас эта возможность теперь исключена.

Многие пытаются рассуждать обстоятельно и в то же время шутливо; Сидней не только обладает талантом к этому — он достаточно подкован технически. Возможно, продвинутые цивилизации обеспокоятся такими угрозами — смертельной опасностью для всей Вселенной. А ведь стоило бы!

Как только произойдет сдвиг в нижележащее энергетическое состояние, пузырь станет расширяться на скорости света, преобразуя Вселенную к ее первозданному состоянию, заново разогревая, создавая раскаленную плазму элементарных частиц. Первородная космическая плазма расширится, остынет и начнет испускать фоновое излучение. Затем гравитация принудит плазму к комкованию, и тьма падет над бездною, что б то ни означало. И не останется ничего из произошедшего прежде.

Все еще интересно? Узнайте больше из статьи
https://physics.aps.org/articles/v8/108
и YouTube-видеоконференции
https://www.youtube.com/watch?v=RbrzsnYZvWM

Благодарности

Два художника помогали нам визуализировать гигантские структуры и события этого цикла из трех книг, и особенно признательны мы исключительно талантливому художнику астрономических пейзажей Дону Дэвису. Его помощь была неоценима. Бренда Кокс Хигере выполнила непревзойденные наброски зинго тонкой штриховкой. Мы также использовали собственные фото в тех случаях, когда считали, что вид у них удовлетворительно неземной. Мы признательны Элу Джексону за вдумчивые работы по теории гравитационного излучения черных дыр, включая совместную с Бенфордом статью *A Gravitational Wave Transmitter* (https://arxiv.org/abs/1806.02334).

Мы сверялись с более ранними работами, где высказаны идеи, родственные конструкции Паутины: с рассказами Стивена Бакстера *Паутинка*

(*Gossamer*)[54] и Ларри Нивена с Брендой Купер *Шпалера* (*The Trellis*), а также с романом Роберта Форварда *Мир Роша* (*Rocheworld*). Но Паутина — жилая постройка, а не просто транспортная система.

Советы по инженерии пустотелого мира нам давали Кен Рой и Роберт Кеннеди, авторы совместной с Дэвидом Филдсом статьи в Acta Astronautica **82** под названием *Shell Worlds,* где, по-видимому, впервые детально проработана эта идея. Также следует упомянуть таких советчиков, как Дэвид Боумен, Б. Дерк Брюинс, Дуэйн Дэй, Г. Кейт Хенсон, Эрик Хьюз, Лэс Джонсон, Майкл Р. Джонсон, Грег Мэтлофф, Амарак Панья, Джон Уортон, Марта Ноулз и Дэвид Вулси. Наши миры-пустотелы, конечно, отличаются некоторыми особенностями физической конструкции, ведь Глория — скорее мир-изолятор, один из компонентов двойной планеты.

Наша великолепная литагент Элинор Вуд заслуживает отдельной признательности, как и Боб Глисон, который взял на себя оставшуюся ре-

---

[54] Примечания: 54

В оригинале — *Goose Summer* (букв. *Гусиное лето*), что не имеет никакого смысла и является, вероятно, продуктом бесконтрольной автопроверки орфографии. Исправлено по смыслу. Рассказ, в отличие от двух других упомянутых в этой фразе произведений, доступен на русском.

дактуру после трагической смерти изначального редактора Дэвида Хартвелла.

Благодарим рецензентов, высказавших конструктивные замечания при чтении рукописей: Дэйва Трюсдейла, Роба Джексона, Бренду Кокс Гигер, Джеймса Бенфорда и редактора Роберта Дэвиса. Мы им всем очень признательны за помощь.

У нас ушел десяток лет на этот проект, и мы получили большое удовольствие. Надеемся, что и читателям понравилось.

Пора ввернуть автобиографическую нотку. Грегори Бенфорд, быть может, первоначально решил сделать разумных чужаков пернатыми по той причине, что подростком в южной Алабаме, недалеко от Фэйрхоупа, на ферме бабушки и дедушки у Фиш-Ривер, сталкивался с ними. Нижеследующее фото представляет Грегори и его брата-близнеца Джеймса в возрасте примерно пяти лет. Им противостоят куры, домогающиеся сухих кукурузных початков. Куры проявили интерес сразу же, как ребята начали очищать зерна от шелухи. Пришлось отбиваться от птиц, чтобы те не похитили кукурузу. Ранний опыт оставил неизгладимое впечатление! Но, конечно, Бенфорды тогда и понятия не имели, что перед

ними потомки динозавров…